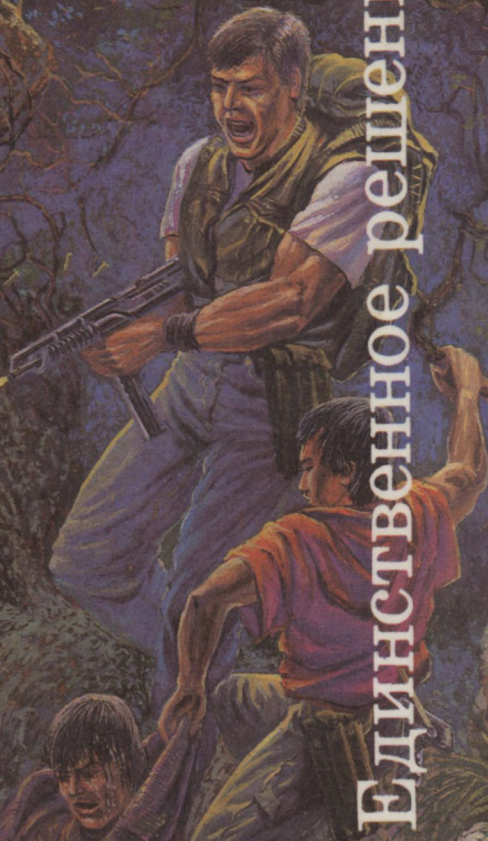

ЭРИК ФРЭНК
РАССЕЛ

ЭРИК ФРЭНК

РАССЕЛ

Единственное решение

ЭРИК ФРЭНК
РАССЕЛ

Единственное решение

ЭРИК ФРЭНК
РАССЕЛ

И слышался
голос

И не осталось
никого

Пробный
камень

Ниточка к
сердцу

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

Рассел Э. Ф.

Р24 Единственное решение: Повести, рассказы/
Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 423 с.
ISBN 5-8352-0109-5

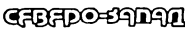
Эрик Фрэнк Рассел (1905—1978) — известный английский писатель-фантаст уже знаком читателям по книге „Зловещий барьер“, вышедшей недавно в издательстве „Северо-Запад“.

Настоящая книга „Единственное решение“ является своего рода вторым томом, в котором собраны повести и рассказы этого прекрасного писателя. Вновь читателя ждут встречи с чужими, порой враждебными мирами, удивительные приключения в других Галактиках, мужество и отвага героев Рассела.

Издание сопровождается аннотированный каталог книг
серии „Научная фантастика“
издательства „Северо-Запад“.

*Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом
запрещена. Всякое коммерческое использование данного
произведения возможно исключительно с ведома издателя.*

- © Борозенец П., иллюстрации, 1993
- © Издательство «Северо-Запад», составление, подготовка текста и оформление, 1993

® Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0109-5

ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Он был один во тьме — и никого больше. Ни голоса, ни шепота. Ни прикосновения руки. Ни тепла другого сердца.

Кромешный мрак. Одиночество.

Навечное заточение во тьму, молчание и безучастность. Кара. Тюремь без приговора. Наказание без преступления.

И нет надежды на помощь и спасение извне. Нет жалости или симпатии в другой душе, в другом сердце. Нет дверей, которые можно было бы отворить, нет замков, которые можно было бы отпереть, нет запоров, которые можно было сорвать. Лишь мрачная, траурная ночь, в которой ищи не ищи — не найдешь ничего.

Взмахни направо — и уткнешься в ничто. Взмахни налево — и встретишь пустоту, полную и абсолютную. Ступи во тьму, словно слепец, и не будет ни пола, ни стен, ни эха шагов; ничего, способного указать путь.

Лишь одно он воспринимал — себя.

А раз единственные доступные средства и силы лежали внутри, значит, он сам должен стать инструментом своего спасения.

Как?

Всякая задача имеет решение. Этим постулатом живет наука. Он был настоящим ученым и потому не мог не принять вызова своим способностям. Пытками ему служили скука, одиночество, духовная и физическая стерильность. Их невозможно терпеть. Простейший выход — воображение. И, сидя в смиренной рубашке, можно вырваться из материальной западни в мир собственных фантазий.

Но фантазий недостаточно. Они нереальны и слишком быстротечны. Свобода должна быть перманентной и истинной. Значит, он должен превратить мечтания в строгую реальность, настолько яркую и достоверную, чтобы она существовала и самопродлевалась.

И так он сидел в великой тьме и бился над задачей. Часов не было, и не было календаря, чтобы отметить длительность мысли. Не было ничего, кроме ожесточенной работы мозга. И одного тезиса: всякая задача имеет решение.

Решение нашлось случайно и сулило спасение от вечной ночи. Оно обещало друзей, приключения, веселье, тепло, любовь, звуки голосов, прикосновения рук.

План никак нельзя было назвать элементарным. Напротив, он был невообразимо сложен. Иначе — быстрое возвращение в тишину, молчание, в горький мрак.

Адская работа. Нужно продумать миллион аспекторов и проанализировать влияние друг на друга всех побочных эффектов. А потом предстояло справиться еще с одним миллионом, и еще, и еще...

Он создал обширнейшую грезу, мечтание неизмеримой сложности, конкретное и воплотимое до последней точки и запятой. И там он снова будет жить. Но не как прежняя личность — он собирался рассеяться на бесчисленные части, на великое множество форм и проявлений, каждое из которых должно будет бороться со своей конкретной средой. И он обострит и ожесточит борьбу до предела, наделяя свои формы невежеством, но давая способности, заставляя всему учиться заново. Он посеет вражду между ними и утвердит правила игры. Тех, кто соблюдает правила, назовут хорошими. Остальных — плохими. И будут бесконечные мелкие конфликты внутри одного большого.

Наступила пора перестать быть личностью как целое, а разделиться и воплотиться в бесчисленные частицы бытия. Тогда эти частицы смогут стремиться к единению и целостности. Но сперва из фантазии нужно сделать реальность.

Время настало. Эксперимент должен начаться.

Наклонившись вперед, он устремил взгляд во тьму и произнес:

— Да будет свет.

И стал свет.

И слышался
ГОЛОС

Они выбрались из маленькой обшарпанной космошлюпки кто как сумел: одни выползли, другие вышли, а некоторые даже выпрыгнули. Их было девять. Космошлюпка была рассчитана на двадцать мест, но покинуло ее только девять пассажиров, и еще двое остались внутри.

Стеной, уходящей в небо, со всех сторон их окружали непроходимые джунгли чужой и, скорее всего, враждебной человеку планеты. В вышине пылало пронзительно-голубое солнце; в его свете лица людей казались мертвенно-бледными, и оно вынуждало их смотреть на мир сквозь щелки между почти сомкнутыми веками. Плотный воздух был насыщен запахами растений с легкой примесью какого-то смрада. Погрузившись в зловещее раздумье, джунгли безмолвно ждали, ждали, ждали...

Как само собой разумеющееся, обязанности командира взял на себя старший помощник капитана космолета Эликс Саймс. Никто не стал оспаривать его право на руководство отрядом. Высокий, седой, немногословный, он был старшим по рангу. Впрочем, едва ли ранг чего-то стоил при таких критических обстоятельствах, а если б и стоил, то быстро бы обесценился.

Повернувшись лицом к остальным, он сказал:

— Насколько я могу судить, мы с вами находимся на Вальмии, шестой планете системы ЗМ17.— Пришурившись, он быстро взглянул на пламенеющее в небе светило.— Однако не думайте, что нам повезло. В космосе есть множество планет лучше этой.

— Мы живы,— подал голос Макс Кесслер, командир третьей вахты.— А это уже кое-что.

— Главное сейчас — выжить,— возразил Саймс.— А это уже нечто иное.— Он внимательно оглядел каждого, изучая, оценивая.— На Вальмии есть спасательная станция под защитным куполом. На сороковой параллели. Доберемся до нее — уцелеем. Это наша единственная надежда.— Он подождал, пока его слова дойдут до остальных, и добавил: — Полагаю, что идти нам до нее тысяча семьсот — две тысячи миль.

— Если, скажем, делать сорок миль в день,— рискнул

высказаться Кесслер,— то получается пятьдесят дней. Справимся.

— Зорек милев! — эхом отозвалась миссис Михалич, и ее широкое, пухлое лицо покраснело от волнения. Она ощупью нашла руку мужа и вцепилась в нее.— Григор, в наз не ездъ зила деладь зорек милев.

Коренастый и пухлолицый, как она, Григор ласково похлопал ее по руке.

— Лучше взего шдадь и змодредь, как будед.

Разглядывая эту пару, Билл Молит пришел к выводу, что судьба могла бы да и должна была распорядиться поумнее. По его убеждению, в выборе тех, кому удалось спастись после катастрофы, случай сыграл неизмеримо большую роль, чем справедливость. Слишком уж много погибло настоящих людей, когда метеорит вмазал в „Стар Куин“, расколов корабль, как орех. Адский грохот, раздирающий уши свист улетучившегося воздуха — и их вмиг не стало: Эйнсворта, Олкока, Бэнкаса, Балмера, Блэндела, Касартелли, Кейза, Корригэна; замечательные люди отправились к праотцам.

А взгляните-ка на этот сброд, который уцелел. Из всех спасшихся чего-то стоили только трое. Или четверо, если считать Фини, ирландского терьера покойного капитана Риджуэя. Он, Билл Молит, помощник инженера первой вахты, двести фунтов мускулов, покрытых густой вязью татуировки, оказался в числе тех, кто выжил. И еще Саймс и Кесслер, оба отличные парни, настоящие люди, белые, грамотные, отменные специалисты.

Что касается остальных, то в космосе сейчас плыли раздувшиеся безжизненные тела людей, в тысячу раз более достойных, чем эта шушера. Взять, к примеру, Михаличей. Приземистые, близорукие, бестолковые. Всего-навсего простые земледельцы. Старые, уродливые, с какого боку ни глянь — полные ничтожества. Даже не умеют по-английски правильно говорить.

Еще в первый день полета он повстречался в коридоре с миссис Михалич, и она, испуганная раздавшимся вдруг жужжанием и глухим постукиванием, обеспокоенно спросила:

— Эда шдо дакой?

— Эда,— ответил ей Молит с презрением, которое она по своей тупости не заметила,— водяные назозы, кодорый кашаед вода.

— Ах, вод шдо,— с каким-то идиотским облегчением сказала она.— Ошен благодарю.

— Не здоид благодарнозд,— фыркнул он.

Парочка избранных, выхваченных из пучины смерти, ни за что ни про что получивших право на жизнь, в котором было отказано другим. Уж как-нибудь Вселенная обошлась бы без них. А теперь они станут немалым бременем в предстоящем долгом путешествии — о них ведь придется заботиться, нести за них ответственность, тогда как любые два члена погибшего экипажа космолета стали бы теперь подспорьем.

А вот еще один, кому посчастливилось остаться в живых: рабочий машинного отделения Гэннибэл Пейтон, долговязый негр с удивительно мягким голосом. Единственный черномазый на борту космолета. Он-то спасся, а более достойные люди навсегда вычеркнуты из жизни. И в этом Молиту тоже виделась какая-то необъяснимая несправедливость.

Такое же чувство вызывала желтолицая обезьяна по прозвищу Малыш Ку. Худое, как дистрофик, существо с поразительно тощими конечностями — до катастрофы он выполнял разного рода черную работу в офицерской столовой. Неизменно вежливый субъект, большезубый, с раскосыми глазами-щелочками, молчаливый как пень, открывавший рот только тогда, когда к нему обращались. Невозмутимый и скрытный. Никто не знал его настоящего имени. Возможно, его звали Квок Синг или как-нибудь похоже. Но для всех он всегда был Малышом Ку.

И последний — пассажир с Земли Сэмми Файнстоун, моложавый, смуглый, черноволосый, крикливо одетый, по слухам — преуспевающий торговец редкими драгоценными камнями. В представлении Билла Молита — один из тех, кто не марает себе руки честным трудом. Когда произошла эта катастрофа, уж Сэмми, надо думать, первым оказался в спасательной шлюпке и занял самое безопасное место, жадно стиснув в своих загребуших лапах мешок с бриллиантами.

Тем временем Саймс продолжал говорить:

— О Вальмии у меня очень смутное представление, и едва ли мне удастся вспомнить что-нибудь существенное. А сведения о ней почерпнуть нам неоткуда.— В его взгляде, устремленном на них, не было ни тени надежды.— Может, волею случая, среди вас найдется человек, знающий об этой планете больше, чем я?

Все угрюмо молчали, один Молит пробурчал:

— Только слышал, что такая существует.

— Ну что ж.— Саймс нахмурился.— Мне лично

помнится, что здесь, как я говорил вам, есть спасательная станция, да еще то, что эта планета никогда не предназначалась для заселения людьми. Отсюда следует, что условия на ней признаны непригодными для жизни человека.

— Вы не помните, почему? — спросил Кесслер.

— К сожалению, нет. Полагаю, причины тут обычные: опасные для человека формы жизни, несъедобные или даже ядовитые плоды, ягоды, корни, состав атмосферы, которая быстро или постепенно убивает человека, солнечное излучение, воздействующее на него таким же образом.

— А вы не знаете, на Вальмии действует один из перечисленных вами факторов или все скопом?

— Нет, не знаю, — помрачнев, ответил Саймс. — Впрочем, если не ошибаюсь, над спасательной станцией возведен воздухонепроницаемый купол, а это уже говорит само за себя. Ведь на трудности и расходы, связанные с сооружением защитного купола, идут лишь в том случае, если без этого человек жить не может.

— Вы пытаетесь дать нам понять, — произнес Кесслер, поймав взгляд Саймса, — что времени в нашем распоряжении немного, так?

— Да.

— И неизвестно, сколько нам осталось жить — недели, дни или часы?

— Да. — Саймс наморщил лоб, отыскивая в дальних закоулках памяти необходимую сейчас информацию; он раньше и не предполагал, что она ему когда-нибудь понадобится. — Здесь вроде бы что-то неладно с атмосферой, но так ли это — не уверен.

— На запах и на вкус — воздух как воздух, — сделал глубокий вдох, заметил Билл Молит. — Вот только густоват, душно здесь, но это же чепуха, не повод для беспокойства.

— Так не определяют состав воздуха, — сказал Саймс. — То, чем мы дышим, может убить через полгода, а то и раньше.

— Стало быть, чем скорей мы выберемся отсюда, тем лучше, — сказал Сэмми Файнстоун.

— Это относится ко всем! — взвился Молит, метнув в сторону Сэмми взгляд, полный глубокой неприязни.

— Он сказал „мы“, а не „я“, — уточнила миссис Михалич.

— Ну и шдо? — Молит и ее одарил таким же взглядом.

— Замолчите! — раздраженно потребовал Саймс.— Вот окажемся в безопасном месте, тогда ссорьтесь. А до тех пор у нас есть к чему приложить свою энергию — и с большей пользой.— Он указал на космошлюпку.— Прежде всего мы должны вынести оттуда двух покойников и похоронить их честь по чести.

Все умолкли. Макс Кесслер и Гэннибэл Пейтон вошли в шлюпку, вынесли тела погибших и положили на ковер фиолетового мха. Когда за пять секунд до того, как шлюпка оторвалась от обломка корпуса корабля и ушла в космос, Кесслер втащил их в тамбур, им уже ничем нельзя было помочь. Теперь они лежали на мху чужой планеты, и с неба на них злобно пялилось огромное голубое солнце, придавая их коже жуткий зеленоватый оттенок.

В числе немногих имевшихся на космошлюпке аварийных инструментов была лопата. Сменяя друг друга, они вырыли две могилы в темно-красной почве, которая пахла старым проржавевшим железом. Потом опустили тела в эти ямы, ставшие местом их последнего упокоения; Малыш Ку с непроницаемым лицом наблюдал за происходящим, а миссис Михалич громко сморкалась.

Держа в руке фуражку с глянцевым козырьком, Саймс поднял взгляд к пламенеющему небу и произнес:

— Флеерти был католик. Когда он скончался, рядом с ним не было священника. Господь, ведь ты не осудишь его за это, правда? Тут нет его вины.

Он умолк, смущенный своей ролью и громкими неудержимыми всхлипываниями миссис Михалич. Однако взгляд его по-прежнему был обращен к небу.

— Что касается Мадоча, то он был неверующий и не скрывал этого. Но человек он был хороший, такой же, как Флеерти. Они оба были честные, порядочные люди. Господь, прости им те незначительные прегрешения, которые могут умалить их достоинства, и даруй им отдохновение в последней гавани добрых моряков.

Мистер Михалич пытался успокоить жену, похлопывая ее по плечу и приговаривая:

— Ну, мамушка, ну, полно тебе.

Помолчав немного, Саймс произнес:

— Аминь! — и надел фуражку.

— Аминь! — тихо повторили остальные.

— Аминь! — пролепетал Малыш Ку с видом человека, который из всех сил старается вести себя уместно и пристойно.

Фини обнюхал могилы, по очереди подошел к каждому из безмолвно стоявших вокруг них людей и тоскливо завыл.

Снаряжение космошлюпки было непоправимо скудным. Впрочем, винить в этом было некого. В момент катастрофы суденышко как раз проходило еженедельную ревизию. Когда корпус „Стар Куин“ раскололся от удара, большая часть инвентаря, входившего в обязательное снаряжение космошлюпки, лежала в коридоре корабля. Даже контейнеры с топливом не успели дозаправить.

Ни масок. Ни баллонов с кислородом. Ни портативного лучевого оружия. Один карманный компас, да и тот с разбитой шкалой. Радиопередатчик, не работавший из-за какой-то загадочной неисправности, которую в два счета ликвидировал бы Томсон, не плыви его труп вместе с остальными в космосе. Три автоматических пистолета, коробка с зарядами, солидный аварийный запас продовольствия, несколько металлических инструментов — среди них полдюжины тяжелых, острых, как бритва, мачете. И ничего больше.

Саймс надел пояс с пристегнутым к нему пистолетом и сказал:

— Себе я беру это оружие и компас. Мы пойдем цепочкой — я впереди, а вы, по одному, следом за мной. — Его взгляд остановился на Кесслере. — Если в пути нас подстерегает какая-нибудь опасность, первый удар я возьму на себя. И не исключено, что при этом погибну. Тогда, Макс, руководство нашим отрядом перейдет к тебе. — Он бросил ему автомат. — Держи. А пока пойдешь последним и будешь охранять нас с тыла.

Саймс внимательно оглядел остальных, прикидывая, кому отдать третий пистолет. Молит с его на редкость могучим телосложением нуждался в нем меньше всех — и мачете могло стать в его руках грозным оружием. На ту же мысль наводило черное тело Пейтона с великолепно развитой мускулатурой. Что до Михаличей, то если они и умеют стрелять из пистолета, едва ли в острой ситуации возьмут точный прицел. А Фини, даже если б захотел, не мог пустить в ход оружие.

Оставались Сэмми Файнстоун и Малыш Ку. Последний был ростом поменьше и, как член экипажа, наверняка обучен обращению с огнестрельным оружием. Малыш Ку при случае смекнет, куда нацелить дуло перед тем, как спустить курок. Третий автомат Саймс отдал Малышу Ку.

— Остальным — взять эти палаши, — приказал он, кивнув в сторону мачете. — Поделите между собой провиант с таким расчетом, чтобы на долю каждого пришлось столько, сколько по силам нести. Наполните фляги водой из резервуара космошлюпки. И в путь.

Они сделали все, что им было велено, каждый вскинул на спину свою ношу, с тревогой поглядывая на поджидавшие их джунгли и в душе протестуя против необходимости покинуть убежище, которым стала для них космошлюпка. Всю эту ужасную неделю небольшой металлический цилиндр был для них домом, созданной человеком крепостью, которая защищала их от космоса, столь внезапно обрушившего на них свой гнев. Им казалось черной неблагодарностью покинуть ее, обречь на медленную гибель.

Поняв их чувства, поскольку сам он в какой-то степени разделял их, Саймс сказал:

— Если мы доберемся до спасательной станции, они пошлют сюда вертолет с запасом горючего и приведут суденышко в порядок. Оно слишком дорого стоит, чтобы бросить его здесь на съедение ржавчине.

Это их немного успокоило. Они тронулись с места, и держа путь на север, зашагали по неизвестно кем или чем проложенной тропинке шириной в ярд. Саймс с автоматом в руке возглавлял шествие. За ним следовали Гэннибэл Пейтон и Фини. Потом один за другим шли Малыш Ку, чета Михаличей, Сэмми Файнстоун, Билл Молит и Макс Кесслер.

Со всех сторон их теперь окружали джунгли — безудержный разгул красок с преобладанием темно-зеленого цвета, местами почти черного. Растительность защищала их от свирепого голубого солнца, однако кое-где оно проникало сквозь редкие просветы между ветвями, разрезая гущу листвы сверкающими столбами света, как лучами прожекторов.

Они прошли мило, спотыкаясь о корни деревьев и путаясь в стеблях ползучих растений, сворачивая вместе с тропинкой то вправо, то влево, рассекая мачете перекинутые через нее плети лиан, похожие на толстые веревки. Иногда куски их, извиваясь, уползали прочь, как обрубки червей.

Цепочка людей вдруг остановилась, и Саймс, обернувшись назад, крикнул:

— Берегитесь этой цветущей орхидеи — она чуть было не укусила меня!

Они побрели дальше. Тропинка резко сворачивала влево, и на самом ее изгибе стояло гигантское растение, все в малиновых раструбах огромных цветов. Молит видел, с каким ужасом, стараясь держаться от него подальше, обходит куст миссис Михалич. Глаза ее были широко раскрыты, очки в металлической оправе сползли на нос. Муж подбадривал ее, хоть и волновался не меньше.

— Уше взе, мамушка. Не нушна зебя безбокоидь. Ды уше броходишь.

— Я безбокойзя за дебя, Григор. Иди быздро!

Григор, как и она, бочком обошел куст; ни на секунду не спуская с него глаз и двигаясь на возможно большем от него расстоянии, но с таким расчетом, чтобы не подставить себя под удар сзади.

Сэмми Файнстоун осторожно приблизился к повороту, замедлил шаг и, рванувшись, одним отчаянным скачком обогнул куст.

Презрительно фыркнув, Молит поднял руку с готовым к удару мачете и пружинистой походкой направился к кусту. Теперь он видел, что несколько малиновых раструбов, напрягая стебли, с жадностью тянутся к тропинке. Один цветок, срубленный ножом Пейтона в тот миг, когда он попытался напасть на Саймса, лежал на земле.

Молит поравнялся с кустом, остановился почти в пределах досягаемости и тем самым побудил растение к действию. К нему тотчас же рванулся один из цветораструбов. Глазам Молита на мгновение открылась обширная малиновая утроба, усеянная несметным количеством тонких игл, а в следующую секунду сверкнуло его мачете и снесло цветок со стебля. Падая, он как-то жутко всхлипнул.

Кесслер, который шел следом за Молитом, сухо сказал:

— На твоём месте я б не стал этого делать.

— Но почему? Я же не разбазариваю патроны.

— Зато ты разбазариваешь свои силы и энергию нервных клеток.

— Скажи это Сэмми. Видел, как он шпарил мимо куста? Точно трусивший заяц, ей-богу! — Молит захохотал и разрубил на части кусок стебля, который извивался на тропинке, то свертываясь в кольца, то распрямляясь. — У Сэмми одна забота — благополучие сыночка миссис Файнстоун, да еще его мешок с бриллиантами.

Ускорив шаг, Молит увидел впереди того, о ком они только что говорили. Сэмми поджидал их у следующего поворота тропинки, в его темных глазах была тревога.

— Мне вдруг показалось, будто что-то случилось.

— И ты развил бешеную деятельность,— ехидно заметил Молит.

— Я как раз собирался вернуться и посмотреть, в чем дело, но тут услышал ваши голоса.

— У тебя часом не горели уши? — осклабясь, спросил Молит.

— Нет.— На лице Сэмми отразилось недоумение.— А должны были?

— Вообще-то могли. Мы тут животики надорвали, вспоминая, как ты шустро проколесил мимо этого...

Где-то впереди, довольно далеко от них, прозвучал сердитый голос Саймса:

— Вы что там?

— Идем! — крикнул Кесслер.

И они молча пошли дальше.

Смерть посетила их ночью, когда голубое солнце уступило место трем карликовым лунам, за одной из которых тянулся обрывок тумана, точно крадущийся во мраке бледный призрак, закутанный в тончайшую полупрозрачную ткань. Звезды казались болезненно искаженными на небе, которое не желало чернеть и упрямо хранило слабые следы опустившегося за горизонт пылающего шара.

Девять путников разожгли костер на небольшой поляне. Семеро уселись вокруг него, а двое остались стоять, бдительно следя в полумраке за тем, что происходит вокруг. Фини безуспешно пытался заснуть, клал голову на лапы, часто моргая, смотрел на пламя костра, задремывал, но не проходило и минуты, как он вскакивал, настороженно наострив уши. Беспокойство собаки передавалось людям, у которых и без того было тревожно на душе.

Настроение у всех было подавленное. По приблизительно подсчету за день они прошли миль восемь—десять. А с учетом многочисленных поворотов тропинки, которая редко шла по прямой свыше ста ярдов, они продвинулись к северу не более чем на пять—шесть миль. При такой скорости им понадобится около года, чтобы добраться до сороковой параллели.

К тому же у них не было уверенности, что с помощью карманного компаса и полагаясь на память одного-

единственного человека, они окажутся тогда вблизи спасательной станции. В противном случае им еще долго придется мерить шагами саму параллель, при том условии, естественно, что, выйдя на нее, они будут знать, где находятся.

Вот если б в космошлюпке было чуть больше горячего, ну, скажем, чтобы его хватило на один орбитальный облет планеты. Или если б радиопередатчик продолжал работать после посадки и посылал в эфир сигнал бедствия до тех пор, пока по этому сигналу их местоположение не запеленгует спасательная станция. Если б только вместе с ними спасся Томсон или один из младших радистов, который сумел бы починить передатчик, что дало бы им возможность остаться возле космошлюпки, пока за ними не прилетят со станции...

Из этих „если бы“ складывался длинный наводящий тоску перечень. В романах иногда пишут о людях, которые знают все. На самом же деле таких людей не больно-то много, а то и совсем нет. Первокласный инженер мало что знает об астронавигации или не знает ровным счетом ничего; опытный офицер космфлота слабо разбирается в радиотехнике либо вообще в ней не смыслит. Каждый должен выжать все возможности из того, чем располагает. На большее человек не способен.

А чем, спрашивается, располагает Гэннибэл Пейтон, кроме большого толстогубого рта для пожирания драгоценных продуктов? Чем располагают эти Михаличи, кроме усталых натруженных ног, из-за которых все они вынуждены идти медленнее? Какая польза от Сэмми и Малыша Ку? Да ведь у них нет ни крупицы знаний, которые помогли бы найти выход из положения, ничего, кроме желания, чтобы их заботливо привели за ручку в безопасное место, если такое вообще возможно.

Билл Молит, лежа на боку, прокручивал в мозгу эти невеселые мысли и ждал, когда наконец заснет, а сон все не приходил. В свете костра видна была полуголая танцовщица, витатуированная на его волосатой руке. Поиграв мускулами, он заставил ее разок-другой соблазнительно вильнуть бедрами. Пальцы его вытянутой руки почти касались лежащего рядом острого блестящего мачете.

Справа от него иногда вспыхивали два маленьких красных шарика — это то открывал, то закрывал глаза Фини. А по ту сторону костра Молит видел развалившихся на земле в нелепых позах Михаличей: веки

сомкнуты, рты разинуты. Если б не потрескивание и шипение огня, он наверняка услышал бы, как они храпят. „Точно свиньи,— подумал он,— которые вперевалку топают по двору в надежде набрести на корыто с отбросами“.

Из полумрака вынырнул Кесслер, неслышно ступая, подошел к костру и подбросил в него хворост и две гнилые ветки. Сырое дерево зашипело, затрещало, и во все стороны полетели искры. А Кесслер вернулся на свой сторожевой пост в тени деревьев. Время все ползло да ползло, и две луны теперь стояли низко над горизонтом, а третья лениво тянула полупрозрачный шлейф через зенит.

Из чащи доносился непонятный шорох и шелест. Слабый, но едкий запах, просачивающийся из джунглей на поляну, усилился, когда едва слышные звуки приблизились. Этот запах чем-то напоминал тяжелый дух, который исходит от коз, распарившихся на летнем солнце. Похрустывание и шуршание слышались совсем близко, те же звуки, удаляясь, доносились со значительного расстояния, и это наводило на мысль, что производит их нечто невероятно длинное.

Ненадолго все стихло, только потрескивали, выплевывая искры, горящие ветки, да иногда, словно чуя недоброе, скулил Фини.

Из полумрака украдкой нацелились на поляну органы внезрительного восприятия, обследовали ее, костер, спящих и тех, кто бодрствовал на сторожевой вахте. Существо, затаившееся в тени, приняло решение.

Стремительный бросок вперед, треск попавшейся на пути ветки и примятого к земле кустарника, отчаянный вопль Кесслера и резкий щелчок выстрела. Начиная от края поляны на протяжении трехсот ярдов в глубь чащи закачались деревья и полег измолоченный подлесок.

Только обнаружив, что он, ошеломленный, уже стоит и держит в руке мачете, Молит понял, что ему в конце концов удалось заснуть. Он вспомнил, как, вздрогнув, внезапно проснулся от того, что кто-то криком подал сигнал тревоги и выстрелил. А мгновение спустя над ним пролетело гибкое черное тело со стиснутым в кулаке ножом. Это бросился в бой Пейтон.

Молит прыгнул вслед за ним туда, где в джунглях шла борьба, даже не посмотрев, что делают другие. Пистолет продолжал стрелять, озаряя тьму неяркими

бледно-желтыми вспышками света. Вдруг в ночи раздался какой-то хриплый кашель, треск ломаемых веток и шелест осыпающихся листьев.

И тут, словно в кошмарном сне, Молит заметил стоящего рядом Саймса, который держал факел из пылающего хвороста. В зыбком свете они увидели свернувшееся кольцами чудовище толщиной фута в четыре, которое быстро скользило назад, в темноту. Омерзительно извиваясь, эта живая спираль тащила за собой массивную безглазую голову, отдаленно напоминавшую усеянную бородавками тыкву. Из небольших отверстий и резаных ран на голове сочилась молочно-белая жидкость.

В нескольких шагах от них, нагнувшись над неподвижным телом Пейтона и изрыгая проклятия, стоял Кесслер. Он подхватил тело под мышки, Молит взял его за ноги, они отнесли Пейтона на поляну и положили около костра, Саймс опустился рядом с ним на колени и принялся его осматривать.

— Эта тварь потихоньку подкралась и схватила меня,— размахивая автоматом, рассказывал Кесслер, еще не оправившийся от потрясения.— Когда она потащила меня в джунгли, я закричал и выстрелил в упор в ее отвратительную голову. Гэнни перепрыгнул через костер и спящих и, как безумный, набросился на чудовище. Он попытался отсечь ему голову. Тогда оно отпустило меня, обвилось вокруг Гэнни, проволокло его ярдов двадцать и бросило. Я выстрелил еще два раза, прямо в его морду, но, видно, это мало что дало...— Он вытер лоб, но на нем тут же выступили свежие бусинки пота.— Если б не Гэнни, я сейчас был бы уже у него в брюхе и в миле отсюда.

Миссис Михалич начала перевязывать глубокую рваную рану на правой руке Пейтона. Где она раздобыла бинт, осталось загадкой. Во всяком случае не в походной аптечке. Вероятно, она оторвала полоску ткани от своего нижнего белья. Миссис Михалич раскачивалась взад-вперед и что-то тихонько напевала распростертому перед ней черному телу, без чьей-либо просьбы делая то, что посчитала нужным.

Саймс осторожно тронул ее за плечо и сказал:

— Очень сожалею, но вы тратите время впустую. Он мертв. Насколько могу судить, у него перелом шейных позвонков.

Она медленно поднялась на ноги, посмотрела на него, потом перевела взгляд на тело Пейтона. В ее глазах

за толстыми стеклами очков сперва отразилось недоверие, потом из них вдруг хлынули слезы. Она попыталась совладать с собой, но не смогла. Тогда она сняла очки и стала молча вытирать глаза. Саймс взял ее за руку и отвел от мертвого. Наблюдавший за ними Молит повернулся к Кесслеру.

— Удачно же ты вывернулся, а?

— Удача тут ни при чем,— буркнул Кесслер.

Он достал лопату и принялся рыть яму под высоким деревом.

Они обыскали Гэннибэла Пейтона, чтобы узнать имя и место жительства ближайших родственников, потом похоронили его. Кесслер сделал грубый деревянный крест и установил на могиле. Саймс, стоя навывтяжку, с фуражкой в руке, попросил небо принять душу одного из своих сыновей.

— Аминь! — гаркнул Молит.

— Аминь,— эхом повторил за ним Малыш Ку.

И все остальные.

Миссис Михалич снова заплакала.

На следующий день их тропинка начала отклоняться к западу. Они вынуждены были свернуть на другую, которая вела севернее. Немного погода тропинка стала пошире, и они зашагали быстрее. Подавленные трагедией минувшей ночи, все держались ближе друг к другу и шли в том же порядке, что и накануне, только Фини бежал сегодня впереди, рядом с Саймсом.

Тропа медленно, но упрямо поднималась в гору. Джунгли вокруг были такие же непроходимые и грозные, но уменьшилось количество раскидистых деревьев. Просветы в листве стали шире и попадались все чаще, и на освещенных участках тропы жгучие лучи голубого солнца обдавали людей нестерпимым жаром. От пота у них слиплись волосы, взмокли спины. Становилось душно; казалось, будто с подъемом воздух уплотняется, а не разрежается, как того следовало бы ожидать.

Незадолго до полудня миссис Михалич отказалась идти дальше. Она опустила на ствол упавшего дерева, лицо ее выражало тупую покорность судьбе, стекла очков запотели.

— Мои ноги.

— Болесть двои ноги, мамушка? — обеспокоенно спросил Григор.

— Мои ноги конец.— Она сбросила туфли и глубоко вздохнула.— Ходить больше не можно.

Тут подошел замыкавший шествие Кесслер и вернулся назад Саймс. Все столпились вокруг миссис Михалич.

— Что случилось? — спросил Саймс.

— Говорит, что у нее разболелись ноги, — ответил Молит.

— Тогда немного отдохнем, — твердо сказал Саймс, не показывая виду, насколько его огорчает эта вынужденная задержка. — Быть может, мы даже выгадаем, если будем почаще останавливаться.

— Много лучше без меня, — твердо произнесла миссис Михалич. — Вы пойдите дальше. Я оздавайся.

— Что? Бросить вас здесь одну?

— Не одну, — заявил Григор и решительно уселся рядом с женой. — Я оздавайся тоже.

— Чтобы обречь себя на верную смерть, — с сарказмом заметил Саймс.

— Умирадь везде, — резко возразил Григор, точно это раз и навсегда решало вопрос.

Ее толстые пальцы с нежностью погладили его руку.

— Не нушна оздавадзя для меня, Григор. Ды иди дальше.

— Я оздавайся, — упрямо повторил Григор.

— Мы останемся все, — заявил Саймс тоном, не терпящим возражения. Он глянул на часы. — Посмотрим, в какой мы будем форме через час. А пока можно и перекусить. — Его взгляд скользнул по спутникам и остановился на Молите. Немного повременив, он раздраженно спросил: — А ты-то из-за чего маешься? Брось-ка, приятель, эти штучки! Нечего стоять с таким видом, будто вот-вот с головой да в омут!

— Я... Я...

— Послушай, Билл, — промолвил Саймс. — Если хочешь сказать что-нибудь дельное — выкладывай. А жалобы можешь оставить при себе.

Молит, вконец смутившись, выпалил:

— Давно, еще в спортивной школе, меня считали хорошим массажистом.

— Ну и что?

Стараясь не встретиться взглядом с миссис Михалич, он быстро проговорил:

— Я умею снимать усталость ног.

— Правда? — лицо Саймса засветилось надеждой. — Клянусь всевышним, это же для нас спасение. Как потвоему, ты сумел бы помочь миссис Михалич?

— Если она разрешит мне попробовать.

— Конечно, разрешит.— Саймс взглянул на нее.— Ведь вы согласны?

— Мамушка, ды ведь зоглазная? — умоляюще спросил Григор, подтолкнув ее локтем.

— Я доздавлядь много друднозди,— запротестовала она.

— Этих трудностей, будь они прокляты, станет куда больше, если сидеть сложа руки, вместо того чтобы двигаться к цели,— отрезал Саймс и повернулся к Молиту: — Билл, постарайся помочь ей.

— Перво-наперво мне нужна чуть теплая вода,— сказал Молит.— Пожалуй, мы...

Тут его перебил Сэмми Файнстоун.

— Воды предостаточно в том ручье, что остался позади, ярдах в трехстах отсюда.— Он порылся в куче беспорядочно сваленных мешков с поклажей и нашел брезентовое ведро.— Пойду принесу.

— Ну нет, один вы не пойдете! — с неожиданной жесткостью остановил его Саймс.— Ведро воды не стоит человеческой жизни.— Он быстро повернулся к Кесслеру.— Пойдешь с ним, Макс. На всякий случай.

Они ушли и вскоре вернулись с двумя галлонами воды, уже согретой дневным пеклом. Миссис Михалич робко опустила в ведро свои распухшие ноги и минут двадцать они отмокали. Потом она кое-как вытерла их, и Молит зажал одну ее ногу между коленями, точно ногу лошади, которую собираются подковать.

Молит взялся за дело с профессиональной ловкостью: он сгибал и разгибал ногу, разминал суставы, массировал пальцами связки и мышцы. Прошло немало времени, пока довольный достигнутым результатом, он принялся за другую ногу и проделал с ней то же самое.

— У кого походная аптечка?

— У меня.

Сэмми передал ему сумку.

Молит растянул молнию водонепроницаемого чехла, быстро перебрал какие-то пакетики, свертки, банки и запечатанные пузырьки, нашел эфир и плеснул немного жидкости на обе ноги.

— Ах! — У миссис Михалич перехватило дыхание.— Она холодный, как лед.

— Быстро испаряется,— объяснил Молит.

Он открыл банку с вазелином, обильно смазал им изнутри ее туфли на толстой подошве, хорошенько отбил деревянной палкой пропитавшуюся жиром кожу,

еще раз смазал туфли изнутри вазелином и стал сгибать и разгибать то одну, то другую подошву, пока ему не удалось при сгибании легко свести носы туфель с каблуками. Тогда он отдал их миссис Михалич.

— Примерьте. Только туго не зашнуровывайте. Пусть они сидят посвободнее.

Она обулась, как он велел, встала и немного прошлась. Ее глаза засияли от восторженного удивления, и впервые Молит заметил, что они у нее ясные и голубые, как у куклы.

— Зами-ша-дильна! — сообщила она. Она сделала еще несколько шагов, радуясь, как ребенок, словно каким-то чудом ей достались новые ноги. — Мой большой спазиба!

— Мой доше, — с огромным облегчением проговорил Григор.

— Да будет вам, — сказал Молит. — Не за что.

Дня два назад он бы рявкнул: „Нишиво ездз за шиво спазиба“. А сейчас у него почему-то язык не повернулся сказать что-нибудь эдакое. Широкое крестьянское лицо Григора выражало такую трогательную благодарность. А в мозгу Молита снова и снова, сменяя друг друга, звучали услышанные им недавно фразы:

„Удача тут ни при чем“.

„Ведро воды не стоит человеческой жизни“.

„Много лудше без меня“.

„Я оздавайзя“.

И они действительно собирались остаться одни в этих страшных джунглях, чтобы бок о бок ждать неминуемой гибели.

Да, век живи, век учись...

День четвертый, пятый, шестой, седьмой. Длина всего пройденного пути неизвестна. Продвинулись к северу миль на пятьдесят. Они брели так неделю, но им казалось, что прошел уже месяц, а то и больше. В их представлении покинутая ими космошлюпка находилась все равно что на другой планете.

А на рассвете восьмого дня Саймс заставил их пуститься в путь пораньше, пребывая в милосердном неведении, что пробил его час. Он опять свернул на боковую тропинку: если верить компасу, идти по ней было для них удобнее, чем по той, по которой они шли накануне. Они двигались довольно быстро, чтобы успеть пройти возможно большее расстояние до того времени,

когда солнце достигнет зенита и вновь примется жечь их беспощадными лучами.

Во время дневного привала Малыш Ку вдруг оставил еду, вылез из-под дерева, в тени которого они сидели, и попытался взглянуть на невыносимо сверкающее небо.

Зашевелился и Фини: сел, наострил уши и жалобно заскулил.

— Что-нибудь неладно? — спросил Саймс, хватаясь за свой пистолет.

— Мало-мало слышно звук, высоко-высоко. — Малыш Ку вернулся в тень, сел и с бесстрастным лицом снова принялся есть. — Вроде моя его слышать вчера или позавчера. Моя не уверена.

— А какой он, этот звук?

— У й о у м - у й о у м - у й о у м! — продемонстрировал Малыш Ку.

— Что? А ну-ка еще раз.

— У й о у м - у й о у м! — послушно повторил тот.

— А я ничего такого не слышал, — сказал Саймс.

— Я тоже, — поддержал его Кесслер. — Впрочем, слух у него наверняка лучше, чем у нас.

— Очень-очень хорошая слух, — заверил Малыш Ку.

Билл Молит вышел из тени дерева, посмотрел из-под руки на небо и, разочарованный, вернулся назад.

— Мне показалось, что он подражает звуку летящего геликоптера.

— И мне.

Саймс пристально взгляделся в слепящее небо.

— Нам только галлюцинаций не хватало, — сказал Кесслер. — С чего бы здесь взяться геликоптеру? Спасательная станция не получила от нас сигналов с просьбой о помощи. У нас ведь не было возможности послать их.

— А не мог ли Томсон послать сигнал бедствия со „Стар Куин“ до того, как его передатчик разлетелся вдребезги?

— Нет. Метеорит отправил его на тот свет мгновенно.

— Едва ли это был геликоптер, — решительно сказал Саймс и вернулся к прерванной еде.

— Я тоже так думаю.

— Моя слышать звук, — упорствовал Малыш Ку. — У й о у м, у й о у м.

Больше они об этом не говорили. Звук не повторился, а если и повторился, они его не слышали. Билл Молит провел с миссис Михалич очередной сеанс лечения, который стал теперь ежедневным ритуалом. У Сэмми

всегда наготове была вода, вазелин, эфир. Григор благодарил Молита взглядом. Миссис Михалич всякий раз неизменно произносила:

— Зами-ша-диль-на! Мой большой збазибал!

К вечеру цепочка людей неожиданно остановилась, да в таком месте, где особенно густо переплелись ветви и стебли окаймлявшей тропинку растительности. Фини надрывался от лая. Саймс с собакой уже скрылись за крутым изгибом тропинки, а Малыш Ку задержался у самого поворота.

— В чем дело, Эликс? — крикнул Кесслер, который шел позади всех.

В голосе Саймса, когда он ответил ему, звучали сомнение и настороженность.

— Да вот Фини разошелся. Так передо мной и выплывает. — И тоном повыше: — Уймись ты, кобель безмозглый, чего доброго порвешь мне штанину!

— Ты там поосторожнее, Эликс. Этот пес не дурак.

— Знаю. Только понять не могу, почему он так бесится.

— Нет ли чего подозрительного впереди?

— Ровным счетом ничего. Мне отсюда виден весь путь до следующего поворота. Тропа свободна.

— Нам нельзя возвращаться! — крикнул Кесслер. — Мы должны идти только вперед. Не трогайся с места. Мы подтянемся к тебе и, что бы там нас ни ожидало, встретим это вместе.

— Ничего не получится, — донесся голос Саймса. — Мы все на тропе не поместимся. Придется мне действовать одному.

— Может, опасность миновала? — с надеждой предположил Кесслер. — Ведь Фини вроде бы успокоился.

Его слова тут же опроверг яростный захлебывающийся лай.

Саймс упавшим голосом произнес:

— Слышали? Это я попытался шагнуть вперед.

— Мне не нравится, — заявила миссис Михалич, проявив неожиданное чутье. — Лудше бы...

Она умолкла, потому что снова заговорил Саймс, на этот раз обращаясь к Малышу Ку, единственному, кто его сейчас видел.

— Подстраховывай меня. Понравится это Фини или нет, а я все-таки двинусь вперед.

В тот же миг Фини залился таким бешеным лаем, как никогда прежде, но чуть погодя лай этот перешел

в жуткий вой убитого горем пса. Одновременно раздался страшный треск, шум точно от обвала и короткий приглушенный вскрик Саймса. Потом наступила тишина, нарушаемая только жалобным повизгиванием собаки.

Малыш Ку оглянулся назад и сказал:

— Упала в яму.

Сунув Сэмми свой пистолет, Кесслер прохрипел:

— Стой здесь и охраняй нас с тыла.

Он, а следом за ним Молит обогнали остальных и выскочили за поворот. Впереди, в четырех-пяти ярдах от них во всю ширину тропинки, пересекая ее, зияла черная яма. По эту сторону ямы вдоль ее края метался Фини, издавая горлом какие-то непривычные звуки: стоны попеременно с рычанием. Веки его покраснели, шерсть на загривке вздыбилась.

Бросив на землю мачете, Молит лег на живот и осторожно пополз к неровному краю обвала.

— Держи меня за ноги, слышишь?

Он потихоньку, дюйм за дюймом, продвигался вперед, попутно сильным шлепком отбросил в сторону Фини, наконец подполз к яме, и под его тяжестью земля на ее краю осела и начала осыпаться. Глянув вниз, он увидел лишь беспросветный мрак.

— Эликс!

Никакого ответа.

— Эликс!!!

Молчание.

Еще громче:

— Эликс, ты жив?!

Снова ничего, только с большой глубины доносилось слабое непонятное постукивание. Молит ощупью нашел рядом с собой камень, бросил его в яму и начал медленно считать. Ему показалось, что время тянется бесконечно долго, пока он наконец не услышал, как камень упал на дно. Постукивание и шуршание снизу сразу же стали громче. Эти звуки навели его на мысль о чем-то огромном, одетом в хитиновый панцирь. О гигантском крабе.

— А может, упав, Эликс потерял сознание,— нарушил молчание Кесслер, который, вцепившись в ботинки Молита, находился в двух ярдах от ямы.

— Боюсь, дело тут похуже.

— Он мертв?

— Надеюсь.

— Ты что, спятил? Как это понимать: ты надеешься, что он мертв?

— Яма очень глубокая, — ответил Молит. — Это ловушка. А на дне какое-то чудовище поджидает добычу.

— Ты в этом уверен? — Кесслер дышал с трудом.

— Я слышу, как оно там шевелится.

— Моя тоже слышит, — подтвердил Малыш Ку с невозмутимым выражением на плоском смуглом лице. — Она делает „стук-стук“.

Кесслер оттащил Молита назад. Тот встал и стряхнул с себя землю.

— Чтобы спуститься в эту яму, нам понадобится большой моток веревки.

Кесслер лег животом на тропинку и сказал:

— А теперь ты меня держи. — Он пополз вперед, и когда его голова оказалась над ямой, во весь голос крикнул вниз:

— Эликс! Эликс! Ты меня слышишь?

Из зловещей черноты не последовало никакого ответа — оттуда слышались только звуки, которые издает при движении существо, одетое в панцирь. Кесслер ползком вернулся назад, встал на ноги и вытер с лица пот. У него был вид человека, которому наяву снится кошмарный сон.

— Мы не можем уйти, не попытавшись сделать хоть что-нибудь.

— Связать стебли и получайся длинный-длинный веревка, — предложил Малыш Ку. — Моя пойдет вниз.

— Тебе даже из бумажного кулька не выбраться, — зарычал на него Молит. — Если уж кто спустится в эту яму, так только я.

— Много вес, — решительно возразил Малыш Ку, бесстрашно смотря на широкую волосатую грудь Молита. — Слишком много.

— Он прав, — сказал Кесслер. — Ты тяжелей его вдвое. Спуститься в эту преисподнюю должен самый из нас легкий.

— Значит моя, — заявил Малыш Ку, рассматривая такую возможность с вежливым безразличием.

Потрясенный Кесслер был на грани отчаяния.

— Если Эликс действительно погиб, командую теперь я, — продолжал он. — А у меня нет полной уверенности, что Малышу Ку следует спускаться в эту яму.

— Почему? — спросил Молит.

— Это может привести к еще одному несчастному случаю. Кроме того, если на дне засела какая-то тварь,

ясно, что для обороны ему недостаточно иметь при себе только мачете. Он должен будет прихватить и пистолет. Один мы уже потеряли. Он внизу, с Эликсом. А если мы потеряем и второй...

— Останется один-единственный,— подсказал Молит.— Тот, который ты пока отдал Сэмми.

Кесслер удрученно кивнул.

— С одним пистолетом и без компаса наши и без того ничтожные шансы добраться до станции практически сведутся к нулю.

— Есть компас,— сообщил Малыш Ку, показывая прибор, о котором шла речь.— Она падать возле ямы. Моя поднимать.

Вид компаса несколько успокоил Кесслера, и он наконец принял решение.

— Риск — благородное дело. Спустим его в яму с горящим факелом, но лишь до той глубины, с которой удастся разглядеть, что делается на дне. А потом прикинем, можно ли тут что-нибудь предпринять.

Обливаясь потом, трое начали поспешно рубить и затем вытягивать из окружающей их чащи тонкие, но крепкие стебли лиан.

Опоясанный петлей из стебля лианы, с пистолетом в правой руке и тугим пучком длинных горящих прутьев в левой Малыш Ку перешагнул через край ямы. Какие бы чувства он при этом ни испытывал, на его лице ничего нельзя было прочесть. И вообще, глядя на него, можно было поручиться, что это ежедневное его занятие.

Веревка из плетей лианы медленно поползла через край ямы вниз, потрескивая и начиная угрожающе расслаиваться в местах, где были узлы. Дрожащий свет факела растворился во мраке. Фини осторожно бродил вокруг ямы, а когда его чуткие уши улавливали шум, который производилодвигающеесявнизу неведомое существо, он рычал и злобно скалил зубы.

Посоветовавшись, они приостановили спуск и крикнули вниз:

— Уже что-нибудь видно?

— Очень-очень темно,— приглушенным эхом прозвучал из ямы ровный, без всякого выражения голос Малыша Ку.— Должна спускаться еще.

Они осторожно отмотали еще кусок самодельной веревки, и с каждым ее ярдом, который, потрескивая и натягиваясь, скользил через край ямы, их все сильнее охватывало недоброе предчувствие.

— Быстро-быстро! — поторопил их голос из ямы.— Огонь почти погаснуть. Уже рядом пальцы.

Еще шесть-семь ярдов веревки скрылось в яме. Мучительно стегнув по нервам, из глубины ямы вдруг грянула очередь выстрелов, следовавших один за другим с невероятной быстротой. Всего их было шестнадцать — столько, сколько зарядов в магазине.

Молит и Кесслер изо всех сил рванули на себя веревку, Михаличи схватились за ее конец и принялись тянуть вместе с ними. От усилий, которые они прилагали, чтобы как можно быстрее вытащить Малыша Ку на поверхность, с лица Кесслера ручьями стекал пот, могучие мускулы Молита вздулись буграми. Натянутые до предела куски лианы расслаивались от трения о край ямы. Волокнистые пряди с треском лопались, отделяясь от основного стебля. А люди все тянули эту импровизированную веревку и, затаив дыхание, молились, чтобы она выдержала, чтобы не оборвалась в последний момент.

Внезапно, как чертик из шкатулки, из ямы выскочил Малыш Ку. Он сбросил опоясывавшую его петлю, быстро вытащил из автомата пустой магазин и вставил на его место другой, с зарядами. Излишне говорить, что держался он с непостижимым спокойствием, ибо он держался так почти всегда.

— Что с Эликсом? — выдохнул Кесслер.

— Нет голова,— безо всяких эмоций ответил Малыш Ку.— Откусила животный, которая сидеть внизу.

Кесслер, которому стало дурно, спросил:

— А ты разглядел, что там на дне?

Малыш Ку кивнул.

— Большой животный. Вся красный. Толстый панцирь. Много-много ног, как паук. Два глаза — вот такие! — разведя руками, он показал, что они были дюймов восемнадцать в диаметре.— Плохой глаза. Смотреть на меня как на еще одна кусок мяса.— Он с благодарностью взглянул на свой автомат.— Моя их вышибать.

— Ты убил его?

— Нет, только вышибать глаза.— Он указал на яму.— Сейчас она двигаться туда-сюда. Вы слушать!

Они прислушались, и их уши уловили постукивание, глухие удары и какие-то царапающие звуки, словно нечто громоздкое и неуклюжее пытается выкарабкаться из ямы и каждый раз обратно падает на дно.

— Какой страшный конец! — воскликнул глубоко потрясенный Кесслер.— Какой страшный конец! — В бе-

шенстве он ударом ноги зашвырнул в яму кусок гнилого высохшего дерева. И тут его осенило.— А мы ведь можем отомстить за Эликса; хоть это в нашей власти.

— Уже отомстила,— негромко произнес Малыш Ку.— Вышибать глаза.

— Этого мало. Слепое или зрячее, чудовище живо, сидит в яме и может сожрать Эликса. Мы должны его убить.

— Каким же образом?

— Накидаем в яму побольше сухой травы, потом бросим вязанку хвороста и факел. И поджарим его заживо.

— Есть способ получше.— Молит указал на большой валун, полускрытый густой растительностью.— Если б нам удалось сдвинуть его и перевалить через край ямы, мы бы эту тварь расплющили.

С бешеной энергией они стали рубить преграждавшие им путь растения, зашли за камень и дружно навалились на него. Камень дрогнул, приподнялся и перевернулся вверх основанием. На обнажившейся земле извивались толстые ярко-желтые личинки.

Еще одно усилие, и камень, покотившись, оказался в футе от ямы. Люди прислушались, желая убедиться, что намеченная жертва все еще там. Из глубины по-прежнему доносились скребущие звуки и возня. Камень перевалился через край ямы, увлекая за собой комья сухой земли. Казалось, он летел вниз невероятно долго, но в конце концов они услышали звук его падения, сопровождавшийся громким хрустом и всплеском, точно камень раздавил нечто мягкое и водянистое, заключенное в твердую оболочку. Потом наступила тишина.

Кесслер торжественно отряхнул руки, как бы говоря: „Вот так-то“. Он взглянул на компас и скрылся за поворотом тропинки, чтобы позвать остальных.

Теперь их отряд возглавил Кесслер, рядом с которым бежал Фини. За ними следовал Малыш Ку, потом шли Михаличи и Сэмми Файнстоун. В арьергарде шествовал вооруженный мачете Билл Молит.

К вечеру десятого дня упала миссис Михалич. Упала, как подкошенная, не издав ни звука, ни подав никакого знака,— только что она ковыляла своей тяжелой неуклюжей походкой, а в следующий миг лежала на тропинке, точно выброшенный кем-то узел тряпья.

Отчаянный крик Григора „Мамушка!“ остановил движущуюся цепочку людей.

Они окружили ее, подняли, отнесли на небольшую

полян и стали поспешно рыться в походной аптечке. Глаза ее были закрыты, а широкое лицо крестьянки приобрело багровый оттенок. По внешним признакам невозможно было определить, дышит она или нет. Кесслер взял ее за запястье, но не смог нащупать пульс. Помрачнев, они обменялись беспомощными взглядами: врача среди них не было.

Кто-то положил ей на лоб мокрую тряпицу. Еще кто-то поднес к ее носу бутылочку с ароматическими солями. Третий похлопал ее по щекам и принялся растирать ее короткопалые, загрубевшие от черной работы руки. Отчаянными усилиями они пытались вернуть ее в этот полный трудностей суматошный мир, который она так внезапно покинула, но все их старания были тщетны.

Наконец Кесслер снял фуражку и произнес, обращаясь к белому как мел, потерявшему дар речи Григору.

— Сочувствую вам! Глубоко сочувствую!

— Мамушка! — душераздирающим тоном вымолвил Григор. — О, моя бедная замученная... — Дальше он пробормотал что-то на непонятном для остальных и изобиловавшем гортанными звуками языке, упал на колени, обнял жену за плечи и изо всех сил прижал к себе. Рядом на земле лежали ее растоптанные очки, до которых теперь никому не было дела, а Григор все сжимал ее в объятиях, словно никогда не собирался выпустить ее из рук. Никогда.

— Моя маленькая Герда! О, моя...

Пока Григор, сломленный горем, навсегда прощался с половиной своей жизни, своей души, с половиной самого своего существа, остальные отошли на несколько шагов и, держа наготове оружие, повернулись лицом к джунглям. Потом они бережно отвели Григора в сторону, а ее похоронили под тенистым деревом и поставили на могиле крест.

Часа через два, пройдя еще семь миль, они расположились на ночлег. За все это время Григор не проронил ни слова. Он шагал по тропе, как автомат, ничего не слыша, ничего не видя, безразличный к тому, куда он идет и дойдет ли когда-нибудь до цели.

При ярком свете костра Сэмми Файнстоун наклонился к нему и сказал:

— Не надо так убиваться. Ей бы это не понравилось.

Григор ничего не ответил. Он пристально глядел на пламя, но перед глазами его была тьма.

— Она ушла быстро, с незамутненной душой, самым

легким путем, — утешал его Сэмми. — У нее ведь было больное сердце, верно? — Не получив ответа, он продолжал: — Идя следом за ней, я не раз замечал, как она вдруг начинала задыхаться и прижимала руку к левому боку. Я-то думал, что, может, ее беспокоит невралгия. А оказывается, это было сердце. Почему она нам об этом не сказала?

— Не хотела делаждать друдноздь, — безо всякого выражения произнес Григор.

Это он в первый раз заговорил после ее погребения. И в последний.

Никогда больше он не вымолвил ни слова.

К четырем часам утра в лагере его уже не было. Когда две луны стояли еще высоко, а третья склонилась к горизонту, Кесслеру надоело неподвижно стоять на посту, и он, тихо ступая, обошел вокруг лагеря и увидел, что место, где до этого спал Григор, пусто. Кесслер не поднял тревогу сразу: для людей отдых и сон были настолько необходимы, что нельзя было будить их, предварительно все не обдумав. Поэтому он, осторожно перешагивая через спящих вповалку людей, вначале обыскал лагерь и прилегающую к нему местность.

Григора нигде не было.

Со всех сторон их грозно обступали джунгли. Какое-то фосфоресцирующее существо, широко раскинув крылья, бесшумным призраком пронеслось между верхушками деревьев. Кесслер поразмыслил над создавшимся положением. Как и когда удалось Григору скрыться, установить было невозможно. Он мог уйти и час назад, и раньше. А теперь он, возможно, находился в нескольких милях от лагеря, если, конечно, еще был жив.

Зато угадать, куда он ушел, было несложно. Так что же делать? Если он, Кесслер, отправится в погоню один, ему следует разбудить кого-нибудь из спящих, чтобы тот сменил его на вахте. И тогда их маленький отряд на время разделится, а это вдвое увеличит вероятность нападения какого-нибудь существа, а то и нескольких, которые, вполне возможно, все эти одиннадцать дней незаметно следят за людьми в ожидании такого благоприятного случая; это снизит их обороноспособность. При таких плачевных обстоятельствах их сила в единстве. Разобщенность может привести к катастрофе.

С большой неохотой Кесслер вынужден был принять единственное приемлемое решение: он разбудил всех.

— Григор ушел.

— Когда?

— Не знаю. Либо он бесшумно уполз с поляны, когда я стоял спиной к лагерю, либо его уже не было здесь, когда я заступил на вахту, а я этого не заметил.— Он угрюмо уставился на костер.— Мы не можем бросить его на произвол судьбы в этом страшном лабиринте.

— Я схожу и приведу его,— вызвался Сэмми, подняв с земли свое мачете.

— Для нас слишком большая роскошь по очереди в одиночку рисковать жизнью,— заявил Кесслер, отвергая его предложение.— Вперед ли, назад ли, но пойдем мы все вместе.

Билл Молит поднялся на ноги, взвалил на спину свой тяжелый мешок, широко зевнул и схватил мачете.

— Тогда это вопрос решенный. Мы все пойдем обратно. Идти нам всего-навсего миль семь. А что такое семь миль? — Он снова зевнул и сам ответил на свой вопрос: — Ночью это все семьдесят. Ну и что? Пошли.

Каждый вскинул за плечи свою ношу, и они отправились в путь, держа наготове пистолеты и мачете. Пламя покинутого ими костра померкло вдали. Фини бежал впереди, то и дело к чему-то недоверчиво принохиваясь и утробно рыча.

Григор лежал на поляне, тело его было сведено судорогой, ноги подтянуты к подбородку, в левой руке зажат наполовину пустой пузырек из походной аптечки. Его откинутая правая рука покоилась на свежем могильном холмике, словно оберегая его. Головой он уткнулся в землю у основания деревянного креста.

Они достали лопату, и, выполняя желание Григора, опустили его во тьму рядом с „маленькой Гердой“. Ведь именно за этим он шел сюда сквозь ночь чужой планеты.

Кесслер записал в своем дневнике: „День тринадцатый. К северу продвинулись миль на сто с небольшим. Последние два дня идем быстрее“.

Около ста миль за тринадцать дней. Не густо. Неужели эти проклятые джунгли никогда не кончатся?

Кесслер разорвал пакет с пищевым концентратом, бросил его Фини, вскрыл еще один для себя и принялся медленно есть.

— Одно утешительно — если, конечно, это можно счесть утешением: после каждой еды наш груз становится чуть легче.

— А вокруг тьма-тьмушая всяких плодов и корений,— заметил Молит.— Я знаю правило номер один: не ешь того, о чем доподлинно не известно, что это съедобно. Кара за непослушание может оказаться такой ужасной, что захочешь — не придумаешь... Однако рано или поздно нам придется рискнуть.

— Не кушать — умирать медленно,— изрек Малыш Ку.— Кушать что нельзя — умирать быстро.

— Да ты, приятель, еще мечтать будешь, как бы быстрее подохнуть,— не уступал Молит.— Вот на кое-каких планетах есть плоды с виду сочные, вкусные, а съешь, и тебя так скрутит, что пятки под мышками застрянут.

— Покойнику в такой позе нужна могила покороче,— включился в разговор Сэмми Файнстоун.— Работы почти вдвое меньше. Такую смерть можно считать экономически выгодной.

Молит внимательно посмотрел на него.

— А я готов был об заклад побиться, что шутки от тебя сейчас не услышишь, хоть мрачной, хоть какой.

— Почему?

— Да мне думалось, что к этому времени ты или превратишься в комок нервов, или уже давно помрешь.

— А я и вправду один сплошной комок нервов,— сказал Сэмми.— Сил хватает только на то, чтобы за жизнь цепляться.

— Молодец! — похвалил его Молит.— Продолжай за нее цепляться — глядишь, и выкарабкаешься.

Кесслер раздраженно подергал свою успевшую отрасли густую бороду и сказал, обращаясь к Сэмми:

— Не думайте, что вам одному приходится постоянно тащить самого себя за волосы. Каждый из нас занимается тем же.— Он, не глядя, нашел рукой голову пса и потрепал его за уши.— Разве что за исключением Фини.

Услышав свое имя, Фини завилял обрубок хвоста.

— Ума не приложу, как ему удастся вовремя обнаруживать эти ямы-ловушки, ну, вроде той, в которую упал Саймс. Он уже четыре раза предупреждал нас об опасности. Если б не он, еще кто-нибудь мог провалиться в такой колодец и стать пищей для этого красного... уж не знаю, как его и назвать.

Кесслер молча почесал Фини за ушами, погладил его по лохматой спине. И погрузился в раздумье. К этому дню число людей в отряде уменьшилось вдвое. Оставшие-

ся в живых глубоко переживали смерть каждого, как поистине невозполнимую утрату. Чуть погодя он встал, сознавая, что бесполезно усугублять вчерашнее горе размышлениями о бедах грядущих. Чему быть, того не миновать, хотят они этого или нет.

— Нам пора.

И они тронулись дальше: Кесслер и Фини шли впереди, Молит замыкал шествие. Оба они — и тот, что шел первым, и тот, что последним,— размышляли об одном. Об одном, но по-разному, ибо мысли Молита все еще были заняты переоценкой ценностей.

Как идущий последним он, насколько позволяли частые повороты тропинки, временами видел перед собой всех остальных сразу. Поэтому он особенно четко представлял, сколько людей идет сейчас впереди него. Эта живая цепочка была вдвое длинней в тот день, когда они начали свое трагическое паломничество. Потому длинней, что с ними тогда еще шли и другие. Например, Саймс. Человек деятельный, образованный, достойный уважения. Первоклассный космонавт. Не из-за Саймса ли принимает он так близко к сердцу то, что их стало меньше?

Нет.

Ему не хватало и черномазого.

И двух тугодумов с Балкан.

А если судьба ударит их снова, ему наверняка будет не хватать и этого иудея.

И тощего китаезы.

И остроухого лохматого пса.

Его скрутит тоска по людям, по всем без исключения.

— Запомни это, Молит! — рявкнул он на себя.— Навсегда запомни!

Сэмми оглянулся через плечо.

— Ты что-то сказал?

— Это я отделяваю собственную задницу — в переносном смысле, конечно,— объяснил Молит.

— И ты тоже? — удивился Сэмми.— На моей уже не осталось живого места.

В мозгу Молита это признание заняло место рядом с другой недавно полученной информацией. Значит, не только у него находятся причины давать самому себе по заднице. И другие могут заблуждаться, а потом сожалеть о допущенных ошибках.

Просто диву даешься, как много у людей между собой общего.

Самое правильное — это при жизни проявлять терпимость, а смерть встретить с достоинством. Сейчас он учится первому. А как он справится со вторым, покажет будущее.

Тропа вывела их на голую вершину холма, и в первый раз с той минуты, когда они пустились в путь, перед их взорами открылись уходящие вдаль мили поверхности планеты. В какую сторону ни глянь, повсюду она выглядела одинаково — густой однородный растительный массив, только на востоке вздымалась горная цепь, чернея на фоне пылающего неба.

Обтирая тряпкой залитое потом лицо, Кесслер проворчал:

— Когда мы были внизу, в джунглях, я мечтал выбраться оттуда хоть к черту в зубы. А теперь мне бы назад вернуться. По крайней мере там хоть есть какая-то тень.

— Звук, — объявил Малыш Ку, протянув руку к северо-западу. — Вон там, высоко-высоко. „У й о у м, у й о у м!“

— Ничего не слышу. — Прикрыв ладонью глаза, Кесслер посмотрел в указанном направлении. — И ничего не вижу. — Он взглянул на остальных. — А вы?

— Я тоже, — сказал Сэмми.

— Этак на секунду мне было показалось, что я вижу там, вверху, черную точку, — неуверенно произнес Молит. — Но ручаться не стану. Должно быть, померещилось.

— А сейчас ты ее больше не видишь?

— Нет. Эта точка словно бы откуда-то вынырнула, а потом как слиняла, исчезла из виду.

— Я не намерен из-за этого трепать себе нервы, — заявил Кесслер. Он снова обтер себе лицо. — Еще час под этим распроклятым солнцем, и у нас начнутся галлюцинации почище. — Он двинулся вперед. — Давайте-ка спустимся отсюда в тень.

Фини залаял на торчавшую неподалеку скалу, шерсть у него на загривке стала дыбом. Кесслер замедлил шаг и, крадучись, направился к скале, держа наготове пистолет. Фини стремительно обогнул ее и зарычал как лев. Какое-то существо, похожее на десятиногую ящерицу, волнообразно изгибая тело, умчалось длинными прыжками прочь и исчезло за гребнем холма. Разочарованно ворча, Фини приплелся обратно.

— Оно же восемь футов длиной, из них половина —

зубастая пасть.— Кесслер презрительно фыркнул.— И удирает от лая собаки.

— А может, оно органически не переносит резкие звуки,— предположил Сэмми.— И если б Фини так не разлаялся, оно б его вмиг проглотило.

— Меня просто из себя выводит зловеющая тишина на этой чертовой планете,— сказал Кесслер.— На Земле в таких джунглях ад крошечный, оглохнуть можно. Стрекохут цикады, без умолку тарабарят обезьяны, кричат попугаи — всего не перечесть. А здесь все живое не производит никакого шума. Огромные змееподобные существа ползают совершенно беззвучно. Гигантские красные пауки сидят в ямах-ловушках и не шелохнутся. Во время моих ночных дежурств я видел множество каких-то тварей, а иной раз только ощущал их присутствие, и все они крались по лесу с такой осторожностью, что ветка не треснет и листва не зашуршит. Это же противоестественно. Меня это угнетает.

— Давайте, запоем,— предложил Сэмми.— Это поднимет нам настроение и заодно распугает всякую здешнюю нечисть.

— А что будем петь? — спросил Кесслер.

Сэмми со всей серьезностью поразмыслил над его вопросом и предложил:

— „Вьется тропка, вьется длинная“. Подойдет?

Горланя эту песню, они зашагали вперед. Один Малыш Ку молчал: он не знал слов. „Тропку“ сменила „Уложи меня среди клевера“, за которой последовали „Песня легионеров“ и еще с полдюжины других. Пение помогло им быстрее спуститься с холма в джунгли и ускорило продвижение сквозь заросли. Молит хриплым, режущим слух басом исполнил соло старинную австралийскую песенку „Как погнал наш Клэнси коров на водопой“. Допев последний куплет, Молит взялся за Малыша Ку.

— А от тебя мы даже жалкого писка не слышали. Может, споешь нам что-нибудь свое, а?

Малыш Ку застеснялся.

— Да ты смелей,— нетерпеливо настаивал Молит.— Все равно хуже меня тебе не спеть.

Преодолевая смущение, Малыш Ку неохотно повиновался, и из его рта полились какие-то резкие немелодичные сочетания звуковых полутонов. Под эти жуткие вопли в воображении остальных возникла кошка, ополоумевшая от невыносимых резей в желудке. Эта ко-

шачья агония продолжалась несколько минут и вдруг оборвалась — как им показалось — на середине такта.

— Что все это значит? — подступил к нему Молит, играя бровями.

— Лепестки цветов, точно снежинки, медленно падают с неба и нежно припадают к светлой руке моей любимой, — с удивившей остальных беглостью бойко объяснил Малыш Ку.

— Это надо же! — воскликнул Молит. — Очень милая песенка.

Подумать только — Малышу Ку есть о ком петь песни! Такое Молиту раньше и в голову бы не пришло. Он попытался представить себе эту женщину. Вероятно, лицо у нее оливкового цвета, миндалевидные глаза, она смешливая, пухленькая, вкусно готовит; мать семерых упитанных детей. Не исключено, что телом она вдвое крупнее Малыша Ку, управляет им и хозяйством твердой уверенной рукой и зовут ее, возможно, Тончайший Аромат, или как-нибудь еще в том же роде.

— Очень, очень мило! — повторил Молит к вящему удовольствию смущенного Малыша Ку.

— Может, споем теперь „Мы идем по Джорджии“? — предложил Сэмми, которому не терпелось еще подрать глотку.

— Я уже задыхаюсь. — Кесслер яростно рубанул мачете по живой изгороди из лиан высотой в половину человеческого роста, которая перекрыла перед ними тропу. — Идущему впереди достается вся работа.

— И он берет на себя весь риск, — добавил Сэмми. — А не идти ли нам во главе отряда по очереди?

— Неплохая идея. — Кесслер прошел через отверстие в изгороди, по краям которого извивались свежие обрубки лиан. — Я обдумаю ее. Напомните мне об этом месяца через два.

Напоминать не пришлось.

Он так долго не прожил.

Тремя днями позже им вдруг повстречались таинственные животные, которые проложили в джунглях тропы. Частенько они задумывались над тем, кто мог проделать в непроходимых зарослях эти коридоры. Уж, конечно, не огромные змееподобные твари вроде той, которую пытался обезглавить Гэннибэл Пейтон. С того времени они не раз мельком видели этих животных, но те никогда не выползали на тропу и ни одно на них не напало.

К появлению в джунглях этих троп не имели отношения и похожие на ящериц существа поменьше. Их было слишком мало, да и корпус у них для этого чересчур легок. Людям давно стало ясно, что извилистые коридоры в зарослях протоптаны животными более редкими и очень тяжелыми. Местами эти тропы уже зарастали: вступая в свои права, их постепенно отвоевывали назад джунгли. Однако длинные отрезки пути за исключением уголков, где затаились алые цветы-хищники, были начисто вытоптаны, словно почву здесь утрамбовали чьи-то чудовищные конечности.

Кесслер уже собрался было свернуть по тропе в сторону, но тут до его слуха издалека донесся какой-то грохот. Другие тоже это услышали и, приблизившись, остановились за его спиной. Фини задергал ушами, всем своим видом выражая крайнее беспокойство.

Звук казался особенно странным в этом мире мертвой тишины. Он вмиг словно бы отменил извечный закон природы. Гул ударов! Тяжелых, сотрясающих землю, как топот пятидесятитысячного стада взбесившихся буйволов.

Фини возбужденно взвизгнул, быстро забегал кругами, и Кесслер сказал:

— Чувствую, что нам лучше с этой тропы убраться.— Он внимательно оглядел ближайший к ним участок джунглей. Звук становился все громче.— Вон туда!

Указав место, где заросли с виду были чуть реже и ветки не так тесно переплетены, он начал прорубать проход.

Все вместе они яростно рубили ветки и рассекали стебли, а когда им удалось продвинуться в глубь зарослей ярдов на тридцать, оглушительный грохот вырвался из-за поворота тропинки. Молит схватил Фини и своей потной волосатой рукой стиснул ему челюсти, чтобы тот не залаял. В прилипших к спинам рубашках они стояли в глупине чужого ада и наблюдали за происходящим.

По тропе, точно потерявшие управление локомотивы, одно за другим мчались громадные животные. У них была толстая темная кожа, омерзительно уродливые трехрогие головы с маленькими свиными глазками. Казалось, вес их совершенно не соответствует размеру — создавалось впечатление, будто пятьдесят тонн костей и мускулов втиснуто в емкость, рассчитанную тонн на двадцать. Четыре пары массивных, как у слона, ног расплющивали и вбивали в почву стебли лиан и все, что попадалось на их пути.

Их конечности обрушивались на землю с такой неимоверной силой, что это ощущалось даже на расстоянии в тридцать ярдов. Ударная волна, распространившись в верхних слоях почвы, поднялась по стволам деревьев, и верхушки их затрепетали. Животные бежали без единого звука, если не считать топота и пофыркивания, и Кесслеру на миг представилось, будто это какие-то неведомые гигантские трехрогие носороги.

Их было шестьдесят или семьдесят. Неуклюжим галопом, для которого не существовало преград, они промчались мимо, растапывая все, что попадало им под ноги, проламывая замаскированные покрытия ям-ловушек, на дне которых затаились паукообразные хищники,— теперь тем придется вылезть из своих нор на поверхность и заделать дыры кашицей из слюны с землей.

Выбираясь из укрытия в зеленом сумраке джунглей, люди напрягали слух, чтобы определить, не грозит ли с севера еще одно такое нашествие, но услышали лишь приглушенный расстоянием удаляющийся топот.

Следуя изгибу тропы, Кесслер вышел к развилке, сверился с компасом и указал налево.

— Нам сюда.

Этот путь привел их к реке. Тропа упиралась в берег, а по обе ее стороны он был начисто вытоптан: этак ярдов на сто по течению и на столько же — против. Сюда приходили на водопой трехрогие чудовища.

Вода в реке была мутная, желтая, течение быстрое. Преграда шириной в тридцать ярдов и неизвестной глубины. Согласно показанию компаса противоположный берег лежал по прямой к северу.

Кесслер хмуро взглянул на быстрый речной поток и решительно заявил:

— Я б и пытаться не стал переплыть эту реку. В ней могут быть сильные подводные течения.— Он вытер с лица пот и какое-то время без особого восторга смотрел на желтую воду, отливавшую зеленоватым блеском под лучами голубого солнца. От реки несло гнилыми яблоками и еще каким-то незнакомым едким запахом.— Это слишком рискованно.

— Тогда остается одно — тащиться назад до той развилки и пойти по другой тропе,— сказал Молит.— Она, правда, вела на запад, но вполне возможно, что потом она снова повернет к северу.

— Я предпочел бы не возвращаться, если можно это-

го избежать. Частые отклонения от курса нас угрожают.— Кесслер внимательно оглядел оба берега, росшие поблизости деревья и после недолгого раздумья промолвил: — Жители земных джунглей плетут мосты из лиан, и на сооружение такого моста уходит совсем немного времени. Кто-нибудь из вас знает, как это делается?

Ни один не имел об этом ни малейшего представления.

Молит решил высказать свои соображения:

— Сдается мне, что люди, которые там занимаются этой работой, должны находиться по обе стороны реки. Если это так, то нам, чтобы построить мост, по которому мы перейдем реку, нужно сначала перебраться на тот берег.

— Перелететь на та сторона, как обезьяна,— сказал Малыш Ку.

— Да ты, верно, телепат! — воскликнул Кесслер.— В моем котелке доваривалась та же идея.— Он еще раз внимательно оглядел деревья.— Только бы найти подходящую лиану...

Они прошлись вдоль берега и вскоре обнаружили то, что искали. Среди множества деревьев, полушатром раскинувших ветви над прибрежной частью потока, нашлось одно, с которого, почти касаясь воды, свисало несколько толстых стеблей лианы.

Подтянуть один из них к берегу не составило особого труда. Они срезали в джунглях длинную лиану, привязали к ее концу овальный камень и, раскручивая его в воздухе, стали забрасывать в сторону болтавшихся над водой стеблей, вокруг одного из которых тонкая лиана и обмоталась с десятой попытки. Они потянули стебель на себя, но его конец взметнулся над берегом и зацепился за дерево так высоко, что дотянуться до него было невозможно, и чтобы снять его, Молиту пришлось взобраться вверх по стволу.

— Я переправлюсь первым,— сказал Кесслер.

Он привязал уже обмотанный лианой камень к концу свисавшего с дерева стебля, швырнул его через реку и с помощью тонкой лианы вернул назад. Камень пролетел в каких-нибудь двух футах над противоположным, более высоким берегом. Довольный результатом, Кесслер подтянул лямки своего вещевого мешка, проверил, надежно ли пистолет и коробка с патронами приклеплены к поясу, и отдал Молиту компас.

— Слишком уж ценный прибор, чтобы им рисковать.

Не сознавая зловеще-пророческого смысла этих своих слов, Кесслер с помощью остальных поднялся на несколько футов вверх по стволу, схватил толстую лиану и потянул к себе изо всех сил, испытывая на прочность и желая удостовериться, насколько крепко она сцеплена с ветвью.

— Камень был брошен с большой силой, — обеспокоенно сказал Сэмми. — А вы такой мощный толчок не получите. Что, если вы не долетите до того берега?

— Долеку. Эта лиана свисает с ветви по крайней мере футов на пять дальше середины потока, а значит, ближе к противоположному берегу, который к тому же значительно выше этого. Справлюсь — дело нехитрое.

Он крепче ухватился за стебель, оттолкнулся обеими ногами от ствола и ринулся вперед. Под тяжестью его тела лиана протестующе затрещала, но не лопнула. Однако она сорвалась с ветви, за которую держалась. Кесслер упал в реку. И сразу же вода вблизи места падения всколыхнулась и пошла кругами, словно под поверхностью что-то быстро задвигалось.

Когда Кесслер, подняв фонтан желтых брызг, рухнул в реку и рядом возник этот странный водоворот, Сэмми Файнстоун, стоявший ближе всех к кромке воды, громко вскрикнул. Сбросив мешок с поклажей, он поднял над головой руки.

— Стой, дурак! — заорал Молит и рванулся от подножия дерева к Сэмми, чтобы удержать его. — Ты же не знаешь, что это...

Он опоздал. Пропустив мимо ушей его предостерегающий крик, Сэмми бросился в воду.

На середине реки бесновался водоворот. Среди хлопьев пены из взбаламученной воды выскочила голова Кесслера и сразу же вновь скрылась под поверхностью. Вода пошла волнами, еще больше вспенилась и приобрела розоватый оттенок. Взметнулся невысокий смерч. Из пены на миг показалась рука, вся в крови, судорожно вытянутая, страшная — и Кесслер навсегда исчез.

Тут вынырнул Сэмми, которого мощной подводной волной отбросило назад к берегу. Он отчаянно боролся с течением, но вдруг громко охнул. Молит бросился в ту сторону, куда относил Сэмми, прыгнул в реку, погрузившись в воду по грудь, и за волосы потащил Сэмми к берегу. Потом он нагнулся, подхватил его под мышки и выволок из воды.

Но не всего Сэмми, а лишь его часть — тело без

голеней. Ниже колен была только кровь, толчками извергавшаяся из перерезанных сосудов.

— О, господи! — выдохнул Молит, чувствуя, как ему сводит внутренности.

Он бережно опустил тело Сэмми на землю, бросился к походной аптечке и с ощущением полной беспомощности окинул взглядом ее содержимое. В ней не было никаких хирургических инструментов, а если бы и были, он все равно не знал, как ими пользоваться. Там был шприц, иглы к нему. Пузырьки с какими-то лекарствами, жидкими и в виде затвердевшей массы. А каким образом наполняют шприц, как и в какую часть тела делают укол? Какое лучше применить лекарство?

Сэмми зашевелился и попытался сесть, лицо у него было белое и сонное, как у человека, еще не вернувшегося к действительности.

— А Макси? — прошептал он. — Что с...?

— Она погибать, — сказал Малыш Ку, пристально глядя на Сэмми своими глазами-щелочками. — Вы лежать тихо-тихо.

Сэмми снова напрягся, стараясь подчинить своей воле нижние конечности, потом глянул вниз.

Вернулся Молит, и Малыш Ку сказал ему:

— Она терять сознание.

— Не имеет значения. Эти вот средства в аптечке — единственное, что у нас есть для оказания ему помощи. Подними-ка его правую культю, да поживей.

Тонкими пластиковыми трубочками он быстро соединил самые большие кровеносные сосуды, потом их и обнаженные мышцы на срезе культи залепил густой клейкой массой. Накладывать эту массу было довольно-таки трудно, ибо стоило нанести ее на какой-нибудь участок раны, как за считанные секунды она становилась твердой, как стекло. Первый ее слой прикрыл рассеченную плоть и закрепил трубочки. На него один поверх другого наложилось еще несколько быстро затвердевших слоев этой массы, и рана оказалась под прочным защитным колпаком. Так же он обработал вторую культю.

В экстренных случаях допускался и такой грубый, зато быстрый способ оказания срочной помощи при тяжелом ранении. Но эта мера с натяжкой годилась только для того, чтобы раненый продержался, пока его не доставят в операционную с новейшим оборудованием, где им займутся руки профессиональных хирургов.

Молит потянулся к аптечке за бинтами и мягкими

прокладками. Не потому, что они нужны были для ухода за ранами — ими можно было обернуть обрубки ног Сэмми, чтобы уложить их поудобнее. Его протянутая рука замерла в воздухе, так как в этот миг Малыш Ку выхватил пистолет — единственное оставшееся у них оружие — и ровным голосом произнес:

— Речная дьявол!

Оглянувшись через плечо, Молит увидел торчащую из воды огромную, размером с небольшую лодку, плоскую голову в форме сердца, а на ней — два белых, похожих на блюдца, немигающих глаза, которые смотрели на них пристально и холодно. С рогоподобных выступов этой невообразимой морды свисали тонкие нити водорослей. Челюсти чудовища совершали медленные жевательные движения, словно оно еще не до конца насладились вкусом редкостного изысканного блюда.

Бешено застрочил автомат. Одно блюдце лопнуло, и из глазницы потекла густая зеленая жидкость. Голова скрылась под водой и, судя по тому, как в этом месте разбушевалась река, животное заметалось по дну.

Сэмми, которого громкий стрекот автоматной очереди вывел из обморока, шевельнулся и поднял глаза на Молита и Малыша Ку.

— Мои ноги! Что-то оттяпало мне ноги.— И по-детски изумленно добавил: — А я ведь почти ничего не почувствовал. Только слегка резануло болью, как при судороге. Но из-за этого я лишился ног!

— Поправишься.— Молит продолжал бинтовать культю.

— Нет. На этой планете мне не поправиться.— По телу Сэмми прошла дрожь, словно из жарких джунглей на него вдруг повеяло каким-то странным холодом.— Со мной покончено. Вам лучше меня здесь оставить.

— То, что ты временно вышел из строя, не дает тебе права молоть всякую ерунду. Так что заткнись! — резко оборвал его Молит.

Слабо улыбнувшись ему, Сэмми промолвил:

— Груби сколько хочешь — меня ты этим не проведешь. Я же знаю, что настал мой черед дать работу лопате.

— Мы понесем тебя,— отрезал Молит.— Для разнообразия. Рытьем могил я сыт по горло. Выбрось-ка из твоей дурацкой башки, что ты можешь заставить меня выкопать еще одну!

Молит, который теперь был за старшего, пришел к выводу, что река в этом месте — препятствие для них непреодолимое. Будь их только двое, он и Малыш Ку, он пошел бы на риск и попробовал перелететь на тот берег, держась за какую-нибудь другую лиану.

Но переправить туда Фини и Сэмми было невероятно трудно. Проще вернуться к тропе, что вела на запад, и там же поискать какую-нибудь другую, которая, может, потом повернет к северу.

Они срубили и обтесали две прямые ветки, и Малыш Ку натянул между ними мягкую циновку, которую он сплел из похожей на камыш травы. Ловкость, с которой при этом двигались его худые длинные пальцы, поразила наблюдавшего за ним Молита. Очевидно, Малыш Ку обладал особым талантом к подобным поделкам — работа была выполнена с такой быстротой и сноровкой, что Молит и мечтать не мог когда-нибудь сравняться с ним в этом мастерстве.

На таких самодельных, но удобных носилках Сэмми отправился в путь. Рядом с ним лежало его мачете. Как бы ни сложились обстоятельства, не было ни малейшего шанса на то, что он сможет применить его, но им не хотелось расставаться с этим оружием. К тому же само его присутствие немного подбадривало человека, которого несли на носилках: это как бы означало, что те двое по-прежнему считают его полноценным членом их маленького отряда. Но никто лучше его не знал, насколько это далеко от истины.

Итак, он беспомощно лежал на носилках, ловил взглядом успокаивающие отблески солнечного света на лезвии мачете, смотрел, как над ним проплывают ветви деревьев, безмолвно кусал нижнюю губу, чтобы не выдать, насколько ему тяжело, и старался как-то отвлечься от жгучей боли в обрубках ног. Благодаря стекловидным оболочкам, покрывавшим раны, он не терял крови. Эти оболочки были непроницаемы и для микробов. Другое дело — бактерии, которыми кишмя кишела желтая река. Они проникли в его организм, когда доступ к ранам был еще открыт, и теперь, запертые под этой изолирующей массой, вступили в борьбу с его белыми кровяными тельцами.

К середине второй ночи нестерпимое жжение распространилось на поясницу. Не в силах заснуть от боли, Сэмми лежал между костром и телом спящего Малыша Ку. А неподалеку взад-вперед вышагивал Билл Молит,

который нес свою очередную вахту. Поскуливал во сне Фини, растянувшийся на мешках с поклажей. Сэмми вздохнул и, пытаясь сесть, с усилием приподнял над землей верхнюю часть туловища. В его темных глазах замерцали отблески пламени. Подошел Молит, опустился рядом с ним на колени и шепотом, чтобы не разбудить Малыша Ку, спросил:

— Ну, как ты?

— Плоховато. Я...

— Погоди-ка.— Молит направился к сложенным в кучу мешкам, осторожно вытащил из-под Фини свой, порывшись в нем и вернулся к Сэмми.— Я прихватил их со спасательной шлюпки. Хотел прибереечь...

— Какой шлюпки? — спросил Сэмми.

— Той, которая нас сюда доставила.

Сэмми прищурил глаза, собрался с мыслями и проговорил:

— Ах, да, та шлюпка. Господи, как же это было давно.

— Хотел прибереечь их до той знаменательной минуты, когда мы увидим перед собой купол спасательной станции.— Молит показал небольшую запечатанную жестянку с сигаретами.— Но теперь такое количество нам не понадобится.

— Убери их,— выдохнул Сэмми. Он безуспешно старался не показать виду, что задыхается.— Жаль сейчас открывать банку. Ведь сигареты не смогут храниться месяцами, если в банку попадет воздух.

— Малыш Ку не курит. Остаемся ты да я.— Молит разгерметизировал банку и щелчком откинул крышку. Он дал Сэмми сигарету, поднес ему огонек, а другую закурил сам.— Как насчет укола морфия?

— Умеешь делать уколы?

— Нет.

Опершись на руку, Сэмми с трудом приблизил свое лицо к лицу Молита и заговорил, понизив голос:

— Вы тащили меня на руках два дня. Сколько вы прошли за это время?

— Миль семь,— наугад ответил Молит.

— Получается три с половиной мили в день. Малова-то, верно? И всякий раз, когда тропу преграждают лианы, вам приходится опускать меня на землю, чтобы прорубить проход. Потом вы снова беретесь за носилки. У вас только по две руки, а не по шесть. И ноги у вас тоже не железные. Вы не можете все время идти с такой ношей.

— Ну и что из того? — внимательно глядя на него, спросил Молит.

— У Малыша Ку есть пистолет.

— Ну и что из того? — с тем же выражением в голосе повторил Молит.

— Сам знаешь.

Молит выпустил тонкую струйку дыма и понаблюдал, как она рассеивается в воздухе.

— Со стороны я, наверное, человек дрянной. Быть может, ты меня таким и считаешь. И не исключено, что ты прав. Но при всем при том я не убийца.

— Да взгляни ты на это иначе, — взмолился Сэмми. Он опять сморщился от боли. На его лбу поблескивали капельки пота. — Ты же знаешь, что я все равно скоро умру, чуть раньше или чуть позже. Это лишь вопрос времени. И я прошу тебя сделать так, чтобы мне было легче. Я б очень хотел...

— На самом же деле ты хочешь, чтобы мы облегчили себе существование, — прервал его Молит. — Еще пискни, и я оторву твою безмозглую башку!

Приподнявшись на локте, Сэмми слабо улыбнулся.

— Тебе, Билл, нет равных в умении успокоить человека с помощью угроз.

— Схожу за морфием.

Тяжело ступая, Молит обогнул костер и стал рыться в их запасах. „Билл“, — думал он. Пожалуй, впервые Сэмми назвал его по имени. Возможно, что так обращались бы к нему сейчас и другие, доживи они до этого дня.

К примеру, Пейтон. Может, сегодня они уже не обменивались бы такими фразами, как „Эй, Пейтон, подними-ка вот это“ и „Слушаюсь, мистер Молит“, а разговаривали бы между собой совсем по-другому: „Прихвати эту штуку, Гэнни“ — „Хорошо, Билл“.

И, вполне вероятно, миссис Михалич сейчас звала бы его „Биил“, а он, обращаясь к ней, говорил бы „Герда“ или „Матушка“ или придумал бы какое-нибудь глупое ласковое прозвище, вроде „Тутси“. Когда-то, давным-давно, он оторопел бы от одной мысли, что такое возможно. Более того, от злости бы лопнул. Так было раньше, но не теперь, теперь — нет. Времена меняются. А вместе с ними и люди.

Сэмми, не раздумывая, бросился в реку на помощь Кесслеру, а теперь просит их, чтобы выстрелом из пистолета они сняли с себя бремя, которое он на них возложил. Пейтон без оглядки ринулся навстречу неведомой

опасности с единственной целью — отвести ее от других. Герда и Григор хотели умереть в одиночестве, чтобы не быть обузой для остальных. Даже Фини, и тот напал бы на одну из тех пятидесятитонных галопирующих махин, пытаясь спасти людей, не дать их растоптать. Словом, каждый по-своему, в зависимости от характера, проявил мужество: кто действовал сгоряча, кто — холодно, одни — под влиянием импульса, другие — рассудочно.

А что в багаже у него, у Молита? Танцовщица, вытатуированная на руке, и фейерверк метеоритов, разлетевшихся по всей его широкой спине. Клок волос на груди. Могучее, как у быка, тело и выносливость, при которой он может брести до последнего, пока не упадет замертво.

Все остальное — невежество. Его профессиональные знания в области реактивной техники сейчас, в этих обстоятельствах, не более чем бесполезный хлам. Он ничего не смыслит в хирургии, мало что знает о применении лекарств. Не обладает острым, как у Фини, слухом и его на редкость тонким обонянием. У него нет таких проворных пальцев, как у Малыша Ку, нет его флегматичного склада ума и невозмутимого спокойствия, с которым тот приемлет будущее. Даже плавать, как Сэмми, он и то не может. Выходит, он вообще толком ни черта не умеет.

Если не считать умения успокаивать людей с помощью угроз. Да, хоть эта мелочь в его пользу, крошечный плюс против его имени.

Как у большинства людей, глубоко переживающих свои заблуждения, самооценка у него была до нелепости заниженная. Его психика сейчас напоминала маятник, который, пока не выравняется его качание, переносится из одной крайней точки амплитуды в другую. И на это была причина. Из глубины его существа... а может, извне, из немыслимой дали?.. ему слышался голос.

Со шприцем в руке он вернулся к Сэмми.

— Я рассудил так: один полный шприц морфия — это самая большая допустимая доза. Надеюсь, что угадал. Ну как, рискнешь?

— Да.— Лицо Сэмми перекопилось от боли. Он вырвал недокуренную сигарету.— Делай, что угодно, что угодно, только б мне стало полегче.

— По-моему, лучше всего колоть в бедра. Поближе к ранам. Хочешь, вкачу по полшприца в каждое?

Сэмми согласился. Опустившись рядом с ним на колени, Молит впрыснул ему морфий. В жизни он не чувство-

вал себя так неуверенно, но огромным усилием воли он заставил свои большие волосатые пальцы проделать это четко и осторожно.

Он поднялся с колен.

— Тебе лучше?

— Пока еще нет. Должно быть, надо одну-две минуты подождать. — Сэмми, обливаясь потом, откинулся на спину. Спустя какое-то время, показавшееся вечностью, он проговорил: — Боль стихает. Уже намного легче. — Он закрыл глаза. — Спасибо, Билл.

В бледном свете второй луны, который просачивался между деревьями, его лицо испускало странное призрачное сияние. Молит подождал немного, потом наклонился к Сэмми и прислушался к его дыханию. Довольный, что тот уснул, он вернулся на свой сторожевой пост.

Поздним утром, когда они поднимались на небольшую возвышенность, Молит почувствовал, что носилки тянут его назад, и оглянулся. Малыш Ку остановился и уже опускал свои концы палок на землю. Молит опустил и свои тоже.

— Что случилось?

— Она не смотреть. Не двигаться. Чуть-чуть не падать с носилки. Моя думает, она умирать, — неуверенно сказал Малыш Ку.

Фини на негнущихся лапах подошел к неподвижному телу, обнюхал его и тонким голосом пронзительно завыл. Молит взглянул на Сэмми, пощупал его запястье, приложил ухо к груди. И достал лопату...

Они прихватили поклажу и оружие и пошли дальше.

Их было трое — двое людей и собака.

День тридцать второй, а может, тридцать шестой или пятьдесят шестой? Никто не знал, и никому до этого не было дела. Они потеряли счет дням, ибо считать их не было смысла. Единственным ничтожно малым утешением было то, что они перебрались на другой берег реки, — в месте, где она сужалась и из воды торчали большие камни, по которым и удалось ее перейти. Теперь они снова шли на север.

Количество пройденных миль было неразрешимой загадкой. Может, триста, а может, четыреста. В лучшем случае они прошли четверть пути до спасательной станции, если допустить, что Саймс не ошибся в своих расчетах. Им нужно было преодолеть расстояние, в несколько раз превышающее то, которое они уже прошли.

Как-то в полдень, когда они позавтракали, Молит случайно взял в руку вещевой мешок Малыша Ку. Их мешки выглядели одинаково, но стоило ему поднять этот, и он сразу понял, что мешок не его. Он молча опустил его на землю, взял другой мешок, забросил его за спину и, подтянув на плечи ремни, сжал в кулаке рукоятку своего мачете.

С этой минуты Молит стал исподтишка наблюдать за Малышом Ку. И довольно быстро уяснил себе, что тот замыслил. Действовал Малыш Ку спокойно и очень ловко; если б случай с мешком не заставил Молита заподозрить неладное, он так ничего б и не заметил.

За каждой едой один из них — тот, чья очередь, — вскрывал для Фини пакет с пищевым концентратом из своего запаса. Это Малыш Ку проделывал честно, однако картина менялась, когда ему нужно было открыть другой пакет для себя. У него наготове был один уже вскрытый, который он каждый раз доставал, делая вид, что вскрывает и ест его содержимое. Однако он никогда не выбрасывал упаковку, которой полагалось после еды опустеть. Плоский пакет возвращался в его мешок с тем же содержимым, готовый к использованию в следующей пантомиме. Его мешок казался процентов на двадцать тяжелее мешка Молита, следовательно, по приблизительному подсчету, Малыш Ку проделывал этот фокус уже дней шесть-семь.

Однако Малыш Ку не умирал от голода. Он ел по ночам, во время своих очередных дежурств. Лежа у костра, Молит незаметно, одним глазом проследил за ним и увидел, как тот с жадностью поглощает фрукты, ягоды и коренья, собранные им в джунглях, наедается до отвала, готовясь к голодовке следующего дня. Было ясно, почему он так ведет себя, и душа Молита заклокотала от возмущения.

— У нас недостаточно продовольствия, да? — спросил он Малыша Ку. — Оно кончится раньше, чем мы одолеем половину пути до станции, так?

— Моя не знает.

— Отлично знаешь, черт тебя дери! Ты мне не вилай. Ты же все рассчитал своим подлым умишком. Прикинул, что нам никогда не добраться до станции, если мы не начнем есть то, что растет в джунглях. А кто-то же должен стать подопытной морской свинкой, вот тебе и втемяшилось в голову, что такой свинкой станешь ты.

— Моя не понимать, — запротестовал Малыш Ку,

глядя на Молита с непроницаемым выражением в черных глазах.

— Не придуривайся! — Молит вперил в Малыша Ку такой взгляд, словно уличил его в каком-то тяжком преступлении. — Незнакомые пищевые продукты очень опасны. Никогда не предскажешь, как они могут подействовать на человеческий организм. Вот ты и рассудил: если с тобой ничего не случится, это решит для нас вопрос питания на остаток пути... Но если это не пройдет тебе даром, если ты убьешь себя (он в ярости стукнул кулаком по своему мешку), тогда останется намного больше еды для меня и Фини.

— Моя все равно, если моя умирать, — возразил Малыш Ку с истинно восточной логикой.

— А мне не все равно! — взревел Молит. — С твоим проклятым мешком не побеседуешь, если ты сдохнешь. Он мне не компания. Да и по ночам он не сможет дежурить со мной по очереди. Кто будет охранять меня, когда я сплю?

— Хороший собака, — сказал Малыш Ку, взглянув на Фини.

— Собаки мне недостаточно. — Молит говорил жестко и властно. Он толкнул Малыша Ку в грудь и, совершенно не соображая, какую городит чушь, заявил: — Если ты из-за этого умрешь, я убью тебя! Теперь я хозяин всего, что осталось от нашей экспедиции, и я запрещаю тебе затруднять меня своей смертью, понял?

— Моя пока не умирать, — пообещал Малыш Ку и десять дней честно держал слово.

Первым знаком того, что он собирается нарушить свое обещание, было его падение: он рухнул, как подкошенный, головой вперед, судорожно поскреб ногтями землю, потом заставил себя подняться на ноги и, спотыкаясь, побрел дальше. Пройдя так ярдов десять, он нагнал поджидавшего его Молита и на этот раз запретил себе упасть. Со стороны это выглядело очень странно.

Он стоял перед Молитом, раскачиваясь, как травинка на ветру, и лицо у него было цвета старой слоновой кости. Его колени медленно сгибались, так медленно, словно что-то тянуло их вниз, преодолевая его отчаянное сопротивление. Таким вот образом, мало-помалу уступая, он все-таки опустился на колени, извиняющимся тоном пробормотал: — Моя больше не может. — И упал на руки подхватившего его Молита.

Быстро сняв с него пояс с пистолетом и зарядами и

вещевой мешок, Молит положил его на заросший мхом пригорок, а Фини бегал вокруг них, взволнованно скуля. Когда Молит нагнулся над Малышом Ку и попытался привести его в чувство, голубое солнце плеснуло жаром в просвет между листьями и опалило ему шею.

— Не вздумай смыться, слышишь? — Молит настойчиво встряхнул его. — Не смей уйти, как все остальные. Я не стану рыть для тебя могилу. Не надейся! — Он схватил лопату и зашвырнул ее в джунгли. На лбу его пульсировала вздувшаяся вена. — Видишь, я выбросил эту штуку, будь она трижды проклята. Ею никто больше не выроет ни одной могилы. Никогда, никогда, никогда! Ни для тебя, ни для меня. — Он похлопал по щекам цвета слоновой кости. — А ты проснись, ладно? Ну, давай, просыпайся!

И Малыш Ку послушно проснулся, повернулся на бок и его вырвало. Когда рвота прекратилась, Молит подхватил его под мышки и насильно поставил на ноги, поддерживая, чтобы тот не упал.

— Теперь порядок?

— Много-много больная.

Малыш Ку повис у него на руках.

— Тогда чуток посидим.

Опустив его обратно на пригорок, Молит присел рядом и положил голову Малыша Ку себе на колени. Фини тревожно залаял — ярдах в сорока от них в зарослях мелькнули огромные кольца змееподобного существа. Молит схватил пистолет и послал в ту сторону очередь из пяти выстрелов. Свитое в кольцо чудовище быстро заскользило назад. Молит снова занялся Малышом Ку, проклиная собственное бессилие и взывая к лежащей у него на коленях голове:

— Ну, перебори себя, малыш. Нам еще идти да идти, но мы это осилим, если будем держаться друг друга. Мы уже прошли с тобой много-много миль. Ты же не сдашься сейчас, правда? Говорю тебе, возьми себя в руки!

Солнце скрылось за горизонтом, жалобно заскулил Фини; сгустилась тьма, пока ее немного не рассеял слабый тусклый свет появившихся на небе трех лун. А Молит все сидел, держа на руках Малыша Ку, и время от времени обращался к нему с какими-то словами, но уши того оставались глухи. Молиту показалось, что громадное голубое солнце разметало и спутало его мысли, и он потерял над ними власть.

У него возникло ощущение, будто он ограждает свои-

ми руками от неведомой опасности не только Малыша Ку, но и всех остальных, кто некогда брел с ним по этим чужим тропам. Саймса и Пейтона, Сэмми и Кесслера, обоих Михаличей. Да и тех, с кем он жил и общался в те давние времена, когда еще существовал большой серебристый цилиндр, называвшийся „Стар Куин“.

И еще ему казалось, будто он слышит голос, который звучал сейчас намного громче и настойчивей, чем прежде. Но хоть убей, он не мог разобрать, какие слова пытался сказать ему этот голос.

Он просидел так до самого рассвета, одежда его стала влажной от росы, веки вспухли и покраснели. Малыш Ку был еще жив, но без сознания и ни на что не реагировал. Он был в состоянии полного оцепенения, как после приема большой дозы наркотика.

Это напомнило Молиту, что, если верить слухам, такие, как Малыш Ку, подвержены наркомании. А вдруг у Малыша Ку имелся тщательно запрятанный запас опиума — либо в его мешке, либо при нем, в одежде? Молит обыскал все и, надо сказать, очень тщательно. И не нашел никакого опиума. Сколько-то дней назад он точно так же обыскал Сэмми. И не нашел никаких бриллиантов. Ни у одного не оказалось тех вещей, которые, по сложившимся о них представлениям, эти люди должны были всегда иметь при себе.

Он пришел к выводу, что жизнь в некотором смысле — это огромная ложь, черт ее дерит. А правда — тоже в каком-то смысле — открывается со смертью. Среди вещей Малыша Ку не оказалось ничего заслуживающего внимания, кроме выцветшей потрескавшейся фотографии, на которой была запечатлена деревушка с домиками под покосившимися крышами, а на заднем плане виднелись какие-то горы. Только и всего. И ничего больше. Его рай, его царство небесное на земле.

— Я привезу тебя туда, — поклялся Молит. — Даже если на это уйдет десять лет.

Надев пояс с зарядами и пристегнув к нему пистолет, он набил до отказа один из мешков, закрепил ремни так, что теперь, когда он продел в них руки, мешок висел у него на груди, а не за спиной. Часть содержимого походной аптечки он рассовал по карманам, а что не поместилось, оставил на пригорке. Воткнул мачете заостренным концом в землю, чтобы можно было взяться за рукоятку не нагибаясь, взвалил на спину Малыша Ку, сжав в своей волосатой лапе оба его тощих за-

пятью, другой рукой выдернул из земли мачете и пустился в путь.

Когда они двинулись дальше, Фини очень оживился: он прыжками понесся вперед, то и дело к чему-то прихихиваясь и часто оглядываясь, чтобы убедиться, следует ли за ним Молит. Полчаса ходьбы, пять минут отдыха; полчаса ходьбы, пять минут отдыха. Еще хорошо, что судьба наградила его таким сильным телом, одновременно распорядившись, чтобы Малыш Ку был маленьким, ссохшимся — кожа да кости — подобием человека.

И вот, тащась по тропе, Молит начал разговаривать вслух. Иногда с Малышом Ку, безмолвное тело которого было перекинуто через его широкое плечо. Иногда — с Фини, удивительно терпимо воспринимавшим любое его чудачество, как самое что ни на есть обычное явление. А бывало, что он, ни к кому не обращаясь, выкрикивал гневные фразы, порожденные жаром голубого солнца и чужой атмосферой. Его тело пока функционировало, а разум уже помутился, но сам он об этом не подозревал.

Во время восьмой остановки Малыш Ку издал горлом тихий прерывистый хрип, впервые со вчерашнего дня открыл свои черные глаза и прошептал:

— Моя много извиняйся.

И с присущим ему спокойствием тихо ускользнул туда, куда уходят Малыши Ку. А Молит не заметил, что его уже нет. Он поднял его тело и понес дальше сквозь зеленый ад, потом опустил его на землю, снова поднял, снова понес: одна изнуряющая миля за другой, один час пекла за другим. Молит иногда разговаривал с ним, и почти всегда Малыш Ку отвечал ему, любезно и без запинки.

— Мы все ближе к цели, малыш. Хорошо продвигаемся вперед. Сегодня прошли пятьдесят миль. Что ты на это скажешь?

— Чудесно, — ободряюще отвечало мертвое лицо.

— А может, завтра мы пройдем сто. Под этим голубым солнцем. Оно все хочет меня сжечь, но я ему не дам. Вонзается мне прямо в мозг и требует: „Падай, ну, падай же, будь ты проклят!“, но я не упаду, слышишь? Ты имеешь дело с Биллом Молитом. А я плюю на голубое солнце. — И он плевал для вящей убедительности, а Малыш Ку лежал, замерев от восхищения. — На следующей неделе в среду мы дойдем до купола. Они там организуют для Сэмми новые ноги. А через месяц во вторник будем уже лететь к Земле. — Он торжествующе фыркал. — И к рождеству мы дома, а?

— Разумеется! — с положенным восторгом отвечал Малыш Ку.

— А Фини угостим говяжьими костями, — добавлял Молит, обращаясь к собаке. — Как ты на это смотришь?

— Сгораю от нетерпения, — отвечал Фини и со всех ног бежал вперед.

Как же хорошо иметь настоящих друзей там, где без них было бы ужасающе одиноко.

Слышать, как они с тобой разговаривают — они и тот голос, который все звал, звал...

В среду он свернул на восток. Компас лежал там, где он обронил его два дня назад — под необычайной красоты орхидеей, которая издавала зловоние. Он не отличал востока от запада, севера от юга, но его могучее тело продолжало идти, точно взбесившийся механизм, который упрямо не желает остановиться. И все это время Фини бежал впереди него на расстоянии прыжка; днем помогал обходить замаскированные ямы-ловушки, по ночам — стерег его.

Его обожженное лицо стало кирпично-красным и было изборождено глубокими морщинами, черными от пыли и пота. Нечесаная свалывшаяся борода клочьями свисала на грудь. Глаза его были налиты кровью, зрачки расширены, но тело продолжало шагать вперед с бездумным упорством робота.

Время от времени он втыкал мачете в землю, выхватывал пистолет и стрелял, кое-как прицелившись, примерно в том направлении, где появлялись какие-то животные, которые напали бы на него, стреляя пистолет бесшумно. Но они убегали от громкого треска пальбы, не перенося этих звуков. Раза два он стрелял в драконов, которые существовали только в его больном воображении. Остановившись передохнуть, он всякий раз беседовал с Малышом Ку и Фини, и они на его блестящие остроты неизменно отвечали наизабавнейшими шутками.

Как это ни странно, он никогда не забывал покормить собаку. Иногда он так увлекался разговором со своими двумя собеседниками, что пренебрегал необходимостью поесть самому, но не было случая, чтобы он не вскрыл пакета с пищевым концентратом для Фини.

Когда Молит вышел к крайнему отрогу горной цепи, он оказался на возвышенности. Джунгли поредели и постепенно уступили место голым скалам, и пришло время, когда он уже тащился там, где не было ни тропы, ни

деревьев, и ничто больше не защищало его от жгучих лучей висевшего в небе огненного шара.

„Выше, еще выше“, — настойчиво твердило то, что заменило ему разум. Он взбирался по пологим склонам, оступившись, скользил вниз, хватаясь за предательские выступы скал, чтобы удержаться, но продолжал ковылять дальше. „Попробуй-ка выбраться из ущелья, старик сказал, «Стар Куин» уходит в небо, кто говорит, что Билл Молит в числе погибших? Выше, выше!“

Миля, ярд, дюйм или сколько там — вверх. Потом отдых и беседа. Еще миля, ярд или дюйм вверх. Дыхание его стало затрудненным, прерывистым. Зрение почему-то не фокусировалось, и бывало, что поверхность, по которой он шел, то неожиданно вздымалась перед его глазами, то становилась совершенно плоской, и он спотыкался, застигнутый врасплох.

Две костлявые руки с нечеловеческой силой оттягивали книзу его левое плечо, и что-то темное, издавая назойливые звуки, вертелось у его спотыкающихся ног, обутых в грубые башмаки. Звуки теперь слышались со всех сторон: они неслись с высоты небес, они пробивались из глубин его существа, разрушая незыблемую тишину этого мира, которая теперь сменилась адской какофонией.

О, этот лай и визг непонятного создания, что металось перед его глазами, это пульсирующее „у й о у м у й о у м“, которое доносилось с какой-то неведомой точки вблизи огнедышащего, как раскаленная печь, солнца. И голос, сейчас уже гремевший в его душе подобно грому, так что ему наконец удалось разобрать слова.

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные...

Плевать он хотел на этот голос. Он и прежде никогда к нему не прислушивался. Может, он существует, может, нет. Но голос произнес одно слово, которое заинтересовало его. Одно единственное слово.

„В с е“, — сказал голос.

Он никого не отметил особо.

Никому не отдал предпочтения.

Он сказал: „В с е“.

„Точно!“ — мысленно согласился Молит и рухнул головой вперед, как сраженный ударом бык, вытянувшись среди раскаленных скал, и маленькое коричневое существо, скуля, принялось лизать его лицо, а голубое солнце продолжало выжигать почву чужой планеты.

„У й о у м-у й о у м“ покинул свое место возле солнца, снизился и выбросил тонкую нить, на конце которой висело нечто, похожее на толстого черного паука. Паук коснулся поверхности планеты, разделился пополам и стал двумя людьми, одетыми в тускло-коричневого цвета униформу. В их ноздри были вставлены миниатюрные фильтры.

Бешено крутя обрубок хвоста, Фини прыгнул на первого из них с явным намерением слизнуть с его лица кожу. Жертва взяла Фини на руки, потрепала за уши и ласково шлепнула по спине.

Второй наклонился над телами, потом пошел назад к нити и заговорил в болтавшийся на ее конце аппаратик:

— Честь и хвала твоему зрению, Эл. Ты ведь был прав. Их действительно двое — один парень тащил на себе другого. — Молчание, затем: — Им неоткуда здесь взяться, кроме как с той спасательной космошлюпки. Жаль, что они не остались в ней, ведь мы засекали ее, когда она опускалась на поверхность планеты.

— Однако же на ее поиски у нас ушло десять дней, — донесся сверху голос пилота. — За такой срок у них лопнуло бы терпение, и они все равно ушли бы в джунгли. — Немного подумав, он заговорил снова: — Я по коротковолновику свяжусь с куполом — пусть они пришлют патруль, чтобы прочесать весь путь отсюда до космошлюпки. Если выжил кто-нибудь еще, то наверняка прячется в зарослях именно по этому маршруту.

— Что значит „кто-нибудь еще?“ Эти двое мертвей мертвых. Жива только собака.

— Все-таки не мешает проверить.

— Дело твое.

Отойдя от аппарата, говоривший вернулся к своему напарнику.

— Этот громила скончался совсем недавно, — сказал тот. — Просто диву даешься, как ему удалось сюда добраться. Мы опоздали всего на несколько минут. А другой умер дней пять назад.

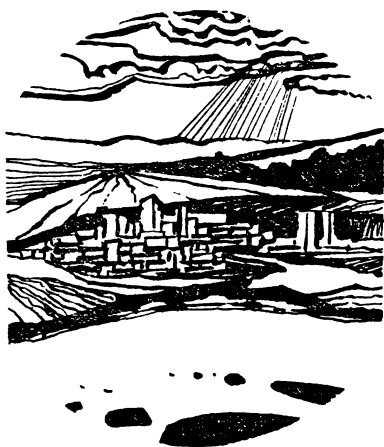
— Какого же черта он тащил на себе труп?

— Откуда мне знать? Может, он был его лучшим другом.

— Кто? Этот недомерок — китаеза? Не будь идиотом!

Никогда в жизни ничто не заставило его услышать тот голос.

„Все“, — говорит он.

И не осталось
НИКОГО

Диаметр космического крейсера был восемьсот футов, длина — немногим больше мили. Растянулся он через все поле, прихватив половину соседнего. Земля осела под его тяжестью футов на двадцать.

Две тысячи людей на борту четко делились на три группы. Высокие, подтянутые, с прищуренными глазами — экипаж. Коротко стриженные, с тяжелыми челюстями — десантники. И наконец, лысеющие, близорукие, с невыразительными лицами — штатские чиновники.

Экипаж разглядывал этот мир с профессиональным, но безразличным интересом людей, привыкших окидывать планету быстрым цепким взглядом, прежде чем устремиться к другой. Солдаты взирали на него со смесью грубоватого презрения и скуки. Чиновники — с холодным властным выражением.

Эти люди привыкли к новым мирам, посетили десятки их и ничего необычного не испытывали. Освоение новой планеты, как и предыдущих, было всего лишь повторением хорошо отработанной, четко выполняемой программы. Но на этот раз они здорово влипли, хотя еще не знали об этом.

С корабля высаживались в строго установленном порядке. Первым — имперский посол. За ним — капитан крейсера, командир десантного подразделения, старший гражданский чиновник.

Ну и потом, разумеется, сошка помельче, но в том же порядке: личный секретарь его превосходительства, старший помощник капитана, заместитель командира десантников и канцелярские крысы соответствующего ранга.

И так ступень за ступенью, исключая самых низших: парикмахера его превосходительства, чистильщика сапог и слуги, рядовых и нескольких канцелярских служек, взятых временно и мечтающих о постоянном месте. Это сборище несчастных оставалось на борту для уборки корабля под приказом воздерживаться от курения.

Будь планета неизвестной и враждебной, высадка проходила бы в обратном порядке, выполняя библей-

ские предсказания о том, что последние будут первыми, а первые будут последними. Но неизвестной эта планета была только формально, потому что давно уже числилась в пыльных гроссбухах и папках в двухстах с лишним световых года отсюда как поспевший для сбора плод. Задержка объяснялась только сверхобилием других переспевших плодов.

Согласно архивным данным планета лежала на самой дальней границе гигантского скопища миров, заселенных во время Великого Взрыва — переселенческой лихорадки, охватившей Терру, когда двигатель Блидера практически преподнес ей космос на блюде.

В те времена каждая семья, клан или племя, решившие поискать счастья, выходили на звездные тропы. Мятущиеся, честолюбивые, недовольные, эксцентричные, антиобщественные, непоседливые и просто любопытные срывались с места десятками, сотнями, тысячами.

Около двухсот тысяч бывших жителей Терры обосновались лет триста тому назад на этой планете. Как обычно и случается, процентов на девяносто поселенцы были знакомыми, родичами или друзьями пионеров, людьми, решившими последовать примеру дяди Эдди или доброго старого Джо.

Если с тех пор они раз в шесть или семь размножились, то к настоящему времени их здесь было несколько миллионов. А то, что они размножились, стало ясным еще при подходе к планете: больших городов не наблюдалось, но обнаружилось изрядное количество мелких городков и деревень.

Его превосходительство одобрительно глянул на дерн под ногами, наклонился и ворча выдернул травинку.

— Трава-то как у нас на Терре, капитан? Это что, совпадение или они завезли с собой семена?

— Совпадение, наверное, — высказал свое мнение капитан Грейдер. — Я уже бывал на четырех травянистых планетах. Есть, наверное, и другие, где трава растет.

— Да, вероятно. — Его превосходительство осмотрелся вокруг с хозяйственной гордостью. — Похоже, там кто-то пашет землю. Маленький двигатель, два широких колеса. Неужели они такие отсталые? — Он потер пару подбородков. — Приведите его сюда. Побеседуем, выясним, с чего лучше начинать.

— Есть. — Капитан Грейдер повернулся к полковнику Шелтону, командиру десанта: — Его превосходитель-

ство желает говорить с фермером.— Он показал на далекую фигурку.

— Вот тот фермер,— сказал Шелтон майору Хейму.— Его превосходительство требует фермера немедленно.

— Доставить фермера сюда,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.— Быстро.

— Взять этого фермера,— сказал Дикон старшему сержанту Бидворси.— Да поживее. Его превосходительство ждет.

Старший сержант, огромный краснолицый человек, поискал взглядом кого-нибудь рангом пониже, но вспомнил, что все низшие чины убирают сейчас корабль под запретом курить. Миссия, видимо, выпала ему.

Бухая башмаками по полю и подбежав на расстояние окрика к указанному объекту, он продемонстрировал образцовую строевую стойку, испустил казарменным басом вопль: „Эй ты, здорово!“ — и призывно замахал руками.

Фермер остановился, вытер пот со лба, оглянулся. По его поведению было похоже, что громада крейсера для него не более чем мираж. Бидворси опять замахал, делая весьма повелительные жесты. Фермер спокойно помахал в ответ и продолжал пахать.

Бидворси выругался и подошел поближе. Теперь ему было хорошо видно обветренное лицо фермера и его густые брови.

— Здорово!

Снова остановив плуг, фермер оперся на него, ковыряя в зубах.

Осененный мыслью, что за последние три года века старый земной язык мог уступить место какому-нибудь местному наречию, сержант спросил:

— Ты меня понимаешь?

— А может один человек понять другого? — осведомился фермер на чистейшем земном языке и повернулся, чтобы продолжать работу.

Бидворси несколько растерялся, но, придя в себя, торопливо сообщил:

— Его превосходительство имперский посол желает говорить с тобой.

— Ну? — Фермер окинул его задумчивым взглядом.— А чем это он превосходитен?

— Он особа значительной важности,— заявил Бидворси, который никак не мог решить, издевается ли этот

тип над ним или был тем, что принято называть „характером“.

— Значительной важности,— повторил фермер, переводя взор на горизонт. Он, видимо, пытался понять смысл, вкладываемый чужаком в эти слова. Подумав немного, он спросил: — Что случится с твоим родным миром, когда эта особа умрет?

— Ничего,— признал Бидворси.

— Все будет идти как прежде?

— Конечно.

— В таком случае,— заявил фермер решительно,— нечего его считать важной особой.— С этими его словами моторчик загудел, колеса закрутились, и плуг начал пахать.

Вонзая ногти в ладони, Бидворси с полминуты вбирал в себя кислород, прежде чем сумел выдавить хрипло:

— Я не могу вернуться к его превосходительству без ответа.

— Да ну? — Голос фермера звучал недоверчиво.— Что же тебя держит? — Потом, заметив опасное увеличение интенсивности окраски лица Бидворси, добавил сочувственно: — Ну ладно, передай ему, что я сказал.— Он запнулся и добавил: — Благослови тебя боже и прощай!

Старший сержант Бидворси, мощный человек весом в двести двадцать фунтов, носился по космосу уже два десятка лет и ничего не боялся. В жизни на его голове и волосок не дрогнул, но сейчас, когда он вернулся к кораблю, его била дрожь.

Его превосходительство уставился на Бидворси холодным взором и требовательно спросил:

— Итак?

— Не идет.— У Бидворси на лбу жилы выступили.— Его бы в мою роту, сэр, на пару месяцев. Я б его так обтесал, что он скакал бы галопом.

— Я в этом не сомневаюсь, старший сержант,— утешил его превосходительство. И шепнул полковнику Шелтону: — Он хороший парень, но не дипломат. Слишком резок и голосом груб. Идите лучше вы сами и приведите этого фермера. Не сидеть же нам вечно и ждать, пока найдем, с чего начать.

— Есть, ваше превосходительство.— Полковник Шелтон двинулся через поле и поравнялся с плугом. Любезно улыбаясь, он сказал: — Доброе утро, дорогой мой.

Остановив плуг, фермер вздохнул, как бы покоряясь судьбе, которая иногда приносит и неприятные моменты, повернулся к пришельцу, глаза его были темно-кариими, почти черными.

— А чем это я вам дорог? — поинтересовался он.

— Это просто выражение такое, — объяснил Шелтон. Теперь он понял, в чем дело. Повезло Бидворси, наткнулся на раздражительного типа. Вот и сцепились. Шелтон продолжал: — Я просто старался быть вежливым.

— Что ж, — рассудительно заметил фермер. — Я думаю, что ради такого дела стоит постараться.

Несколько порозовев, Шелтон решительно продолжал:

— Мне приказано просить вас почтить своим присутствием наш корабль.

— Думаете, на корабле будут почтены моим присутствием?

— Я уверен в этом, — ответил Шелтон.

— Врете, — сказал фермер.

Побагровев, полковник Шелтон отрезал:

— Я никому не позволю называть меня лжецом.

— Только что позволили, — отметил его собеседник.

Пропустив это мимо ушей, Шелтон продолжал настаивать:

— Пойдете вы на корабль или нет?

— Нет.

— Почему?

— Зассд, — сказал фермер.

— Что?!

— Зассд, — повторил фермер.

От этого словечка пахло чем-то оскорбительным.

Полковник Шелтон отправился обратно.

— Строит кого-то из себя, — сказал он послу. — Все, чего я добился, в конце концов, было «зассд», что бы оно ни значило.

— Местный жаргон, — вмешался капитан Грейдер, — за три-четыре столетия развивается со страшной силой. Видывал я парочку планет, где жаргон так распространился, что практически приходилось учить новый язык.

— Вашу речь он понимал? — спросил посол, глядя на полковника.

— Так точно, ваше превосходительство. И сам говорил чисто. Но никак не соглашался прекратить пахать. — Подумав немного, он добавил: — Если бы решение вопро-

са предоставили на мое усмотрение, я бы его доставил сюда силой под вооруженным конвоем.

— Чем, конечно, поощрили бы его дать ценную информацию,— прокомментировал посол с нескрываемым сарказмом. Он погладил себя по животу, расправил пиджак, взглянул на свои начищенные туфли.— Ничего не остается, кроме как пойти самому с ним побеседовать.

Полковник Шелтон был шокирован:

— Ваше превосходительство, но вам не следует этого делать!

— Почему не следует?

— Идти самому не подобает вашему званию!

— Я отдаю себе в этом отчет,— сухо ответил посол.— Вы можете предложить что-либо другое?

— Мы можем выслать поисковую группу найти кого-нибудь посговорчивее.

— И потолковее,— высказался капитан Грейдер.— От этого деревенского лапотника мы все равно много не узнаем. Я сомневаюсь, известна ли ему хоть толика сведений, которые нам нужны.

— Хорошо.— Его превосходительство оставил мысль об экспедиции собственными силами.— Организуйте группу и давайте, наконец, добьемся каких-нибудь результатов.

— Поисковая группа,— сказал полковник Шелтон майору Хейму.— Выделить немедленно.

— Назначить поисковую группу,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.— Сейчас же.

— Поисковую группу вперед, старший сержант,— распорядился Дикон.

Бидворси подошел к кораблю, вскарабкался по трапу, сунул голову в люк и прорычал:

— Отделение сержанта Глида, на выход, да поживей!

Он с подозрением принюхался и пролез дальше в люк. Голос его набрал еще несколько децибел:

— Кто курил? Клянусь Черным Мешком, если поймаю...

С поля доносился звук работающего двигателя и шуршание толстых шин. Рывкнула команда — две шеренги по восемь человек развернулись и зашагали по направлению к носу корабля. Солдаты ступали в ногу, брнчала амуниция, и сверкало на пряжках оранжевое солнце.

Сержанту Глиду не пришлось вести своих людей далеко. Промаршировав ярдов сто, он заметил справа от се-

бя идущего через поле человека. Не обращая абсолютно никакого внимания на корабль, тот шел к фермеру, продолжавшему пахать.

— Отделение, напра-во! — завопил Глид. Дав своим людям обойти путника, он скомандовал им: — Кругом! — сопровождая команду выразительным жестом.

Ускорив шаг, отделение разомкнуло строй, образуя две шеренги, марширующие по обеим сторонам одинокого пешехода. Игнорируя этот неожиданный эскорт, пешеход продолжал идти своей дорогой, убежденный, видимо, в том, что все происходящее не более чем мираж.

— Нале-во! — заорал Глид, пытаясь направить всю эту компанию в сторону посла.

Молниеносно выполнив команду, двойная шеренга развернулась налево, демонстрируя образцовый воинский маневр. Одно лишь нарушило его безупречность: человек посредине продолжал идти своим путем и непринужденно проскользнул между четвертым и пятым номерами правой шеренги.

Глида это расстроило, тем паче что за отсутствием другого приказа отделение продолжало маршировать по направлению к послу. На глазах его превосходительства происходила недостойная армии сцена: конвой тупо чеканил шаг в одну сторону, а пленник беззаботно шел себе в другую. У полковника Шелтона найдется много чего сказать по этому поводу, а если он что и упустит, то Бидворси припомнит уж наверняка.

— Отделение! — завопил Глид, негодуяще тыча пальцем в сторону беглеца, причем все уставные команды мгновенно выскочили из его головы. — Взять этого хмыря!

Разомкнув строй, солдаты окружили путника так плотно, что он не мог двигаться дальше. Поэтому он застыл на месте.

Глид подошел к нему и сказал, несколько запыхавшись:

— Слушай, с тобой всего-навсего хочет поговорить наш посол.

Абориген ничего не ответил, лишь уставился на него мягкими голубыми глазами. Тип он был весьма забавный, давно небритый, рыжие баки, окаймлявшие лицо, торчали во все стороны. И вообще он был похож на подсолнух.

— Пойдешь ты к его превосходительству? — стоял на своем Глид.

— Не-а,— туземец кивнул в сторону фермера.— Я иду поговорить с Заком.

— Сначала с послем,— твердо ответил Глид.— Он — фигура.

— Я в этом не сомневаюсь,— заметил „подсолнух“.

— Ты у нас большой умник, да? — сказал Глид, соорудив отвратительную физиономию и приблизив ее к лицу собеседника.— А ну, ребята, тащи его. Мы ему покажем.

„Большой умник“ сел на землю. Сделал он это очень основательно, приняв вид статуи, прикованной к этому месту на веки вечные. Рыжие баки, правда, особого благородства ситуации не придавали. Но сержанту Глиду иметь дело с такими сидунами было не впервой. С той только разницей, что этот был абсолютно трезв.

— Поднять его и нести,— приказал Глид.

Солдаты подняли его и понесли, ногами вперед, баками назад.

Не сопротивляясь и расслабившись, абориген повис в их руках мертвым грузом. В такой неблагоприятной позе он и предстал перед послем.

Как только его поставили на ноги, он сразу же устремился в сторону Зака.

— Задержать его, чтоб вас... — заорал Глид.

Солдаты скрутили туземца. Его превосходительство оглядел аборигена с хорошо воспитанным умением скрывать неудовольствие, деликатно кашлянул и заговорил:

— Я искренне сожалею, что вам пришлось прибыть ко мне подобным образом.

— В таком случае,— предложил пленник,— вы могли бы избежать душевной муки, просто не позволив этому произойти.

— Другого выхода не было. Нам надо как-то установить контакт.

— Не понимаю,— ответили „рыжие баки“,— почему именно сейчас?

— Сейчас? — Его превосходительство нахмурился от растерянности.— При чем здесь это?

— Так я об этом и спрашиваю.

— Вы понимаете, о чем он говорит? — обернулся посл к полковнику Шелтону.

— Позвольте высказать предположение, ваше превосходительство. Я думаю, что он имеет в виду следующее: если мы оставили их без контактов с нами более чем на триста лет, то нет особой спешки в том, чтобы

устанавливать контакт именно сегодня. — Он обернулся к „подсолнуху“ за подтверждением.

Эта достойная личность подтвердила правильность его логики следующим образом:

— Для недоумка вы соображаете не так уж плохо.

Не говоря уже о Шелтоне, это было слишком для багровеющего поблизости Бидворси. Грудь его раздувалась, глаза извергали огонь, с командным металлом в голосе он рявкнул:

— Не смей проявлять непочтительность, обращаясь к старшим офицерам!

Мягкие голубые глаза пленника обратились на него в детском изумлении, медленно изучая с головы до ног. Потом они вернулись к послу.

— Что это за нелепая личность?

Нетерпеливо отмахнувшись от вопроса, посол сказал:

— Послушайте, в наши намерения не входит беспокоить вас из чистого своеуравия, как вы, кажется, склонны думать. Никто не намерен задерживать вас более чем необходимо. Все мы...

Подергивая себя за бородку, что придавало его поведению особое нахальство, туземец перебил посла:

— А решать, что необходимо, будете, разумеется, вы?

— Напротив, решение будет предоставлено вам, — ответил посол, демонстрируя достойное восхищения самообладание. — Все, что от вас требуется, — это сказать...

— В таком случае я уже решил, — опять перебил его пленник и попытался сбросить с себя руки конвоиров. — Дайте мне наконец пойти поговорить с Заком.

— Все, что от вас требуется, — стоял на своем посол, — это сказать нам, где мы можем найти представителя местной администрации, который нас свяжет с центральным правительством. — Слова эти сопровождались строгим начальственным взглядом. — Ну, например, укажите, где находится ближайший полицейский участок.

— Зассд, — ответил туземец.

— Сам зассд, — ответил посол, терпение которого начало иссякать.

— Именно этого я и добиваюсь, — загадочно заверил его пленник. — Только вы мне все время мешаете.

— Если можно внести предложение, ваше превосходительство, — вмешался полковник Шелтон, — позвольте мне...

— Никаких предложений мне не требуется, и я вам не позволю, — неожиданно грубо ответил посол. — Хва-

тит с меня этого шутовства. Мы, наверное, приземлились в зоне для умалишенных, нужно это понять и без задержки покинуть ее.

— Вот теперь вы говорите дело,— одобрили „рыжие баки“.— И чем дальше уберетесь, тем лучше.

— Я отнюдь не намерен покидать планету, если именно такая мысль пришла в вашу неразумную голову,— с глубоким сарказмом заверил его посол. Он похозяйски топнул ногой.— Эта планета — часть нашей Империи. И как таковая она будет зарегистрирована, изучена и реорганизована. Корабль лишь переместится в другой район, где люди лучше соблюдают.— Он сделал жест конвоирам.— Отпустите его. Он, без сомнения, спешит одолжить у кого-нибудь бритву.

Туземец, не сказав ни слова, сразу же направился к фермеру, как будто был намагниченной стрелкой компаса, непреодолимо притягиваемой к Заку. На лицах наблюдавших за ним Глида и Бидворси вырисовались отвращение и разочарование.

— Немедленно готовить корабль к перелету,— приказал посол капитану Грейдеру.— Сядем у какого-нибудь приличного городка, а не в глуши, где эта деревенщина принимает пришельцев из космоса за цыганский табор.

С важным видом он поднялся по трапу. За ним капитан Грейдер, за ним полковник Шелтон, за ним в должном порядке все остальные чины. Последними поднялись люди сержанта Глида.

Убрали трап. Задраили люк. Несмотря на огромную массу, корабль взлетел без оглушительного шума и языков пламени.

Тишину нарушали лишь звук работающего плуга и голоса двух человек, разговаривающих подле него. Ни один из них не удосужился даже повернуться, чтобы проводить корабль взглядом.

— Семь фунтов первосортного табака — это очень много за ящик бренди,— протестовали „рыжие баки“.

— За мой бренди это еще мало,— отвечал Зак.

На этот раз корабль приземлился на широкой равнине в миле севернее городка, населенного на первый взгляд двенадцатью-пятнадцатью тысячами жителей. Капитан Грейдер предпочел бы перед посадкой произвести обстоятельную разведку с низких высот, но тяжелым космическим крейсером не маневрируешь, как атомосферной посудиною. На таком расстоянии от поверхности корабль

может пойти или на взлет, или на посадку, и ничего более.

Так что Грейдер прицелил свое судно в лучшее место для посадки, которое он мог выбрать в считанные секунды. Спустили трап и в прежнем порядке повторили церемонию высадки.

Его превосходительство бросил на городок оценивающий взгляд, дал окружающим отметить свое разочарование и сообщил:

— Что-то здесь не то. Вот город. Мы на виду у всех, и корабль торчит как стальная гора. Не менее тысячи людей видели, как мы идем на посадку, даже если остальные в это время занимались спиритизмом за спущенными шторами или дулись в карты в подвалах. И что же, взволнованы они?

— Похоже, нет,— признал полковник Шелтон.

— Я не спрашивал вас. Я указывал вам. Они не взволнованы. Они не удивлены. Им просто-напросто даже неинтересно. Да что же с ними такое?

— Должно быть, им не хватает любопытства,— предположил Шелтон.

— Может быть. А может, они просто боятся. Или все они чокнутые. Не одна планета была колонизирована всякими чудачками, которые искали свободы для своих чудачеств. Ежели психов триста лет никто не одергивал, то их отклонения превращаются в норму. Это да соответствующее воспитание из поколения в поколение могут создать весьма странных типов. Но мы их вылечим!

— Разумеется, ваше превосходительство, конечно.

Посол указал на юго-восток:

— Я вижу там дорогу. Она кажется широкой и хорошо мощенной. Послать туда поисковую группу. Если они не приведут никого, кто желал бы побеседовать, мы немного подождем и пошлем в город батальон.

— Группу,— повторил полковник Шелтон майору Хейму.

— Вызвать поисковую группу,— приказал Хейм лейтенанту Дикону.

— Выслать их опять, старший сержант,— сказал Дикон.

Бидворси выкликнул Глида и его людей, показал направление, обложил их парой выражений и приказал отправляться.

Глид маршировал во главе колонны. До дороги было не больше полумили, она углом выгибалась к городу.

Левая шеренга, которой хорошо были видны городские окраины, жадно их рассматривала.

Объект появился, как только они дошли до шоссе. Он довольно быстро передвигался со стороны города на конструкции, отдаленно напоминающей мотоцикл. Два больших резиновых колеса приводились в действие чем-то вроде вентилятора в клетке. Глид расставил своих людей поперек шоссе.

Приближавшаяся машина вдруг испустила резкий, пронзительный звук, смутно напоминающий голос Бидворси при виде нечищенных сапог.

— Стоять по местам! — скомандовал Глид. — Кто сойдет с места — шкуру спущу.

Опять резкий сигнал. Никто не шелохнулся. Машина замедлила ход, подползла ближе и остановилась. Вентилятор продолжал вращаться на малых оборотах, можно было различить издающие тихое шипение лопасти.

— В чем дело? — осведомился водитель. Он был худ, лет за тридцать, носил в носу золотое кольцо, а волосы его были заплетены в косичку.

При виде его Глид заморгал от изумления, но все же собрался с силами, ткнул пальцем в сторону стальной горы и сказал:

— Корабль из космоса!

— Ну и что я, по-вашему, должен теперь делать?

— Сотрудничать, — ответил Глид, все еще ошарашенный косой. Ничего похожего ему раньше встречать не приходилось. И ее хозяин отнюдь не выглядел женоподобно. Скорее наоборот, коса придавала его лицу свирепое выражение.

— Сотрудничать, стало быть, — размышлял вслух туземец. — Что ж, красивое слово. И вам, разумеется, известно, что оно означает?

— Я не ослороп.

— Точная степень вашего идиотизма не является предметом обсуждения в настоящий момент, — ответил туземец. Кольцо в его носу чуть покачивалось, когда он говорил. — Сейчас предметом обсуждения является „сотрудничество“. Сдается мне, вы сами всегда готовы сотрудничать?

— А то как же, — заверил его Глид. — И все другие тоже, если не хотят неприятностей.

— Давайте не будем уклоняться от темы, ладно? — Туземец прибавил вентилятору оборотов, потом снова за-

медлил его вращение.— Вам отдают приказы, и вы их выполняете?

— Конечно. Мне так всыплют, если...

— Это и есть то, что вы именуете „сотрудничеством“? — перебил Глида собеседник. Он пожал плечами и отрешенно вздохнул.— Ну что ж, всегда приятно проверить историков. Книги ведь могли и ошибаться.— Вентилятор завертелся вовсю, и машина двинулась вперед.— Извините, пожалуйста.

Переднее резиновое колесо врезалось в двух солдат, отбросив их в стороны без какого-либо ущерба для их здоровья. Машина с воем рванулась вперед по дороге.

— Кретины чертовы! — вопил Глид, пока его солдаты поднимались и отряхивались.— Я вам приказал стоять по местам, как вы посмели его выпустить?

— А что было делать, сержант? — ответил один из них, бросив на Глида угрюмый взгляд.

— Заткнись! Надо было держать оружие наизготовку и прострелить ему шину. Никуда бы он тогда не делся.

— А вы нам не приказывали держать оружие наизготовку.

— Да и вообще, ваше-то где? — добавил кто-то из солдат.

Глид круто развернулся и прорычал:

— Кто это сказал? — Его разгневанные глаза обшарили длинный ряд безразличных, пустых лиц. Найти виновного было невозможно.— Ну ничего, всыплю я вам нарядов вне очереди,— пообещал Глид.— Я вам...

— Старший сержант идет,— предупредил один из солдат.

Подошел Бидворси, окинул отделение холодным, презрительным взглядом.

— Что здесь происходит?

Изложив вкратце обстановку, Глид закончил угрюмо:

— Он был похож на Чикасова, который владеет нефтяным колодцем.

— Что такое „Чикасова“? — потребовал объяснения Бидворси.

— Я про них читал где-то еще пацаном,— пояснил Глид, радуясь возможности блеснуть познаниями.— Они носили длинные прически, одеяла и разъезжали в автомобилях, отделанных золотом.

— Шиза какая-то,— сказал Бидворси.— Я плюнул на всю эту муру про волшебные ковры, когда мне было семь. К двенадцати я знал назубок баллистику, а к

четырнадцать — тыловое обеспечение.— Он громко фыркнул, окидывая собеседника ехидным взглядом.— Некоторые страдают, правда, замедленным развитием.

— Они действительно существовали,— стоял на своем Глид.— Они...

— И феи тоже,— отрезал Бидворси.— Мне о них мамочка рассказывала. А мамочка была хорошей женщиной и не врала. По крайней мере, часто.— Он сплюнул на дорогу.— Не будь младенцем! — И затем он окрысился на солдат: — Ну-ка, держать оружие как следует, если вы знаете, что это такое. Следующим, кто попадется, я лично займусь.

Он присел на большой камень у дороги и вперил в город нетерпеливый взгляд. Глид примостился рядом, несколько задетый. Полчаса прошло без каких-либо событий.

Один из солдат спросил:

— Закурить можно, старший сержант?

— Нет.

Все смотрели на город, сохраняя мрачное молчание, облизывая губы и думая. Им было о чем подумать. Город, любой город, где живут люди, обладает многими привлекательными чертами, которых лишен космос: огнями компаний, свободой, смехом, всеми проявлениями жизни, по которым они изголодались.

Наконец из пригорода выехал большой экипаж и направился в их сторону. Длинная машина, битком набитая людьми, катилась на двадцати колесах (по десять с каждой стороны) и издавала такой же вой, как ее маленькая предшественница, но вентиляторов не было видно.

Когда она подошла ярдов на двести к заграждению на шоссе, из рупора, установленного под крышей, раздалось:

— С дороги, с дороги!

— Ага,— с удовлетворением пробурчал Бидворси,— целая орава катит к нам в руки. Или один из них заговорит, или я подам в отставку.— Он встал со своего камня и приготовился действовать.

— С дороги, с дороги!

— Стрелять по шинам, если они попытаются проехать,— приказал Бидворси солдатам.

Делать этого не пришлось. Экипаж замедлил ход и остановился в ярде от цепи, водитель высунулся из кабины, а пассажиры, наоборот, отвернулись от окон.

Бидворси, решивший начать по-хорошему, подошел к водителю и сказал:

— Доброе утро.

— Чувство времени у вас ни к черту, — заметил водитель. Нос у него был перебит, уши похожи на цветную капусту, а на лице прямо-таки светилась любовь к темпераментным шоссейным гонкам. — Что бы вам не обзавестись часами?

— Как?

— Сейчас не утро. Сейчас поздний полдень.

— Ну да, ну да, — согласился Бидворси, выдавливая кривую улыбку. — Добрый день.

— Я-то в этом не уверен, — хмыкнул водитель, ковыряя в зубах. — Еще одним днем ближе к могиле.

— Может, оно и так, — согласился Бидворси, ничуть не задетый этим пессимизмом. — Но у меня других забот хватает, и я...

— Да, не стоит беспокоиться ни о прошедшем, ни о настоящем, — посоветовал водитель. — Впереди еще большие заботы.

— Да, наверное, — ответил Бидворси, чувствуя, что сейчас не время и не место для обсуждения теневых сторон бытия. — Но я предпочитаю решать свои проблемы в удобное мне время и удобным мне образом.

— Ни про одного человека нельзя сказать, что его проблемы — это только его проблемы. И время и методы тоже, — заявил этот боксерского вида оракул. — Разве не так?

— Я не знаю, да и наплевать мне, — ответил Бидворси, выдержка которого убывала по мере того, как поднималось давление. Он помнил, что за ним наблюдают Глид и солдаты. Наблюдают, слушают и, вполне возможно, посмеиваются над ним про себя. Да и пассажиры тоже.

— Я думаю, ты тянешь резину специально, чтобы меня задержать. Не выйдет. Посол ждет...

— И мы тоже, — подчеркнуто ответил водитель.

— Посол желает говорить с вами, — продолжал Бидворси, — и он будет говорить с вами!

— Я был бы последним человеком, если не дал бы ему говорить. У нас здесь свобода слова. Пусть выйдет и скажет, что хочет, чтобы мы могли наконец ехать по своим делам.

— Ты, — сообщил Бидворси, — пойдешь к нему. И вся твоя компания, — он показал на пассажиров, — тоже.

— Только не я,— сказал высунувшийся из бокового окна толстяк в очках с толстыми стеклами, за которыми его глаза были похожи на яйца всмятку. Более того, голову его украшала высокая шляпа в красную и белую полоску.

— И не я,— поддержал его водитель.

— Хорошо,— в голосе Бидворси прозвучала угроза.— Только попробуй сдвинуть с места свою птичью клетку, мы тебе сразу шины в клочья разделаем. Вылезай из машины!

— Вот еще! Мне и здесь уютно. А вы попробуйте меня вытащить.

Бидворси сделал знак шести солдатам, стоящим возле него.

— Слышали, что он сказал? А ну тащи его наружу!

Распахнув дверь кабины, они вцепились в водителя. Он и не пытался сопротивляться. Схватив его, они дернули все разом и наполовину вытащили податливое тело из кабины. Дальше вытянуть они не могли.

— Давай, давай! — понукал нетерпеливо Бидворси.— Покажем ему, что к чему. Не прирос же он там.

Один из солдат перелез через тело, разглядел кабину и сказал:

— Почти что.

— То есть как?

— Он прикован к рулевой колонке.

— Что? А ну дай посмотреть.

Нога водителя была прикована к рулевой колонке цепочкой и маленьким, но тяжелым и замысловатым замком.

— Где ключ?

— А ты меня обыщи,— заржал водитель.

Но обыск оказался тщетным. Ключа не было.

— У кого ключ?

— Зассд.

— Сунуть его обратно в кабину,— приказал, свирепея, Бидворси.— Возьмем пассажиров. Что один болван, что другой, какая разница! — Он подошел к дверям и рывком распахнул их.— Вылезать, и живо!

Никто даже не пошевелинулся. Все молча изучали его, и выражения их лиц отнюдь не были ободряющими. Толстяк в полосатой шляпе уставился на него сардонически. Бидворси решил, что толстяк совсем не в его вкусе и что курс строгой армейской муштры мог бы помочь ему сохранить фигуру.

— Либо выйдете,— предложил Бидворси пассажирам,— либо поползете. Как вам больше нравится. Решайте сами.

— Если ты не можешь шевелить мозгами, то, по крайней мере, шевели глазами,— посоветовал толстяк. Он изменил позу, и это движение сопровождалось звяканьем металла.

Бидворси просунул голову в дверь. Потом залез в машину, прошел по салону и оглядел каждого пассажира. Когда он вышел обратно и заговорил с сержантом Глидом, багровая окраска его лица сменилась темно-серой.

— Они все прикованы. Все до одного.— Он посмотрел на водителя.— Что это за гениальная мысль всех приковать?

— Зассд,— беззаботно ответил водитель.

— У кого ключи?

— Зассд.

Глубоко вздохнув, Бидворси сказал, ни к кому не обращаясь:

— Пока этот болван сидит на водительском месте, мы не сможем подогнать машину к кораблю. Нужно найти ключи или достать инструменты и расковать их.

— Или сделать нам ручкой и пойти принять таблетку,— предложил водитель.

— Молчать! Даже если я застряну здесь на следующий миллион лет, я тебе...

— Полковник идет,— буркнул Глид, дергая Бидворси за рукав.

Подошедший полковник Шелтон медленно и церемонно прошествовал вокруг экипажа, изучая его конструкцию и пассажиров. Вид полосатой шляпы заставил его вздрогнуть. Потом он подошел к своим разъяренным подчиненным.

— В чем дело на этот раз, старший сержант?

— Опять психи, сэр. Порют чушь, говорят „зассд“ и знать не хотят его превосходительство. Выходить отказываются, а вытащить мы их не можем, потому что каждый прикован к креслу.

— Прикован? — брови Шелтона поползли вверх.— За что?

— Не могу знать, сэр. Прикованы, как каторжники при транспортировке в тюрьму, и...

Шелтон отошел, не дослушав до конца. Осмотрев все сам, он вернулся обратно.

— Может быть, вы и правы, старший сержант. Но я не думаю, что это преступники.

— Нет, сэр.

— Нет.— Шелтон многозначительно посмотрел на красочный головной убор толстяка.— Они больше похожи на группу чокнутых, которых везут в дурдом. Спрошу-ка я водителя.

Подойдя к кабине, он сказал:

— Не будете ли вы против объяснить мне, куда вы едете?

— Да,— сухо ответил водитель.

— Итак, куда же?

— Слушайте,— сказал водитель,— мы с вами на одном языке говорим?

— Что?

— Вы спросили, не буду ли я против, и я сказал „да“. Я очень даже против.

— Вы отказываетесь говорить?

— Ты делаешь успехи, сынок.

— Сынок? — вмешался Бидворси, дрожа от возмущения.— Да ты понимаешь, что говоришь с полковником?

— Предоставьте это мне,— успокоил старшего сержанта Шелтон. Взгляд его был холоден, когда он вновь посмотрел на водителя.— Следуйте дальше. Я сожалею, что мы задержали вас.

— Пусть это вас не беспокоит,— ответил водитель преувеличенно вежливо.— Когда-нибудь и я вам тем же отплачу.

С этим загадочным ответом он тронул машину с места. Солдаты расступились. Вой двигателей достиг верхней ноты, машина рванулась и исчезла вдали.

— Клянусь Черным Мешком,— выругался Бидворси, уставившись ей вслед,— на этой планете больше разгильдяев, отвыкших от дисциплины, чем на...

— Успокойтесь, старший сержант,— посоветовал Шелтон.— Я чувствую то же, что и вы, но забочусь о своих артериях. Даже если они раздуются, как морские водоросли, это вряд ли облегчит решение наших проблем.

— Должно быть, так, сэр, но...

— Мы столкнулись здесь с чем-то очень странным,— продолжал Шелтон.— И мы должны выяснить, с чем именно и что будет лучшим способом действий. Видимо, нужна новая тактика. Пока что мы ничего не добились, высылая поисковую группу. Только время зря

теряем. Придется изыскать другой, более эффективный метод установления контакта с властями предрежащими. Прикажите своим людям возвращаться на корабль, старший сержант.

— Есть, сэр. — Бидворси отдал честь, круто повернулся, щелкнул каблуками и открыл свою пещероподобную пасть:

— Отделение, направо!

Совещание затянулось на всю ночь до следующего утра. За эти наполненные спорами часы по шоссе проследовало много различных экипажей, в основном колесных, но ни один водитель не остановился, чтобы посмотреть на гигантский корабль, никто не подошел к нему, чтобы перекинуться с командой парочкой приветственных слов. Странные обитатели этого мира страдали, казалось, какой-то особой формой умственной слепоты: ничего не видели, пока вещь не совали им прямо под нос, но и тогда рассматривали ее искоса.

Пассажирами одного из грузовиков, промчавшихся мимо корабля ранним утром, были девушки в цветастых косынках. Девушки пели что-то вроде „Поцелуй меня на прощанье, дорогой“. С полдюжины солдат завопили, замахали и засвистали. Все зря. Пение не прервалось ни на секунду, и ни одна даже не подумала помахать в ответ.

Зато Бидворси, к еще большему унынию любвеобильных рядовых, показался из люка и рявкнул:

— Если вам, козлы вы этикие, энергию девать некуда, я для вас работенку сыщу. Да погрознее.

И окинул всех по очереди уничтожающим взглядом, прежде чем убраться.

За подковообразным столом в навигаторской командный состав продолжал обсуждение обстановки. По большей части присутствующие подчеркнуто настоятельно повторяли, что уже говорили не раз, так как ничего нового сказать не могли.

— Вы уверены, — спросил посол капитана Грейдера, — что никто не посещал эту планету с тех пор, как триста лет назад на нее высадились поселенцы?

— Абсолютно уверен, ваше превосходительство. Любой такой рейс был бы зафиксирован.

— Если это был рейс земного корабля. Но ведь могли быть и другие. Меня не оставляет впечатление, что в истории этой планеты было что-то неприятное, связан-

ное с пришельцами из космоса. Ее жители страдают аллергией к космическим кораблям. То ли их пытались оккупировать, то ли им пришлось отбиваться от налета космических пиратов. А может быть, они стали жертвой шайки мошенников торговцев.

— Абсолютно исключено, ваше превосходительство, — заявил Грейдер. — Эмиграция распространилась на такое огромное количество миров, что и по сей день каждый из них недонаселен, только одну сотую из них можно считать развитыми, и ни на одном не научились еще строить космические корабли, даже самые элементарные. На некоторых планетах хотя и помнят, как их строят, но не обладают технической базой для строительства.

— Ну да, и я так всегда считал.

— Частных кораблей подобного радиуса действия просто не существует, — заверил Грейдер. — И космических пиратов тоже. По нынешним ценам кандидат в пираты должен быть миллиардером, чтобы обзавестись кораблем с двигателем Блидера.

— Тогда, — сказал посол веско, — нам придется вернуться к моей первоначальной теории, что из-за каких-то особых условий этой планеты и из-за специфичных форм воспитания все ее население свихнулось.

— Многое подтверждает это, — вставил полковник Шелтон. — Видели бы вы пассажиров в экипаже, который мы остановили на дороге. Один — типичный гробовщик, да еще в разных туфлях: коричневой и желтой. Другой — этакий пижон с лунообразной физиономией, в шляпе прямо как с вывески парикмахерской, да еще и полосатой к тому же. Ему только соломинки для мыльных пузырей не хватало, да и ту, наверное, дадут, когда доставят на место.

— А куда именно?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Все они отказывались отвечать.

Окинув полковника ироническим взглядом, посол заметил:

— Это, безусловно, ценный вклад в информацию, которой мы располагаем. Мы обогащены сообщением, что неизвестный индивидуум, возможно, получит в подарок бесполезный предмет неизвестно для чего, когда этот индивидуум будет доставлен неизвестно куда.

Шелтон сник, искренне сожалея о том, что вообще повстречался с тем импозантным толстяком.

— Есть же у них где-то столица, центр, резиденция правительства,— утвердительно заявил посол.— Чтобы принять управление планетой на себя и реорганизовать ее на нужный лад, мы должны этот центр найти. Столица должна быть большой. Маленькое заштатное поселение никогда не сделают столицей. У столицы всегда есть какие-то внешние признаки, придающие ей значимость. С воздуха ее будет легко заметить. Следует приступить к ее поискам, именно с этого вообще и следовало начинать. На других планетах найти столицу никогда не было проблемой. В чем же дело сейчас?

— Извольте взглянуть сами, ваше превосходительство.— Капитан Грейдер разложил на столе фотографии.— Это снимки обоих полушарий, сделанные при подходе к планете. Ни на одном не видно ничего похожего на большой город. Не видно даже ни одного городка, хотя бы чем-то отличающегося от других или чуть большего, чем другие.

— Не очень-то я верю снимкам, особенно сделанным с большого расстояния. Невооруженным глазом увидишь больше. У нас на борту четыре шлюпки, с которых можно прочесать всю планету от полюса до полюса. Почему бы не воспользоваться ими?

— Потому, ваше превосходительство, что они не предназначены для подобных целей.

— Какое это имеет значение?

Грейдер терпеливо ответил:

— Наши ракетные шлюпки старого образца, предназначены для запуска с борта корабля в космосе и развивают скорость до сорока тысяч миль в час. Произвести толковый обзор планеты можно только со скоростью не выше четырехсот миль в час. Попытка маневрировать шлюпками с такой малой скоростью приведет к неэкономному расходу горючего, порче дюз и неминуемой катастрофе.

— В таком случае на блидеровских кораблях давно пора иметь блидеровские шлюпки.

— Полностью с вами согласен, ваше превосходительство, но самая маленькая модель двигателя Блидера превышает триста тонн, для шлюпки это слишком много.— Грейдер собрал фотографии и положил их обратно в ящик.— Что нам действительно нужно, так это древний аэроплан с пропеллером. Он обладал преимуществом, которого мы лишены: мог медленно летать.

— Вы бы еще по велосипеду затосковали,— фыркнул посол за неимением лучшего аргумента.

— Велосипед как раз у нас есть,— доложил Грейдер.— У десятого инженера Гаррисона.

— И он привез его с собой?

— Он его повсюду с собой таскает. Поговаривают, что он даже спит с ним.

— Космонавт на велосипеде? — посол громко высморкался.— Я полагаю, он получает наслаждение от чувства огромной скорости, развиваемой этим видом транспорта, приходит в экстаз от гонки через космос.

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Вызвать сюда этого Гаррисона. Пошлем психа ловить психов.

Грейдер моргнул, подошел к микрофону и объявил:

— Десятому инженеру Гаррисону немедленно приехать в навигаторскую.

Гаррисон прибыл через десять минут. Ему пришлось прошагать почти три четверти мили от двигателя. Это был худой человечек с темными обезьяньими глазками и с такими ушами, что при попутном ветре ему можно было не жать на педали. Посол изучал его с любопытством зоолога, увидевшего розового жирафа.

— Мне стало известно, что вы обладаете велосипедом.

Гаррисон ответил осторожно:

— Сэр, в инструкциях не сказано ничего, что...

— К чертям инструкции,— сделал нетерпеливый жест посол.— Мы оказались в идиотской ситуации, и выпутываться из нее придется по-идиотски.

— Так точно, сэр.

— Поэтому я хочу дать вам поручение. Поезжайте в город на своем велосипеде, найдите мэра, шерифа, самую большую шишку, или верховное ничтожество, или кто там у них есть. И передайте ему мое официальное приглашение на ужин. Ему и всем официальным лицам, которых он сочтет нужным с собой привести. С женами, разумеется.

— Слушаюсь, сэр.

— Партикулярное платье,— добавил посол.

Гаррисон выставил вперед одно ухо, опустил другое и сказал:

— Прошу прощения, сэр?

— Могут одеваться как хотят.

— Понятно, сэр. Мне можно отправляться прямо сейчас, сэр?

— Немедленно. Возвращайтесь как можно скорее и доставьте мне ответ.

Неуклюже откозыряв, Гаррисон вышел. Его превосходительство удобно раскинулся в кресле, игнорируя взгляды присутствующих.

— Только и всего.— Посол вытянул из ящика длинную сигару и тщательно откусил кончик.— Если мы не можем подобрать ключ к их головам, то подберем к желудкам.— Он хитро сощурился.— Капитан, проследите, чтобы выпивки было вдоволь. И покрепче. Венерианский коньяк или что-нибудь в этом роде. Час за обильным столом, и языки развяжутся. Мы их потом всю ночь остановить не сможем.— Посол закурил сигару и с удовольствием затянулся.— Старый испытанный дипломатический прием: незаметное обольщение путем набивания желудка. Всегда срабатывает безотказно, сами увидите.

Энергично давя на педали, десятый инженер Гаррисон въехал на улицу, по обеим сторонам которой стояли маленькие дома, окруженные аккуратными садиками. Пухленькая, миловидная женщина подстригала в одном из них газон. Он подкатил к ней, вежливо прикоснувшись пальцами к пилотке.

— Прошу прощения, мэм. Кто у вас в городе самый большой человек?

Она обернулась, скользнула по нему взглядом и указала ножницами на юг.

— Джефф Бэйнс. Первый поворот направо, второй налево. У него кулинарная лавка.

— Спасибо.

Он двинулся дальше. Первый поворот направо. Он объехал грузовик на резиновых колесах, стоящий у угла. Второй налево. Трое ребятишек тыкали в него пальцами, хрипло вопя, что заднее колесо его велосипеда вихляет. Он нашел лавку, прислонил велосипед педалью к обочине и похлопал его ободряюще, прежде чем войти и взглянуть на Джеффа.

А посмотреть было на что. У Джеффа было четыре подбородка, шея объемом в двадцать два дюйма и выпирающее на пол-ярда брюхо. Простой смертный запросто мог нырнуть в одну штанину его брюк, не снимая при

этом акваланга. Без сомнения, он действительно был самым большим человеком в городе.

— Хочешь чего-нибудь? — извлек Джефф вопрос откуда-то из глубины своей утробы.

— Да не совсем.— Десятый инженер Гаррисон окинул взглядом обильные запасы еды, и ему пришло в голову, что если ее всю к вечеру не раскупят, то вряд ли выкинут кошкам.— Я ищу определенного человека.

— Вот как. Я-то сам держусь обычно от таких подальше, но у каждого свой вкус.— Джефф подергал толстую губу, собираясь с мыслями, а потом предложил: — Почему бы тебе не обратиться к Сиду Вилкону на Дэйд-авеню? Он самый определенный из всех людей, которых я знаю.

— Я не совсем это имел в виду. Я хотел сказать, что ищу человека особенного.

— Так какого же рожна ты не скажешь прямо? — Поразмыслив над новой проблемой, Джефф Бэйнс предложил: — По этой части годится Тод Грин. Ты его найдешь в обувной мастерской на углу. Он-то уж точно особенный. И еще какой!

— Вы меня не понимаете,— объяснил Гаррисон.— Я охочусь за большой шишкой, чтобы пригласить его откушать.

Усевшись на высокий табурет, со всех сторон которого его тело свисало не меньше чем на фут, Джефф Бэйнс окинул Гаррисона любопытным взглядом и сказал:

— Что-то здесь не то. Во-первых, тебе придется не один год искать человека с шишкой, особенно если тебе обязательно нужна именно большая шишка. И какой смысл тратить на него об только из-за этого?

— Тратить что?

— По-моему, это само собой разумеется. Об нужно устраивать так, чтобы им гасить старый об. Разве нет?

— Разве? — Гаррисон даже не закрыл рот. Мозг его пытался разобраться в странном вопросе: как устраивать об?

— Ты, стало быть, не знаешь? — Джефф Бэйнс зевнул.— Слушай, это на тебе что, униформа, что ли?

— Да.

— Самая что ни на есть настоящая униформа?

— Конечно.

— А,— сказал Джефф.— На этом-то я и купился: пришел ты один, сам по себе. Если бы вы приперлись целой оравой, да еще одинаково одетые, я бы сразу понял,

что это униформа. Ведь в этом и есть смысл униформы, чтобы все были одинаковые. Так, что ли?

— Должно быть, так, — согласился Гаррисон, никогда раньше над этим не задумывавшийся.

— Значит, ты с того корабля. Я мог бы и сразу догадаться, да что-то туго соображаю сегодня. Но никак уж не ожидал увидеть кого-нибудь из вас, шатающегося в одиночку на этой штуке с педалями. Это о чем-то говорит, разве нет?

— Да, — сказал Гаррисон, поглядывая в сторону велосипеда, проверяя, не увел ли его кто, пока хозяину заговаривают зубы. Машина была на месте. — Это о чем-то говорит.

— Ну ладно, выкладывай, зачем пришел.

— Да я же все время пытаюсь объяснить. Меня послали, чтобы...

— Послали? — Глаза Джеффа полезли на лоб. — Ты хочешь сказать, что ты действительно позволил кому-то послать себя?

Гаррисон уставился на него:

— Конечно. А почему нет?

— Кажется, я наконец понял, — сказал Джефф, и его обескураженное лицо мгновенно прояснилось. — Ты меня просто сбил с толку своей странной манерой выражаться. Ты хочешь сказать, что имеешь об?

В отчаянии Гаррисон спросил:

— Да что это такое — об?

— Он не знает, — прокомментировал Джефф Бэйнс, вперив в потолок молитвенный взгляд. — Он даже этого не знает! — И отрешенно вздохнул. — Ты случаем не голоден?

— Скоро буду.

— Лады. Я, конечно, мог бы тебе сказать, что такое об, но сделаю лучше. Я тебе покажу, что это такое. — Джефф сполз с табурета и переместился к задней двери. — Не знаю даже, с чего это я должен стараться и учить уму-разуму человека в униформе. Так разве что, от скуки. Иди за мной.

Гаррисон покорно последовал за ним во двор. Джефф Бэйнс показал на груды ящиков:

— Консервы. — Потом показал на склад рядом. — Вскрой ящики и сложи консервы в складе. Тару сложи во дворе. Хочешь — делай, хочешь — нет. На то и свобода, не так ли?

Он потопал обратно в лавку.

Предоставленный самому себе, Гаррисон почесал уши и задумался. Дело пахло каким-то розыгрышем. Кандидата Гаррисона искушали сдать экзамен на диплом соплика. Но, с другой стороны, стоило посмотреть, в чем дело, и перенять трюк. И вообще, риск — благородное дело. Поэтому он сделал все, как было сказано. Через двадцать минут энергичного труда он вернулся в лавку.

— Так вот,— объяснил Бэйнс,— ты сделал что-то для меня. Это значит, что ты на меня имеешь об. За то, что ты для меня сделал, я тебя благодарить не буду. Это ни к чему. Все, что я должен сделать, это погасить об.

— Об?

— Обязательство. Я тебе обязан. Но зачем тратить-ся на длинное слово, когда и короткого хватает? Обязательство — это об. Я с ним обхожусь таким путем: здесь через дом живет Сет Ворбертон. Он мне должен с полдюжины обов. Так что я погашу об тебе и дам возможность один об погасить Сету следующим образом: пошлю тебя к нему, чтобы он тебя покормил.— Джефф нацарапал что-то на клочке бумаги.— Отдашь это Ворбертону.

Гаррисон уставился на записку. Очень небрежным почерком там было написано: „Накорми этого обормота“.

Несколько ошарашенный, он выбрался за порог, остановился у велосипеда и перечитал записку. „Обормот“,— гласила она. А на корабле подобное выражение многих бы привело в ярость. Но внимание Гаррисона привлекла витрина через дом от лавки Джеффа. Она ломилась от яств, а над ней висела вывеска из двух слов: „Харчевня Сета“. Приняв (не без подстрекательства со стороны желудка) твердое решение, инженер вошел в харчевню, все еще сжимая записку в руке, как смертный приговор. С порога его встретил запах кушаний и звон посуды. Он подошел к мраморному столику, за которым сидела сероглазая брюнетка.

— Вы не против? — вежливо осведомился он, опускаясь в кресло.

— Против чего? — Ее взгляд обследовал уши Гаррисона, как будто они были чем-то особенным.— Детей, собак, старости или прогулок под дождем?

— Вы не против того, чтобы я здесь сидел?

— Посмотрим, как мне это понравится. На то и свобода, не так ли?

— Ну да,— сказал Гаррисон,— конечно.

Пока он думал, что бы еще сказать, появился худенький человек в белой куртке и поставил перед ним тарелку с жареным цыпленком и гарниром из трех сортов неизвестных Гаррисону овощей. Содержимое тарелки привело его в изумление. Он и не помнил, когда в последний раз видел жареного цыпленка или когда ел овощи, кроме как в порошке.

— В чем дело? — спросил официант, не понявший, почему клиент уставился на тарелку пораженным взглядом. — Не нравится?

— Нравится. — Гаррисон отдал ему записку. — И еще как.

Взглянув на нее, официант крикнул кому-то, почти невидимому в струях пара за стойкой:

— Ты погасил Джеффу еще один.

И разорвал бумажку в мелкие клочки.

— Быстро это ты, — прокомментировала брюнетка, кивая на полную тарелку. — У кого-то об тебя накормить, и ты его сразу отоварил, так что все квиты. А мне придется за мой обед мыть посуду или погасить какой-нибудь об за Сета.

— Я перетаскал груды ящиков с консервами. — Гаррисон взял нож и вилку, чувствуя, как у него слюнки потекли. На корабле ножей и вилок не было: когда питаешься пилюлями и порошками, столовые приборы просто ни к чему. — А здесь особого выбора нет? Ешь, что дают?

— Есть, если имеешь об на Сета. Тогда он должен в лепешку для тебя разбиться. Так что, вместо того чтобы полагаться на судьбу, а потом жаловаться, сделал бы лучше что-нибудь для него.

— Я не жалуюсь.

— А это твое право. На то и свобода, не так ли? — Девушка поразмыслила немножко, потом добавила: — Не так уж часто бывает, чтобы Сет мне был обязан. Но когда такое случается, я требую ананасного мороженого, и он летит на всех парах. А когда я ему обязана, бегать приходится мне.

Ее серые глаза вдруг сузились от неожиданной догадки.

— Ты слушаешь, как будто это все тебе в диковинку. Ты не здешний?

Он кивнул, поскольку рот его был набит цыпленком. Прожевав, добавил:

— Я с того корабля.

— Ничего себе! — На лице девушки сразу же появилось ледяное выражение. — Антиганд! Кто бы мог подумать, ты же выглядишь почти по-человечески.

— Всегда гордился этим сходством. — Вместе с ощущением сытости к Гаррисону возвращалось чувство юмора.

Снова подошел официант.

— Что есть из питья? — спросил Гаррисон.

— Дис, двойной дис, шемак и кофе.

— Кофе. Черный и большую чашку.

— Шемак вкуснее, — посоветовала брюнетка, когда официант отошел. — Но с чего, собственно, я тебе буду подсказывать?

Кофейная кружка была объемом в пинту. Поставив ее на стол, официант сказал:

— Поскольку Сет погашает свой об, то выбирай сам, что тебе на десерт? Яблочный пирог, импик, тертые тарфельсуферы или канимелон в сиропе?

— Ананасное мороженое.

Официант моргнул, укоризненно посмотрел на брюнетку и пошел за мороженым.

— Угощайтесь, — подвинул Гаррисон тарелочку через стол.

— Это твое.

— Не могу даже пробовать.

Он откусил еще кусок цыпленка, помешал ложечкой кофе и почувствовал себя в ладах со всем миром.

— В меня больше не влезет. Давай угощайся, и черт с ней, с талией.

— Нет. — Девушка решительно отодвинула лакомство обратно. — Если я его приму, то буду тебе обязана.

— Ну и что с того?

— Я не позволяю чужакам делать меня им обязанной.

— Ну и правильно. Очень с твоей стороны разумно, — одобрил Гаррисон. — Чужаки часто бывают со странностями.

Мороженое опять передвинулось на ее сторону стола.

— Если ты полагаешь, что я на тебя буду иметь за это об, то ты можешь погасить его вполне пристойным образом. Все, что мне нужно, — это некоторые сведения. Где мне найти самую важную птицу в городе?

— Иди к Алеку Питерсу, он живет на десятой улице. — С этими словами брюнетка запустила ложечку в тарелку.

— Спасибо. А то я уже начал думать, что здесь все придурковатые.

Гаррисон допил кофе и лениво откинулся на спинку кресла. Непривычная сытость обострила его мыслительный процесс, ибо через минуту лицо его затуманилось подозрением, и он спросил:

— А у этого Питера что, птицеферма?

— Конечно,— переведя с удовольствием дух, она отодвинула пустую тарелку.

Тихо протонав, Гаррисон сообщил ей:

— Я ишу мэра.

— Это еще что такое?

— Человек номер один. Большой босс, шейх, пахан или кто у вас здесь есть.

— Я так ничего и не поняла,— сказала девушка в непритворном изумлении.

— Человек, который руководит городом. Ведущий гражданин.

— Объясни, пожалуйста,— она честно пыталась ему помочь.— Кого или что этот гражданин должен вести?

— Тебя, Сета и всех остальных.— Гаррисон описал рукой круг для вящей убедительности.

Нахмурившись, брюнетка спросила:

— Куда он нас должен вести?

— Куда бы вы ни шли.

Девушка обратилась за помощью к официанту:

— Мэтт, мы куда-нибудь идем?

— Откуда мне знать?

— Тогда спроси Сета.

Официант исчез и тотчас вернулся.

— Сэт сказал, что он идет домой в шесть часов, а тебе что до этого?

— Его кто-нибудь ведет?

— Рехнулась, что ли? — спросил Мэтт.— Дорогу домой он знает, да и трезвый к тому же.

Гаррисон вмешался в разговор:

— Слушайте, я не понимаю, почему это все так сложно. Вы только скажите мне, где я могу найти какое-нибудь официальное лицо, любого чиновника, начальника полиции, городского казначея или, на худой конец, хоть мирового судью?

— Что такое „официальное лицо“? — спросил в изумлении Мэтт.

— Что такое „мировой судья“? — добавила брюнетка.

Голова у Гаррисона пошла кругом, и он решил зайти с другой стороны.

— Предположим,— сказал он Мэтту,— что ваше заведение загорится. Что вы все тогда будете делать?

— Раздувать пожар,— ответил Мэтт, не считая нужным скрывать, что эта беседа ему осточертела. Он вернулся к стойке с видом человека слишком занятого, чтобы тратить время на всяких недоумков.

— Он будет его гасить,— сообщила брюнетка.— Что же еще, по-твоему, ему делать?

— А если он один не справится?

— Тогда позовет других на помощь.

— А они помогут?

— Конечно,— заверила она, глядя на инженера с жалостью,— кто же упустит такой случай заработать об?

— Похоже, что так.— Гаррисон чувствовал себя прижатым к стенке, но сделал последнюю попытку.— Но все-таки, что случится, если пожар не удастся погасить?

— Тогда Сет вызовет пожарную команду.

— Ага, значит, есть все-таки пожарная команда. Это я имел в виду, когда спрашивал об официальных организациях. Это-то мне и нужно. Ну-ка скажи мне, как найти пожарное депо?

— Конец Двенадцатой улицы. Ты его не сможешь не заметить.

— Спасибо,— Гаррисон вскочил и помчался вперед.

Пожарное депо было большим зданием, в котором держались четыре раздвижные лестницы, водомет и два мощных насоса — все моторизованное, на шасси с толстыми резиновыми колесами. Внутри Гаррисон столкнулся нос к носу с маленьким человечком, одетым в чересчур просторный комбинезон.

— Ищешь кого? — осведомился человечек.

— Брандмейстера.

— Это еще кто?

Уже наученный опытом, Гаррисон разговаривал так, как будто его собеседник был ребенком.

— Слушайте, мистер, это ведь пожарная команда. Кто-то ею командует. Кто-то же руководит всем балаганом, заполняет бумаги, нажимает на кнопки, повышает в чине, увольняет, приписывает себе все заслуги, валит вину на других и вообще хозяйничает. Он во всей ораве самый важный, и все это знают.— Палец Гаррисона уперся человеку в грудь.— И он тот человек, с которым я намерен поговорить, чего бы мне это ни стоило.

— Ни один человек не может быть важнее другого. Такого просто не бывает, а ты, по-моему, спятил.

— Думай, что хочешь, но я тебе говорю, что...

Хриплый звон колокола прервал фразу. Двадцать человек, выросшие как будто из-под земли, в мгновение ока заняли свои места на машинах с лестницей и насосом, и машины выкатились на улицу. Единственной общей деталью в их туалетах были плоские, похожие на тазики каски. Во всем же остальном они демонстрировали глубины падения портновского искусства. Человек в комбинезоне, одним бравым прыжком догнавший насос, скрылся из поля зрения за спинами толстого пожарного, перетянутого кушаком всех цветов радуги, и тощего, щеголяющего юбкой желтоканареечной окраски. Их опоздавший коллега, украшенный сережками в форме маленьких колокольчиков, отчаянно преследовал машину, пытался ухватиться за задний борт, промахнулся и грустно посмотрел вслед удаляющейся бригаде. Потом побрел обратно, раскачивая каску на руке.

— Везет как утопленнику,— сообщил он обескураженному Гаррисону.— Лучшая тревога года. Горит винзавод. Чем быстрее ребята туда доберутся, тем больше об.— При этой мысли он облизнулся, садясь на бухту брезентового шланга.— Но, может, оно и лучше для здоровья, что я опоздал.

— Объясни мне,— стоял на своем Гаррисон,— как ты себе обеспечиваешь жизнь?

— Что за вопрос? Ты, по-моему, и сам видишь. Работают в пожарной команде.

— Это я знаю. Но кто тебе платит?

— Платит?

— Ну, деньги дает за работу?

— Странно ты выражаешься; что такое деньги?

Гаррисон почесал череп, чтобы усилить приток крови к мозгу. Что такое деньги? Ничего себе. Он решил попробовать другой подход.

— Предположим, твоей жене нужно новое пальто. Где она его возьмет?

— Пойдет в лавку, которая обязана пожарным. Взяв пальто, она погасит пару-другую обов.

— А что, если в лавках, торгующих одеждой, пожаров не было?

— Братец, да откуда ты такой темный взялся? Почти каждая лавка имеет обы пожарным. Если они не дураки, то каждый месяц выделяют определенное количество

обов. Для страховки. Предусмотрительные они, понял? В какой-то мере они и наши обы имеют, так что, когда мы несемся их спасать, нам приходится гасить обы им, прежде чем получим на них новые. Это не позволяет нам злоупотреблять. Вроде бы сокращает задолженность лавочников. Толково, правда?

— Может, и да, но...

— Я понял наконец, — перебил абориген, сузив глаза. — Ты с того корабля. Ты — антиганд.

— Я с Терры, которая когда-то называлась Землей, — с подобающим достоинством сказал Гаррисон. — Более того, первые поселенцы на этой планете тоже были землянами.

— Будешь меня истории учить? — Пожарный ехидно рассмеялся. — Ошибаешься, пять процентов из них были марсианами.

— Марсиане тоже произошли от земных поселенцев, — парировал Гаррисон.

— Ну и что? Это было черт знает как давно. Все меняется, если ты раньше этого не знал. На этой планете нет уже ни марсиан, ни землян. Мы все здесь ганды. А вы, которые суете свой нос, куда вас не просят, антиганды.

— Мы вовсе не анти что-то, насколько мне известно. С чего ты все это взял?

— Зассд, — ответил его собеседник, неожиданно решивший прекратить дискуссию. Он перебросил каску в другую руку и плюнул на пол.

— Что?

— Что слышал. Катись отсюда на своем драндулете.

Так отчаявшийся Гаррисон и сделал. Расстроенный, он покатиł обратно на корабль.

Его превосходительство впериł в Гаррисона повелительный взгляд.

— Итак, вы вернулись наконец. Сколько человек придет и когда?

— Никто не придет, сэр, — сказал Гаррисон, начиная чувствовать дрожь в коленках.

— Никто? — Посол грозно нахмурил брови. — Вы хотите сказать, что никто не принял мое приглашение?

— Никак нет, сэр.

Посол подождал секунду, потом сказал:

— Выкладывайте, в чем дело. И перестаньте тарашиться. Вы сказали, что мое приглашение никто не отвер-

гал, но никто не придет тем не менее. Как я должен все это понимать?

— Я никого не пригласил.

— А, так вы никого не пригласили! — Обернувшись к Грейдеру, Шелтону и другим офицерам, посол сказал: — Не пригласил, видите ли. — Потом он повернулся к Гаррисону. — Я полагаю, вы просто-напросто забыли это сделать? Опыренный свободой и властью человека над техникой, вы носились по городу, наплевав на все их правила движения, создавая угрозу для жизни пешеходов, не утруждая себя даже дать гудок или...

— На моем велосипеде нет гудка, сэр, — опроверг его слова Гаррисон, внутренне протестуя против этого списка преступлений. — У меня есть свисток, который приводится в действие вращением заднего колеса.

— Ну вот, — сказал посол с видом человека, потерявшего всякую надежду. Он рухнул в кресло, хватаясь за голову: — Одному только соломинки для мыльных пузырей не хватало... — Он трагически выставил указательный палец. — А у другого — свисток!

— Я его сам изобрел, сэр, — сообщил ценную информацию Гаррисон.

— Я в этом и не сомневаюсь. Вполне могу себе представить... Я ничего другого от вас и не ожидал. — Посол взял себя в руки. — Скажите мне под строжайшим секретом, абсолютно между нами, — он наклонился вперед и спросил шепотом, повторенным семикратным эхом: — Почему вы никого не пригласили?

— Не нашел никого, сэр. Я старался изо всех сил, но они, кажется, не понимали, о чем я говорю. Или притворялись, что не понимают.

— Так. — Его превосходительство посмотрел в иллюминатор, потом на часы. — Уже смеркается. Скоро наступит ночь. Сейчас уже поздно приступать к дальнейшим действиям. — Последовало раздраженное хмыканье. — Еще один день впустую. Мы здесь уже два дня, а все тыкаемся без толку. — Кислый взгляд посла остановился на Гаррисоне. — Ну хорошо, сударь. Поскольку мы все равно теряем время зря, мы могли бы выслушать ваш рассказ и полностью. Расскажите все подробности. Может быть, мы сумеем таким путем найти в нем хоть какой-нибудь смысл.

Гаррисон завершил свой рассказ следующими словами:

— Мне показалось, сэр, что болтать с ними можно хоть до второго пришествия, даже по-дружески и с удовольствием, но все равно каждый будет нести свое, не понимая собеседника.

— Похоже, что так оно и есть, — заметил посол сухо. Он обернулся к капитану Грейдеру. — Вы изрядно попутешествовали, много чего повидали на своем веку. Что вы думаете обо всей этой болтовне?

— Думаю, дело в семантике, — ответил капитан, которого обстоятельства заставили некогда изучать этот предмет. — Подобная проблема возникает почти на каждой планете, надолго оторванной от связей со всем остальным миром, но обычно все рано или поздно разъясняется. — Он помолчал, припоминая что-то. — Первый абориген, которого мы встретили на Базилевсе, сказал очень сердечно: „Сымай башмаки сей минут!“

— И что же это означало?

— „Заходите, пожалуйста, обуйте мягкие тапочки и будьте как дома“. Другими словами — „добро пожаловать“. Не так уж трудно разобраться, ваше превосходительство, когда знаешь, чего ожидать. — Грейдер бросил задумчивый взгляд на Гаррисона и продолжал: — Здесь, вероятно, процесс дошел до крайности. Сохраняется беглость языка, сохраняется и внешнее сходство, маскирующее, однако, глубокие изменения в значениях слов, отброшенные концепции, заменившие их новые реалии и мыслительные ассоциации, не говоря уже о неизбежном влиянии развивающегося местного слэнга.

— Как, например, зассд, — ответил его превосходительство. — Вот ведь странное словцо! И никаких видимых связей с земными корнями!

— Разрешите, сэр? — вмешался Гаррисон робко. Он замялся, видя, что привлек к себе общее внимание, но потом смело продолжил: — На обратном пути я встретил даму, указавшую мне дорогу к дому Бэйнса. Она спросила, нашел ли я его. Я ответил: „Да, спасибо“. Мы немного поболтали. Я спросил ее, что такое зассд. Она сказала, что это сокращение. — Здесь Гаррисон запнулся.

— Продолжайте, — приказал посол. — После тех соленых выражений, которые доносились до меня из машинного отделения через вентиляционную трубу, меня уже ничто не смутит. Что же означает это сокращение?

— З-а-с-с-д, — сообщил, моргая, Гаррисон. — „Занимайся своим собственным делом“.

— Вот как! — Его превосходительство порозовел. —

То есть не суйся, куда не просят? Вот, значит, что они мне все время говорили?

— Боюсь, что так, сэр.

— Им, совершенно очевидно, придется многому научиться.— В неожиданном припадке отнюдь не дипломатической ярости шея посла вздулась, а кулак громко вошел в соприкосновение с крышкой стола.— И они научатся!

— Да, сэр,— не стал возражать Гаррисон, все больше чувствуя себя не в своей тарелке и желая поскорее смыться.— Могу ли я идти и заняться своим велосипедом?

— Убирайтесь с глаз долой! — заорал посол. Сделав пару бессмысленных жестов, он повернулся багровой физиономией к капитану Грейдеру: — Велосипедом! А пращи ни у кого на этом корабле нет?

— Сомневаюсь, ваше превосходительство, но могу узнать, если прикажете.

— Не будьте идиотом,— приказал посол.— Свою порцию идиотизма на сегодня мы уже получили.

Следующее совещание, отложенное до рассвета, было относительно коротким. Его превосходительство занял председательское кресло, принял удобную позу и обвел присутствующих хмурым взглядом.

— Давайте рассмотрим ситуацию с другой стороны. Мы знаем, что населяющие эту планету лошаки именуют себя гандами, не придают никакого значения своему происхождению и настаивают на том, что мы — антиганды. Это свидетельствует о системе воспитания, результатом которой и явилось неприязненное отношение к нам. С детства здешних жителей приучили к мысли, что мы, появившись на их планете, будем противниками всего их образа жизни.

— Однако мы не имеем ни малейшего понятия о том, в чем именно заключается их образ жизни,— вставил полковник Шелтон.

Ничего нового он этим не мог сказать, но зато напомнил лишний раз о своем присутствии и продемонстрировал внимание к обсуждаемому вопросу.

— Я осознаю наше прискорбное неведение,— поддержал его посол.— Они держат в тайне принципы своего общественного устройства. Мы должны до них как-то докопаться.— Прочистив горло, он продолжал: — Они создали странную безденежную экономику, которая, по-моему, способна функционировать только благодаря

материальным избыткам. Она и дня не продержится, когда перенаселенность принесет свои обычные проблемы. Похоже, что их экономическая система держится на кооперации, частном предпринимательстве и какой-то детсадовской честности. По сравнению с ней даже идиотская экономика четырех внешних планет Эпсилона выглядит образцом разумной организации.

— Однако,— заметил Грейдер подчеркнуто,— она функционирует.

— Это как смотреть. Велосипед нашего лопоухого инженера тоже функционирует. Но с мотором ему не пришлось бы так потеть.— Удовлетворенный своей аналогией, посол немного посмаковал ее.— Эта система экономики, если ее вообще можно назвать системой, почти наверняка возникла в результате беспорядочного и бесконтрольного развития какого-то эксцентричного отклонения, завезенного первыми поселенцами; она давным-давно нуждается в модернизации. Аборигены знают это, но отказываются признавать, потому что в умственном развитии отстали на триста лет. Как и все отсталые народы, они с опаской относятся к переменам, прогрессу, улучшениям. Более того, некоторые из них определенно заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей.— Он презрительно фыркнул.— Антагонизм по отношению к нам объясняется их желанием позволять беспокоить себя.

Посол оглядел лица присутствующих, ища желающих предложить другую версию, но все были слишком хорошо вышколены, чтобы угодить в подобную ловушку. Поскольку никакой реакции не последовало, посол продолжал:

— В должное время, после того как мы окончательно разберемся, что к чему, нам придется заняться длительной и нудной работой. Придется перестроить всю их педагогическую систему и воспитывать людей на уровне современных требований. Мы уже имеем опыт аналогичной деятельности на нескольких планетах, хотя ни разу еще перед нами не вставала задача такого масштаба, как здесь.

— Справимся! — заверил кто-то.

Не обращая на реплику внимания, посол закончил:

— Тем не менее все это вопросы завтрашнего дня. Сегодня же нам предстоит решить другую проблему. А именно: где бразды правления и кто их держит? Это необходимо установить, чтобы успешно двигаться даль-

ше. Как нам быть? — он откинулся в кресле и добавил: — Пошевелите-ка мозгами и подскажите мне что-нибудь толковое.

Поднялся капитан Грейдер, держа в руках большую книгу в кожаном переплете.

— Ваше превосходительство, я не думаю, что нам придется напряженно искать новые пути контакта и сбора информации. Похоже, что следующий ход просто будет нам навязан.

— Что вы имеете в виду?

— Среди членов моего экипажа много старослужащих. Они прямо-таки собаку съели на космическом праве. — Капитан похлопал по книге. — И все уставы космослужбы знают не хуже меня. Я даже думаю, что они знают слишком много.

— То есть?

Грейдер раскрыл книгу.

— Параграф 127 гласит, что при посадке на враждебную планету экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в боевой обстановке вплоть до отлета в космос. На невраждебной планете экипаж выполняет свои обязанности согласно инструкциям о несении службы в небоевой обстановке.

— Ну и что с того?

— Параграф 131а гласит, что в небоевой обстановке весь экипаж, за исключением дежурной вахты, имеет право на увольнение на берег сразу же после разгрузки корабля или в течение 72 часов после посадки на планету. — Грейдер поднял взгляд от книги. — К полудню все настроится на увольнение и будут гореть нетерпением. Если увольнения они не получают, может возникнуть недовольство.

— Недовольство? — переспросил, криво улыбаясь, посол. — А если я объявлю эту планету враждебной? Это сразу пресечет недовольство, не так ли?

Невозмутимо сверившись с книгой, Грейдер дал ответ:

— Параграф 148 гласит, что враждебной может считаться планета, систематически оказывающая землянам противодействие силой. — Он перевернул страницу. — В настоящем уставе противодействие силой определяется как любое действие, направленное на причинение физических повреждений, независимо от того, имело ли данное действие успех или нет.

— Я не согласен. — Посол принял выражение глубокого недовольства. — Неизвестный мир может быть враж-

дебен психологически, даже если он не прибегает к противодействию силой. Пример у вас перед глазами. Это отнюдь не дружественная планета.

— Устав космослужбы не предусматривает классификации планет как „дружественных“ или „недружественных“, — сообщил Грейдер. — Все планеты классифицируются только как „враждебные“ или „невраждебные“. — Он опять похлопал по переплету. — В этой книге все указано.

— Мы получим первый приз на конкурсе дураков, если позволим руководить собой какой-то книжонке или команде. Вышвырните свой талмуд в иллюминатор. Или суньте в мусоросборник. Избавьтесь от него любым удобным вам путем и забудьте о нем.

— Прошу, ваше превосходительство, простить меня, но я не имею на это право. — Грейдер открыл книгу на первой странице. — Основные параграфы 1а, 1б гласят: „Как в космосе, так и на берегу весь личный состав корабля подчиняется только капитану или назначенному им лицу, которые действуют исключительно на основании устава космослужбы и несут ответственность только перед Главным штабом космического флота, расположенным на Terre. То же касается десантных войск, официальных гражданских лиц и пассажиров, находящихся на борту космических кораблей (как в полете, так и на берегу). Вне зависимости от их ранга и полномочий они подчинены капитану или назначенному им лицу. Этим лицом является один из офицеров корабля, исполняющий обязанности своего непосредственного начальника в случае отсутствия последнего или его выхода из строя“.

— И все это означает, что хозяин в замке вы, — сказал не очень этим обрадованный посол. — А кому такой порядок не нравится, может сойти и дальше не ехать.

— Со всем должным к вам уважением я вынужден признать, что дела обстоят именно так. Я ничего не могу изменить: устав есть устав. И личному составу он хорошо известен. — Грейдер с шумом захлопнул книгу и отложил ее в сторону. — Могу поставить десять против одного, что все сейчас гладят брюки, причесываются и наводят лоск. Я знаю, что они обратятся ко мне, как положено по уставу, и я не имею права им отказать. Согласно правилам они попросят старпома представить мне на утверждение список увольняемых. — Он глубоко

вздыхнул. — Единственное, что я смогу сделать, это вычеркнуть несколько фамилий или изменить очередность увольнений, но отменить их совсем я не могу.

— Может быть, это даже будет полезным — пустить ребят погулять в город, — предложил полковник Шелтон, который и сам был бы не прочь гулнуть. — Прибытие флота всегда хорошая встряска для захолустного порта. Контакты будут устанавливаться десятками, а мы именно этого и добиваемся.

— Мы добиваемся контактов с руководством этой планеты, — отметил посол. — Мне как-то трудно себе представить руководящее лицо, примеряющее свою лучшую шляпку, пудрящее нос и выскакивающее на улицу, чтобы подцепить изголодавшегося забулдыгу матроса. — Его пухлое лицо передернулось. — Мы должны искать иголку в стогу сена. Это работа не для матросни.

— Я не могу не согласиться с вами, ваше превосходительство, нам придется рискнуть, — сказал Грейдер. — Личный состав ожидает увольнения, а обстановка лишает меня власти препятствовать ему. Подобную власть мне может дать только одно.

— Что именно?

— Факты, которые позволят мне классифицировать планету как враждебную в том смысле, как определено уставом.

— Можно ли как-нибудь это устроить? — И, не дожидаясь ответа, посол продолжил: — В каждом экипаже всегда есть неисправимый бузотер. Найдите его, поднесите двойную чарку венерианского коньяка, обещайте немедленное увольнение на берег, но выскажите сомнение в том, что оно придется ему по душе: мол, эти ганды на нас смотрят как на отбросы. Потом выпихните его из корабля. Когда он вернется с подбитым глазом и будет хвастать, как он отделал того парня, объявите планету враждебной. — Посол сделал выразительный жест. — Что еще? Физическое насилие. Все согласно уставу.

— Параграф 148а особо подчеркивает, что устав имеет в виду систематическое противодействие силой. Индивидуальные же стычки не рассматриваются уставом как факты, доказывающие враждебность планеты.

Посол разгневанно обернулся к старшему гражданскому чиновнику:

— Когда вернетесь на Терру, если вы вообще доберетесь обратно, можете сообщить руководству соответствующего ведомства, что космическая служба дезорга-

низована, парализована и не способна к выполнению своих функций благодаря составляющим уставы бюрократам.

Прежде чем чиновник смог придумать ответ, достаточно благоприятный для себя, но и не противоречащий словам посла, раздался стук в дверь. Вошедший старший помощник Морган молодцевато отковырнул и протянул капитану Грейдеру лист бумаги.

— Список первой группы увольняемых, сэр. Прошу утвердить.

Четыреста двадцать матросов ринулись на город ранним утром. Как все моряки, истосковавшиеся по берегу, они горели надеждами и нетерпением.

Глид примкнул к Гаррисону. Среди отпускников он был единственным сержантом, а Гаррисон — единственным десятым инженером. К тому же только они двое были в штатском. Без мундира Глид чувствовал себя не в своей тарелке, а Гаррисону не хватало велосипеда. Этих мелочей было достаточно, чтобы свести их вместе хотя бы на один день.

— Лафа, ей-богу, — с энтузиазмом заявил Глид. — Немало было на моем веку приятных увольнений, но это просто лафа. На всех остальных планетах всегда возникала проблема, что брать с собой вместо денег. Ребята выкатывались из корабля, как батальон дедов-морозов, нагруженные всякой всячиной для меновой торговли. На девять десятых это барахло никому не было нужно, и приходилось потом переть все обратно.

— На Персефоне, — сказал Гаррисон, — один длинноногий милик предлагал мне двадцатикаратовый бриллиант чистой воды в обмен на мой велосипед.

— И ты отказался?

— Конечно. Мне бы пришлось возвращаться за шестнадцать световых лет, чтобы достать другой велосипед.

— Мог бы некоторое время и без велосипеда обойтись.

— Я мог обойтись и без бриллианта.

— Ну и балда же ты. За такой камень мог бы огрести тысяч двести, а то и двести пятьдесят кредитов. — Глид даже облизнулся, вообразив такую уйму денег. — Кредиты, и побольше! Это я уважаю! Потому и говорю, что здесь лафа! Обычно перед увольнением Грей-

дер нас накачивает насчет хорошего поведения, чтобы мы производили благоприятное впечатление и все такое прочее. А на этот раз он говорил о кредитах.

— Это его посол настропалил.

— Неважно кто, мне это все равно пришлось по душе,— сказал Глид.— Десять кредитов и внеочередное увольнение каждому, кто сумеет привести на корабль взрослого ганда, мужчину или женщину, согласных дать информацию.

— Не так-то просто будет их заработать.

— Сто кредитов тому, кто установит имя и адрес руководителя городской администрации. Тысячу кредитов за название и координаты столицы! — Сержант прищелкнул и продолжал: — Кто-то огребет всю эту кучу денег!

Он замолчал, заглядевшись на проходившую мимо высокую гибкую блондинку. Гаррисон дернул его за рукав.

— Вот лавка Бэйнса, про которую я тебе говорил. Зайдем?

— Давай.— Глид не очень охотно последовал за ним, не отрывая глаз от улицы.

— Добрый день,— бодро сказал Гаррисон.

— Вот уж нет,— возразил Джефф Бэйнс.— Торговля плохо идет. Сегодня полуфинальные игры, и добрая половина города смоталась туда. А о брюхе вспомнят, когда я уже закрою лавку. Значит, набегут завтра и навалят мне работенки.

— Как может торговля идти плохо, если ты не берешь денег даже тогда, когда она идет хорошо? — поинтересовался Глид, выводя разумный вопрос из полученной ранее от Гаррисона информации.

Джефф медленно обшарил его взглядом, потом повернулся к Гаррисону.

— Еще один обормот с твоего корабля? О чем это он говорит?

— Деньги,— сказал Гаррисон,— это то, что мы используем для упрощения торговли. Их печатают. Что-то вроде документированных обов различного достоинства в письменном виде.

— Понятно. Отсюда можно сделать вывод, что людям, которые письменно документируют каждый об, доверять нельзя, потому что они сами себе не доверяют.— Добравшись до своего высокого табурета, Джефф плюхнулся на него. Дышал он хрипло и тяжело.— Это под-

тверждает все, чему нас учили в школе: антиганд надует и собственную мать.

— В ваших школах учили неправильно,— заверил его Гаррисон.

— Может, и неправильно.— Джефф не считал нужным спорить на эту тему.— Но мы будем осторожными, пока не убедимся в обратном.— Он еще раз окинул их взглядом.— Ну ладно, вам-то двоим чего надо?

— Совета,— быстренько вклинился в разговор Глид.— Где можно лучше всего поесть и повеселиться?

— А времени у вас много?

— До завтрашнего вечера.

— Ничего не выйдет.— Джефф печально покачал головой.— За это время вы только и успеете заработать достаточное количество обов на то, что вас интересует. К тому же немного найдется желающих дать антигандам иметь на себя об.

— Слушай,— сказал Гаррисон,— но можем мы заработать хоть на приличный обед?

— Не знаю.— Джефф подумал над вопросом, потирая свои подбородки.— Может, вы и пристроитесь, но я вам на этот раз помочь не сумею. Мне от вас сейчас ничего не надо, так что ни один из обов, которые я имею на других, я вам передать не могу.

— Посоветуй нам, как быть.

— Если бы вы были местные — дело другое. Вы бы могли получить все, что вам нужно, прямо сейчас за долгосрочные обы, которые вы бы погасили в будущем при первой же возможности. Но кто же даст кредит антиганду, который сегодня здесь, а завтра весь вышел?

— Полегче насчет „весь вышел“,— посоветовал Глид.— Если сюда прибыл имперский посол, то это значит, что мы пришли на веки вечные.

— Кто это сказал?

— Империя. Ваша планета — часть Империи.

— Нет,— сказал Джефф.— Не были мы ничьей частью и не будем. Более того, мы и не дадим никому сделать нас своей частью.

Глид облокотился на прилавок и рассеянно уставился на большую банку свинины.

— Поскольку я не в мундире и вне строя, я тебе сочувствую, хотя и не должен этого говорить. Мне и самому бы не понравилось, если бы мною стали править чужеземные чинуши. Но вам, ребята, от нас не отделаться. Такие вот дела.

— Ты так говоришь, потому что ты не знаешь, чем мы располагаем.— Джефф казался очень уверенным в себе.

— Да чем вы можете располагать? — фыркнул сержант Глид тоном скорее дружески-критическим, чем открыто презрительным. Он обернулся к Гаррисону.— Как ты думаешь?

— Кажется, ничем.

— Не судите поверхностно,— посоветовал Джефф.— До того, что у нас есть, вам никогда не додуматься.

— Например?

— Для начала могу тебе сказать, что мы обладаем самым могущественным оружием, изобретенным когда-либо. Мы — ганды, понял? Поэтому мы не нуждаемся в кораблях, пушках и прочих игрушках. Наше оружие эффективнее. От него нет никакой защиты.

— Хотел бы я его увидеть,— бросил перчатку Глид. За сведения о новом сверхмощном оружии можно получить намного больше, чем за адрес мэра. Грейдер за такое дело отвалит тысяч пять, не меньше. Не без сарказма он добавил: — Но, конечно, ты не можешь выдать военную тайну.

— Никакой тайны здесь нет,— спокойно ответил Джефф.— Можешь получить наше оружие за так, когда пожелаешь. Попроси только, тебе его любой ганд отдаст. Хочешь знать, почему?

— Еще бы.

— Потому что это оружие одностороннего действия. Против вас мы его использовать можем. А вы против нас — нет.

— Такого не бывает. Невозможно изобрести оружие, которым человек не сможет воспользоваться, если заполучит его в руки и будет знать, как с ним обращаться.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно,— без всякого сомнения сказал сержант.— Я уже двадцать лет в десантных войсках, а в них какое только оружие не освоишь! От луков до водородных бомб. Тебе меня не провести. Оружия одностороннего действия просто не может быть в природе.

— Не спорь с ним,— сказал Гаррисон Бэйну.— Он никогда ничему не верит, пока не убедится собственными глазами.

— Оно и видно.— Лицо Джеффа расплылось в медленной ухмылке.— Я ведь тебе сказал, что ты можешь

получить наше чудо-оружие, если попросишь. Что же ты не просишь его?

— Хорошо, я прошу, — сказал Глид без особого энтузиазма. Оружие, которое демонстрировалось по первому требованию и за которое не приходилось отрабатывать даже самый пустяковый об, вряд ли уж было таким могучим. Воображаемые пять тысяч кредитов съежились до пяти, а потом до нуля. — Дай мне испытать его.

Тяжело повернувшись вместе с табуретом, Джефф протянул руку, снял со стены маленькую сверкающую плашку и протянул ее через прилавок.

— Можешь взять себе. Надеюсь, пойдет на пользу.

Глид повертел плашку в пальцах. Всего-навсего продолговатый кусочек вещества, напоминающего слоновую кость. С одной стороны гладко полированный. На другой стороне выбиты три буквы: „С — Н. Т.“.

Глид спросил обескураженно:

— И это ты называешь оружием?

— Конечно.

— Ничего не понимаю. — Сержант передал плашку Гаррисону. — А ты?

— Я тоже, — Гаррисон внимательно осмотрел плашку и спросил Бэйкса: — Что означает „С — Н.Т.“?

— Всеобщий лозунг. Вы его повсюду увидите, если не замечали еще.

— Я его встречал несколько раз, но не придавал ему значения. Теперь припоминаю: эти буквы были написаны на стене в ресторанчике Сета и у входа в пожарное депо.

— И на бортах автобуса, из которого мы не смогли вытряхнуть пассажиров, — добавил Глид. — Только мы не поняли, что это значит.

— Это очень много значит, — ответил Джефф. — Это значит: «Свобода — Нет и Точка».

— Я убит, — заявил ему Глид. — Убит наповал.

Он посмотрел на Гаррисона, который с задумчивым видом засовывал плашку в карман.

— Абракадабра какая-то. Тоже мне, оружие!

— Блажен неведающий, — заметил уверенный в себе Бэйкс. — Особенно когда и не подозревает, что играет с детонатором бомбы неизвестного устройства.

— Ладно, — поймал его на слове Глид. — Объясни нам, как она устроена.

— Нет, и точка. — Лицо Бэйкса снова расплылось в ухмылке. Он явно был чем-то доволен.

— Хорошая помощь. — Глид чувствовал себя обма-

нутым, особенно из-за минутного упоения воображаемыми пятью тысячами.— Нахвастал каким-то оружием одностороннего действия, сунул кусок какого-то барахла с тремя буквами и замолк. Наболтать каждый может. А доказательства где?

— Не будет доказательств, и точка,— сказал Бэйнс, ухмыляясь еще шире. Его жирная бровь многозначительно мигнула следящему за разговором Гаррисону.

Гаррисона вдруг осенило. Раскрыв в изумлении рот, он вынул плашку из кармана и уставился на нее, как будто до этого вообще не видел.

— Отдай мне ее обратно,— потребовал Бэйнс, наблюдая за ним.

Засунув плашку обратно в карман, Гаррисон твердо ответил:

— Нет, и точка.

Бэйнс прищелкнул языком:

— Одни воображают быстрее, чем другие.

Глиду это замечание явно не понравилось. Он протянул руку к Гаррисону.

— Дай-ка мне еще раз взглянуть.

— Нет, и точка,— ответил Гаррисон, глядя ему прямо в глаза.

— Слушай, так не...— Внезапно негодующие нотки исчезли из его голоса. Он замер на месте, но слегка остекленевшим глазам было видно, что голова у него идет кругом. Потом он прошептал: — Черт возьми.

— Вот именно,— одобрительно буркнул Бэйнс.— Долго ты раскачивался.

Ошеломленный потоком обрушившихся на него вольнодумных мыслей, Глид хрипло сказал Гаррисону:

— Уйдем отсюда. Мне надо подумать. Давай найдем какое-нибудь спокойное местечко.

Неподалеку они нашли скверик со скамейками, газончиками и цветами, в котором у фонтана играли ребятишки. Сев напротив лужайки с непривычно яркими для земного глаза цветами, оба погрузились в раздумья.

Через некоторое время Глид сказал:

— Если один человек будет так вести себя, ему обеспечен мученический венец, но если всем миром...— Голос его дрогнул, но он продолжал говорить: — Когда я думаю, к чему это может привести, у меня сердце екает.

Гаррисон хранил молчание.

— Вот тебе пример,— продолжал Глид.— Предпо-

жим, я возвращаюсь на корабль, и этот рыкающий носорог Бидворси отдает мне приказ. А я ему отвечаю, не моргнув глазом: „Нет, и точка“. Тут либо его кондрашка хватит, либо он меня бросит в карцер.

— То-то тебе будет здорово!

— Да подожди, я же не кончил еще. Так вот, я сижу в карцере, но работа-то остается несделанной. Значит, Бидворси приказывает кому-то другому. А другой, будучи со мной заодно, смотрит на него ледяным взглядом и отвечает: „Нет, и точка“. Его тоже бросают в карцер, и у меня появляется компания. Бидворси отдает приказ следующему. Повторяется та же история. В карцер влезает только двадцать человек. Значит, им придется теперь сажать арестованных в инженерскую столовую.

— При чем здесь наша столовая? — запротестовал Гаррисон.

— Именно в столовую, — стоял на своем Глид, преисполненный решимости покарать инженеров. — Скоро и она будет битком набита отказчиками. А Бидворси продолжает их сажать одного за другим, если только у него к этому времени сосуды не полопаются. Следующую партию придется запирать в инженерский кубрик.

— Да чего ты привязался к инженерам?

— Их там придется штабелями укладывать до самого потолка, — сказал не без садистского удовольствия Глид. — А кончится все это тем, что придется Бидворси самому взять ведро и швабру и драить медяшки, пока Грейдер, Шелтон и вся остальная братия будут караулить карцеры. А его пузатое превосходительство и его блюдолизы попрутся на камбуз стряпать арестантам обед. — Глид перевел дух и добавил: — Вот это да!

К ногам его подкатился цветастый мяч. Глид наклонился и подобрал его. Тут же подбежал мальчишка лет семи.

— Отдайте, пожалуйста, мой мяч.

— Нет, и точка, — ответил Глид.

Никакого протеста, никакого гнева, никаких слез. Мальчик просто разочарованно отвернулся и пошел прочь.

— Эй, сынок, держи. — Глид бросил ему мяч.

— Спасибо, — схватив мяч, мальчишка убежал.

Гаррисон сказал:

— Что произойдет, если каждый гражданин Империи на всей ее территории от Прометея до Кальдора, на всех ее 1800 световых годах космического пространства ра-

зорвет полученное им извещение об уплате подоходного налога и скажет: „Нет, и точка“? Что случится тогда?

— Тогда правительству потребуется еще одна вселенная для карцера и другая для караульных.

— Начнется хаос,— продолжал Гаррисон. Он кивнул на фонтан и на играющих около него детей.— Но непохоже, чтобы здесь у них был хаос. Я, во всяком случае, этого не замечаю. Отсюда можно сделать вывод, что они не перебарщивают с этим бескомпромиссным отказом. Они применяют его рассудительно, на основании какого-то общепринятого соглашения. Но что это за соглашение — не пойму, хоть убей.

— И я тоже.

Пожилой человек остановился у их скамейки, посмотрел на них, колеблясь, потом решил обратиться к проходившему мимо юноше:

— Не скажете, где остановка роллера на Мартинстаун?

— В конце Восьмой улицы. Отходит каждый час. Перед отъездом вам прикуют конечности.

— Конечности? — Старик поднял недоуменно брови.— Это еще зачем?

— Этот маршрут проходит мимо корабля антигандов. Они могут попытаться вытащить вас из машин.

— Да-да, конечно,— проходя мимо Глида и Гаррисона, он окинул их взглядом и сказал: — Эти антиганды такие зануды!

— Это уж точно,— поддержал его Глид.— Им говорят: „Убирайтесь“, а они отвечают: „Нет, и точка“.

Пожилой джентльмен сбился с ноги, странно посмотрел на него и скрылся за углом.

— Они все-таки замечают наш акцент,— сказал Гаррисон.— Хотя, когда я обедал в тот раз у Сета, никто на это внимания не обратил.

— Где удалось поесть один раз,— неожиданно оживился Глид,— можно попробовать и другой. Что мы теряем?

— Ничего, кроме терпения,— ответил Гаррисон и поднялся со скамейки.— Попытаем счастья у Сета. Не получится, пойдем куда-нибудь еще. А если нигде не получится, то успеем похудеть, прежде чем помрем голодной смертью.

— Похоже, что именно до этого они нас и хотят довести,— ответил Глид. Потом проворчал: — Но они добьются своего только через мой труп.

— Именно так,— согласился Гаррисон,— только через твой труп.

С салфеткой через руку подошел Мэтт.

— Антигандов я не обслуживаю.

— Но в прошлый раз ты меня обслужил,— сказал Гаррисон.

— Тогда я не знал, что ты с того корабля. Зато теперь знаю! — Он смахнул салфеткой крошки со стола.— Антигандов я не обслуживаю.

— А нет другого места, где мы бы могли пообедать?

— Если вам удастся обязать кого-нибудь. Никто, конечно, этого не сделает, если поймет, кто вы, разве что ошибется, как я ошибся в прошлый раз. Но я два раза подряд ошибок не делаю.

— Как раз сейчас и делаешь,— сказал жестким командным голосом Глид. Он толкнул Гаррисона локтем.— Смотри.— И выхватил из кармана маленький бластер. Направив его Мэтту в живот, он продолжал: — В нормальной обстановке меня отдали бы за это под суд, но сейчас начальство вряд ли расположено поднимать шум из-за этих двуногих ослов.— Он значительно повел оружием.— Ну живо тащи нам две порции.

— Нет, и точка,— выпятив челюсть и не обращая внимания на бластер, ответил Мэтт.

Глид щелкнул предохранителем.

— Учти, он сейчас от кашля сработать может. Шеллись!

— Нет, и точка,— ответил Мэтт.

Глид с отвращением сунул бластер обратно в карман.

— Я просто тебя пугал. Он не заряжен.

— Заряжен или незаряжен, значения не имеет. Антигандов я не обслуживаю, и точка.

— А если бы я психанул и всадил в тебя полный заряд?

— А как бы я тогда мог тебя обслужить? Что с мертвеца возьмешь? Пора бы вам, антигандам, поучиться логике.

Выпустив эту последнюю стрелу, он ушел.

— Что-то в этом есть,— сказал Гаррисон уныло.— Что ты сделаешь с мертвецом? Над ним ты не властен.

— Не скажи. Вид нескольких трупов может привести остальных в чувство. Сразу забегают.

— Ты рассуждаешь по-земному,— сказал Гаррисон.— Это неправильно. Как ни крути, они давно уже не

земляне. Они — ганды, хоть я и не понимаю, что они под этим имеют в виду. — Он задумался, потом добавил: — Создание Империи привело к образу мышления, согласно которому Терра неизменно права, в то время как остальные шестнадцать тысяч сорок две планеты неизменно не правы.

— От твоих разговорчиков мятежом пахнет.

Гаррисон не ответил. Глид, заметив, что внимание собеседника отвлечено чем-то другим, оглядел комнату и увидел только что вошедшую брюнетку.

— Хороша, — одобрил сержант. — Не слишком юна, не слишком стара. Не слишком толста, не слишком худя. В самый раз.

— Я с ней уже знаком.

Гаррисон помахал ей в знак приветствия. Она подошла легкой походкой и села за их стол. Гаррисон представил:

— Мой друг сержант Глид.

— Артур, — поправил его Глид, пожирая брюнетку взглядом.

— Меня зовут Илесса. А что такое „сержант“?

— Вроде шишки на ровном месте. Я только передаю парням приказы, кому что делать.

Ее глаза широко раскрылись.

— Неужели люди действительно позволяют другим людям указывать себе, что им делать и как?

— Разумеется. Как же иначе?

— Мне это кажется диким. — Девушка перевела взгляд на Гаррисона. — А твоего имени я так и не узнаю?

— Джим.

— Мэтт подходил к вам?

— Да. И отказался нас обслуживать.

Она передернула полными плечиками.

— Это его право. Каждый человек имеет право отказаться. На то и свобода.

— У нас такая свобода называется бунтом.

— Не будь ребенком, — упрекнула девушка инженера и поднялась со стула. — Подождите здесь. Я пойду поговорю с Сетом.

— Ничего не понимаю, — сказал Глид, когда Илесса отошла. — Судя по тому, что говорил толстяк в лавке, нас все должны игнорировать, пока мы не дадим деру с тоски. Но эта дамочка ведет себя дружелюбно. Она не ганд.

— Ошибаешься, — возразил Гаррисон. — Она просто пользуется своим правом сказать: „Нет, и точка“.

— Верно! Я об этом и не подумал. Они могут его применить, как им нравится.

— Конечно,— инженер снизил голос.— Тихо, она идет обратно.

Сев снова за столик, девушка поправила прическу и сказала:

— Сет лично вас обслужит.

— Еще один предатель,— усмехнулся Глид.

— Но с условием,— продолжала она,— что вы оба поговорите с ним перед уходом.

— Цена подходящая,— решил Гаррисон.— Но это значит, что тебе придется погашать обед за нас троих своими обами?

— Нет, только за себя.

— Как так?

— У Сета свои соображения. Он такого же мнения об антигандах, как и все остальные, но обладает склонностью к миссионерству. Он не согласен с тем, что всех антигандов нужно игнорировать. По его мнению, так можно относиться только к слишком глупым и упрямым, кого не перевоспитаешь. Сет уверен, что каждый разумный антиганд является потенциальным гандом.

— Да что это такое „ганд“? — спросил Гаррисон.

— Обитатель нашего мира.

— Но от чего происходит это слово?

— От имени Ганди.

Гаррисон наморщил лоб.

— Это еще кто?

— Человек, который изобрел Оружие.

— Никогда о нем и не слышал.

— Меня это не удивляет,— заметила Илесса.

— Не удивляет? — Гаррисон почувствовал раздражение.— Позволь тебе заметить, что в наше время на Терре все получают такое образование...

— Успокойся, Джим. Я просто хотела сказать, что это имя наверняка вычеркнуто из ваших учебников истории. Оно могло вызвать у вас нежелательные настроения. Поэтому меня и не удивляет, что ты о нем не слышал. Не можешь же ты знать того, чему тебя никогда не учили.

— Если ты подразумеваешь, что на Терре история подвергается цензуре, то я в это не верю.

— Это твое право, верить или нет. На то и свобода.

— До известной степени. У человека есть обязанности, отказываться от которых он не имеет права.

— Да? А кто определяет ему эти обязанности — он сам или другие?

— По большей части люди, стоящие выше его.

— Ни один человек не может стоять выше другого. Ни один человек не имеет права указывать другому, в чем состоят его обязанности. Если на Terre кто-то обладает подобной идиотской властью, то только потому, что идиоты это ему позволяют. Они боятся свободы. Они предпочитают получить указания. Они любят выполнять приказы. Ну и люди!

— Мне бы не следовало тебя слушать, — вмешался в разговор Глид. Его дубленое лицо горело. — Ты настолько вредная, насколько хорошенькая.

— Боишься своих собственных мыслей, — уколола она, подчеркнуто игнорируя комплимент.

Глид покраснел еще больше.

— Никогда в жизни. Но я...

Он не договорил, потому что появился Сет и поставил на стол три полные тарелки.

— После обеда поговорим, — напомнил Сет. — Мне вам надо кое-что сказать.

Сет подсел к их столу, как только они кончили есть.

— Что вы уже знаете?

— Они уже знают достаточно, чтобы поспорить, — вставила Илисса. — Они беспокоятся об обязанностях, о том, кто их определяет и кто выполняет.

— И не без оснований, — парировал Гаррисон. — Вы ведь тоже не можете этого избежать.

— То есть? — спросил Сет.

— Ваш мир держится на какой-то странной системе обмена обязательствами. Но что заставит человека гасить об, если он не будет это считать своим долгом?

— Долг здесь ни при чем, — ответил Сет. — А если и возникает вопрос о долге, то каждый определяет его для себя сам. Было бы в высшей степени возмутительной наглостью со стороны одного человека напоминать об этом другому, а одному приказывать другому — просто неслыханно.

— Так можно очень хорошо устроиться, — перебил его Глид. — Как вы справитесь с гражданином, у которого совсем нет совести?

— Проще пареной репы.

— Расскажи им сказочку о Ленивом Джеке, — предложила Илисса.

— Это детская сказочка,— пояснил Сет.— Ее все детишки наизусть знают. Классика вроде как... как...— Он сморщил лоб.— Совсем забыл сказки, которые привезли пионеры.

— Красная Шапочка,— подсказал Гаррисон.

— Вот-вот,— благодарно кивнул Сет.

Он провел языком по губам и начал рассказ:

— Этого Ленивого Джека привезли сюда с Терры ребенком, он вырос в нашем новом мире, изучил нашу экономическую систему и решил, что он всех перехитрит. Он решил стать хапугой. Мы так называем тех, кто хватает обы и пальцем не шевелит, чтобы их погасить или дать другим иметь об на себя. Человек, который брать берет, а давать не хочет. Ну так вот, до шестнадцати лет это ему сходило с рук. Он ведь был ребенком. А у детей всегда есть к этому склонность. Мы это понимаем и делаем определенные скидки. Но после шестнадцати он влип.

— Каким образом? — спросил Гаррисон, которого сказочка заинтересовала больше, чем он хотел показать.

— Он хапал все, что попадалось под руку. Еду, одежду. А городки у нас небольшие, в них все друг друга знают. Месяца через три Джек стал известен как самый настоящий хапуга. И куда бы он ни пришел, везде получал отказ. Ни еды, ни крова, ни друзей. Проголодавшись, он вломился ночью в чью-то кладовую и в первый раз за неделю поел по-человечески.

— И как его наказали за это?

— А никак. Ничего ему не сделали.

— Но безнаказанность наверняка только поощрила его.

— Да нет,— усмехнулся Сет.— Люди просто стали все запирать. В конце концов ему пришлось перебраться в другой город.

— Чтобы там начать все сначала,— сказал Гаррисон.

— На некоторое время... А потом пришлось перебраться в третий город, в четвертый, в двадцатый. Он был слишком упрям, чтобы делать выводы.

— Но ведь он устроился,— сказал Гаррисон.— Брал все, что надо, и передвигался с места на место.

— Не совсем. Городки у нас, как я говорил, маленькие. Люди часто ездят друг к другу в гости. Все всё знают.— Сет перегнулся через стол и сказал выразительно: — До двадцати лет Джек кое-как протянул, а затем...

— Затем?

— Он пытался прожить некоторое время в лесу на подножном корму. А потом его нашли висящим на дереве. Одиночество и презрение к самому себе погубили его. Вот что случилось с Ленивым Джеком, хапугой.

— У нас на Терре людей за лень не вешают,— сказал Глид.

— У нас тоже. Им предоставляют свободу сделать это самим.— Сет обвел собеседников пронизательным взглядом и продолжал: — Но пусть вас это не беспокоит. За всю мою жизнь я не припомню, чтобы случилось что-либо подобное. Люди уважают свои обязательства в силу экономической необходимости, а не из чувства долга. Никто никому не приказывает, никто никого не заставляет, но сам по себе образ жизни на нашей планете содержит в себе определенное принуждение. Либо будешь играть по правилам, либо пострадаешь. А страдать никому не хочется, даже дуракам.

— Похоже, что ты прав,— вставил Гаррисон, ум которого в эту минуту напряженно упражнял свои способности.

— Не похоже, а наверняка,— заверил его Сет.— Но я хотел с вами поговорить о более важном. Скажите, чего вы хотите больше всего в жизни?

Не задумываясь, Глид ответил:

— Путешествовать по космосу, оставаясь целым и невредимым.

— И я тоже,— сказал Гаррисон.

— Так я и думал. Но вы не можете остаться во флоте на веки вечные. Все рано или поздно приходит к концу. Что потом?

Гаррисон заерзал обеспокоенно.

— Я не люблю об этом думать.

— Но ведь рано или поздно придется,— сказал Сет.— Сколько тебе осталось летать?

— Четыре с половиной года.

Сет перевел взгляд на Глида.

— А мне три.

— Немного,— заметил Сет.— Значит, когда вы доберетесь обратно до Терры, для вас это будет концом пути?

— Для меня — да,— признался Глид, которому эта мысль никакой радости не доставляла.

— Чем старше становишься, тем быстрее бежит время. Однако ты будешь еще относительно молод, когда уйдешь в отставку. Ты, наверное, приобретешь собствен-

ный корабль и будешь продолжать путешествовать по космосу?

— Откуда? Даже самые богатые не смогут себе позволить больше, чем лунный катер. Но болтаться между Землей и спутником скучно для того, кто привык к глубокому космосу. А двигатель Блидера по карману только правительству.

— И что же ты будешь делать после увольнения?

— Я не такой, как Большие Уши, — ткнул пальцем в Гаррисона Глид, — я солдат, а не специалист. У меня выбор ограничен. Но я родился и вырос на ферме. Я еще помню фермерскую работу. Хорошо бы осесть и обзавестись маленьким хозяйством.

— Это возможно? — спросил Сет, внимательно глядя на него.

— На какой-нибудь из развивающихся планет, но не на Терре. Для Терры мне и половины суммы не наскреusti.

— Вот, значит, как Терра вознаграждает за годы верной службы! Либо забудь о своей сокровенной мечте, либо выметайся?

— Заткнись.

— Не заткнусь, и точка. Как ты думаешь, почему ганды эмигрировали на эту планету, духоборы на Хайгею, а квакеры на Центавр Б? Потому что Терра так награждала своих верноподданных — либо гни шею, либо выметайся. Вот мы и вымелись.

— Оно и к лучшему, — вставила Илисса. — Избавили Терру от перенаселения.

— Это к делу не относится, — ответил Сет и вернулся к Глиду. — Ты хочешь ферму. Хочешь ее на Терре, но получить ее там не можешь. Терра говорит тебе: „Выметайся“. Значит, тебе нужно искать ферму где-то в другом месте. А здесь ты можешь получить ферму просто за так. — Он выразительно щелкнул пальцами.

— Меня не обманешь, — ответил Глид, хотя по лицу его было видно, что ему очень хочется быть обманутым. — За так не бывает.

— На нашей планете земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Пока человек продолжает на ней работать, никто не оспаривает его права на этот участок. Все, что тебе нужно, — найти свободный участок, а их здесь сколько хочешь, и начать работать на нем. С этой минуты он твой. Как только ты перестанешь на нем работать и покинешь его, он принадлежит кому угодно.

— Святые метеоры! — Глид уставился на него неверящим взглядом.

— Более того, если тебе повезет, можешь наткнуться на брошенную ферму, которую оставили из-за болезни, смерти или желания перебраться куда-нибудь, где подвернулось что-то поинтереснее. В таком случае тебе достанется готовая ферма с сараями, коровниками и всем хозяйством.

— А что я буду должен предыдущему владельцу?

— Ничего. Ни единого оба. С какой стати? Если он ушел оттуда, то он рассчитывает на что-то лучшее. Не может же он пользоваться выгодами и от одного и от другого.

— Бессмыслица какая-то. Где-то здесь ловушка. Кому-то мне придется выкладывать на бочку либо деньги, либо кучу обов.

— Несомненно. Ты заводишь ферму. Соседи помогают тебе построить дом. Это накладывает на тебя солидные обы. Будешь, к примеру, два года снабжать плотника и его семью продуктами с фермы и погасишь об. А потом будешь поставлять ему продукты еще два года и тем самым будешь иметь об на него. И так со всеми остальными.

— Но не всем же нужны сельскохозяйственные продукты.

— Ну и что? Вот, к примеру, жестянщик сделал для тебя маслобойку. Продукты ему не нужны. Его жена и трое дочерей на диете, и одна только мысль о еде приводит их в ужас. Но у него есть портной или сапожник, которые имеют на него обы. Он переводит эти обы на тебя. Поставляя продукты портному или сапожнику, ты погасишь об жестянщику. И все довольны.

Насупившись, Глид разжевывал услышанное.

— Ты меня подстрекаешь. Не следовало бы делать этого. Попытка подстрекательства к дезертирству является на Терре уголовным преступлением и сурово наказывается.

— Так то на Терре,— сказал Сет презрительно.

— Все, что вам надо сделать,— мило и убедительно встала Илисса,— это объяснить себе, что пора возвращаться на корабль, что это ваш долг, что ни на корабле, ни на Терре без вас не обойдутся.— Она поправила кудряшку.— А потом стать свободной личностью и сказать: „Нет, и точка!“

— С меня за это с живого шкуру спустят. Под личным руководством Бидворси.

— Вряд ли,— усомнился Сет.— Этот Бидворси, который мне кажется человеком отнюдь не жизнерадостным, находится в таком же положении, как и ты, и все остальные: на распутье. Рано или поздно он либо во всю прыть уберется отсюда, либо будет в своем грузовичке доставлять тебе на ферму молоко, потому что в глубине души ему всегда хотелось заниматься именно этим.

— Ты его не знаешь,— хмуро буркнул Глид.— У него вместо сердца кусок ржавого железа.

— Занятно,— взглянул на него Гаррисон,— я всегда думал то же самое о тебе, вплоть до сегодняшнего дня.

— Я сейчас не на службе,— ответил Глид, как будто такой ответ все объяснял.

Он встал и сжал челюсти.

— Но я возвращаюсь на корабль. Прямо сейчас.

— У тебя увольнение до завтрашнего вечера,— запротестовал Гаррисон.

— Возможно. Но я вернусь сейчас.

Илисса открыла рот, но тут же закрыла, потому что Сет толкнул ее. Они сидели молча и смотрели, как Глид выходил за дверь решительной походкой.

— Это хороший знак,— сказал Сет со странной уверенностью в голосе.— Задели его за живое.— Потом повернулся к Гаррисону.— А у тебя какое главное желание в жизни?

— Спасибо за еду.— Гаррисон, явно обеспокоенный, поднялся со стула.— Постараюсь догнать его. Если он пошел на корабль, мне, пожалуй, тоже лучше вернуться.

Опять Сет остановил Илиссу. Оба хранили молчание, пока Гаррисон выходил на улицу, аккуратно затворяя за собой дверь.

— Бараны,— сказала непонятно чем опечаленная Илисса.— Один за другим, ну прямо стадо баранов.

— Нет,— возразил Сет,— это люди, движимые теми же мыслями и чувствами, что и наши предки, которые баранами отнюдь не были.— Повернувшись в кресле, он крикнул Мэтту: — Принеси нам два шемака! — Потом сказал Илиссе: — Сдается мне, что этому кораблю не поздоровится, если он здесь задержится.

Динамик внутренней сигнализации рывкнул:

— Гаррисон, Глид, Грегори...— и так далее в алфавитном порядке.

В коридорах и на палубах разговаривали между собой вернувшиеся из увольнения.

— Ни единого слова ни от кого не добьешься, кроме «зассд». Просто осточертело!

— Надо было разделить, как мы. Там, в цирке, на окраине никто про нас и знать не знал. Я просто вошел и сел.

— Слышал про Майка? Он починил крышу, взял в уплату бутылку двойного деса и нажрался. Был в полной отключке, когда его нашли. Пришлось тащить его обратно на себе.

— Везет же некоторым. А нас отовсюду гнали.

— Так я ж и говорю, что надо было разделить.

— Половина увольнения, наверное, все еще валяется по канавам.

— Грейдер психанет, когда узнает, что столько народа опоздало.

Каждую минуту старпом Морган выходил в коридор и выкрикивал одну из фамилий, только что объявленных по радио. По большей части никто не отзывался.

— Гаррисон! — завопил он.

Гаррисон вошел в навигаторскую с недоуменным выражением на лице.

Его превосходительство расхаживал взад и вперед, бормоча в свои подбородки: «Всего пять дней, а разложение уже началось». Резко повернувшись к вошедшему Гаррисону, он выпалил:

— А, это вы, сударь! Давно вернулись из увольнения?

— Позапрошлым вечером, сэр.

— Досрочно, не так ли? Это интересно. Прокололи шину?

— Никак нет, сэр. Я велосипед не брал.

— Тоже неплохо. Если бы вы его взяли, вы были бы уже за тысячу миль отсюда.

— Почему, сэр?

— Почему? Он меня спрашивает, почему? Да я именно это и хочу знать — почему? Вы в городе были один или с кем-нибудь?

— С сержантом Глидом, сэр.

— Вызвать его, — приказал посол.

Морган послушно открыл дверь и позвал:

— Глид! Глид!

Ответа не последовало. Он попробовал еще раз, но безрезультатно. Потом опять вызвал Глида по радио. Сержант Глид исчез.

— Он отметился, когда возвращался?

Капитан Грейдер сверился с лежащим перед ним списком.

— Вернулся на двадцать четыре часа раньше срока. Видимо, выскользнул со второй группой, не отметившись. Это двойное преступление.

Морган вернулся в навигаторскую.

— Ваше превосходительство, один из десантников видел сержанта Глида в городе совсем недавно.

— Вызвать этого солдата.— Его превосходительство повернулся к Гаррисону.— А вы стойте, где стоите, и постарайтесь не хлопать своими чертовыми ушами. Я с вами еще не кончил.

Вошел испуганный таким обилием начальства солдат и вытянулся по стойке „смирно“.

— Что вам известно о сержанте Глиде? — потребовал посол.

Солдат облизал губы, явно сожалея, что вообще ляпнул о встрече с Глидом.

— В общем, ваше благородие, я...

— Называйте меня „сэр“.

— Есть, сэр. Я пошел в увольнение со второй группой рано утром, но через пару часов решил вернуться, потому что брюхо схватило. На обратном пути я встретил сержанта Глида и с ним разговаривал.

— Где? Когда?

— В городе, сэр. Он сидел в одной из этих ихних междугородных колымаг. Мне это сразу показалось странным.

— Он вам что-нибудь говорил?

— Немного, сэр. Он был в возбужденном состоянии. Кто-то ему что-то сказал о молодой вдове, которой трудно управиться с участком в двести акров. Он решил поехать посмотреть.

— Ваш человек,— сказал посол полковнику Шелтону.— Вроде бы дисциплинированный, с выслугой лет, тремя нашивками, с пенсией на носу.— Он снова повернулся к солдату.— Глид сказал, куда именно он едет?

— Никак нет, сэр. Я спрашивал, но он только усмехнулся и сказал: „Зассд“.

— Хорошо, можете идти.— Его превосходительство возобновил разговор с Гаррисоном: — Вы были в первой группе?

— Так точно, сэр.

— Позвольте вам сообщить кое-что, сударь. Из четырехсот двадцати человек вернулись только двести. Сорок из них в различных стадиях алкогольного опьянения. Десять сидят в карцере и вопят: „Нет, и точка!“ Без сомнения, они будут орать, пока не протрезвеют.

Он устоял на Гаррисона так, как будто эта достойная личность была виновата в происходящем, затем продолжал:

— В этом есть что-то парадоксальное. Пьяных я могу понять. Всегда найдутся несколько человек, которые, сойдя с корабля, первым делом наложатся в стельку. Но из двух сотен, соизволивших вернуться, почти половина вернулась раньше времени, как и вы. И все давали примерно одинаковые объяснения: местные относились к ним недружелюбно, игнорировали их.

Гаррисон ничего не сказал.

— Итак, налицо две крайности. Одни с отвращением возвращаются на корабль, а другие находят туземный городок настолько гостеприимным, что набираются до бровей какой-то дрянью, именуемой двойным дисом, или дезертируют совершенно трезвыми. Есть же какое-то объяснение всему этому? Вот вы были в городе два раза. Что вы можете сказать?

Гаррисон осторожно ответил:

— Все зависит от того, признают они нас или нет. А также от того, на какого ганда вы наткнетесь: есть такие, которые попытаются обратить вас в свою веру вместо того, чтобы игнорировать. Многих наших выдает униформа.

— У них что, аллергия к униформам?

— Более или менее, сэр.

— А почему?

— Не могу сказать точно, сэр. Я о них не так уж много знаю. Думаю, потому, что униформа у них ассоциируется с тем режимом на Терре, от которого бежали их предки.

— А у них никто униформы не носит?

— Не замечал. Им, по-моему, доставляет удовольствие выражать свое „я“, одеваясь и украшаясь на любой лад — от косичек до розовых сапог. Странности во внешнем виде у гандов — норма. А униформа им кажется ненормальной, они ее считают проявлением угнетения.

— Вы их все время именуете гандами. Откуда взялось это слово?

Гаррисон объяснил, возвращаясь при этом мыслями к Иллисе и к ресторанчику Сета с накрытыми столами, с баром за стойкой, с вкусными запахами из кухни. Сейчас, вспоминая это место, он понимал, что там было что-то неуловимое, но очень важное, чего никогда не было на корабле.

— И этот человек,— закончил он,— изобрел то, что они называют „оружием“.

— И они утверждают, что он был землянином? А как он выглядит? Вы видели его портреты или памятники ему?

— Они не воздвигают памятников, сэр. Они говорят, что ни один человек не может быть выше другого.

— Чушь собачья,— отрубил посол.— Вам не пришлось в голову осведомиться, в какой период истории проводились испытания этого чудо-оружия?

— Никак нет, сэр,— сознался Гаррисон.— Я не придал этому значения.

— Конечно, куда вам. Я не ставлю под сомнение ваши качества космонавта, но как разведчик вы ни к черту не годитесь.

— Прошу извинить, сэр,— ответил Гаррисон.

„Извинить? Ты ничтожество,— прошептал голос в его душе.— За что ты просишь прощения? И у кого? Это всего лишь помпезный толстяк, которому в жизни не погасить ни одного оба, как бы он ни старался. Чем он тебя лучше? Тем, что у него бочкособразное брюхо? И перед этой бочкой ты вытягиваешься и лепечешь: «Простите, сэр, извините, сэр!» Да попробуй он прокатиться на твоём велосипеде, он свалится, не проехав и десяти ярдов. Плюнь ему в рожу и скажи: «Нет, и точка!» Что же ты струсил?»

— Нет,— громко выпалил Гаррисон.

Капитан Грейдер оторвал глаза от своих бумаг.

— Если вы решили сначала отвечать, а потом выслушивать вопросы, то вам лучше зайти к врачу. Или у нас на борту появился телепат?

— Я думал...— пояснил Гаррисон.

— Это я одобряю,— сказал посол.— Думайте, и побольше. Может быть, это постепенно войдет в привычку. Когда-нибудь вы даже добьетесь того, что этот процесс будет проходить безболезненно.

Он снял с полки толстую книгу.

— Вот он, на этой странице. Жил четыреста семьдесят лет тому назад. Ганди, именуемый Отцом. Основатель

системы гражданского неповиновения. Последователи этого учения покинули Терру во время Великого Взрыва.

— Гражданское неповиновение,— повторил посол, закатывая глаза.— Но нельзя же использовать его как социальный базис! Такая система просто не сработает!

— Сработала, да еще как,— утверждающе сказал Гаррисон, забыв добавить „сэр“.

— Вы возражаете мне?

— Просто констатирую факт.

Посол свирепо впился в него глазами.

— Вы отнюдь не специалист по социально-экономическим проблемам. И зарубите это себе на носу. Любого такого, как вы, ничего не стоит обвести вокруг пальца.

— Система работает,— стоял на своем Гаррисон, удивляясь собственному упрямству.

— Как и ваш идиотский велосипед. У вас образ мышления на уровне велосипеда.

Что-то щелкнуло, и голос, очень похожий на голос Гаррисона, сказал: „Чушь“.

— Что?!

— Чушь,— повторил Гаррисон.

Посол потерял дар речи. Встав из-за стола, капитан Грейдер применил свои полномочия:

— Вам запрещается покидать корабль. Убирайтесь отсюда и ждите дальнейших распоряжений.

Гаррисон вышел. Мысли его были в смятении, но в душе он испытывал странное удовлетворение.

Прошло еще четыре долгих, томительных дня. Всего девять со времени посадки на этой планете.

На борту назревали неприятности. Увольнения третьей и четвертой групп постоянно откладывались, что вызывало нарастающее недовольство и раздражение.

— Морган опять представил третий список, но капитан снова отложил увольнение, хотя и признал, что этот мир нельзя классифицировать как враждебный и что нам положено увольнение.

— Так какого же черта нас не выпускают?

— Предлог все тот же. Он не отменяет увольнение, он только откладывает его. Здорово придумал, а? Говорит, что даст увольнение немедленно, как только вернутся все, кто не пришел из первых двух групп. А они никогда не вернутся.

Претензии были законными и обоснованными. Недели, месяцы, годы заключения в непрерывно дрожащей

бутылке неважно какого размера требуют полного ослабления хотя бы на короткое время. Люди нуждаются в свежем воздухе, в твердой земле под ногами, в широких горизонтах, в обильной еде, в женщинах, в новых лицах.

— Только мы сообразили, как здесь надо себя вести, а он уже хочет наострить лыжи. Одевайся в штатское и веди себя как ганди, и все дела. Даже ребята из первого увольнения не прочь попробовать еще раз.

— Грейдер побоится рисковать. Он уже и так многих потерял. Если не вернется еще хотя бы половина следующей группы, у него не хватит людей довести корабль обратно. Застрянем тогда здесь. Что ты на это скажешь?

— А я бы не возражал.

— Пусть обучит чиновников. Хотя раз в жизни займутся честным трудом.

Подошел Гаррисон с маленьким конвертом в руках.

— Смотри, это он уел его превосходительство и остался без берега, прямо как мы.

— Мне так больше нравится,— заметил Гаррисон.— Лучше быть наказанным за что-то, чем ни за что!

— Это ненадолго, вот увидишь. Мы терпеть не намерены. Скоро мы им покажем.

— Как именно?

— Подумать надо,— уклонился его собеседник, не желая раскрывать раньше времени свои карты. Он заметил конверт.— Это что, дневная почта?

— Вот именно.

— Как знаешь, я вовсе не хотел совать нос в чужие дела. Думал, просто что-нибудь еще случилось. Вам, инженерам, все письменные распоряжения обычно поступают в первую очередь.

— Да нет, это действительно почта,— сказал Гаррисон.

— Откуда же это ты получаешь письма?

— Воррал принес из города час назад. Мой приятель угостил его обедом и передал письмо для меня, чтобы он погасил об за обед.

— А как это Ворралу удалось уйти с корабля? Что он, привилегированный?

— Вроде. У него жена и трое детей.

— Так что с того?

— Посол считает, что одним можно доверять больше, чем другим. Когда у человека есть, что терять, он

вряд ли уйдет. Поэтому он кое-кого отобрал и послал их в город собрать информацию о дезертирах.

— Они что-нибудь выяснили?

— Не очень много. Воррал говорит, что это пустая трата времени. Он нашел там нескольких наших, пытался уговорить их вернуться, но они на все отвечают: „Нет, и точка“. А от местных, кроме „зассд“, ничего не услышишь.

— Что-то в этом есть, — заметил один из присутствующих. — Хотел бы я сам на это взглянуть.

— Вот этого-то Грейдер и боится.

— Ему скоро многого придется бояться, если он не образумится. Наше терпение иссякает.

— Мятёжные речи, — упрекнул его Гаррисон. — Вы меня шокируете.

Он прошел в свою каюту и вскрыл конверт. Почерк мог бы быть и женским, во всяком случае, он надеялся на это. Но письмо было от Глида: „Где я и чем занимаюсь — значения не имеет: письмо может попасть в чужие руки. Скажу тебе одно — все вырисовывается по первому классу, надо только выждать, нужно время для укрепления знакомства. Остальное в этом письме касается тебя. Я тут наткнулся на одного толстячка. Он представитель фабрики, выпускающей эти двухколески с вентилятором. Им нужен постоянный торговый агент фабрики и мастер станции обслуживания. Толстячку уже подали четыре заявления, но ни у одного из желающих нет требуемых технических данных. По условиям тот, кто получит место, имеет на город функциональный об, что бы это ни значило. Так или этак — место это для тебя. Не будь дураком. Прыгай — вода хорошая“.

— Святые метеоры! — сказал себе Гаррисон и увидел приписку.

„Адрес получишь у Сета. Этот городишко — родина твоей брюнетки. Она собирается обратно сюда, чтобы жить поближе к своей сестре, и я тоже. Упомянутая сестра — просто душечка“.

Гаррисон прочитал письмо еще раз, встал и начал расхаживать по каюте. Потом вышел и, не привлекая к себе внимания, прошел в склад инженеров, где целый час смазывал и чистил свой велосипед. Вернувшись в каюту, он вынул из кармана тонкую плашку и повесил ее на стенку. Потом лег на койку и устался на нее.

„С — Н.Т.“.

Динамик системы оповещения кашлянул и сообщил:

„Всеми личному составу корабля быть готовым к общему инструктажу завтра в восемь ноль-ноль“.

— Нет, и точка,— ответил Гаррисон.

Грейдер, Шелтон, Хейм и, разумеется, его превосходительство собрались в рубке.

— Никогда не думал,— мрачно заметил последний,— что настанет день, когда мне придется признать себя побежденным.

— Со всем должным уважением позволю себе не согласиться, ваше превосходительство,— ответил Грейдер.— Потерпеть поражение можно от руки врага, но ведь эти люди не враги. Именно на этом мы и попались. Их нельзя классифицировать как врагов.

— И тем не менее это поражение. Как еще назвать? Грейдер пожал плечами.

— Нас перехитрили родственнички. Не драться же дяде с племянниками только потому, что они не желают с ним разговаривать.

— Вы рассуждаете со своей точки зрения. Для вас данная ситуация исчерпывается тем, что вы вернетесь на базу и представите отчет. У меня же положение иное — мое поражение дипломатическое.

— Я не могу брать на себя смелость и рекомендовать наилучший образ действий. На борту моего корабля находятся войска и вооружение для проведения любых полицейских и превентивных операций, которые представятся необходимыми. Но я не могу их применять против гандов, поскольку у меня нет никаких оснований для этого. Более того, одному кораблю не справиться с двенадцатимиллионным населением планеты, для этого потребуется целая эскадра.

— Я это все уже переживал, пока меня не затошнило.

— Ваше превосходительство, прошу вас сообщить свое решение по возможности скорее. Морган дал мне понять, что, если к десяти часам я не дам третьей группе увольнения, экипаж уйдет в самоволку.

— Это ведь грозит им суровым наказанием?

— Не таким уж суровым. Они заявят в Дисциплинарной комиссии, что я умышленно игнорировал устав. Поскольку формально увольнений я не запрещал, а только лишь откладывал, им это может сойти с рук, если члены комиссии будут в соответствующем настроении.

— Эту комиссию не мешало бы послать пару раз в длительный полет. Они бы узнали кое-что такое, о чем и не слыхивали за своими канцелярскими столами.

Грейдер подошел к иллюминатору.

— У меня не хватает четырехсот человек. Некоторые из них, возможно, вернутся, но ждать их мы не можем. Задержка приведет к тому, что у меня не хватит людей, чтобы вести корабль. Выход один — отдать приказ о подготовке к взлету. С этого момента корабль будет подчиняться полетному уставу.

— Полагаю, что так, — сказал посол.

Грейдер взял микрофон.

— Личному составу приготовиться к взлету немедленно! Старший сержант Бидворси! Кто это там стоит у люка? Немедленно прикажите им подняться на борт.

Носовой и кормовой трапы были давно уже убраны. Кто-то из офицеров позаботился быстренько убрать и центральный трап, отрезая путь вниз и тем, кто хотел бы в последний момент уйти. Бидворси, желая выполнить приказ, высунул из люка. Пятеро, стоящие внизу, были дезертиры из первой группы увольнения. Шестой был Гаррисон со своим начищенным до блеска велосипедом.

— Немедленно на борт! — зарычал Бидворси.

— Ты это слышал? — сказал один из стоявших внизу, подталкивая другого. — Дуй обратно на борт. Если не можешь прыгнуть на тридцать футов вверх, то взмахни крылышками и лети.

— У меня приказ! — продолжал вопить Бидворси.

— Надо же, в таком возрасте, а еще позволяет кому-то собой командовать, — заметил бывший солдат его роты.

— Да, удивительно, — ответил другой, сокрушенно качая головой.

Бидворси царапал рукой гладкую стенку, пытаясь найти что-нибудь, чем можно было бы швырнуть в стоявших внизу людей.

— Не кипятись, Бидди! — крикнул его бывший солдат. — Я теперь ганд.

С этими словами он повернулся и пошел по дороге. Остальные четверо последовали за ним. Гаррисон поставил ногу на педаль велосипеда. Задняя шина осела с протяжным звуком. Побагровевший Бидворси наблюдал, как Гаррисон затягивал клапан и качал воздух ручным насосом. Завыла сирена, Бидворси отпрянул назад, и герметическая дверь люка закрылась. Гаррисон опять поста-

вил ногу на педаль, но не двигался с места, а стоял и наблюдал за кораблем. Металлическое чудовище задрожало, величественно взмыло вверх, превратилось в еле видимую точку и исчезло совсем.

На секунду Гаррисон почувствовал сожаление. Но оно очень быстро прошло. Он посмотрел на дорогу.

Пять самозванных гандов голосовали на шоссе. Первый же экипаж остановился, чтобы их подобрать, что было очевидным результатом отлета корабля. Быстро они соображают.

„Твоя брюнетка“, — написал ему Глид. И с чего он взял?

Может быть, она сказала что-нибудь такое, из чего можно было это предположить?

Он еще раз оглянулся на вмятину, оставленную кораблем. Здесь были две тысячи землян.

Потом тысяча восемьсот.

Потом тысяча шестьсот.

Потом еще на пять меньше.

„Остался один я“, — подумал Гаррисон.

Пожав плечами, он заработал педалями и поехал по направлению к городу.

И не осталось никого.

Пробный
КАМЕНЬ

Сверкающий голубовато-зеленый шар с Землю величиной да и по массе примерно равный Земле — новая планета точь-в-точь соответствовала описанию. Четвертая планета звезды класса С-7; бесспорно, та, которую они ищут. Ничего не скажешь, неизвестному, давным-давно умершему косморазведчику повезло: случайно он открыл мир, похожий на их родной.

Пилот Гарри Бентон направил сверхскоростной астрокрейсер по орбите большого радиуса, а тем временем два его товарища обозревали планету перед посадкой. Заметили огромный город в северном полушарии, градусах в семи от экватора, на берегу моря. Город остался на том же месте, другие города не затмили его своим величием, а ведь триста лет прошло с тех пор, как был составлен отчет.

— Шаксембендер, — объявил навигатор Стив Рэндл. — Ну и имечко же выбрали планете! — Он изучал официальный отчет косморазведчика давних времен, по следам которого они сюда прибыли. — Хуже того, солнце они называют Гвилп.

— А я слышал, что в секторе Боттса есть планета Плаб, — подхватил бортинженер Джо Гибберт. — Более того, произносить это надо, как будто сморкаешься. Нет уж, пусть лучше будет Шаксембендер — это хоть выговорить можно.

— Попробуй-ка выговорить название столицы, — предложил Рэндл и медленно произнес: — Шфлодри-ташаксембендер.

Он прыснул при виде растерянного лица Гибберта.

— В буквальном переводе — „самый большой город планеты“. Но успокойся, в отчете сказано, что туземцы не ломают себе язык, а называют столицу сокращенно: Тафло.

— Держитесь, — вмешался Бентон. — Идем на посадку.

Он яростно налег на рычаги управления, пытаясь в то же время следить за показаниями шести приборов сразу. Крейсер сорвался с орбиты, пошел по спирали на восток,

врезался в атмосферу и прошил ее насквозь. Чуть погодя он с ревом описал последний круг совсем низко над столицей, а за ним на четыре мили тянулся шлейф пламени и сверхраскаленного воздуха. Посадка была затяжной и мучительной: крейсер, подпрыгивая, долго катился по лугам. Извиваясь в своем кресле, Бентон заявил с наглым самодовольством:

— Вот видите, трупов нет. Разве я не молодец?

— Идут,— перебил его Рэндл, приникший к боковому иллюминатору.— Человек десять, если не больше, и все бегом.

К нему подошел Гибберт и тоже всмотрелся сквозь бронированное стекло.

— Как славно, когда тебя приветствуют дружественные гуманоиды. Особенно после всех подозрительных или враждебных существ, что нам попадались: они были похожи на плод воображения, распаленного венерианским ужином из десяти блюд.

— Стоят у люка,— продолжал Рэндл. Он пересчитал туземцев.— Всего их двадцать.— И нажал на кнопку автоматического затвора.— Впустим?

Он сделал это не колеблясь, вопреки опыту, накопленному во многих чужих мирах. После вековых поисков были открыты лишь три планеты с гуманоидным населением, и эта планета — одна из трех; а когда насмотришься на чудовищ, то при виде знакомых, человеческих очертаний на душе теплеет. Появляется уверенность в себе. Встретить гуманоидов в дальнем космосе — все равно что попасть в колонию соотечественников за границей.

Туземцы хлынули внутрь; поместилось человек двенадцать, а остальным пришлось ожидать снаружи. Приятно было на них смотреть: одна голова, два глаза, один нос, две руки, две ноги, десять пальцев — старый добрый комплект. От команды крейсера туземцы почти ничем не отличались, разве только были пониже ростом, поуже в кости, да кожа у них была яркого, насыщенного цвета меди.

Предводитель заговорил на древнем языке космолингва, старательно произнося слова, будто с трудом вызубрил их у учителей, передававших эти слова из поколения в поколение.

— Вы земляне?

— Ты прав, как никогда,— радостно ответил Бентон.— Я пилот Бентон. На этих двух кретинов можешь не обращать внимания — просто бесполезный груз.

Гость выслушал его тираду неуверенно и чуть смущенно. Он с сомнением оглядел „кретинов“ и снова перенес свое внимание на Бентона.

— Я филолог Дорка, один из тех, кому доверено было сохранять ваш язык до сего дня. Мы вас ждали. Фрэйзер заверил нас, что рано или поздно вы явитесь. Мы думали, что вы пожалуете к нам гораздо раньше.— Он не сводил черных глаз с Бентона — наблюдал за ним, рассматривал его, силился проникнуть в душу. В его глазах не светилась радость встречи; скорее в них отражалось странное, тоскливое смятение, смесь надежды и страха, которые каким-то образом передавались остальным туземцам и постепенно усиливались.— Да, мы вас ждали много раньше.

— Возможно, нам и следовало прибыть сюда гораздо раньше,— допустил Бентон, отрезвев от неожиданной холодности приема. Как бы случайно он нажал на кнопку в стене, прислушался к почти неразличимым сигналам скрытой аппаратуры.— Но мы, военные астролетчики, летим куда прикажут и когда прикажут, а до недавнего времени нам не было команды насчет Шаксембендера. Кто такой Фрейзер? Тот самый разведчик, что обнаружил вашу планету?

— Конечно.

— Гм! Наверное, его отчет затерялся в бюрократических архивах, где, возможно, до сих пор пылится масса других бесценных отчетов. Эти сорвиголовы старых времен, такие следопыты космоса, как Фрэйзер, попадали далеко за официально разрешенные границы, рисковали головами и шкурами, привозили пятиметровые списки погибших и пропавших без вести. Пожалуй, единственная форма жизни, которой они боялись,— это престарелый бюрократ в очках. Вот лучший способ охладить пыл каждого, кто страдает избытком энтузиазма: подшить его отчет в папку и тут же забыть обо всем.

— Быть может, все к лучшему,— осмелился подать голос Дорка. Он бросил взгляд на кнопку в стене, но удержался от вопроса о ее назначении.

— Фрэйзер говорил, что чем больше пройдет времени, тем больше надежды.

— Вот как? — Озадаченный Бентон попытался прочитать что-нибудь на меднокожем лице туземца, но оно было непроницаемо.— А что он имел в виду?

Дорка заерзал, облизнул губы и вообще всем своим

видом дал понять, что сказать больше — значит сказать слишком многое. Наконец, он ответил:

— Кто из нас может знать, что имел в виду землянин? Земляне сходны с нами и все же отличны от нас, ибо процессы нашего мышления не всегда одинаковы.

Слишком уклончивый ответ никого не удовлетворил бы. Чтобы добиться взаимопонимания — а это единственно надежная основа, на которой можно строить союзничество, — необходимо докопаться до горькой сути дела. Но Бентон не стал себя затруднять. На это у него была особая причина.

Ласковым голосом, с обезоруживающей улыбкой Бентон сказал Дорке:

— Надо полагать, ваш Фрэйзер, рассчитывая на более близкие сроки, исходил из того, что появятся более крупные и быстроходные звездолеты, чем известные ему. Тут он чуть-чуть просчитался. Звездолеты действительно стали крупнее, но их скорость почти не изменилась.

— Неужели? — Весь вид Дорки показывал, что скорость космических кораблей не имеет никакого отношения к тому, что его угнетает. В его вежливом „Неужели?“ отсутствовало удивление, отсутствовала заинтересованность.

— Они могли бы двигаться гораздо быстрее, — продолжал Бентон, — если бы мы удовлетвоались чрезвычайно низкими запасами прочности, принятыми во времена Фрэйзера. Но эпоха лозунга „Смерть или слава“ давно миновала. В наши дни уже не строят гробов для самоубийц. От светила к светилу мы добираемся в целом виде и в чистом белье.

Всем троим было ясно, что Дорке до этого нет дела. Он был поглощен чем-то совершенно другим. И его спутники тоже. Приязнь, скованная смутным страхом. Предчувствие дружбы, скрытое под черной пеленой сомнений. Туземцы напоминали детей, которым до смерти хочется погладить неведомого зверя, но страшно: вдруг укусит!

До того очевидно было общее отношение к пришельцам и до того оно противоречило ожидаемому, что Бентон невольно попытался найти логическое объяснение. Он ломал себе голову так и этак, пока его внезапно не осенила мысль: может быть, Фрэйзер — до сих пор единственный землянин, известный туземцам, — рассорился с хозяевами планеты, после того как переслал свой отчет?

Наверное, были разногласия, резкие слова, угрозы и в конце концов вооруженный конфликт между этими меднокожими и видавшим виды землянином. Наверняка Фрэйзер отчаянно сопротивлялся и на целых триста лет поразил их удачной конструкцией и смертоносной силой земного оружия.

По тому же или подобному пути шли, должно быть, мысли Стива Рэнбла, потому что он вдруг выпалил, обращаясь к Дорке:

— Как умер Фрэйзер?

— Когда Сэмюэл Фрэйзер нашел нас, он был не молод. Он сказал, что мы будем его последним приключением, так как пора уже пускать корни. И вот он остался с нами и жил среди нас до старости, а потом стал немощен и в нем угасла последняя искра жизни. Мы сожгли его тело, как он просил.

— Ага! — сказал Рэнбл обескураженно. Ему в голову не пришло спросить, отчего Фрэйзер не искал прибежища на своей родной планете — Земле. Всем известно, что давно распушенный Корпус Астроразведчиков состоял исключительно из убежденных одиночек.

— Еще до смерти Фрэйзера мы расплавили и использовали металл корабля, — продолжал Дорка. — Когда он умер, мы перенесли все, что было в корабле, в храм; там же находится посмертная маска Фрэйзера, его бюст работы лучшего нашего скульптора и портрет в натуральную величину, написанный самым талантливым художником. Все эти реликвии целы, в Тафло их берегут и почитают. — Он обвел взглядом всех троих астронавтов и спокойно прибавил: — Не хотите ли пойти посмотреть?

Нельзя было придумать более невинный вопрос и задать его более кротким тоном; тем не менее у Бентона появилось странное чувство, словно где-то под ногами разверзлась вырытая для него яма. Это чувство усиливалось из-за того, что меднокожие ждали ответа с плохо скрытым нетерпением.

— Не хотите ли пойти посмотреть?

„Заходи, красотка, в гости“, — мухе говорил паук.

Инстинкт, чувство самосохранения, интуиция — как ни называй — нечто заставило Бентона зевнуть, потянуться и ответить усталым голосом:

— С огромным удовольствием, но мы проделали долгий-предолгий путь и здорово измотались. Ночь спокойного сна — и мы переродимся. Что, если завтра с утра?

Дорка поспешил рассыпаться в извинениях.

— Простите меня. Мы навязали вам свое общество, не успели вы появиться. Пожалуйста, извините нас. Мы так давно ждали, только поэтому и не подумали...

— Совершенно не в чем извиняться,— заверил его Бентон, тщетно пытаясь примирить свою инстинктивную настороженность с искренним, трогательным огорчением Дорки.— Все равно мы бы не легли, пока не установили с вами контакт. Не могли бы глаз сомкнуть. Как видите, ваш приход избавил нас от многих хлопот.

Чуть успокоенный, но все еще пристыженный тем, что он считал недостатком такта, Дорка вышел в шлюзовую камеру и увел за собою спутников.

— Мы оставим вас, чтобы вы отдохнули и выспались, и я сам позабочусь, чтобы вам никто не досаждал. Утром мы вернемся и отведем вас в город.— Он опять обвел всех троих испытующим взглядом.— И покажем Храм Фрэйзера.

Он удалился. Закрылась шлюзовая камера. А в голове у Бентона звенели колокола тревоги.

Присев на краю пульта управления, Джо Гибберт растирал себе уши и разглагольствовал:

— Чего я терпеть не могу, так это торжественных приемов: громогласные приветствия и трубный рев массовых оркестров меня просто оглушают. Почему бы не вести себя сдержанно, не разговаривать тихим голосом и не пригласить нас в мавзолей или куда-нибудь в этом роде?

Стив Рэндл нахмурился и серьезно ответил:

— Тут что-то нечисто. У них был такой вид, точно они с надеждой приветствуют богатого дядюшку, больного оспой. Хотят, чтобы их упомянули в завещании, но не хотят остаться рябыми.— Он посмотрел на Бентона.— А ты как думаешь, грязнуля небритый?

— Я побреюсь, когда нахальный ворюга вернет мне бритву. И я не собираюсь думать, пока не соберу нужных данных.— Открыв замаскированную нишу чуть ниже кнопки, Бентон вынул оттуда шлем из платиновой сетки, от которого отходил тонкий кабель.— Эти-то данные я сейчас и усвою.

Он закрепил на себе шлем, тщательно поправил его, включил какие-то приборы в нише, откинулся на спинку кресла и, казалось, погрузился в транс. Остальные заинтересованно наблюдали. Бентон сидел молча, прикрыв глаза, и на его худощавом лице попеременно отражались

самые разнообразные чувства. Наконец, он снял шлем, уложил на место, в тайник.

— Ну? — нетерпеливо сказал Рэндл.

— Полоса частот его мозга совпадает с нашими, и приемник без труда уловил волны мыслей, — провозгласил Бентон. — Все воспроизведено в точности, но... прямо не знаю.

— Вот это осведомленность, — съязвил Гибберт. — Он не знает!

Не обратив внимания, Бентон продолжал:

— Все сводится к тому, что туземцы еще не решили, любить ли нас или убить.

— Что? — Стив Рэндл встал в воинственную позу. — А с какой стати им убивать нас? Мы ведь не сделали им ничего плохого.

— Мысли Дорки рассказали нам многое, но не все. В частности, рассказали, что с годами Фрэйзера почитали все больше и больше, и в конце концов это почитание переросло чуть ли не в религию. Чуть ли, но не совсем. Как единственный пришелец из другого мира, он стал самой выдающейся личностью в их истории, понимаете?

— Это можно понять, — согласился Рэндл. — Но что с того?

— Триста лет создали ореол святости вокруг всего, что говорил и делал Фрэйзер. Вся полученная от него информация сохраняется дословно, его советы лелеются в памяти, его предостережениями никто не смеет пренебречь. — На какой-то миг Бентон задумался. — А Фрэйзер предостерегал их: велел опасаться Земли, какой она была в его время.

— Велел он им при первом же случае снять с нас живых кожу? — осведомился Гибберт.

— Нет, этого он как раз не говорил. Он предупредил их, что земляне, те, которых он знал, — сделают выводы не в их пользу, это принесет им страдания и горе, и может случиться так, что они будут вечно сожалеть о контакте между этими двумя планетами, если у них не хватит ума и воли насильно прервать его.

— Фрэйзер был стар, находился в последнем путешествии и собирался пустить корни, — заметил Рэндл. — Знаю я таких. Еле на ногах держатся, ходят вооруженные до зубов и считают себя молодцами, а на самом деле весь заряд давно вышел. Этот тип слишком много времени провел в космосе и свихнулся. Пари держу, что ему нигде не было так хорошо, как в летящем звездолете.

— Все может быть, — с сомнением в голосе допустил Бентон. — Но навряд ли. Жаль, что мы ничего не знаем об этом Фрейзере. Для нас он только забытое имя, извлеченное на свет божий из письменного стола какого-то бюрократа.

— В свое время и я стану тем же, — меланхолически вставил Гибберт.

— Так или иначе, одним предупреждением он не ограничился: последовало второе — чтобы они не слишком-то спешили нас отвадить, ибо не исключено, что тогда они потеряют лучших своих друзей. Характеры людей меняются, поучал Фрэйзер туземцев. Любое изменение может послужить к лучшему, и настанет день, когда Шаксембендеру нечего будет бояться. Чем позднее мы установим с ними контакт, утверждал он, тем дальше продвинемся на пути к будущему, тем выше вероятность перемен. — Бентон принял озабоченный вид. — Учтите, что, как я уже говорил, эти взгляды стали равносильны священным заповедям.

— Приятно слышать, — заворчал Гибберт. — Судя по тому, что Дорка наивно считает своими затаенными мыслями — а может, то же самое думают и все его соотечественники, — нас либо вознесут, либо перебьют, в зависимости от того, усовершенствовались ли мы по их разумению и соответствуем ли критерию, завещанному чокнутым покойником. Кто он, собственно, такой, чтобы судить, дозрели мы до общения с туземцами или нет? По какому признаку намерены определить это сами туземцы? Откуда им знать, изменились ли мы и как изменились за последние триста лет? Не понимаю...

Бентон перебил его:

— Ты попал своим грязным пальцем как раз на больное место. Они считают, что могут судить. Даже уверены в этом.

— Каким образом?

— Если мы произнесем два определенных слова при определенных обстоятельствах, то мы пропали. Если не произнесем, все в порядке.

Гибберт в облегчении рассмеялся.

— Во времена Фрэйзера на звездолетах не устанавливались мыслефоны. Их тогда еще не изобрели. Он не мог их предвидеть, правда?

— Безусловно.

— Значит, — продолжал Гибберт, которого забавляла простота ситуации, — ты нам только скажи, какие обстоя-

тельства представлял себе Дорка и что это за роковые слова, а мы уже придержим языки и докажем, что мы славные ребята.

— Все, что зарегистрировано насчет обстоятельств — это туманный мысленный образ, указывающий, что они имеют какое-то отношение к этому самому храму, — объявил Бентон. — Храм определенно будет испытательным участком.

— А два слова?

— Не зарегистрированы.

— Отчего? Разве он их не знает? — чуть побледнев, спросил Гибберт.

— Понятия не имею. — Бентон не скрывал своего уныния. — Разум оперирует образами, значением слов, а не их написанием. Значения облекаются звуками, когда человек разговаривает. Поэтому не исключено, что он вообще не знает этих слов, а может быть, его мысли о них не регистрируются, потому что ему неизвестно их значение.

— Да это ведь могут быть любые слова! Слов миллионы!

— В таком случае вероятность играет на нас, — мрачно указал Бентон. — Есть, правда, одна оговорка.

— Какая?

— Фрэйзер родился на Земле, он хорошо изучил землян. Естественно, в качестве контрольных он выбрал слова, которые, как он считал, землянин произнесет скорее всего, — а потом уж надеялся, что ошибется.

В отчаянии Гибберт хлопнул себя по лбу.

— Значит, с утра пораньше мы двинемся в этот музей, как быки на бойню. Там я разину пасть и не успею опомниться, как обрасту крылышками и в руках у меня будет арфа. Все потому, что эти меднолицые свято верят в западню, поставленную каким-то космическим психом. — Он раздраженно уставился на Бентона. — Так как, удерем отсюда, пока не поздно, и доложим обстановку на Базе? Или рискнем остаться?

— Когда это флот отступал? — вопросом же ответил Бентон.

— Я знал, что ты так ответишь.

Гибберт покорился тому неизбежному, что готовил им завтрашний день.

Утро выдалось безоблачное и прохладное. Все трое были готовы, когда появился Дорка в сопровождении десятка туземцев — может быть, вчерашних, а может

быть, и нет. Судить было трудно: казалось, все туземцы на одно лицо.

Поднявшись на борт звездолета, Дорка спросил со сдержанной сердечностью:

— Надеюсь, вы отдохнули? Мы вас не потревожим?

— Не в том смысле, как ты считаешь,— вполголоса пробормотал Гибберт. Он не сводил глаз с туземцев, а обе руки его как бы случайно лежали у рукоятей двух тяжелых пистолетов.

— Мы спали как убитые.— Ответ Бентона против его воли прозвучал зловеще.— Теперь мы готовы на все.

— Это хорошо. Я рад за вас.— Взгляд темных глаз Дорки упал на пистолеты.— Оружие? — Он удивленно моргнул, но выражение его лица не изменилось.— Да ведь оно здесь не понадобится! Разве ваш Фрэйзер не уживался с нами в мире и согласии? Кроме того, мы, как видите, безоружны. Ни у кого из нас нет даже удочки.

— Тут дело не в недоверии,— провозгласил Бентон.— В военно-космическом флоте мы всего лишь жалкие рабы многочисленных предписаний. Одно из требований устава — носить оружие во время установления всех первых официальных контактов. Вот мы и носим.— Он послал очаровательную улыбку.— Если бы устав требовал, чтобы мы носили травяные юбки, соломенные шляпы и картонные носы, вы увидели бы забавное зрелище.

Если Дорка и не поверил несообразной басне о том, как люди рабски повинуются уставу даже на таком расстоянии от Базы, он этого ничем не выказал. Примирился с тем, что земляне вооружены и останутся при оружии независимо от того, какое впечатление произведет это обстоятельство на коренных жителей планеты.

В этом отношении у него было преимущество: он находился на своей земле, на своей территории. Личное оружие, даже если его применяют умелые руки, ничего не даст при неоспоримом численном превосходстве противника. В лучшем случае можно дорого продать свои жизни. Но бывают случаи, когда за ценой не стоят.

— Вас там ждет Лиман — Хранитель храма,— сообщил Дорка.— Он тоже хорошо владеет космолингвой. Весьма ученый человек. Давайте сначала навестим его, а потом осмотрим город. Или у вас есть другие пожелания?

Бентон колебался. Жаль, что этого Лимана вчера не было среди гостей. Более чем вероятно, что он-то знает два заветных слова. Мыслефон извлек бы их из головы Лимана и подал бы их на тарелочке после его ухода, а тог-

да ловушка стала бы безвредной. В храме нельзя будет покопаться в мозгу Лимана, так как карманных моделей мыслефона не существует и ни хозяева планеты, ни гости не наделены телепатическими способностями.

В храме вокруг них будут толпиться туземцы — бесчисленное множество туземцев, одержимых страхом неведомых последствий, следящих за каждым движением пришельцев, впитывающих каждое слово, выжидающих, выжидающих... и так до тех пор, пока кто-то из космонавтов сам не подаст сигнала к бою.

Два слова — нечаянно произнесенных слова, удары, борьба, потные тела, проклятия, тяжелое дыхание, быть может, даже выстрел-другой.

Два слова.

И смерти!

А потом примирение с совестью — заупокойная служба над трупами. Медные лица исполнены печали, но светятся верой, и по храму разносится молитва:

— Их испытали согласно твоему завету, и с ними поступили согласно твоей мудрости. Их бросили на весы праведности, и их чаша не перетянула меру. Хвала тебе, Фрэйзер, за избавление от тех, кто нам не друг.

Такая же участь постигнет команду следующего звездолета, и того, что придет за ним, и так до тех пор, пока Земля либо не отгородит этот мир от главного русла межгалактической цивилизации, либо жестоко не усмирит его.

— Итак, чего вы желаете? — настаивал Дорка, с любопытством глядя ему в лицо.

Вздвогнув, Бентон отвлекся от своих бессвязных мыслей; он сознавал, что на него устремлены все глаза. Гибберт и Рэндл нервничали. Лицо Дорки выражало лишь вежливую заботу, ни в коей мере не кровожадность и не воинственность. Конечно, это ничего не значило.

Откуда-то донесся голос — Бентон не сразу понял, что это его собственный голос: „Когда это флот отступал?“

Громко и твердо Бентон сказал:

— Сначала пойдёмте в храм.

Ничем — ни внешностью, ни осанкой — Лиман не напоминал первосвященника чужой, инопланетной религии. Ростом выше среднего (по местным понятиям), спокойный, важный и очень старый, он был похож на дряхлого и безбидного библиотекаря, давно укравшегося от обыденной жизни в мире пыльных книг.

— Вот это,— сказал он Бентону,— фотографии земной семьи, которую Фрэйзер знал только в детстве. Вот его мать, вот его отец, а вот это диковинное волосатое существо он называл собакой.

Бентон посмотрел, кивнул, ничего не ответил. Все это было очень заурядно, очень банально. У каждого бывает семья. У каждого есть отец и мать, а у многих — своя собака. Он изобразил горячий интерес, которого не испытывал, и попробовал прикинуть на глаз, сколько в комнате туземцев. От шестидесяти до семидесяти, да и на улице толпа. Слишком много.

С любопытством педанта Лиман продолжал:

— У нас таких тварей нет, а в записках Фрэйзера они не упомянуты. Что такое собака?

Вопрос! На него надо отвечать. Придется открыть рот и заговорить. Шестьдесят пар глаз, если не больше, прикованы к его губам. Шестьдесят пар ушей, если не больше, прислушиваются и выжидают. Неужто настала роковая минута?

Мышцы Бентона непроизвольно напряглись в предвкушении удара ножом в спину, и он ответил с деланной беспечностью:

— Мелкое животное, ручное, смышленное.

Ничего не случилось.

Ослабло ли чуть-чуть напряжение, или с самого начала существовало лишь в обостренном воображении Бентона? Теперь не угадаешь.

Лиман показал какой-то предмет и, держа его как драгоценнейшую реликвию, сказал:

— Эту вещь Фрэйзер называл своим неразлучным другом. Она приносила ему великое утешение, хотя нам непонятно, каким образом.

Это была старая, немало послужившая, покрытая трещинами трубка. Она наводила только на одну мысль: как жалки личные сокровища, когда их владелец мертв. Бентон понимал, что надо что-нибудь сказать, но не знал, что именно. Гибберт и Рэндл упорно притворялись немymi.

К их облегчению, Лиман отложил трубку, не задавая уточняющих вопросов. Следующим экспонатом был лучевой передатчик покойного разведчика; его корпус был с любовным тщанием начищен до блеска. Именно этот устаревший передатчик послал отчет Фрэйзера в ближайший населенный сектор, откуда, переходя с планеты на планету, он попал на Земную базу.

Затем последовали пружинный нож, хронометр в радиевом корпусе, бумажник, автоматическая зажигалка — уйма мелкого старья. Четырнадцать раз Бентон холодел, вынужденный отвечать на вопросы или реагировать на замечания. Четырнадцать раз общее напряжение — действительное или воображаемое — достигало вершины, а затем постепенно спадало.

— Что это такое? — осведомился Лиман и подал Бентону сложенный лист бумаги.

Бентон осторожно развернул лист. Оказалось, что это официально изданный типографский бланк завещания. На нем торопливым, но четким и решительным почерком были набросаны несколько слов:

„Сэмюэлу Фрэйзеру, номеру 727 земного корпуса космических разведчиков, нечего оставить после себя, кроме доброго имени“.

Бентон вновь сложил документ, вернул его Лиману и перевел слова Фрэйзера на космолингву.

— Он был прав, — заметил Лиман. — Но что в мире ценнее?

Он обернулся к Дорке и коротко проговорил что-то на местном языке — земляне ничего не поняли. Потом сказал Бентону:

— Мы покажем вам облик Фрэйзера. Сейчас вы увидите его таким, каким мы его знали.

Гибберт подтолкнул Бентона локтем.

— С чего это он перешел на чужую речь? — спросил он на английском языке, следуя дурному примеру туземцев. — А я знаю: он не хотел, чтобы мы поняли, о чем они толкуют. Держись, друг, сейчас начнется. Я это нутром чувую.

Бентон пожал плечами, оглянулся: на него наседали туземцы, они окружали его со всех сторон и сжимали в слишком тесном кольце; с минуты на минуту им придется действовать молниеносно, а ведь в такой толчее это невозможно. Все присутствующие смотрели на дальнюю стену, и все лица приняли благоговейно-восторженное выражение, словно вот-вот их жизнь озарится неслыханным счастьем.

Из всех уст вырвался единодушный вздох: престарелый Лиман раздвинул занавеси и открыл изображение Человека Извне. Бюст в натуральную величину на сверкающем постаменте, и портрет, написанный масляными красками, высотой метра в два. Судя по всему, оба шедевра отлично передавали сходство.

Долгое молчание. Все, казалось, ждали, что скажут земляне. Так ждут оглашения приговора в суде. Но сейчас, в этой нелепо запутанной и грозной ситуации, бремя вынесения собственного приговора было возложено на самих подсудимых. Те, кого здесь негласно судят, должны сами признать себя виновными или невиновными в неведомом преступлении, совершенном неведомо когда и как.

У всех троих не было никаких иллюзий: они знали, что наступил кризис. Чувствовали это интуитивно, читали по медным лицам окружающих. Бентон оставался серьезным. Рэндл ерзал, будто не мог решить, в какую сторону кинуться, когда придет время. Воинственный фаталист Гибберт стоял, широко расставив ноги, держа руки у пистолетов, и всем своим видом показывал, что просто так жизнь не отдаст.

— Итак, — внезапно посуровевшим голосом нарушил молчание Лиман, — что вы о нем думаете?

Никакого ответа. Земляне сбились в кучку, настороженные, готовые к худшему, и разглядывали портрет разведчика, умершего триста лет назад. Никто не произнес ни слова.

Лиман нахмурился. Голос его прозвучал резко:

— Вы, надеюсь, не разучились говорить?

Он форсировал решение вопроса, торопил с окончательным ответом. Для вспыльчивого Гибберта этого было больше чем достаточно. Он выхватил из-за пояса пистолеты и заговорил — неистово, с обидой:

— Не знаю, что вы хотите услышать, да и нет мне до этого дела. Но вот что я скажу, нравится вам это или не нравится: Фрэйзер — никакой не бог. Всякому видно. Обыкновенный, простой косморазведчик эпохи первооткрывателей, а ближе человеку и не дано подойти к божескому званию.

Если он ожидал взрыва ярости, его постигло разочарование. Все ловили каждое слово, но никто не считал, что он богохульствует.

Напротив, два-три слушателя мирно закивали в знак одобрения.

— Космос порождает особые характеры, — вставил Бентон для ясности. — Это относится к землянам, марсианам и любым другим разумным существам, освоившим космос. При некотором навыке космонавтов можно распознать с первого взгляда. — Он облизнул пересохшие губы и закончил: — Поэтому Фрэйзер, типичный космо-

проходец, нам представляется заурядным человеком. Не так уж много можно о нем сказать.

— Сегодня в космическом флоте таких, как он, дают десяток за пенни, — прибавил Гибберт. — И так всегда будет. Это всего лишь люди с неизлечимым зудом. Иной раз они вершат потрясающие дела, а иной раз нет. У всех у них храбрости хоть отбавляй, но не всем улыбается удача. Фрэйзеру просто неслыханно повезло. Он ведь мог разыскать полсотни бесплодных планет, а вот наткнулся на ту, где живут гуманоиды. Такие события делают историю.

Гибберт замолчал. Он открыто наслаждался своим триумфом. Приятно, если высказывание в сложных обстоятельствах, когда собственный язык может навлечь на тебя внезапную насильственную смерть, сходит с рук. Два слова. Два привычных, часто употребляемых слова, а он каким-то чудом избежал их, не зная, что это за слова.

— Больше вам нечего сказать? — спросил внимательно наблюдающий за ними Лиман.

Бентон мирно ответил:

— Да нет. Пожалуй, можно добавить, что нам было приятно увидеть изображения Фрэйзера. Жаль, что его нет в живых. Он бы обрадовался, что Земля наконец-то откликнулась на его зов.

На мрачном лице Лимана медленно проступила улыбка. Он подал туземцам какой-то неуловимый знак и задержал картину занавесями.

— Теперь, когда вы тут все осмотрели, Дорка проведет вас в городской центр. Высокопоставленные особы из нашего правительства горят желанием побеседовать с вами. Разрешите сказать, как я рад нашему знакомству. Надеюсь, в скором времени к нам пожалуют и другие ваши соотечественники...

— У нас есть еще одно дело, — поспешно прервал его Бентон. — Нам бы хотелось переговорить с тобой с глазу на глаз.

Слегка удивленный, Лиман указал на одну из дверей:

— Хорошо. Пройдите сюда, пожалуйста.

Бентон потянул Дорку за рукав.

— И ты тоже. Это и тебя касается.

В уединенной комнате Лиман усадил землян в кресла, сел сам.

— Итак, друзья мои, в чем дело?

— Среди новейшей аппаратуры на нашем звездолете-

те, — возбужденно начал Бентон, — есть такой робот-хранитель: он читает мысли любых разумных существ, у которых процессы мышления подобны нашим. Возможно, пользоваться таким аппаратом неэтично, зато это необходимая и весьма действенная мера предосторожности. Предупрежден — значит, вооружен, понимаете? — Он лукаво улыбнулся. — Мы прочитали мысли Дорки.

— Что? — воскликнул Дорка, вскочив на ноги.

— Из них мы узнали, что нам грозит туманная, но несомненная опасность, — продолжал Бентон. — По ним выходило, что вы нам друзья, что вы хотите и надеетесь стать нашими друзьями... Но какие-то два слова откроют вам нашу враждебную сущность и покажут, что нас надо встретить как врагов. Если мы произнесем эти слова, нам конец! Теперь мы, конечно, знаем, что не произнесли этих слов, иначе мы бы сейчас не беседовали так мирно. Мы выдержали испытание. Но все равно, я хочу спросить. — Он подался вперед, проникновенно глядя на Лимана. — Какие это слова?

Задумчиво потирая подбородок, ничуть не огорченный услышанным, Лиман ответил:

— Совет Фрэйзера был основан на знании, которого у нас не было и не могло быть. Мы приняли этот совет, не задавая вопросов, не ведая, из чего исходил Фрэйзер и каков был ход его рассуждений, ибо мы сознавали, что он черпает из кладезя звездной мудрости, недоступной нашему разумению. Он просил, чтобы мы вам показали его храм, его вещи, его портрет. И если вы скажете два слова...

— Какие два слова? — настаивал Бентон.

Закрыв глаза, Лиман внятно и старательно произнес эти слова, будто совершил старинный обряд.

Бентон снова откинулся на спинку кресла. Он ошеломленно уставился на Рэндла и Гибберта, а те ответили таким же взглядом. Все трое были озадачены и разочарованы.

Наконец, Бентон спросил:

— Это на каком языке?

— На одном из языков Земли, — заверил его Лиман. — На родном языке Фрэйзера.

— А что это значит?

— Вот уж не знаю. — Лиман был озадачен не меньше землян. — Понятия не имею, что это значит. Фрэйзер никому не объяснил смысла, и никто не просил у него объяснений. Мы заучили эти слова и упражнялись в их произ-

ношении, ибо это были завещанные нам слова предостережения, вот и все.

— Ума не приложу,— сознался Бентон и почесал в затылке.— За всю свою многогрешную жизнь не слышал ничего похожего.

— Если это земные слова, они, наверное, слишком устарели, и сейчас их помнит, в лучшем случае, какой-нибудь заумный профессор, специалист по мертвым языкам,— предположил Рэндл. На мгновение он задумался, потом прибавил: — Я где-то слышал, что во времена Фрэйзера о космосе говорили „вакуум“, хотя там полно различных форм материи и он похож на что угодно, только не на вакуум.

— А может быть, это даже и не древний язык Земли,— вступил в дискуссию Гибберт.— Может быть, это слова старинного языка космонавтов или архаичной космолингвы...

— Повтори их,— попросил Бентон.

Лиман любезно повторил эти слова. Два простых слова — и никто их никогда не слышал.

Бентон покачал головой.

— Триста лет — немыслимо долгий срок. Несомненно, во времена Фрэйзера эти слова были распространены. Но теперь они отмерли, похоронены, забыты — забыты так давно и так прочно, что я даже и гадать не берусь об их значении.

— Я тоже,— поддержал его Гибберт.— Хорошо, что никого из нас не переутомляли образованием. Страшно подумать: ведь астролетчик может безвременно сойти в могилу только из-за того, что помнит три-четыре устаревших звука.

Бентон встал.

— Ладно, нечего думать о том, что навсегда исчезло. Пошли, сравним местных бюрократов с нашими.— Он посмотрел на Дорку.

— Ты готов вести нас в город?

После недолгого колебания Дорка смущенно спросил:

— А приспособление, читающее мысли, у вас с собой?

— Оно намертво закреплено в звездолете,— рассмехался Бентон и ободряюще хлопнул Дорку по плечу.— Слишком громоздко, чтобы таскать за собой. Думай о чем угодно и веселись, потому что твои мысли останутся для нас тайной.

Выходя, трое землян бросили взгляд на занавеси, скрывающие портрет седого чернокожего человека, косморазведчика Сэмюэла Фрэйзера.

— Поганый ниггер! — повторил Бентон запретные слова. — Непонятно. Какая-то чепуха!

— Просто бессмысленный набор звуков, — согласился Гибберт.

— Набор звуков, — эхом откликнулся Рэндл. — Кстати, в старину это называли смешным словом. Я его вычитал в какой-то книге. Сейчас вспомню. — Задумался, просял: — Есть! Это называлось „абракадабра“.

Ниточка к
СЕРДЦУ

Ниточка к сердцу

Стрелка измерителя выхода прыгнула, замерла на миг, дрожа, и упала. Через тридцать секунд снова скачок, снова остановка в середине шкалы, падение... Еще тридцать секунд — и опять все сначала... И так недели, месяцы, годы.

Вершина легкой металлической мачты возле здания, сложенного из каменных глыб, уходила высоко в небо, подымая к звездам плоскую металлическую чашу. Из этой чаши два раза в минуту выплескивался беззвучный, пронизывающий пространство крик:

— Бунда-1! Бип-бип-боп!.. Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Его повторяли восемь синхронизированных репитеров на пустынных островках залитой водой планеты — восемь спиц гигантского колеса — мира, медленно поворачивающегося вокруг своей оси.

В черной пустоте бессолнечных миров, среди мертвых, погасших звезд одинокий корабль ловил голос Бунды, корректировал свой вертикальный и горизонтальный курс и уверенно летел дальше. Сколько этих кораблей прошло мимо! А он по-прежнему один, по-прежнему указывает путь людям, от которых никогда не слышит в ответ: „Спасибо, друг!“ Далекие, неразличимые глазом ракеты прочерчивали темноту провалов между завитками Галактик мгновенными вспышками выброшенного пламени и исчезали. „Корабли, проходящие ночью...“ *

Бунда-1... Маяк в глубине вселенной, мирок с почти земной атмосферой и почти лишенный почвы, планета бесконечных океанов, с крошечными скалистыми островами, на которых нет ни одного живого существа, с кем мог бы подружиться человек, но сущий рай для рыб и прочих водных тварей.

Этот островок был самым большим клочком суши среди бесконечной водной пустыни: двадцать две мили в длину, семь миль в ширину для планеты Бунда-1 — настоящий континент. Континент, на котором нет ни жи-

* Строка из стихотворения „Легенды придорожной гостиницы“ американского поэта Г. Лонгфелло (1807—1882).

вотных, ни птиц, ни деревьев, ни цветов, только низкие, карабкающиеся по камням кустики с узловатыми скрюченными ветками, лишайники и грибы, да с полсотни видов насекомых, которые пожирают друг друга и потому не могут расплодиться в слишком большом количестве. И все — больше ничего здесь нет.

Над планетой застыла тишина, и это было самое страшное — тишина, в которой нет никаких звуков. Легкий ветерок никогда не вздыхал, затихая, никогда не ревела, негодуя, буря. Море во время прилива нехотя напозало на скалы и потом бессильно опадало — десять дюймов вверх, десять дюймов вниз, точнее, как часы, без единого всплеска, без шума, без шипения лопающейся пены. Насекомые были немые; из пятидесяти видов ни одно не умело ни жужжать, ни стрекотать, ни щелкать. Бледные тела лишайников и корявые руки кустов никогда не шевелились. Казалось, это не растения, а причудливые живые существа, коченеющие в вечном безмолвии.

За домом был огород. Строители маяка превратили в подобие почвы пол-акра скалистой поверхности острова на три фута в глубину и посадили земные растения. Из цветочных семян не возшло ни одно, а вот некоторые сорта овощей оказались более неприхотливыми. У него было пятьдесят грядок свеклы, шпината, капусты и лука. Луковицы вырастали с футбольный мяч. Он не ел лука, потому что терпеть не мог эту вонючую гадость, но все равно постоянно сажал его и ухаживал за ним так же заботливо, как за другими овощами, — все-таки занятие, и потом ведь приятно же слышать знакомый звук лопаты, входящей в грунт...

Стрелка дернулась, замерла и упала. Если смотреть на нее часто и подолгу, то словно попадаешь под гипноз. Иногда у него появлялось сумасшедшее желание изменить привычный ход стрелки, нарушить код передачи и услышать что-то новое, отрадно-бессмысленное — пусть чаша выплеснет в изумленные звезды тарабарщину: „Дандас троп шентермпф. Бим-бам-бом! Дандас троп шентермпф. Бим-бам-бом!“

Так бывало уже не раз. Возможно, это повторится снова. Совсем недавно легкий крейсер чуть не врезался в одну из планет системы Волка, потому что тамошний маяк стал передавать что-то невразумительное. Безумие одного человека едва не стоило жизни двум тысячам пассажиров межпланетного лайнера. Если задумешь свечу, трудно не сбиться с пути во мраке.

Работа на маяке означала десять лет полного одиночества, очень высокое жалованье и гордое сознание, что делаешь важное для общества дело. Все это очень заманчиво, когда ты молод, легок на подъем и под ногами у тебя надежная твердь планеты Земля. Действительность оказывается жестокой, беспощадной и для многих невыносимой. Человек не может быть один.

— Вы с Гебридских островов? Превосходно! Нам требуется смотритель маяка на станцию Бунда-1, и вы — как раз тот человек, который нам нужен. Вам будет там гораздо легче, чем другим. Представьте, что вы очутились в полном одиночестве на острове Бенбекула: примерно то же самое ждет вас на Бунде. А городских жителей посылать туда бессмысленно: со всей своей технической подготовкой они там рано или поздно сходят с ума из-за одного только отсутствия фонарей. Уроженец Гебридских островов просто создан для Бунды. Человек ведь не тоскует о том, чего у него никогда не было, а на Бунде-1 вы увидите то, что вас всю жизнь окружало, — скалистые острова, морские просторы. Совсем как у вас на родине!

Совсем как на родине!

На родине...

Здесь — берег, который никогда не лижут волны, галька, пестрые ракушки, крошечные существа, похожие на крабов. Под водой сонно колышутся поля водорослей, стайками проплывают рыбы, совсем такие, как на Земле. Он не раз закидывал с берега удочку и ловил их, а потом снимал с крючка и кидал в море, на свободу, которой у него самого нет.

Здесь не встают из зеленой воды старые плиты каменного мола, не снуют по заливу озабоченно пыхтящие буксиры, никто не смолит баркасы на берегу, не чинит сети. Не катятся с грохотом бочки по булыжникам мостовой, краны не поднимают в воздух сверкающие глыбы льда, не выскакивает из полного трюма на палубу серебряная бьющаяся рыба. И в воскресный вечер никто не думает о тех, кто в море.

Ученые Земли творят чудеса, когда перед ними ставят какую-нибудь техническую задачу. Например, главная станция Бунды-1 полуавтоматическая, ее восемь репитеров полностью автоматизированы, их питают атомные генераторы, рассчитанные на сто лет работы без подзарядки. Могучий голос станции летит в астральную бездну, к звездной пыли бесчисленных миров. Единственное,

чего не хватало Бунде-1 для обеспечения стопроцентной надежности, было контрольное устройство, умное, энергичное и решительное, аварийный механизм, который превратил бы станцию в абсолютно самоуправляемую систему. Иными словами, нужен был человек.

Вот здесь-то ученые мужи и дали осечку. Нужен человек. Но ведь человек — не деталь, его нельзя рассчитать, обработать и соединить с другими деталями — пусть функционирует! Они поняли это с некоторым опозданием, после того как сошел с ума третий смотритель маяка и его пришлось увезти на Землю. Три случая психического расстройства на организацию, ведающую четырьмястами станциями на необитаемых планетах, — сравнительно немного, меньше одного процента. Но три — на три единицы больше нуля, и никто не может дать гарантии, что число это не увеличится: кого-то безумие настигает скорее, кто-то противится ему дольше. И тогда ученые переменили тактику. Кандидатов стали подвергать беспощадным экспериментам, пропуская через жесточайшие испытания, в которых должны были сломиться слабые и закалиться сильные — те, кто годен для работы на маяках. Но скоро от проверки пришлось отказаться. Слишком нужны были люди, слишком немногих соблазняла должность смотрителя маяка, слишком многие выходили из игры во время проверки.

Ученые предлагали по один выход, то другой, но все их теории терпели крах.

Последним их изобретением была так называемая „ниточка к сердцу“.

Человек, рассуждали они, дитя Земли, от его сердца к сердцу Земли должна тянуться ниточка. Пока эта ниточка существует, его разум ясен. Он проживет десять лет в одиночестве и ни разу не ощутит приступа тоски.

Но как найти эту ниточку к сердцу?

— *Cherchez la femme*, — заявил один из них, торжествуя глядя на своих коллег поверх очков.

Стали обсуждать этот вариант и отклонили: воображению ученых представились самые ужасные последствия такого шага — от убийства до рождения младенцев. Кроме того, ради неслужебной единицы потребовалось бы удвоить запас продуктов, которые приходится доставлять на такое огромное расстояние.

Исключено!

Может быть, собака? Для многих планет, где собака сама сумеет найти себе пищу, это, пожалуй, хорошо. Но

как быть с Бундой и другими планетами, подобными Бунде? Груз космических кораблей рассчитывается до грамма, и не пришло еще время развозить по просторам вселенной корм для псов.

Первая „ниточка к сердцу“ оказалась жалким механическим эрзацем, хотя и обладала одним бесспорным достоинством: она нарушила безмолвие, проклятием тяготеющее над Бундой. Корабль, привозящий раз в год запас продуктов, сбросил ему магнитофон и пятьдесят катушек с пленками. Два месяца он слушал звуки — не только музыку и человеческую речь, но и родные голоса Земли: рев пригородного шоссе у заставы в субботний вечер, грохот поездов, колокольный перезвон церквей, веселый шум школьного двора в перемену — слабое эхо жизни, которая идет где-то недостижимо далеко. Когда он в первый раз включил магнитофон, он был счастлив. Десятый раз навел на него скуку, двадцатый привел в отчаяние. Тридцатого раза не было.

Стрелка прибора прыгнула, задрожала и успокоилась.

— Бунда-1. Бип-бип-боп!..

Магнитофон пылится в углу. Где-то там, за звездными туманностями, живут его братья, такие же одинокие, как и он. Они не слышат его, и он не слышит их. Они недосыгаемы, их миры движутся, вращаясь по своим орбитам, проходя назначенный им путь. А он сидит, глядя на стрелку, оглушенный противоестественной тишиной.

Восемь месяцев назад, если мерить мерой земного времени, ракета принесла ему доказательство того, что ученые мужи на Земле все еще порываются протянуть к его сердцу ниточку. В грузе, который сбросил на поверхность Бунды корабль, прежде чем кануть в пустоту, оказался небольшой ящичек и книжка. Освободив ящичек от маленького парашюта, он открыл крышку и увидел чудовище с выпученными глазами. Оно повернуло треугольную головку и впилося в него холодным неподвижным взглядом. Потом зашевелило длинными, нелепыми конечностями — хотело вылезти. Он поспешно захлопнул крышку и взял руководство.

Там говорилось, что его нового друга зовут Джейсон, это прирученный богомол, на редкость смирное существо, которое само будет находить себе пищу: когда ему на Земле в виде проверки предложили нескольких насекомых из фауны Бунды, он их с удовольствием съел. В заключение авторы руководства радостно сообщали, что

во многих странах на Земле дети очень любят богомолов и играют с ними.

Значит, вот куда завели ученых упорные поиски: они решили, что ниточкой к сердцу должно быть живое существо, рожденное на Земле и способное жить в чужом мире. Но при этом они не учли одного: на чужбине человек тоскует о том, к чему он привык. Уж лучше бы они прислали ему кота! Правда, на Бунде нет молока, зато моря полны рыбой. Не то чтобы он любил кошек, но ведь коты умеют мяукать. Они мурлыкают и воют. А это ужасное существо в коробке не издает ни звука. Господи, ну кто из жителей Гебридских островов хоть раз в жизни видел богомола, это похожее на крошечного марсианина чудовище, какие преследуют тебя в кошмарном сне! Ему, во всяком случае, не приходилось, и он об этом ничуть не жалеет.

Он ни разу не взял Джейсона в руки, ни разу не выпустил его из ящика. Богомол стоял на своих длинных тонких ножках, следил за ним ледяным взглядом, злоеще поворачивал голову и молчал. В первый день он дал богомолу кузнечика, которого поймал среди лишайников. Когда Джейсон оторвал своей жертве голову и стал ее пожирать, к его горлу подкатила тошнота. По ночам ему стал сниться гигантских размеров богомол, раскрывающий над ним хищную голодную пасть.

Через две недели он почувствовал, что больше не выдержит. Он отнес коробку за несколько миль от дома, открыл ее и выбросил богомола. Джейсон поглядел на него взглядом василиска и исчез в кустах. Теперь на Бунде было двое землян, но помочь друг другу они не могли.

— Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Скачок, остановка в середине шкалы, падение... И ни слова привета от летящего в темноте корабля, ни звука вокруг, только пятьдесят молчащих механических записей в углу. Чуждая, призрачная жизнь в чуждом, призрачном мире, который с каждым днем становится все более неправдоподобным.

Может, привести станцию в негодность и заняться починкой, чтобы создать хоть видимость работы, оправдывающей человеческое существование? Нет, за это заплатят жизнью тысячи людей там, среди звезд, — слишком дорогая цена за лекарство от скуки.

А можно, когда он отсидит возле приборов положенное время, пойти на север искать крошечного уродца и

звать, звать его, надеясь, что он никогда не прибежит на крик:

— Джейсон! Джейсо-о-он!..

Где-нибудь в расщелине, среди камней, повернется острая треугольная головка, с огромными замораживающими глазами. Если бы Джейсон хоть умел трещать, как цикада, он, может быть, смирился бы с ним, даже привязался к нему, зная, что это смешное стрекотание — богомолий язык. Но Джейсон молчал так же враждебно и непроницаемо, как замкнутый, настороженный мир Бунды.

Он проверил передатчик и автоматы восьми рывкающих в пустоту репитеров, лег в постель и в тысячный раз стал думать, выдержит он эти десять лет или сойдет с ума.

Если он сойдет с ума, врачи вцепятся в него и станут мудрить, пытаясь найти причину болезни и лекарство от нее. Они хитрые, ох, какие хитрые! Но где-то их хваленая хитрость оказывается бессильной...

Он заснул тяжелым, мучительным сном.

То, что сначала принимаешь за глупость, иной раз оборачивается неторопливой мудростью. Самую сложную проблему можно решить, если раздумывать над ней неделю, месяц, год, десять лет, хотя ответ нам, может быть, нужен сегодня, сейчас, немедленно. Настал черед и того, что называли „ниточкой к сердцу“.

Грузовой корабль „Хендерсон“ вынырнул из звездных россыпей, стал расти, увеличиваться, загудели включившиеся антигравитаторы, и он повис над главным передатчиком на высоте двух тысяч футов. На посадку и взлет ему не хватило бы горючего, поэтому он просто остановился на минуту, сбросил то, что было результатом последнего достижения ученых, протягивающих ниточку к сердцу, и снова взмыл в черный провал. Груз полетел в окутывающую Бунду темноту вихрем больших серых снежинок...

Он проснулся на рассвете, не зная о ночном госте. Ракету, завозящую ему раз в год продукты, он ждал только через четыре месяца. Он взглянул ослепшими со сна глазами на часы у кровати, наморщил лоб, пытаясь понять, что разбудило его так рано. Какая-то смутная тень вползла в его сон.

Что это было?

Звук... Звук!

Он сел, прислушался. Снова звук, приглашенный рас-

стоянием и толщей стен, похожий на крик бездомного котенка... на горький детский плач...

Нет, послышалось. Видно, он уже начал сходить с ума. Четыре года он продержался, остальные шесть придется коротать здесь тому добровольному узнику, который займет его место. Он слышит звуки, которых нет; это верный признак душевного расстройства.

Но звук прилетел снова.

Он встал, оделся, подошел к зеркалу. Нет, лицо, которое глянуло на него оттуда, нельзя назвать лицом маньяка: оно взволнованное, осунувшееся, но не тупое, не искажено безумием.

Опять заплакал ребенок.

Он пошел в аппаратную, поглядел на пульт. Стрелка все так же методично дергалась, застывала на секунду и падала.

— Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Здесь все в порядке. Он вернулся в спальню и стал напряженно слушать. Что-то... кто-то рыдал в рассветных сумерках над беззвучно поднимающейся водой. Что это, что?

Отмокнув запор непослушными пальцами, он толкнул дверь и встал на пороге, дрожа. Звук кинулся к нему, налетел, прильнул, хлынул в сердце. Он задохнулся. С трудом оторвавшись наконец от косяка, он бросился в кладовую и принялся совать в карманы печенье.

В дверях он упал, но не почувствовал боли, вскочил и побежал, не разбирая дороги, не замечая, что всхлипывает от счастья, туда, где белела галька прибрежной полосы. У самой кромки воды, лениво наползающей на камни, он остановился, широко раскинув руки, с сияющими глазами, и чайки, сотни чаек закружились, заматались над ним. Они выхватывали протянутое им печенье, суетились у его ног на песке, шумели крыльями, пронзительно кричали...

В их крике он слышал песню пустынных островов, гимн вечного моря, дикую ликующую мелодию — голос родной Земли.

Небо, небо...

Он широко распахнул литые чугунные дверцы, всмотрелся в открывшееся огнеупорное чрево печи и вздохнул полной грудью. Словно глядишь в машинный отсек кос-

мического корабля. Тут, за дверцами, должны быть пламя и грохот, а по другую сторону огня — звезды. Пол под ногами сотрясается. На куртке у него — серебряные пуговицы, на воротнике и погонах — маленькие серебряные кометы.

— Ну вот, — рявкнуло над ухом. — Опять ты как открыл дверцы, так сразу и остолбенел. Что же такого необыкновенного в этой печи?

Куртка с серебряными пуговицами и кометами исчезла, остался лишь замасленный белый халат. Пол под ногами больше не сотрясался, только скрипели половицы. Звезды погасли, точно их никогда и не было.

— Ничего, мосье Трабо.

— Тогда внимание! Разведи огонь, как тебя учили.

— Сейчас, мосье Трабо.

Он взял охапку душистых сосновых веток, сунул их в печь и длинной железной кочергой затолкал поглубже. Потом подобрал с пола десяток маленьких, клейких от смолы сосновых шишек и по одной закинул туда же, в самую середину. И задумчиво оглядел дело рук своих. Ракета, заряженная сосновыми иголками и шишками. Вот глупость-то!

— Жюль!

— Сейчас, мосье Трабо.

Он стал поспешно хватать сосновые ветки, сучки и крохотные поленца и засовывать их в печь, пока она не наполнилась до отказа. Ну вот, все готово.

Теперь, чтобы взлететь, кораблю нужна одна только искра. Кто-то на самом верху должен зорко следить, разбежалась ли вся наземная команда, не попадет ли кто под пламя, которое сейчас вырвется из дюз. Вот искусная многоопытная рука чуть тронула пурпурную кнопку. И сразу где-то под ногами рев, яростное содрогание и подъем, сначала медленный, потом быстрее, быстрее, быстрее...

— Вот горе-то! Опять он словно окаменел! И за что только судьба послала мне такого разиню!

Трабо рванулся мимо него к печи, сунул в нее пылающий бумажный жгут и захлопнул дверцы. Потом обернулся к своему помощнику, грозно сдвинул косматые черные брови.

— Жюль Риу, тебе уже шестнадцать. Так?

— Да, мосье Трабо.

— Значит, ты уже достаточно взрослый и должен понимать: для того чтобы хлеб испекся, в этом пекле долж-

но быть по-настоящему жарко. А для этого нужен огонь. А для того, чтобы был огонь, его нужно зажечь. Верно я говорю?

— Да, мосье Трабо,— пристыженно согласился он.

— Так почему же ты заставляешь меня повторять тебе все это тысячу раз подряд?

— Я болван, мосье Трабо.

— Если бы ты был просто болван, все было бы понятно и я бы тебя простил. Господь бог для того и создает дураков, чтобы людям было кого жалеть.

Трабо уселся на доверху набитый, припорошенный мукой мешок, волосатой рукой притянул к себе мальчика и доверительно продолжал:

— Твои мысли блуждают, как отвергнутый влюбленный где-то в чужой стороне. Скажи мне, дружок, кто она?

— Она?

— Ну да, эта девушка, это божественное создание, которое тебе заморочило голову.

— Никакой девушки нет.

— Нет? — Трабо искренне изумился.— Ты томишься, страдаешь, и здесь не замешана девушка?

— Нет, мосье.

— Так о чем же ты мечтаешь?

— О звездах, мосье.

— Сто тысяч чертей! — Трабо беспомощно развел руками и с немой мольбой уставился в потолок.— Подмастерье пекаря. И о чем же он мечтает? О звездах!

— Я ничего не могу с собой поделать, мосье.

— Ясно, не можешь. Тебе всего шестнадцать.— Трабо выразительно пожал плечами.— Я задам тебе два вопроса: как жить людям, если никто не станет печь хлеб, и как лететь к звездам, если на свете не станет людей?

— Не знаю, мосье.

— Среди звезд летают космические корабли,— продолжал Трабо.— А почему? Да только потому, что на Земле есть жизнь.— Он наклонился и поднял длинный-предлинный отлично выпеченный хлеб с золотистой корочкой.— А жизнь поддерживает вот это!

— Да, мосье.

— Думаешь, мне бы не хотелось постранствовать среди звезд? — спросил Трабо.

— Вам, мосье? — Жюль вытаращил на него глаза.

— Разумеется. Но я уже старый и седой и по своей части тоже прославился. Много есть такого, чего я делать

не умею и никогда уже не научусь. Но я стал мастером: я пеку прекрасный хлеб.

— Да, мосье.

— И не забудь,— Трабо выразительно погрозил пальцем,— это не какая-нибудь размазня машинного замеса в безансонской электрической пекарне. Нет, это самый настоящий хлеб, на совесть приготовленный живыми человеческими руками. И я пеку его старательно, пеку с любовью — вот в чем секрет. В каждую выпечку я вкладываю частицу своей души. Вот потому-то я и мастер. Тебе понятно?

— Понятно, мосье.

— Так вот, Жюль: люди приходят сюда не просто купить хлеба. Конечно, на вывеске над моим окном сказано: „Пьер Трабо, булочник“. Но это всего лишь подобающая скромность. Ведь что отличает мастера? Скромность!

— Да, мосье Трабо.

— Только я открою печь, по всей улице пойдет дух горячего хлеба — и уже со всех сторон ко мне спешат люди со своими корзинками. А знаешь почему, Жюль? Потому, что у них отличный вкус и их просто тошнит от этих сырых кирпичей, которые выдает электрическая пекарня. И они приходят сюда покупать плоды моего искусства. Верно я говорю?

— Да, мосье.

— Тогда будь доволен: в свой срок и ты станешь мастером. А пока забудем о звездах: они не про нас с тобой.

Тут Трабо поднялся с мешка и стал посыпать цинковый стол тонким слоем муки.

Жюль молча глядел на дверцы печи; там внутри что-то гудело, трещало, шипело. Запах горячей сосны наполнил пекарню и заструился по улице. Через некоторое время Жюль открыл дверцы, и в лицо ему пахнуло жаром, яростным и удушающим, как пламя, что вырывается из ракеты.

Небо, небо, я пройду из края в край, я пройду из края в край, небо, небо...

Блеснув моноклем, полковник Пине перегнулся через прилавок и ткнул пальцем в наполовину скрытый противень.

— И, пожалуйста, один такой.

— Эти хлебцы не продаются, господин полковник,— объявил Трабо.

— Почему же?

— Это все промахи Жюля: еще минута — и они превратились бы в уголья. Я продаю только настоящий товар. Кому охота есть уголья?

— Мне, — сообщил Пине. — Тут мы с женой никак не сойдемся во вкусах. Вечно у нее недожарено и недопечено. Хоть бы раз в жизни полакомиться чем-нибудь эдаким, пропеченным до хруста! Так что уж позвольте мне насладиться одним из промахов Жюля.

— Но, мосье...

— И не спорьте!

— Мадам ни за что не примет такой ужасный хлеб.

— У мадам свидание с парикмахером, и она доверила мне все покупки, — объяснил полковник. — И уж тут я распоряжусь, как мне хочется. Поймите же, дорогой Трабо, не могу я упустить такой случай! Так что же, будете ли вы так любезны и продадите мне этот аппетитный уголек, или мне придется пойти в электрическую пекарню?

Трабо вздрогнул, как от боли, насупился, выбрал на противне наименее подгоревший хлеб, старательно завернул его, чтобы спрятать от нескромных взоров, и неловко подал полковнику.

— Помилуй бог, этот Жюль добыл мне одного покупателя, но сто других я наверняка из-за него потеряю.

— Он вас огорчает? — осведомился Пине.

— С ним одно мучение, господин полковник. Ни на минуту нельзя спускать с него глаз. Только повернусь к нему спиной, вот так, — Трабо показал, как именно, — и на тебе! Он уже забыл про свою работу и витает где-то среди звезд, как сорвавшийся с нитки воздушный шарик.

— Среди звезд, говорите?

— Да, господин полковник. Мой Жюль — покоритель космоса и прикован к Земле одним лишь неблагоприятным стечением обстоятельств. И из такого теста я должен сделать пекаря!

— Какие же это обстоятельства?

— Мать ему сказала: „В пекарню Трабо нужен подмастерье. Лучшего случая у тебя не будет. Бросай школу, станешь пекарем“. И он пришел ко мне. Понимаете, мальчик-то он послушный, только редкий час не витает в облаках.

— Ох, уж эти матери... — сказал Пине. Он протер свой монокль и опять вставил его в глаз. — Моя матушка желала, чтобы я стал собачьим парикмахером. Она гово-

рила, что это очень благородное занятие и к тому же доходное. У ее светских приятельниц с пуделями да болонками я, конечно, буду нарасхват! — Его длинные гибкие пальцы словно стригли и завивали воображаемую шерсть, а на лице выразилось отвращение. — И я спросил себя: что же я такое, если соглашусь делать педикюр собакам? Завербовался в Космический корпус, и меня послали служить на Марс. Когда моя матушка об этом узнала, ее чуть не хватил удар.

— Еще бы, — сочувственно вставил Трабо.

— А сегодня она гордится, что ее сын офицер и на погонах у него четыре кометы. Матери все таковы. Полное отсутствие логики.

— Пожалуй, это даже к лучшему, — заметил Трабо. — А иначе некоторые из нас никогда бы и не родились на свет.

— Покажите-ка мне этого звездного мечтателя, — приказал Пине.

— Жюль! — завопил Трабо, обернувшись к пекарне и приставив ладони рупором ко рту. — Жюль, поди сюда! Никакого ответа.

— Видите? — Трабо беспомощно развел руками. — Просто не знаю, что и делать. — Он пошел в пекарню, и оттуда донесся его громкий, нетерпеливый голос: — Я тебя звал. Почему ты не откликаешься? Господин полковник желает сейчас же тебя видеть. Пригладь волосы да поторапливайся.

Появился Жюль. Шел он нехотя, нога за ногу, волосы и руки в муке. Ясные серые глаза его смотрели прямо и открыто и не опустились под испытующим взглядом полковника.

— Итак, ты тоскуешь по звездам, — сказал Пине, с интересом разглядывая юношу. — Почему бы это?

— Почему человеку чего-нибудь хочется? — отвечал Жюль и недоуменно пожал плечами. — Наверно, так уж я создан.

— Прекрасный ответ, — одобрил Пине. — Так уж человек создан. Тысячи людей ежечасно уверяют свою жизнь одному-единственному пилоту. И ничего плохого с ними не случается. А почему? Да потому, что так уж он создан — пилотом. — Полковник медленно оглядел Жюля с ног до головы. — И, однако, ты печешь хлеб.

— Должен же кто-то и хлеб печь, — вмешался Трабо. — Не всем же летать к звездам.

— Молчать! — приказал Пине. — Вы вступаете в за-

говор с женщиной, чтобы убить душу живую,— значит, вы убийца. Впрочем, этого следовало ожидать. Ведь вы уроженец берегов Роны, а там убийц полным-полно.

— Господин полковник, я оскорблен...

— Хочешь ты и впредь служить этому убийце? — спросил полковник, обращаясь к Жюлю.

— Мосье Трабо был так добр ко мне. Вы меня простите...

— Еще бы ему не быть добрым,— прервал Пине.— Он хитрец. Все Трабо всегда были хитрые.— Он весело подмигнул пекарю. Жюль это заметил, и у него сразу стало легче на душе.— Но от всех новобранцев непременно требуется одно,— продолжал полковник уже более серьезным тоном.— Попробуй догадаться, что именно.

— Сообразительность, господин полковник? — рискнул Жюль.

— Да, конечно, но одной сообразительности мало. Требуется, чтобы новобранец всем своим существом рвался в космос.

— Да ведь так и во всем,— опять вмешался Трабо.— Если любишь свое дело, работаешь старательнее и лучше. Вот взять хоть меня: если бы мне было все едино, что хлеб, что не хлеб, я бы, верно, жевал сейчас табак в электрической пекарне и рук бы никогда не мыл.

— Каждый год в Космический колледж поступают десять тысяч юношей,— сказал Пине Жюлю.— И более восьми тысяч его не заканчивают. У них не хватает пороку выдержать четыре года упорного труда и сосредоточить все помыслы и все силы души на одном. Так что многие бросают его на полпути. Стыд и срам. Ты согласен?

— Да, господин полковник, стыд и срам,— подтвердил Жюль, сдвинув брови.

— Ха! — сказал Пине, очень довольный.— В таком случае давай лишим этого кровопийцу Трабо его добычи. Мы найдем ему другого парня, созданного для того, чтобы стать пекарем.

— Но, мосье...

— Я дам тебе рекомендацию в Космический колледж и взамен прошу тебя только об одном.

У Жюля перехватило дыхание.

— О, господин полковник! О чем же?

— Всегда будь таким, чтобы мне не было за тебя стыдно!

Он сидел у себя в кабине, глаза его ввалились и покраснели от усталости, а „Призрак“ стремительно прорезал пространство. За двадцать напряженных, мучительных лет он выстроил целую лестницу и ступень за ступенью поднялся до чина капитана. Теперь он славился как один из самых знающих и добросовестных командиров Космической службы. И все это неизбежно покоилось на одной заповеди, которая поддерживала его в самые тяжкие минуты:

„ВСЕГДА БУДЬ ТАКИМ, ЧТОБЫ МНЕ НЕ БЫЛО ЗА ТЕБЯ СТЫДНО!“

Его мать и полковник Пине давно умерли, но до последнего своего часа они им гордились: ведь он стал капитаном.

Он был штурманом, вторым пилотом, потом первым, и место его было на носу корабля, как он всегда мечтал, и он действительно погружался в необъятный звездный мир, который так любил. Размеренно чередовались часы, отведенные на сон, отдых и работу, и, когда он работал, его постоянно переполнял неослабевающий восторг перед тем, что ему доводилось видеть, наблюдать, изучать.

А теперь он променял все это на добровольное заключение в недрах корабля и вокруг уже ничего не было — одни лишь тусклые стены из сплава титана да стол, заваленный бумагами.

Всякую минуту бодрствования, всякую минуту отдыха, а нередко и отрываясь от сна, он отвечал на вопросы, принимал решения, делал записи в специальных книгах, заполнял тысячи деловых бланков. Как говорится, одна сплошная писанина...

Через час после ужина:

— Прошу прощения, капитан. Этот толстяк из Дюсельдорфа опять напился до зеленых чертиков. Ударил стюарда, который попытался его урезонить. Прошу разрешения запереть его на гауптвахте.

— Разрешаю.

Или среди беспокойного, чуткого сна кто-то решительно трясет его за плечо:

— Прошу прощения, капитан. У десятой и одиннадцатой дюз треснула прокладка. Прошу разрешения отключить энергию на два часа, пока будет производиться ремонт.

— Разрешаю. Пускай дежурный штурман сообщит мне о координатах, как только вы сможете продолжать полет.

Два часа спустя снова трясут за плечо:

— Прошу извинить за беспокойство, капитан. Ремонт окончен. Вот наши координаты.

Вопросы.

Заполнение бланков.

Просьбы, доклады, требования, происшествия, решения, ответы, распоряжения, приказы. Ни минуты покоя.

И опять бумаги.

— Прошу прощения, капитан. Двое пассажиров, Уильям Арчер и Мэрион Уайт, желают вступить в брак. Когда вам будет удобно совершить обряд?

— Медицинское освидетельствование прошли?

— Да, капитан.

— Кольцо у жениха есть?

— Нет, капитан.

— Выясните точный размер и выдайте ему кольцо из корабельных запасов по обычной цене — двадцать долларов.

— А когда будет обряд, капитан?

— В четыре склянки. Сообщите мне, подходит ли им это время.

И опять бумаги. Два свидетельства о рождении и их копии, два удостоверения об эмиграции, два медицинских свидетельства, два разрешения на въезд. Свидательства о браке в трех экземплярах — для правительства Земли, для правительства Сириуса и для Учетного отдела Управления космической службы. И один оригинальный экземпляр для новобрачной.

И так без конца, все дела, какие только можно вообразить, крупные и мелкие, в любое время дня и ночи, без всякой передышки. Когда корабль после долгого полета наконец приземлялся, один лишь капитан спускался вниз по трапу неверными шагами, голова у него кружилась от постоянного нервного напряжения и недосыпания, и это никого не удивляло, словно так и надо. Временами его одолевало искушение подать рапорт с просьбой понизить его в чине, но ведь

„ВСЕГДА БУДЬ ТАКИМ, ЧТОБЫ МНЕ НЕ БЫЛО ЗА ТЕБЯ СТЫДНО!“

„Призрак“ совершил посадку в Баталбаре, на планете Дейсед системы Сириуса. Полет продолжался двести восемьдесят пять земных суток.

Когда были закончены все формальности, связанные с посадкой, капитан Жюль Риу сошел с корабля и как в тумане побрел к гостинице мамыши Кречмер. Так было

заведено, и так советовали поступать самые лучшие психологи.

Командиру корабля необходим глубокий освежающий сон, притом сон долгий и непрерывный. Но прежде всего ему нужно начисто избавиться от всяких мыслей о корабле, о полете и обо всем, что с этим связано. Он должен настроиться так, чтобы уснуть безмятежным младенческим сном и проспать по крайней мере сутки. Для этого надо первым делом выкинуть из головы все недавние заботы и укрыться в своем собственном уголке рая небесного.

Мамаша Кречмер, полногрудая хозяйка гостиницы родом из Баварии, дружески кивнула ему.

— Герр капитан Риу. Я ошшен рат. Подать фам фсе, как обышно?

— Да, пожалуйста, мадам Кречмер.

Он прошел в комнату за баром. В ресторане, большом, многолюдном и шумном, сидели командиры кораблей, которые приземлились уже несколько дней назад и успели совсем оправиться от полета. А комнатка позади была звуконепроницаемой, в заваленных подушками шезлонгах распростерлись в полузабытии еще трое таких же, как он, капитанов. Он с ними не заговорил. И они с ним не поздоровались, видно, даже не заметили его прихода. Они уже стучались в двери рая.

Скоро мамаша Кречмер принесла ему стакан чистого крепкого рома, слегка подогретого и сдобренного несколькими каплями коричневого масла. Жюль Риу откинулся в шезлонге, устроился поудобнее и предался долгожданному покою.

От приправленного пряностями рома внутри разливалось тепло и чуть кружилась голова. Тишина сомкнула ему веки. Медленно, очень медленно он отдалился от своей непомерной усталости и вступил в тот, другой мир.

Широколицые румяные крестьянки в кружевных чепцах, в руках корзинки. Длинные железные противни скользят по душистой сосновой золе и выплывают из печи, нагруженные хлебами — длинными, плоскими, фигурными, плетеными.

Звонкое щебетание женских голосов, перебирающих все деревенские новости, и непередаваемый аромат догорающих смолистых ветвей и свежеиспеченного хлеба.

Небо, небо...

Кресло забвения

Те двое не знали, что Дженсен стоит за дверью. Приди им хоть на минуту в голову, что там, в темноте, кто-то подслушивает их, пытаясь не упустить ни единого слова, они немедленно приняли бы эффективные меры. Но они ни о чем не подозревали. Дженсен подкрался к двери неслышным шагом, скользя как тень, и лишь легкое дуновение выдыхаемого им воздуха выдавало его присутствие. Вот почему они вели разговор, вернее спор, во весь голос, в минуту несогласия переходя на крик.

В глубоком мраке коридора Дженсен прижался ухом к тонкой, не более дюйма толщиной, щели, сквозь которую пробивалась полоска света. И хотя он весь обратился в слух, пронзительный взгляд его налитых кровью глаз был устремлен туда, откуда он пришел. В доме царила полнейшая тишина, но он был начеку: а вдруг (кто знает?) в коридоре появится человек, слуга например, с такой же кошачьей походкой, как у него самого. Нельзя, чтобы его схватили, ни в коем случае нельзя позволить опять заграбастать себя. Этот псих Хаммел убил стражника, когда они бежали, и хотя сам он, Дженсен, не стрелял, все равно его сочтут соучастником. Впрочем это не играло большой роли. Он и так получил вышку за убийство, а казнить человека можно только раз. Но он не вернется в камеру смертников — никогда! Котелок у него варит, а парни, у которых варит котелок, на виселицу не попадают.

Жестокая, холодная решимость светилась в его глазах, с угрозой сверливших темноту, в то время как он прислушивался к тому, что происходило в комнате.

Сейчас говорил тучный мужчина средних лет. Он пытался что-то втолковать похожему на дистрофика типу с седыми волосами, который никак не хотел понять самые простые вещи. Предметом спора была машина. Толстяка звали Бленкинсоп. Обращаясь ко второму, он именовал его то Уэйном, то доктором. Машина, которую Дженсен с трудом разглядел сквозь дверную щель, представляла собой странного вида отполированный предмет, слегка напоминавший панель компьютера, увенчанную феном для просушки волос. Она была укреплена на высокой спинке кресла, и толстый кабель, отходивший от него, был включен в электрическую сеть.

— Хорошо, Уэйн,— лениво протянул Бленкинсоп.— Допустим, я согласен с вашим утверждением, что жиз-

ненная сила — это всепроникающая радиация, которую можно направлять и усиливать. Я готов даже принять на веру ваше заявление, что это приспособление способно излучать жизненные лучи с такой же легкостью, с какой кварцевая лампа излучает полезное человеку тепло. — Он похлопал себя по огромному животу и затаился дымом так, что на месте его жирных щек образовались две впадины. — Ну, а дальше что?

— Я который раз объясняю вам, — пожаловался Уэйн, — что огромное увеличение духовной энергии способствует высвобождению человеческой души.

— Знаю, знаю, — одной затяжкой Бленкинсоп сжег полдьюма своей сигары и сбросил пепел на машину. — Довольно я наслышался басен, их любят рассказывать мистики: всякие там раджи, хамы, ламы, свамы и бог знает кто еще. С одним таким я был даже знаком. Называл себя Рай Свами Алажар. Утверждал, что может освободить свое астральное тело и взмыть в небо подобно реактивному самолету. Сквернословил отчаянно. Настоящее его имя было Джо О'Хэнлон. — Бленкинсоп осклабился, отчего у него сразу выросло четыре подбородка. — Впрочем, полагаю, что с прибором, изобретенным таким великим ученым, как вы, можно выкинуть фокус и похлеще.

— Я гарантирую успех, — воскликнул Уэйн.

— Не горячитесь, — посоветовал Бленкинсоп. — Я готов принять ваш прибор без всяких испытаний. — Он небрежно взмахнул жирной рукой. Огромный бриллиант на среднем пальце брызнул снопом искр, вызвавшим ответный блеск в глазах стоящего за дверью человека. — Я вам верю. Я простой, честный труженик, я лишь эксплуатирую чужой мозг. Моя компания делает ставку на вашу способность создавать вещи, достойные ее финансовой поддержки. Но вы должны понимать, что могут существовать и другие точки зрения на этот вопрос.

— Меня они мало интересуют, — сказал Уэйн, — мне не раз приходилось иметь дело с вашей фирмой...

— К обоюдной выгоде, — заметил Бленкинсоп. — Что касается меня, я готов считать эту штуку очередным детищем вашего таланта. Я принимаю ваши заверения в том, что она способна выполнить обещанное. Но я учитываю и тот факт, что она мне уже стоила кучу денег и будет стоить еще больше, если я запущу ее в производство. И я задаю себе вопрос: способна ли она принести мне прибыль, хотя бы самую скромную? — Он перевел

оценивающий взгляд с Уэйна на прибор и снова на Уэйна.— Да или нет?

— Деньги, деньги, деньги,— воскликнул Уэйн с гримасой отвращения.— Неужели научный прогресс оценивается лишь с точки зрения дохода, который он способен принести?

— Да!

— Но моя машина поможет человеку высвободить свою душу — свое „я“! Какие необыкновенные возможности откроются перед людьми!

— А кому нужно освобождать свое „я“? Кто захочет платить за это и сколько? Черт побери, в наши дни, когда всякий дурак может купить билет на самолет, кому понадобится автоматический транспортер душ? Когда мне хочется навестить Мейзи на юге Франции, я отправляюсь туда лично — во плоти и крови. Какой мне смысл посылать туда мое астральное тело? Вряд ли она получит удовольствие, обнимая дух.

— Вы забываете, что при облучении происходит такой громадный рост жизненной энергии,— с горячностью запротестовал Уэйн,— что душа человека способна покинуть свою телесную оболочку и переселиться в другое тело — по своему выбору,— навсегда вытеснив прежнего владельца, при условии, конечно, что тот не прошел соответствующей обработки, которая придавала бы ему равную или даже большую силу.

— В своде законов, как мне помнится, это называется похищением трупов,— уточнил Бленкинсоп, улынувшись одной из своих грязных улыбок.— В свое время вы изобрели несколько превосходных вещей, мой милый, но на этот раз вы явно перемудрили. Мне не получить и двух с половиной процентов за механического похитителя трупов, так что лично меня эта штука не интересует.

— У вас какой-то иррациональный подход к делу,— запротестовал Уэйн.— Я ведь имею в виду лишь легальный обмен телами.

— Легальный? — Развеселившийся Бленкинсоп чуть не подавился сигарным дымом.— Чьи это тела могут подлежать легальной конфискации? И ради чьей выгоды? — Он ткнул жирным пальцем в грудь Уэйна.— Кто будет платить за переселение и кто будет получать эти деньги? И при чем тут буду я?

Глядя на него с нескрываемым презрением, Уэйн сдержанно пояснил:

— В прошлый четверг умер Коллистер. Это был крупнейший в мире специалист по раковым заболеваниям. В тот же день был казнен Бэт Мэлони — преступник. Мозг Коллистера оставался активным до конца, в то время как тело было изношено долгими годами служения человечеству. Душа Мэлони представляла собой неизлечимо извращенное, антисоциальное „я“, заключенное в грубое, но сильное и здоровое тело.

— Понимаю,— согласился Бленкинсоп. Он протянул руку за своей шляпой.— Будь ваша воля, вы бы засунули Коллистера в каркас Мэлони. Не стану обсуждать научную сторону этого эксперимента, так как верю, что вам бы он удался. Но я неплохо разбираюсь в законах. Моя жизнь протекала не в лаборатории, в окружении приборов и машин, а в нашем грешном и жестоком мире. Примите совет жалкого реалиста: вам не найти такого закона, который дал бы вам право на подобные фокусы, даже если бы вы агитировали за их гуманность до самого страшного суда.

— Но...

— Пора вам и повзрослеть наконец,— нетерпеливо перебил его Бленкинсоп.— С вашим идеализмом вам место разве только в детской. Я не могу выпустить на рынок воздушный замок, мне не дадут за него и стоимости пачки сигарет.

Пухлая рука протянулась к ручке двери, и человек, стоящий по ту сторону ее, отпрянул в темноту.

— Советую вам лучше поломать голову над вашим стереоскопическим телевизором. На нем можно крупно заработать. Публика хочет этого, а кто мы такие, чтобы отказывать массе в ее желаниях. Что касается вашей бредовой машины, то если вы предложите мне еще что-нибудь в этом роде, я просто умру со смеху.

И, смеясь, он вышел из комнаты.

И умер.

Дженсен заметил Уэйну:

— Силенок у тебя — кот наплакал, но сразу видно — ты старик башковитый и котелок у тебя варит.

Он внимательно оглядел ученого и увидел, что утомленные глаза старика светились внутренним огнем и одержимостью. Этот седовласый фраер — крепкий орешек, решил Дженсен. В нем чувствуется душевная твердость, которую нельзя не уважать. Старик поймет, конечно, что

сопротивление бессмысленно, он не сделает попытки применить силу. Но он будет думать, думать, думать... Нужно быть начеку, а то, чего доброго, тебя могут и перехитрить.

— Для вашего и моего блага,— предупредил он Уэйна,— вам следует кое-что знать: во-первых, я вчера смылся из камеры смертников. И возвращаться туда не намерен.— Он ткнул Уэйна в плечо.— Никогда!

— Я так и подумал, что вы преступник,— сказал Уэйн. Он перевел взгляд с веревок, опутывавших его тело, на блестящую поверхность аппарата, а затем на стоявшего перед ним человека с жесткими чертами лица.— Ваша фотография была помещена в утренних газетах рядом с фото ваших сообщников.

— Ага, это были я, Хаммел, Жюль и Краст. Мы скрылись в разных направлениях. Я не буду скучать о них, даже если никогда их больше не увижу.

— В газетах было написано, что вас зовут Генри Мейнелл Дженсен, что вы опасный преступник, убивший двух человек.

— Сейчас уже трех — я пришел и того толстяка.

— А, Бленкинсопа — вы убили его?

— Да, заткнул ему глотку навечно. Это было совсем нетрудно.

Уэйн молча обдумывал что-то. Наконец он сказал:

— Вы понесете за это наказание.

— Ха,— вскричал Дженсен, наклоняясь вперед,— послушайте, вы, доктор или профессор, как вас там, я все слышал о вашем гениальном изобретении. Толстяк был не дурак, он готов был поверить, что оно и в самом деле работает так, как вы говорите. Я-то с самого начала знал, что вы не врете. Это просто блеск! Вы же можете стать моей крестной матерью.

— Каким образом?

— Поможете приобрести новое облачение для моей души.

— Прежде я увижу вас у черта в преисподней.

— Ну, ну, папаша, не стоит кипятиться. Положение у тебя не блестящее, так что не советую лезть в бутылку по пустякам! — Он проверил веревки, которыми ноги его жертвы были привязаны к стулу.— Легавым нужно мое тело, только тело — и ничего больше. Им хотелось бы увидеть, как оно будет болтаться на перекладине. Ну что ж, они его и получают — лицо, отпечатки пальцев и прочие предметы. Вы — единственный человек на свете,

у которого хватит мозгов осчастливить всех — дать им то, о чем они мечтают, и помочь мне заполучить то, в чем нуждаюсь я. Мне ведь ничего не нужно, кроме приличного, не сильно поношенного тела, к которому полиция не проявляет никакого интереса. Как приятно делать людей счастливыми!

— Оставляйтесь в том теле, которое при вас, — сказал Уэйн. — Я стар и не боюсь умереть. Можете добавить еще одно преступление к тому грузу, который лежит на вашей совести, если только она у вас осталась, но вы все равно ничего не добьетесь.

— Послушай, папаша, — процедил Дженсен; глаза у него стали ледяными. — Можешь упрямитесь, сколько душе угодно, меня этим не разжалобишь. В те времена, когда я был идиотом и верил в честный труд, я закончил курсы электриков. Если я рано или поздно не разберусь в твоей машине, тогда меня действительно следует повесить.

— Что вы этим хотите сказать?

— А то, что я украду какого-нибудь ребенка у любящих родителей и попробую на нем: сработает прибор — отлично! Нет — ну что ж, мало ли подопытных кроликов играет в песочек по дворам. Мне могут понадобиться двое, трое, десять ребятишек, но рано или поздно я добьюсь своего. Так что выбирай — твоя жизнь или их?

— Вы не посмеете экспериментировать на детях.

— Не посмею? Папаша, милый, я все посмею. Мне ведь терять нечего. Они не смогут повесить меня десять раз, как им, наверное, хотелось бы. Им не удастся сделать этого ни разу — уж я об этом позабочусь. Но и в бегах прожить всю жизнь я не собираюсь. У меня найдется занятие поинтересней, чем прятаться от легавых. Можешь мне поверить — я на все пойду, чтобы избавиться от шпиков раз и навсегда.

Вперив взгляд в стоящего перед ним человека, Уэйн обдумывал услышанное. Он еще ни разу не пробовал свою машину на человеке, но знал, что она будет работать так, как он предсказал. Он был уверен в том, что определенные условия должны дать заранее предсказанный эффект. Однако при мысли, что ему придется испытать ее, подчинившись воле этого самонадеянного негодяя, мурашки буквально поползли у него по телу. Нужно всту-

пить с ним в спор и попытаться выиграть время — прямой отказ явно не принесет никакой пользы и может стоить жизни десятку невинных людей.

— Я помогу вам в пределах моих возможностей и насколько позволяет мне моя совесть,— произнес он наконец.

— Вот теперь ты дело говоришь,— одобрил его Дженсен. Он выпрямился и с высоты своего роста взирал на связанного человека.— Веди со мной честную игру, и я буду играть честно. Мы оба от этого не останемся в накладе. Но ради бога, не пытайся перехитрить меня.— Он бросил на Уэйна холодный взгляд злодея из дешевой мелодрамы.— Твой автомобиль в гараже. Я его заметил, когда осматривал эту халупу. Мы прихватим машину с собой и отвезем в один укромный уголок. Когда она сделает свое дело и я стану не тем, кем был раньше, я разобью ее, а тебя отпущу.— Так как его слушатель не промолвил ни слова, Дженсен продолжал: — Мне необходим костюм поприличней, эту хламиду я прихватил на какой-то ферме.— Он мерзко хихикнул.— Но чего это я беспокоюсь: я ведь получу не только каркас, но и то, что его прикрывает!

Уэйн по-прежнему не издал ни звука. Сидя на стуле со связанными и прикрученными к коленям кистями рук и спутанными веревкой ногами, он неотступно наблюдал за Дженсеном. Седые волосы старика серебрились в холодном свете ламп.

Между тем Дженсен приблизился к креслу, на спинке которого был укреплен сверкавший полировкой аппарат.

— Напоминает мне кресло, на которое сажают смертников. Янки называют его креслом забвения. Смешно, правда? Что касается меня, то, чтобы не сесть туда самому, я посажу на него сильных мира сего.

Эта шутка показалась ему столь остроумной, что он со смаком повторил ее еще и еще. Затем повернулся к Уэйну.

— Где ты хранишь свои записи?

— В верхнем ящике,— Уэйн кивком головы указал на высокое стальное бюро.

Дженсен подошел к нему и извлек хранившиеся там бумаги. Он тщательно просмотрел все черновики и объяснения: его краткие замечания подсказали Уэйну, что он недооценил техническую подготовку преступника и его удивительную способность мгновенно схватывать

сущность научной теории. Наконец Дженсен засунул бумаги в карман.

— Ну что ж, пошли.

Укромный уголок оказался внушительных размеров строением, прочно сложенным, но пришедшим в упадок за долгие годы полнейшего запустения. Оно очень выгодно располагалось на перекрестке двух дорог, в самом центре когда-то густонаселенного местечка, в котором сейчас почти никто не жил. Люди торопливо проходили мимо мрачного, похожего на мавзолей здания, не удостоив его даже взглядом, и лишь иногда после захода солнца запоздалый путник стучался в дверь.

Домоправительницей в этом запустелом особняке была неряшливая женщина с огромной грудью и смышленными глазами хрюшки, которую обучили правилам арифметики. Уэйн припомнил — когда они два дня назад впервые появились здесь, женщина ничуть не удивилась и с угрюмой покорностью выполняла распоряжения Дженсена. По-видимому, укромное местечко было хорошо известно рыцарям удачи, у которых пользовалось особой популярностью за то, что было совершенно неизвестно полиции. Хрюшка умела держать язык за зубами, она неплохо зарабатывала, хотя и не любила своей профессии и боялась связанного с ней риска.

Стоя в тени у открытого окна с записями Уэйна в руках и внимательно наблюдая за дорогой, Дженсен объявил:

— Кажется, я усек, в чем тут дело. Я не должен вступать в контакт с другими особями, то есть с животными и прочими тварями. Да и какой дурак захочет стать животным? — Он еще раз пробежал записи глазами, затем снова перевел взгляд на дорогу: что-то там его заинтересовало.

— Если я хочу совершить обмен, — продолжал он, — я не должен мешкать, так как энергия начнет рассеиваться сразу же, как только я покину тело.

— Да, — вынужден был подтвердить Уэйн.

— Значит, я не могу перепрыгивать из одного каркаса в другой, для этого нужно каждый раз перезаряжаться заново. Ну что ж, не будем торопиться и подберем модель по вкусу. Уж если выбирать, то высший сорт, не брать же первое попавшееся тело.

— Прошу вас, Дженсен, подумайте хорошенько!

Это опасная игра! Не лучше ли отказаться от нее, пока не поздно?!

— Да заткнись ты, ради бога. Я не откажусь от нее хотя бы только потому, что не собираюсь отказываться от самого себя. Им понадобилось мое тело? Милости просим, берите, раз уж оно мне самому больше ни к чему.

Дженсен снова обратился к запискам.

— Стало быть, от меня требуется одно — сосредоточить всю силу своего взгляда на том красавце, которому посчастливится меня приютить. Как только я вылезаю из своего каркаса, я прыгаю в новый, а его владельца выставляю вон.— Вдруг его поразила какая-то мысль, и он повернулся к Уэйну: — А почему бы ему не воспользоваться моим каркасом?

— Невозможно. Переселиться можно только в живое тело, мертвое для этой цели не годится.

Уэйн не стал объяснять, почему это так, а Дженсен не проявил интереса. Внимание преступника сосредоточилось на одном из участков дороги. Приставив бинокль к глазам, он внимательно изучал какую-то точку вдаль. Поза его выдавала еле сдерживаемое возбуждение. Вдруг он выронил бинокль и бросился к стулу, на котором за несколько минут до этого они укрепили проектор Уэйна.

— Это та самая будка, которая мне нужна! — Он откинулся в кресле, обнажив в ухмылке все свои зубы: — Включай ток, и чтоб у меня без фокусов.

С трудом подавляя отвращение, Уэйн вставил вилку в розетку и повернул выключатель. Выбора у него не было: Дженсен будет оставаться в полном сознании и сохранит способность к действию до того момента, когда его душа покинет тело, после чего сделать что-либо будет слишком поздно. Ничего другого не оставалось, как подчиниться обстоятельствам и молить судьбу, чтобы аппарат не сломался.

Побледнев, с робкой надеждой на неудачу он следил за поведением своего проектора: никаких видимых лучей, никакого излучения, которое бы свидетельствовало, что аппарат находится в действии, — лишь стрелки индикатора упорно ползли вверх. Уэйн знал, что огромная жизненная сила вливается сейчас в напряженное тело зверя, развалившегося в кресле.

Дженсен сидел неподвижно, уставясь на что-то за окном. Взгляд его приобрел почти гипнотическую силу, пальцы рук конвульсивно задвигались. Внезапно лицо его

застыло, словно маска, в глазах погас свет, руки бес-
сильно свесились.

Уэйн мрачно разглядывал бездыханное тело, в душе его надежда боролась со страхом. Он не мог поверить в то, что произошло. Какой-то человек свернул на дорожку, ведущую к дому, поднялся по ступенькам и заколотил в дверь. Хрюшка, прошаркав по коридору, открыла входную дверь и бросила враждебное: „Что надо?“ Послышался гул голосов, затем шаги — кто-то приближался к комнате. Уэйн трясущейся рукой провел по пушистым белым волосам — его отчаянная мольба не была услышана: аппарат сработал. Он выключил его и повернулся к незнакомцу.

Это был человек несколькими годами моложе Дженсена, шире его в плечах, с упрямым подбородком, с быстрыми и легкими движениями. На нем был хорошего покроя костюм, широкополая шляпа и ботинки, сшитые на заказ, излучавшие матовый блеск. Он выглядел человеком, достигшим цели, благодушным, но умеющим постоять за себя в случае нужды.

— Как я вам нравлюсь, папаша? — сказал незнакомец. Он встал в позу и начал медленно поворачиваться вокруг себя, подобно манекенщице, демонстрирующей вечерний туалет.

— Вы... вы... вы — Дженсен?

— Точно, это я — Дженсен, вернее, сэр Генри.

Блаженно улыбаясь, он подошел к креслу, в котором ссутулилась человеческая фигура. Но тут же блаженная улыбка сменилась гримасой ужаса и отвращения.

— У-у-ф! Какой ужас — видеть себя мертвым! Чуть холодный пот не прошиб.

— Вам уже никогда не удастся вернуть себе прежний облик.

— Не имею ни малейшего желания. Когда помотришь на себя со стороны, понимаешь, чего тебе не хватает. Тут явно требовались кое-какие изменения. Вот я и изменился. Нравится?

— Как прошло переселение? — спросил Уэйн, с трудом выдавливая из себя слова.

— Хуже не придумаешь. Все равно что заниматься чем-то, что никому, даже мне, не по плечу. Я как бы рос, становился все больше и больше, сильнее и сильнее. Вдруг что-то лязгнуло, и я очутился в его теле. По-настоящему внутри него. Я почувствовал, что стою на его ногах, смотрю его глазами, слышу его ушами и пытаюсь

захватить его мозг. Он дрался, как одержимый, но в конце концов я его выставил. — Собственный рассказ как бы отрезвил Дженсена. Его даже передернуло. — Он вылетел из своего каркаса с жутким воплем — орал, как мартовский кот.

— Вы убили человеческую душу. И рано или поздно вы ответите за это, пусть это даже будет суд всевышнего. — Он посмотрел на щеголя, который (как ни трудно было в это поверить) оставался Дженсеном. — И я разделяю вашу вину, я ваш сообщник.

— Не морочьте мне голову своими проповедями. Я уже давно вырос. Меня тошнило от них еще тогда, когда я ходил в коротких штанишках. — Он с опаской покосился на тело, которым владел так недавно. — Вы уверены, что я никогда в него не вернусь?

— Конечно. Оно мертво. Труп оживить нельзя. Смена оболочки возможна лишь тогда, когда вы вселяетесь в тело, еще не покинутое своим прежним владельцем. Похоже на подмену водителя в автомобиле, который мчится с большой скоростью — затея опасная, но выполняемая при условии, что руль все время находится в чьих-то руках. Либо один, либо другой — паузы быть не должно.

— Да, так оно и было. Он шатался, как пьяный, пока я его не выставил окончательно. Автомобиль немного заносило — то вправо, то влево, а? — Вдруг он о чем-то задумался. — А сам-то он куда девался?

— Не вы один — весь мир хотел бы знать, куда. Ответ на этот вопрос раскрыл бы загадку жизни.

— Ну ладно, я думаю, одному человеку не под силу знать все на свете — даже такому ученому, как вы.

Дженсен вытащил из заднего кармана брюк плоские золотые часы и с удовольствием поглядел на них:

— Ценная вещица. Не меньше чем в полсотни обошлась, наверно. И бумажник у него — у меня — солидный: полным-полно башлей! Ловко я все обтяпал, правда?

Уэйн промолчал.

— А теперь за дело, — спохватился Дженсен. — Тело свое я припрячу так, чтобы оно само попало на глаза легавым — то-то звону будет! Обрадуются — нашли убийцу толстяка. И подумать только — начну новую жизнь с того, что окажу услугу полиции! — Его внимание переключилось на Уэйна. — Игрушка останется у меня и записи тоже. Вас я выпущу, как только доберусь туда, куда я собираюсь добраться.

— Вы намерены освободить меня?

— А почему бы нет? Я ведь исправился, стал совсем другим человеком, не так ли? Можете болтать, сколько влезет, кто вам поверит? — Он удовлетворенно хохотнул. — Впрочем, даже если и поверят, то что из того? Что они смогут со мной сделать? Можете подробно описать меня, сфотографировать, передать им отпечатки моих пальцев — им все равно меня не взять. Они не будут знать, кем я стану завтра или через неделю.

— Но вы ведь обещали уничтожить проектор?

— Кто, я? Зарезать курицу, несущую золотые яйца? Поищи другого дурака!

Застегнув пиджак, он враскачку прошелся по комнате, стараясь не смотреть на обмякшее тело в кресле.

— Я ведь сейчас могу идти куда мне вздумается, делать что захочется: пусть соберут хоть всех свидетелей на свете, мне наплевать — кто меня может опознать? Да пока эти легаши раскachaются, я уже буду другой. — Он весело хлопнул себя по ляжкам, как если бы в голову ему пришла блестящая идея: — Черт возьми, да я мог бы занять место шефа полиции и руководить погоней за самим собой! Стоит мне захотеть, и я стану королем Сиамы или президентом Соединенных Штатов!

Уэйн буквально похолодел от ужаса, когда осознал, сколько правды таилось в этих хвастливых заявлениях. Перед ним была сила — сила, перед которой оставались беспомощными закон и порядок. Это он, Уэйн, выпустил ее на свободу, на радость и ликование всему преступному миру. О, конечно, Дженсен будет хранить свой секрет про себя, ревниво оберегая его от других нарушителей закона. Но он сам представлял собой угрозу — как индивид, вернее один из бесконечной вереницы неуловимых индивидов.

Десять часов спустя мысль эта по-прежнему не оставляла Уэйна. Он стоял на травянистой обочине давно не езженной дороги, следя за тем, как исчезает вдаль щеголеватая, самоуверенная фигура преступника, мчавшегося навстречу абсолютной, ничем не стесненной свободе. Дженсен мог легко прикончить его — это нисколько бы не обременило его совести, но по каким-то не известным Уэйну причинам он этого не сделал. Быть может, негодяй испытывал злорадное удовольствие при мысли, что власти будут предупреждены о возникновении проблемы, разрешить которую не в их силах. А может, он боялся каких-либо случайных неисправностей в проекторе и ос-

тавил его автору жизнь, чтобы тот смог исправить возможные поломки.

Машина умчалась, подняв облако пыли. Уэйн следил за ней, пока она не скрылась из виду, в ушах его назойливо звучали слова: „Да я мог бы занять место шефа полиции...“ Сутулясь, он зашагал к ближайшей деревне. „Он может занять чье угодно место,— бормотал Уэйн.— Чье угодно“. Он повторял эти слова до тех пор, пока они ему самому не надоели. Тогда он слегка изменил их и пробормотал: „Какое захочет!“ Он уставился на небо, на далекую линию горизонта, он не замечал ни того, ни другого, ибо весь был захвачен новой идеей: „Какое захочет... Господи, это же мысли! Какое захочет!“

За двадцать лет своей бурной жизни вне закона Дженсен с успехом ухитрялся участвовать даже в самых рискованных предприятиях. Единственный промах, который он допустил, было второе убийство, чуть не стоившее ему жизни. Он многому научился от своих братьев по ремеслу, в совершенстве владел тактическими приемами и методами своей профессии и в преступном мире пользовался репутацией человека опытного и ловкого. И эти-то опыт и ловкость были сейчас заключены в молодом теле, которое почти автоматически реагировало на любую криминальную ситуацию.

Шагая по направлению к маленькому провинциальному банку, Дженсен отдавал полный отчет в своих способностях. Эти простаки хранят деньги так, как будто только и ждут, чтобы их прикарманил какой-нибудь грабитель-одиночка. Парочка угрожающих жестов, выстрел-другой в случае необходимости — и дело в шляпе. Проще и не придумать. Особую прелесть предстоящей операции придавали несколько деталей, завершавших представление. На этот раз зрители обойдутся без эффектного зрелища поспешного бегства, головокружительных гонок, в которых полицейская машина буквально висит на хвосте у преступника. Не унижится он и до такого дешевого мелодраматического приема, как черная маска. Он просто войдет, возьмет, выйдет и спрячет. И все.

Что он и сделал. Он появился в холле за двадцать секунд до закрытия, когда там не оставалось ни единого посетителя, и показал кассиру предмет, который небрежно вынул из кармана. Кассир выглянул в окошко и побледнел.

— Будешь молчать — я тебя не трону.

Чтобы слова его скорее дошли до сознания кассира, Дженсен чуть выдвинул вперед дуло револьвера и подумал, удалось ли ему состроить такое свирепое лицо, какое он умел делать раньше.

— Бумажки заверни в пакет, я возьму его с собой. Пошевеливайся и не вздумай подать голос. Если мне понравится ваше обслуживание, я загляну к вам еще разок.

Двигаясь как во сне, кассир поспешно запихивал пачки банкнот в мешок. Общая сумма была невелика. Дженсен и не рассчитывал, что в этой крохотной конторе с двумя служащими его ждет большая добыча. Но ведь деньги как бы сами лезут в руки и помогут ему продержаться, пока он не подготовится к более крупным и дерзким набегам. Пятясь, он подошел к двери, ведущей в кабинет директора, и ударом ноги распахнул ее. Достойный глава банка полез в бутылку, но, увидев направленное на него дуло пистолета, проявил сообразительность, закрыл рот и поднял руки.

Две минуты спустя Дженсен покинул здание банка, тщательно притворив за собой входную дверь. Двое мужчин были заперты в директорском кабинете, но он даже не потрудился их связать. Воспользоваться телефоном им не удастся — об этом он позаботился. Чтобы выбраться наружу, им потребуется не менее пяти минут, а этого времени ему с лихвой хватит. Не спеша он сел в машину, включил среднюю скорость и через две минуты спокойно запер награбленное в багажнике другого автомобиля, который и доставил его домой, в однокомнатную квартиру. Там он уселся перед окном и стал ждать. Шлем проектора покоился у него на голове, до ручки переключателя дотянуться было нетрудно. Все его внимание, однако, сосредоточилось на окне, выходившем на улицу. Когда он протянул руку к переключателю, полицейская погоня только началась.

Он тщательно спрятал проектор. В конце концов это было важнее всего. Драгоценный прибор требовал особого ухода. Его нужно было сохранить, чего бы это ни стоило. Он не мог потерять его, лишиться возможности им пользоваться. Ни за что, ни за какие деньги! Если бы ему когда-нибудь пришлось выбирать между аппаратом и добычей, он не задумываясь послал бы добычу к черту.

Рассуждая подобным образом, он небрежной походкой фланировал по улице, укрывшись за новым, несколько более скромным „фасадом“: руки засунуты в карман грубых, домашнего изготовления брюк, топорные башмаки цокают по тротуару стальными подковками, губы выпячены — вот-вот засвистит. Смешное ощущение: счастья и ужаса одновременно. Вот он здесь — вне досягаемости, но в ушах еще стоит предсмертный кошачий вопль.

Кучка возбужденных прохожих столпилась на перекрестке, извергают словесное стаккато: „Да, конечно, я помню... ничего подобного раньше не было... всегда говорил, когда-нибудь они... наглость-то какая, просто вошел и взял, сколько было, а кассир... давно пора принять меры... был бы я там, я б в него чернильницей запустил“.

— В чем дело, друзья? — спросил Дженсен, проявляя деревенское простодушие.

— Банк очистили,— сообщила расхлябанная личность.— Ты малость опоздал. Грабитель был один. Успел смыться. Сколько он взял, еще неизвестно, но, думаю, кругленькую сумму.

— А! — Дженсен уставился на парня с выражением, которое, он надеялся, являло собой смесь деревенской хитрости и простоты. Он почесал затылок, надвинул на лоб кепку и слегка нагнулся к уху парня.

— В двух кварталах отсюда, у часовни, стоит зеленый фургон.

— Ну и что?

— Он все утро простоял у банка — я видел. За рулем сидел тип, знаешь, из тех, кому палец в рот не клади. Может, он и заметил что-нибудь, что пригодится полиции. Неплохо бы разыскать его и расспросить — он, возможно, еще ничего не слышал о налете.

— Вот это было бы классно,— воскликнул парень, в душе которого пробудилось желание поиграть в частного детектива. Он глянул на стоящих вокруг зевак. Те одобрительно закивали головами.

— Ты пойдешь? — спросил он Дженсена.

— Нет, тороплюсь на автобус. Да ты его не спутаешь — зеленый фургон, стоит позади часовни.

Он лениво зашагал прочь. Пройдя сотню ярдов, он оглянулся — никого из толпы не было видно, все отправилось на розыски фургона. Представить себе, как развернутся дальнейшие события, было нетрудно. Они най-

дут фургон и сообщает об этом полицейским. Те наведут справки, узнают адрес его хозяйки и спросят у нее, где ее постоялец. Она проведет их наверх, в однокомнатную квартиру. И там-то они обнаружат труп грабителя. Директор банка и кассир без труда опознают его. Полиция обыщет квартиру, перевернет вверх дном весь дом, вытрясет душу из хозяйки, но деньги все равно не найдет.

Ухмыляясь, он вернулся ко второму автомобилю и сел за руль. На заднем сиденье машины уютно уместился тщательно запакованный проектор. Никому и в голову не придет связать ограбление с этой машиной, так что ему не о чем беспокоиться.

Да, это было идеальное ограбление. Загадка, не поддающаяся расшифровке. И ничто не мешает ему повторить его снова, и снова, и снова. Закон и порядок могут гоняться за ним до скончания века: им все равно не найти разгадки.

Досадно только, что он не знает, в чьем каркасе он очутился на этот раз. Ведь какова бы ни была его новая телесная оболочка, он по-прежнему оставался Дженсеном, с его, Дженсена, сознанием и с его памятью. Изгнанная личность оставляла новому владельцу свой мозг, но не его содержание. Память, по-видимому, являлась не материальной записью на сером веществе, а своеобразной духовной производной. Ученым этот факт показался бы весьма интересным.

Он проверил содержимое своих карманов в поисках каких-либо бумаг, позволивших бы ему определить, кем он стал на этот раз. Впрочем, он знал, что так или иначе раздобудет сведения о себе, и не позже чем заведет мотор, чтобы отправиться в места новой охоты.

— Эй, Сэм, где ты раздобыл этот лимузин?

Голос, прозвучавший совсем рядом, заставил его вздрогнуть и поднять голову. Из окна соседнего дома на него взидала флегматичная лошадиная физиономия. Челюсти ее владельца ритмично двигались, пережевывая жевательную резинку. Физиономия с тупым любопытством ждала ответа.

Итак, он был Сэм имярек. Мысль Дженсена работала стремительно. Если он отзовется, он непременно рано или поздно запутается. Отрицать все — вот самый безопасный выход из положения.

Его новое лицо не отличалось подвижностью, но Дженсен сделал все возможное, чтобы растянуть его в

приличествующей случаю гримасе, прежде чем повернуться en face в сторону своего собеседника:

— Лимузин мой, да я не Сэм.

— Что-о-о? — Лошадиная челюсть отвалилась, обнажив розовые десны. — Ты не Сэм?

— Именно это я и хотел сказать. Ты ошибся, приятель. Я был бы рад познакомиться с этим Сэмом. По видимому, мы с ним двойники — ты, кажется, десятый, принявший меня за него.

— Да уж, режьте меня на куски, но вы — точная его копия.

— Ничья я не копия, а уж что касается точности...

И, не dokonчив фразы, Дженсен включил мотор и укатил, оставив лошадиную физиономию в состоянии полнейшего отупения.

В этой игре с тедями была одна неприятная сторона: ты мог нарваться на популярную личность, а это всегда чревато неприятностями. В дальнейшем следует выбирать свои жертвы с такой же осторожностью, как и поле своей деятельности, решил Дженсен. Чужаки — вот кто ему нужен. Люди, появившиеся в этих местах недавно. Никому не известные приезжие. Иностранцы. Впредь ему следует быть более осмотрительным.

Чтение газет всегда доставляло Дженсену удовольствие. Ему нравился налет таинственности, которым газетные писакы украшали описания нашумевших преступлений. Вот и сейчас — уж как они расписали его шестое по счету похождение! Если верить газетчикам, тип, совершивший последнее ограбление банка, пользовался репутацией чуть ли не святого с ангельски чистым прошлым. И вот он был обнаружен мертвым, награбленное же добро бесследно исчезло.

Оставалось загадкой, как человек с безупречной репутацией решился на такое преступление, почему он оказался мертвым и куда девалась его добыча. „Ха“, — хмыкнул Дженсен, пробегая глазами печатные столбцы. Кое-каким из этих писак нельзя было отказать в смекалке. Автор одной заметки, скрывшийся за инициалами А. К. Д., связал-таки это преступление с предыдущим. Он сопоставил некоторые общие черты: ограбление банка с применением одной и той же техники, грабитель — лицо безупречного поведения, которое вскоре оказывается мертвым, а похищенные суммы при этом бесследно

исчезают. В заключение, однако, репортер обратил внимание читателей на тревожный факт — официально санкционированное уничтожение крупного урожая индийской конопли, из которой добывают гашиш, туманно намекнув при этом на тайное распространение наркотика в уважаемых кругах общества.

— Смех, да и только! — пробормотал Дженсен одобрительно.

И вдруг он увидел объявление — несколько слов, помещенных в отделе частных объявлений и для большей убедительности обведенных рамкой.

„Х. М. Дж. Свяжитесь со мной. Готов откупить прибор за наличные. Выгодные условия. Уэйн“.

Дженсен задумался. Похоже на западню, в которой Уэйн играет роль приманки. С другой стороны, здесь говорилось о деньгах — наличными. А что если на самом деле приготовили кругленькую сумму? Уж он сумеет извернуться — захватит деньги и обойдет ловушку. На что даны человеку мозги, если он не в состоянии пошевелить ими хорошенько?

Он поехал в город и позвонил из автомата.

— Это я. Не хочу, чтобы меня засекли, поэтому выкладывай побыстрее.

— Послушайте,— раздался торопливый старческий голос Уэйна,— я нашел иностранца, который полагает, что мой аппарат может быть полезен его стране. Он готов купить его.

— А почему бы тебе не построить еще один такой же?

— На это уйдет не меньше двух лет, а он не даст денег, пока не увидит машину. Времени на размышление у меня немного. Дженсен, мой клиент молод и чрезвычайно богат...

— Я подумаю,— буркнул Дженсен и повесил трубку, не дав Уэйну закончить фразу.

Сутки спустя он решил пойти на сделку. Ему она сулила только выгоду. Тело, в котором он пребывал в настоящее время, для закона не представляло никакого интереса. Благодаря предыдущим операциям он собрал немалую толику денег, но был не прочь сорвать куш и с Уэйна, не расставаясь с проектором, конечно. У него на этот счет сложился недурной план — идея первый сорт!

Он позвонил из другого города:

— Я готов принять предложение — все зависит от условий, — заявил он.

Уэйн спросил:

— Сколько вы хотите?

— А на сколько раскошелится ваш набоб?

— Не знаю. Он готов заплатить крупную сумму, но не пойдет на вымогательство. Если вы согласны продать прибор, назовите цифру. С чего-то ведь придется начинать.

Уверенность Уэйна в высокой покупательной способности иностранца подогрела любопытство Дженсена.

— Что он за тип, хотел бы я знать?

Хотя Уэйн и пытался казаться спокойным, в его голосе слышались нотки возбуждения.

— Он из Европы. Ему около тридцати, и он очень, очень, очень богат. Он обручен с самой красивой девушкой сезона, которая, насколько мне известно, сама далеко не нищая. Вы понимаете, что на этой стадии переговоров я не могу открыть вам его имя, но смею заверить, что у него больше денег, чем у кого-нибудь из тех, с кем мне приходилось иметь дело прежде.

— Хорошо. Я сам с ним переговорю.

— Но...

— И никаких фокусов, — предупредил он жестко. — Я вешаю трубку. Мы и так слишком долго разговаривали. Я позвоню тебе еще раз. Позаботься о встрече. И передай ему, что цифра будет умопомрачительной.

Когда он повесил трубку, рот его растянула широкая ухмылка. Иностранец, купающийся в деньгах и собирающийся жениться на светской львице. Вот будет здорово!

Все складывалось как нельзя лучше. Узкая улочка — не шире пятидесяти ярдов — отделяла его комнату на третьем этаже от апартаментов иностранца, находившегося на том же уровне. Глядя в окно, Дженсен мог следить за тем, что происходило напротив.

Конечно, ему могли подстроить какую-нибудь хитроумную западню, но он любую хитрость превратит в жестокий фарс. Рассказ Уэйна о богатом иностранце мог оказаться блефом, но, с другой стороны, он мог быть и правдой. Так или иначе он, Дженсен, ничего не терял, зато в случае удачи...

Что касается его, риск был невелик: либо он переселится в мускулистый каркас ловкого детектива, при-

готовившегося убить его, как только он войдет в комнату, либо приобретет благородный облик иностранца, у которого денег — куры не клюют.

Да, уж этот Дженсен явно не дурак. Те, у кого варит котелок, не попадают в лапы правосудия. У него хватило соображения догадаться, что Уэйн способен подстроить ему ловушку. Старик ведь может попытаться выманить Дженсена из тела, а потом подсунуть ему куклу или даже труп, зная, что без телесной оболочки сила Дженсена улетучивается, как пар. Мудрец знает, как опасно недооценивать своего противника. Он же, Дженсен, — сама мудрость!

В мощный бинокль он изучал окна напротив. Тип, находившийся в глубине комнаты, был жив — живет некуда, тут уж сомневаться не приходилось. Ему не сиделось на месте, и время от времени он выглядывал из своего окна, бросая осторожные взгляды вниз, на улицу. Дженсен мог без труда разглядеть его лицо и фигуру.

Будущая жертва довольно точно отвечала описанию Уэйна — около тридцати, плотный, одет чуть-чуть вызывающе. И во всем его облике было нечто вызывающее, а бриллиант на среднем пальце левой руки просто слепил глаза. Его гладко зализанные волосы и грубоватое лицо показались Дженсену знакомыми — наверно, он видел того типа на фотографии, скорее всего на глянцевиной странице популярного журнала, об руку с потрясной дамочкой, а на переднем плане — только что подстреленный тигр.

Как бы то ни было, наружность этого человека пришлось Дженсену по вкусу. В выборе очередного тела, как и в выборе нового пальто, чем ты придирчивее, тем лучше. Предлагаемая модель отличалась прочностью и модной линией покроя, к тому же ничего не стоила! А Дженсен был не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню.

Интересно, есть ли у его жертвы какой-нибудь высокомерный дворецкий, который умеет произносить: „Да, милорд“, „Нет, милорд“, „Конечно, милорд“? Он, Дженсен, предпочел бы, чтобы такой дворецкий существовал. Ах, да, придется отучиваться от некоторых неблагоприятных привычек, научиться произносить „нет“ вместо „не“. Но игра стоит свеч!

Красавчик опять появился у окна, бросив подозрительный взгляд на автомобиль, стоявший у тротуара.

Затем он повернулся и сказал несколько слов кому-то, кто скрывался в глубине комнаты.

Дженсен бросил не менее подозрительный взгляд вниз и вдруг обнаружил легкую фигуру седовласого Уэйна. Достойный джентльмен торопливо направился к дому, сохраняя свой обычный сосредоточенный вид. Не оглянувшись, не проявив ни малейших признаков беспокойства или неуверенности, Уэйн вошел в дверь, ведущую в апартаменты иностранца, который по-прежнему не спускал глаз с автомобиля внизу.

Пора! Бросившись к креслу, Дженсен тяжело плюхнулся в него и включил проектор. Многократные повторения придали его движениям уверенность и автоматизм, что, однако, не лишило его ощущения важности происходящего. В аппарате с его таинственным шлемом по-прежнему было что-то зловещее, напоминавшее о том, что всем радостям на свете рано или поздно приходит конец.

Живительная сила начала вливаться в преступника. Он пожирал глазами человека, находившегося за окном противоположной комнаты. Дженсену удалось внести некоторые усовершенствования в детище Уэйна. Садясь в кресло, он слегка откидывался назад, так чтобы покинутое им тело, поникнув, надавило на кнопку и выключило проектор. Отлично придумано — вполне в стиле Дженсена! Он очень гордился собой.

Тридцать секунд — и он был свободен. И мгновенно очутился на другой стороне улицы, в другой комнате, в другом теле — чудовищная трансформация совершилась с обычной стремительностью.

Ощущение небывалого триумфа, сознание сокрушительности своей силы пронизало его „я“, когда оно вступило в смертельную схватку с душой противника, упорно цеплявшегося за свою телесную оболочку. Жертва оказалась крепким орешком. Она сопротивлялась с такой яростью, злобой и беспощадностью, как ни одна другая душа, с которой Дженсену приходилось иметь дело. Чтобы сохранить свой каркас при себе, этот красавчик сражался с жестокостью и упорством доисторических ящеров.

На протяжении почти целой минуты сопротивляющееся тело пьяно вихлялось из стороны в сторону, дергалось и даже раз упало на пол, извиваясь в конвульсиях и как бы пытаясь изрыгнуть что-то, затем поднялось и в изнеможении опустилось на стул.

Физические силы почти оставили Дженсена, хотя душевная мощь его оставалась неизменной. Он понимал, что без помощи проектора ему бы ни за что не удалось сломить тигриную волю противника. Но вот он снова вышел победителем из схватки и снова услышал шипение, с которым гасла искра жизни, обращаясь в ничто.

Капли пота выступили у него на лбу, он прислонился к спинке стула, из горла его вырвались какие-то странные, похожие на всхлипывание звуки. Ноги казались ватными. Это было тяжелое, мучительное сражение, и он его выиграл. Ай да Дженсен!

Когда дверь в комнату отворилась и на пороге появился Уэйн, его встретила широкая ухмылка Дженсена.

— Жаль, жаль, — невозмутимо произнес Уэйн.

— Чего это вы разжалобились?

— Вы оставили свой револьвер в комнате напротив.

— О каком это револьвере вы говорите?

— О том, который принадлежал Дженсену.

— Значит, вы догадались?

Дженсен уселся на кончике стола. Он был счастлив. Он чувствовал себя прекрасно. В отличной форме — вот как это называется. Полон энергии и уверенности в себе!

— У вас, конечно, котелок варит, ничего не скажешь. Вы многое могли предвидеть. Но вот всех возможностей своей машины даже вы учесть не смогли, и вы поверили, что я продам ее, а?

Он загоготал и мгновение озадаченно прислушивался к хриплым, вульгарным звукам своего нового голоса. Но тут же рассмеялся снова.

— Дурак бы я был, если б добровольно отдал вам отмычку к дверям в бессмертие.

Стоя в дверном проеме, Уэйн сказал:

— Да, да, бессмертие. Нет такой суммы, за которую бы его можно было купить. — Он провел рукой по своим редющим волосам. — Мой прибор великолепен. У меня нет причин его стыдиться. Единственный недостаток этого прибора в том, что он опередил свое время. Человечество еще не готово к тому, чтобы принять его.

Усталые глаза ученого встретились с наглым взглядом Дженсена.

— Я решил его уничтожить.

— Черта с два ты это сделаешь! — Дженсен повелительно взмахнул рукой. — Да не торчи ты тут, как кук-

ла! Входи! Я сгораю от нетерпения узнать, какая же я теперь важная шишка.

— Ах, да, конечно,— мягко согласился Уэйн.

Он вошел в комнату. Четыре высоких, широкоплечих, спортивного вида человека последовали за ним.

— Вы,— очень важная шишка, и вас зовут Энрико Рапалли.

В мозгу Дженсена вспыхнул дьявольский фотомонтаж — кровавая галерея жертв неслыханных по жестокости преступлений. Большинство из них были совершены в то время, когда он, Дженсен, находился в тюрьме, и ему только раз привелось увидеть лицо короля гангстеров. Ничего удивительного, что это лицо показалось ему знакомым. И совсем уже не удивительно, что душа этого человека с таким звериным упорством сражалась за свое тело.

— Я отправился в полицию и все рассказал,— продолжал Уэйн.— Выяснилось, что они засекли Рапалли и готовились его схватить. Им понравился мой план — они согласились повременить с арестом убийцы, используя его в качестве приманки. В течение долгих десяти дней мое объявление появлялось во всех газетах, пока вы на него не клюнули. Я назначил вам свидание в логове Рапалли. Мы устроили так, что квартира напротив оказалась свободной. Как только вы сняли ее и перенесли туда проектор, я понял, что на этот раз вам не уйти.— Он снова откинул волосы со лба. У него было очень усталое лицо.— А теперь я уничтожу свой прибор.

— Пошли, Рапалли,— резко бросил один из пришедших с Уэйном мужчин. Он положил свою огромную лапу на плечо Дженсена.

— Я не Рапалли! — завизжал Дженсен.— Я... Я...

— А кто же ты тогда? — Кривая усмешка как бы приклеилась к губам вошедшего.— У тебя лицо Рапалли, его тело, отпечатки его пальцев, а ведь закону ничего больше и не требуется.

— Будьте вы прокляты! — завопил Дженсен, когда наручники защелкнулись на его запястьях.

В бешенстве, с налитыми кровью глазами он следил за направившимся к двери Уэйном, с губ его слетала грубая брань. Уэйн обернулся, посмотрел на него с чисто академическим интересом и промолвил мягко:

— Рапалли, мне вас искренне жаль. Без сомнения, вы получите то, что заслужили. Это очень печально, конечно, если считать, что смерть — полнейшее уничтоже-

ние, — он сделал небольшую паузу, затем продолжал: — Но если это не так, если вашей душе предстоит встретиться с теми, кто ее давно поджидает, мне страшно подумать, что с вами будет.

Эл Стоу

Нет, они, конечно, ничего зря не делают. Может быть, тому, кто не знает, кое-какие их штучки и разные там правила покажутся довольно странными. Так ведь водить ракету в космосе — это вам не в корыте через пруд плавать!

Вот, например, этот их трюк со смешанными командами — если подумать, вполне разумная вещь. На всех полетах за земную орбиту — к Марсу, к поясу астероидов и дальше — к машинам и на прокладку курса ставят белых с Земли, потому что это они изобрели космические корабли, больше всех о них знают и как никто другой умеют с ними управляться. Зато все судовые врачи — негры, потому что по какой-то, никому не известной причине у негров никогда не бывает космической болезни или тошноты от невесомости. А все бригады для наружных ремонтных работ комплектуются из марсиан, потому что они на этом собаку съели, потребляют очень мало воздуха и почти не боятся космической радиации.

Такие же смешанные команды работают и на рейсах в сторону Солнца, например до Венеры. Только там всегда есть еще и запасной пилот — здоровенный малый вроде Эла Стоу. И это тоже не зря. С него-то все и началось. Я, наверное, никогда его не забуду — он так и стоит перед глазами. Какой был парень!

В тот день, когда он появился впервые, я как раз дежурил у трапа. Наш космолет назывался „Маргарет-Сити“ — это был новехонький грузо-пассажирский корабль, приписанный к порту на Венере, от которого он и получил свое название. Стоит ли говорить, что ни один из космонавтов не называл его иначе, как „Маргаритка“...

Мы стояли на колорадском космодроме, что к северу от Денвера, с полным грузом на борту — оборудование для производства часов, научная аппаратура, сельскохозяйственные машины, станки и инструменты для Маргарет-Сити да еще ящик радиовых игл для венерианского института рака. Еще было восемь пассажиров, все — аг-

рономы. Мы уже стояли на стартовой площадке и минут через сорок ждали сирены к отлету, когда появился Эл Стоу.

Ростом он был почти два метра, весил сто двадцать килограммов, а двигалась эта махина с легкостью танцовщицы. На это стоило посмотреть. Он поднялся по дюралевому трапу небрежно, как турист в автобус, помахивая мешком из сыромятной кожи, где вполне поместилась бы его кровать и пара шкафов в придачу.

Поднявшись, он заметил эмблему у меня на фуражке и сказал:

— Привет, сержант. Я новый запасной пилот. Должен явиться к капитану Мак-Нолти.

Я знал, что мы ждем нового запасного пилота. Джефф Деркин получил повышение и перевелся на шикарную марсианскую игрушечку „Прометей“. Значит, это его преемник! Он землянин, это ясно, но только он был и не белый, и не негр. Его лицо, неглупое, но маловыразительное, было обтянуто старой, хорошо продубленной кожей. А глаза его так и горели. С первого взгляда было видно, что это личность необычная.

— Добро пожаловать, крошка,— сказал я. Руку я ему не подал, потому что она мне еще могла пригодиться.— Открой свою сумку и поставь в стерилизационную. Шкипер в носовом отсеке.

— Спасибо,— сказал он без всякого намека на улыбку и шагнул в шлюз, взмахнув своим кожаным вместительным.

— Взлет через сорок минут,— предупредил я.

Больше я Стоу не видел до тех пор, пока мы не отмахали двести тысяч миль и Земля не превратилась в зеленватый полумесяц позади нашего газового хвоста. Только тогда я услышал в коридоре его голос — он спрашивал, где найти каптерку. Ему показали на мою дверь.

— Сержант,— сказал он, протягивая свое предписание,— я пришел за барахлом.

Он оперся на барьер, раздался скрип, и барьер прогнулся посередине.

— Эй! — заорал я.

— Прошу прощения!

Он выпрямился. Барьер чувствовал себя куда устойчивее, когда Стоу стоял отдельно от него.

Я проштемпелевал его предписание, зашел на ору-

жейный склад и взял для него лучевой пистолет с обоймой. Самые большие болотные лыжи для Венеры, какие я мог найти, были ему размеров на семь малы и на метр коротки, но ничего лучшего не было. Он получил еще банку универсального смазочного масла, жестянку графита, батарейку для микроволнового радифона и, наконец, пачку таблеток с надписью: „Дар Корпорации ароматических трав с Планеты бракосочетаний“.

Он сунул мне душистые таблетки со словами:

— Это возьми себе — меня от них тошнит.

Все остальное он не моргнув глазом собрал в охапку. Я в жизни не встречал такой невыразительной физиономии.

И все-таки, когда он увидел скафандры, у него на лице появилось что-то вроде задумчивости. На стене висели, как слинявшие шкуры, тридцать земных скафандров и шесть шлемов с наплечниками для марсиан: им больше одной десятой атмосферы не требуется. Для Стоу не было ничего подходящего. Я не мог бы ничего ему подобрать, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Это было все равно, что пытаться засунуть слона в консервную банку.

Он повернулся и легкими шагами потопал к себе — вы понимаете, что я хочу сказать? Он с такой легкостью владел своими тоннами, что я подумал: если ему вдруг вздумается побуйствовать, хорошо бы оказаться где-нибудь подальше. Не то чтобы я заметил в нем такую склонность — нет, он был настроен вполне дружелюбно, хотя и немного загадочно. Но меня поражала его спокойная уверенность в себе, его быстрые и бесшумные движения. Бесшумные — наверное, потому, что ботинки у него были подбиты дюймовым слоем губки.

„Маргаритка“ не торопясь ползла себе в пустоте, а я все не спускал глаз с Эла Стоу. Да, мне было любопытно, что он за человек, потому что я таких еще не встречал, а мне всякие попадались. Он был по-прежнему необщителен, но всегда вежлив, дело свое делал аккуратно, быстро и вообще вполне удовлетворительно. Мак-Нолти он очень понравился, а наш капитан никогда не был склонен сразу лезть к новичкам целоваться.

На третий день Эл потряс марсиан. Все знают, что эти пучеглазые, почти не дышащие проныры с десятью щупальцами уже больше двух столетий как присосались

к титулу чемпионов Солнечной системы по шахматам. Никто из жителей других планет не мог их положить на лопатки. Они были просто помешаны на шахматах — сколько раз я видел, как они, собравшись кучкой, перебивались всеми цветами радуги от волнения, когда кто-нибудь после тридцати минут глубокого раздумья делал ход пешкой.

Как-то раз, сменившись с вахты, Эл все восемь часов отдыха просидел при одной десятой атмосферы в правом шлюзе. В переговорном устройстве долгие паузы сменялись дикими воплями и пронзительным чириканьем, как будто эти осьминоги там вместе с ним спятили. Когда дело подошло к концу, наши ремонтники были еле живы. Кажется, Эл согласился сыграть с Кли Янгом и загнал его в пат, а Кли на последнем чемпионате Солнечной системы занял шестое место и проиграл всего десять партий — и уж, конечно, только своим братьям-марсианам.

После этого ребята с красной планеты от него не отставали. Стоило ему смениться с вахты, как они его хватали и тащили в шлюз. На одиннадцатый день он сыграл с шестерыми сразу, две партии проиграл, три свел вничью и одну выиграл. Они решили, что он — какой-то феномен (по сравнению с жителями Земли, конечно). Зная их, я тоже так решил. И Мак-Нолти тоже. Тот даже в бортовой журнал занес этот результат.

Вы, наверное, помните, какой шум подняла аудиопресса в 2270 году по поводу „мужества мудрого Мак-Нолти“? Ну как же, ведь это стало космической легендой. Потом, когда мы благополучно вернулись, Мак-Нолти долго отрешивался от всей этой славы и рассказывал, кому она должна принадлежать на самом деле. Но репортеры, как всегда, нашли себе оправдание. Капитаном-то был Мак-Нолти, сказали они. А потом у него очень подходящая фамилия — получается аллитерация. Похоже, что существует целая секта журналистов, которых хлебом не корми, только дай им аллитерацию.

А весь этот шум поднялся из-за обыкновенного летающего обломка — из-за него я даже поседел. Кусок железоникелевого метеорита, летевший себе не спеша мимо с обычной космической скоростью — вз-з-з-з! Орбита его лежала в плоскости эклиптики и пересекала наш курс под прямым углом.

Ну и наделал же он бед! Никогда я не думал, что маленький камешек может такое натворить. До сих пор

у меня в ушах стоит свист воздуха, который вырывается наружу через эту рваную дыру.

Мы успели потерять порядочно воздуха, прежде чем автоматические двери закупорили аварийный отсек. Давление упало уже до шести десятых атмосферы, когда компрессоры остановили его падение и начали понемногу поднимать. Марсианам-то это было нипочем: для них и шесть десятых — все равно что дышать густыми помоями.

В том закупоренном отсеке остался один механик. Другой спасся — он едва успел проскочить, когда дверь уже закрывалась. Но тот, думали мы, вытянул бумажку с крестиком. Скоро мы выбросим его через шлюз, как и многих его товарищей, которым довелось вот так закончить свой срок службы.

Парень, который успел выскочить, стоял, прислонившись к переборке, белый, как мел, когда появился Стоу. Челюсть у него так и ходила ходуном, а глаза светились, как лампы, но голос оставался спокойным.

— Выйди отсюда и закрой двери, — сказал он, отодвигая в сторону спасшегося механика. — Я его вытащу. Когда постучу, откройте и скорее впустите меня.

Мы задраили за собой герметическую дверь. Что он там делал, мы не видели, но индикаторная лампочка показала, что он отключил автоматику и открыл дверь в аварийный отсек. Через десять секунд лампочка погасла — та дверь снова была закрыта. Раздался сильный, торопливый стук. Мы открыли, и к нам в отсек ввалился Эл, держа в охапке бесчувственное тело механика. Он тащил его, как котенка, и с такой скоростью понесся по коридору, что мы испугались, как бы он с разгону не прошиб носовую броню.

Тем временем мы обнаружили, что наше дело дрянь. Отказали ракетные двигатели. Трубки Вентури были в порядке, и камеры сгорания тоже остались целы. Инжекторы работали великолепно — если качать топливо вручную. Горючего мы не потеряли ни капли, и корпус был невредим, если не считать этой рваной дыры. Но система управления зажиганием и впуском топлива вышла из строя — она находилась как раз в том отсеке, куда попал метеорит, и превратилась в кучу железного лома.

Это было очень серьезно. Больше того, все были убеждены, что нам грозит неминуемая гибель. Я не сомневаюсь, что и Мак-Нолти пришел к этому мрачному выводу, хотя в своем официальном рапорте он назвал это лишь

„затруднением“. Это очень на него похоже. Удивительно, как он не написал, что мы были „слегка озадачены“.

Так или иначе, тут выскочили марсиане: в первый раз за шесть рейсов им предстояла настоящая работа. Давление уже поднялось до нормы, и им пришлось потерпеть, пока они не влезли в свои шлемы с наплечниками. Кли Янг покрутил носом, недовольно помахал щупальцем и пропищал: „Плывать можно!“ Это такая любимая марсианская шутка: всякий раз, когда давление им не по вкусу, они машут щупальцами, как будто плывут, и говорят: „Тут плавать можно“. Только когда Кли Янг нацепил свою одежду и спустил в ней давление до привычной ему одной десятой, ему стало полегче.

Нужно отдать марсианам должное — они работали на совесть. Они могут удержаться на самом гладком полированном льду и вкалывать по двенадцать часов на таком кислородном пайке, которого человеку с Земли не хватило бы и на девяносто минут. Я видел, как они выбрались через шлюз наружу, выпучив глаза под своими перевернутыми аквариумами и таща кабели питания, плиты для ремонта обшивки и сварочные аппараты. За иллюминаторами занялось голубое сияние — это они принялись резать, ровнять и залатывать ту рваную дыру.

Все это время мы продолжали пулей лететь к Солнцу. Если бы не авария, мы бы скоро развернулись и часа через четыре дошли до орбиты Венеры. Там мы дали бы ей себя догнать и, не спеша притормозив, спокойно пошли бы на посадку. Но когда в нас врезался этот крохотный метеорит, мы все еще держали курс прямо на самую жаркую печку во всей Солнечной системе. И теперь мы продолжали к ней лететь, а скорость все росла под действием притяжения Солнца. Я вообще-то и сам собирался написать в своем завещании, чтобы меня кремировали, но не так скоро!

В носовой рубке Эл Стоу непрерывно совещался с капитаном Мак-Нолти и двумя астровычислителями. Снаружи по корпусу продолжали ползать марсиане, озаряемые вспышками мертвенно-голубых огней. Механики, конечно, не дождались, когда ремонт будет окончен, — они надели скафандры, отправились в аварийный отсек и принялись творить там порядок из хаоса.

Все они были чем-то заняты, и мы, остальные, им завидовали. Даже в безнадежном положении гораздо легче, если можешь что-то делать. А бить баклуши в то время, когда другие работают, — мало приятное занятие.

Два марсианина вошли через шлюз, взяли несколько плит обшивки и снова выползли наружу. Один из них прихватил еще и карманные шахматы, но я их тут же отобрал. Потом я решил наведаться к нашему негру — врачу Сэму Хигнету.

Сэм буквально вытащил механика из могилы. Помог кислород и массаж сердца. Это могли сделать только длинные, ловкие пальцы Сэма. Кое-кому такое удавалось и раньше, но не часто.

Сэм как будто не знал, что произошло, да и не проявил к этому никакого интереса. Он всегда такой, когда у него на руках больной. Он ловко затянул разрез на груди механика серебряными скрепками, разрисовал ему все тело йодированным пластиком и охладил липкую массу, обрызгав ее эфиром, чтобы она застыла.

— Сэм, ты чудо! — сказал я.

— Это Элу спасибо, — ответил он. — Эл доставил его сюда вовремя.

— Нечего сваливать вину на другого, — пошутил я.

— Сержант, — сказал он серьезно, — я врач. Я делаю, что могу. Я не мог бы спасти этого человека, если бы Эл не доставил его ко мне вовремя.

— Ладно, ладно, — согласился я. — Пусть будет так.

Сэм — хороший парень. Но он, как и все врачи, немного помешан на этике. Я оставил его возиться с больным, который уже начал ровно дышать.

На обратном пути я встретил Мак-Нолти — он проверял топливные цистерны. Он взялся за дело сам, а это что-то да значило. Лицо у него было озабоченное, а это значило очень многое. Это значило, что мне можно не тратить время на составление завещания, потому что его никто никогда не прочтет.

Я смотрел, как его осанистая фигура скрылась в носовой рубке, и слышал, как он сказал: „Эл, наверное, тебе...“ А потом дверь закрылась и стало тихо.

Похоже было, что он возлагает на Эла немалые надежды. Что ж, Эл был как будто на многое способен. Теперь, когда мы сломя голову летели в тартарары, шкипер и этот молчаливый запасной пилот держались как закадычные приятели.

Один из агрономов выскочил из своей каюты. Я хотел было скрыться в каптерке, но не успел. Он уставился на меня широко раскрытыми глазами и сказал:

— Сержант, там, в моем иллюминаторе, виден полумесяц!

Он стоял, выпучив глаза на меня, а я выпучил глаза на него. Если нам видна половинка Венеры, значит, мы пересекаем ее орбиту. Он тоже все знал — это было написано у него на физиономии.

— Так на сколько же времени нас задержит это несчастье? — настойчиво продолжал он.

— Не представляю,— ответил я вполне искренне и почесал в затылке, стараясь выглядеть одновременно бодрым и туповатым.— Капитан Мак-Нолти делает все, что возможно. Доверьтесь ему. Папаша все может!

— Вы не думаете, что нам... э-э-э... грозит опасность?

— О, конечно, нет!

— Врете,— сказал он.

— Знаю,— ответил я.

Это его обезоружило. Недовольный и озабоченный, он вернулся в каюту. Скоро он увидит Венеру в фазе три четверти и расскажет об этом всем остальным. И тогда нам придется жарко. Мы попадем в пекло.

Последние остатки надежды испарились примерно тогда же, когда дикий рев и сильная тряска возвестили нам, что умолкнувшие было ракетные двигатели снова заработали. Шум продолжался лишь несколько секунд, а потом двигатели отключили: было уже ясно, что с ними все в порядке.

Услышав шум, агроном выскочил из каюты, как ошпаренный. Теперь он знал самое худшее. За три дня, прошедшие с тех пор, как Венера предстала перед нами в виде полумесяца, все уже узнали о нашем положении. Венера осталась далеко позади, и сейчас мы пересекали орбиту Меркурия. Но пассажиры все еще надеялись, что кто-нибудь совершит чудо. Ворвавшись в каптерку, агроном сказал:

— Двигатели снова работают. Значит...

— Ничего это не значит,— сказал я. Не стоило пробуждать напрасные надежды.

— Но разве мы не можем развернуться и полететь обратно?

Он вытер пот, стекавший по его щекам. Это было не от испуга: просто температура внутри корабля уже мало чем напоминала Арктику.

— Сэр,— ответил я,— мы теперь несемся с такой скоростью, что уже ничего нельзя сделать.

— Эх, пропала моя ферма,— с горечью проворчал он.— Пять тысяч акров наилучшей земли для выращивания венерианского табака, не считая пастбищ.

— Сочувствую, но с этим все кончено.

„Трррах!“ — снова заработали ракеты. Меня швырнуло назад, а его скрючило, как будто от боли в животе. Там, в носовой рубке, кто-то — или Мак-Нолти, или Эл Стоу — время от времени запускал двигатели. Никакого смысла в этом я не видел.

— Это зачем? — спросил агроном, разогнувшись.

— Да просто так, ребята балуются,— ответил я.

Сопя от возмущения, он пошел к себе. Типичный эмигрант с Земли — сильный, здоровый и мужественный,— он был не столько встревожен, сколько раздражен.

Полчаса спустя по всему кораблю зажужжал сигнал общего сбора. Это был стояночный сигнал, в полете им никогда не пользовались — по этому сигналу вся команда и все, кто находился на корабле, должны были собраться в рубке. Предстояло что-то небывалое в истории космических полетов — может быть, прощальное слово Мак-Нолти?

Я так и думал, что во время этого последнего обряда председательствовать будет шкипер, и не удивился, увидев его стоящим на небольшом возвышении в углу рубки. Его пухлые губы скорчились в гримасу, но когда вползли марсиане и кто-то из них изобразил, будто увёртывается от акулы, гримаса превратилась в некое подобие улыбки. Эл Стоу, который стоял вытянувшись около капитана с ничего не выражающим, как обычно, лицом, посмотрел на этого марсианина, словно сквозь стекло, а потом лениво перевел свои странно светящиеся глаза куда-то в сторону, будто в жизни не видал ничего более нудного. И то сказать, эта шутка с плаванием нам порядком приелась.

— Люди и ведрас,— начал Мак-Нолти („ведрас“ по-марсиански означает „взрослые“ — еще одна марсианская шуточка),— я не вижу смысла распространяться о том своеобразном положении, в котором мы находимся.

Вот умел человек выбирать слова! „Своеобразное положение“!

— Мы уже находимся ближе к Солнцу, чем любой корабль за всю историю космических полетов...

— Комических полетов,— с бестактной усмешкой пробормотал Кли Янг.

— Шутки шутить будете позже,— заметил Эл Стоу таким ледяным тоном, что Кли Янг притих. Лицо капитана снова исказила гримаса.

— Мы движемся к Солнцу,— продолжал он,— быстрее, чем когда-либо двигался любой космический корабль. Грубо говоря, у нас примерно один шанс из десяти тысяч.

Он бросил на Кли Янга вызывающий взгляд, но тот совсем затаих.

— Тем не менее такой шанс существует, и мы попытаемся им воспользоваться.

Мы устали на него, не понимая, что он такое придумал. Каждый из нас знал, что развернуться, миновав Солнце, абсолютно невозможно, так же как и повернуть назад, преодолевая его могучее притяжение. Оставалось только нестись вперед и вперед — до тех пор, пока последняя ослепительная вспышка не рассеет по всей округе молекулы, из которых мы состоим.

— Мы предлагаем пройти по кометной орбите,— продолжал Мак-Нолти.— Мы с Элом, и вот астровычислители тоже,— мы считаем, что ничтожная вероятность удачи существует.

Все стало ясно. Это теоретическая штука, которую часто обсуждают математики и астронавигаторы и еще чаще используют в своих рассказах писатели. Но на этот раз все было взаправду. Соль здесь вот в чем: выжать из двигателей все, что можно, набрать огромную скорость и выйти на вытянутую орбиту, как у кометы. Теоретически корабль при этом может проскочить мимо Солнца так быстро, что, как маятник, вылетит далеко на другой конец орбиты. Очень мило, но сможем ли мы это сделать?

— Расчеты показывают, что при нашем нынешнем положении есть небольшой шанс на успех,— сказал Мак-Нолти.— Мощность двигателей достаточная, и горючего хватит, чтобы набрать нужную скорость, взять нужный курс и достаточно долго идти с этой скоростью. Единственное, в чем я серьезно сомневаюсь,— это сможем ли мы выдержать момент максимального приближения к Солнцу.

Он вытер пот, как будто бессознательно подчеркивая трудность предстоявшего нам испытания.

— Будем называть вещи своими именами — нам придется чертовски жарко!

— Мы готовы, капитан,— сказал кто-то, и в рубке по-

слышались возгласы одобрения. Кли Янг встал, взмахнул одновременно четырьмя щупальцами, прося слова, и про-
чирикал:

— Это идея! Это прекрасно! Я, Кли Янг, от имени своих сопланетников ее поддерживаю. Вероятно, мы все заберемся в холодильник, пока будем пролетать мимо Солнца?

Мак-Нолти кивнул и сказал:

— Все будут находиться в охлаждаемом отсеке и терпеть, сколько можно.

— Вот именно, — сказал Кли. — Конечно. Но мы не можем управлять кораблем, сидя в холодильнике, как сорок порций клубничного мороженого. Кто-то должен быть и в носовой рубке. Чтобы корабль шел по курсу, нужен человек — пока он не изжарится. Так что кому-то придется выступить в роли жаркого.

Он взмахнул щупальцем, упиваясь своим красно-речием.

— И поскольку нельзя отрицать, что мы, марсиане, значительно легче переносим повышение температуры, я предлагаю...

— Чепуха! — сказал Мак-Нолти. Но его резкий тон никого не обманул. Марсиане — немножко зануды, но до чего прекрасные ребята!

— Ну, хорошо, — недовольно чирикнул Кли, — а кто же тогда будет котлетой?

— Может быть, я. А может, и нет, — сказал Эл Стоу. Он произнес это как-то странно — как будто он был такой явный кандидат, что только слепой мог этого не видеть.

А ведь он был прав! Он как раз подходил для этого дела. Если кто и мог бы вынести тот жар, который будет вливаться через носовые иллюминаторы, так это был Эл. Он был силен и вынослив. Он мог многое, чего не мог никто из нас. И, в конце концов, он числился запасным пилотом.

Но мне все равно было не по себе. Я представил себе, как он сидит там, впереди, один-одинешенек, и от того, сколько он продержится, зависит наша жизнь, а огненное Солнце протягивает свои пламенеющие пальцы...

— Ты?! — воскликнул Кли, сердито уставив выпуклые глаза на две молчаливые фигуры, громоздившиеся на возвышении. — Ну конечно! Только я собрался поставить тебе мат в четыре хода, как ты придумал этот фокус, чтобы убежать от меня.

— В шесть, — равнодушно возразил Эл. — Меньше чем в шесть ходов у тебя ничего не получится.

— В четыре! — завопил Кли. — И в такой момент ты...

Мак-Нолти не выдержал. Он побагровел, как будто его вот-вот хватит удар, и повернулся к размахивавшему щупальцами Кли.

— Пропадите вы пропадом с вашими проклятыми шахматами! — заревел он. — Все по местам! Приготовиться к разгону! Я дам сигнал общей тревоги, когда нужно будет укрыться, и тогда вы все должны перейти в холодильник.

Он огляделся. Краска понемногу сходила с его лица.

— Все, кроме Эла.

Когда ракеты дали полный ход, все стало совсем как раньше. Двигатели протяжно ревели, и мы неслись вперед, волоча за собой хвост грома. Внутри корабля становилось все жарче и жарче — влага сверкала на металлических стенах и текла у каждого по спине. Каково было в носовой рубке, я не знал, да и не хотел знать. Марсиане пока чувствовали себя прекрасно — вот когда можно было позавидовать их нелепому устройству!

Я не считал времени, но прошло две вахты и один перерыв на отдых, прежде чем прозвучал сигнал общей тревоги. К этому времени на корабле стало совсем плохо. Я не просто потел — я медленно таял и стекал в собственные ботинки.

Сэм, конечно, переносил все это легче, чем другие жители Земли, и держался до тех пор, пока его больному не перестала грозить опасность. Повезло этому механику! Мы сразу же уложили его в холодильник, куда то и дело наведывался Сэм.

Остальные забрались сюда, когда прозвучал сигнал. Это был не просто холодильник, а самый прочный и самый прохладный отсек корабля — бронированное помещение с тройной защитой, где хранились инструменты и находился лазарет на две палаты с просторной гостиной для пассажиров. Все мы поместились там с большими удобствами.

Все, кроме марсиан. Поместиться-то они тоже поместились, но без особых удобств. Им всегда не по себе при нормальном давлении — им при этом не только душно, но еще и воняет, как будто они дышат патокой, отдающей козлиным запахом. Кли Янг на наших глазах достал склянку с духами и протянул ее своему полуродителю

Кли Моргу. Тот взял склянку, с отвращением поглядел на нас и демонстративно понюхал самым оскорбительным образом. Но никто на это не отреагировал.

Тут были все, кроме Мак-Нолти и Эла Стоу. Шкипер явился через два часа. В рубке, видать, было нелегко — выглядел он ужасно. Изможденное лицо блестело от пота, когда-то пухлые щеки ввалились и были покрыты ожогами. Его обычно нарядная, хорошо сидевшая форма висела на нем, как на вешалке. С первого взгляда можно было сказать, что он жарился там, сколько мог выдержать.

Пошатываясь, он прошел мимо нас, завернул в кабинку для оказания первой помощи и медленно, с трудом разделся. Сэм растер его с головы до ног мазью от ожогов — мы слышали, как шкипер хрипло стонал, когда Сэм особенно старался.

Жар становился невыносимым. Он заполнял все помещение, жег каждый мускул моего тела. Несколько механиков скинули ботинки и куртки. Скоро их примеру последовали и пассажиры, избавившись от большей части одежды. Мой агроном с несчастным видом сидел в плавках, горюя о своих несбывшихся планах.

Выйдя из кабинки, Мак-Нолти рухнул на койку и сказал:

— Если через четыре часа мы еще будем целы, все обойдется.

В этот момент двигатели заглохли. Мы сразу поняли, в чем дело. Опорожнилась одна топливная цистерна, а реле, которое должно было переключить двигатели на другую, не сработало. На такой случай в машинном отделении должен был бы сидеть дежурный механик, но от жары и волнения никто об этом не подумал.

Мы не успели опомниться, как Кли Янг подскочил к двери, к которой он был ближе всех. Он исчез, прежде чем мы сообразили, что произошло. Через двадцать секунд двигатели снова заревели.

У самого моего уха свистнула переговорная трубка — последние два дня радиофоны не действовали из-за солнечных помех. Я вынул свисток и прохрипел:

— Да?

Из рубки донесся голос Эла.

— Кто это сделал?

— Кли Янг, — сказал я. — Он все еще там.

— Наверное... пошел за шлемами, — догадался Эл. — Передайте ему... от меня спасибо!

— Как там у тебя? — спросил я.

— Печет,— ответил он.— Плохо... с глазами.— Он помолчал.— Наверное, выдержу... как-нибудь. Пристегнитесь... когда я свистну.

— Зачем? — прохрипел я.

— Хочу... раскрутить ее. Жар равномернее распределится...

И вот я услышал, как он заткнул свой конец трубки. Я тоже всунул свисток на место и передал остальным, чтобы они пристегнулись и ждали сигнала Эла. Только марсианам можно было не беспокоиться: у них хватало первоклассных присосков, чтобы удержаться даже на метеорите.

Вернулся Кли. Эл оказался прав: он тащил шлемы для своих ребят. Температура была такая, что даже Кли ослабел и еле управлялся со своим грузом.

Марсиане обрадовались, надели шлемы, загерметизировали швы и тут же спустили в них давление до двух десятых. Они сразу повеселели. Чудно было видеть, как они надевают скафандры не для того, чтобы, как мы, хранить воздух, а чтобы от него избавиться...

Только они успели одеться и вытащить шахматную доску, как прозвучал свисток. Мы вцепились в ремни, а марсиане присосались к полу и стенам. „Маргаритка“ начала медленно вращаться вокруг продольной оси. Шахматные фигуры поползли по полу, потом по стене и по потолку: солнечное притяжение, конечно, удерживало их на той стороне, которая была обращена к Солнцу. Я увидел сквозь шлем сердитое, распаренное лицо Кли, который мрачно уставился на порхавшего вокруг него черного слона. Наверное, в шлеме раздавались самые смачные марсианские выражения.

— Осталось три с половиной часа,— прохрипел Мак-Нолти.

Четыре часа, о которых говорил нам шкипер, означали два часа приближения к Солнцу и два часа удаления от него. Поэтому, когда нам осталось два часа, мы были ближе всего к этой раскаленной печи. Это был момент наибольшей опасности.

Я этого момента не помню — я потерял сознание за двадцать минут до него и пришел в себя через полтора часа после. О том, что происходило за это время, я могу только догадываться, но стараюсь об этом думать как можно меньше. Солнце, пылавшее жаром свирепо, как

глаз разъяренного тигра; корона, протянувшая свои языки к крохотному кораблю с полумертвыми существами, и в самом носу корабля, за совершенно бесполезными кварцевыми стеклами, одинокий Эл глядит и глядит на приближающийся ад...

Я, шатаясь, поднялся и тут же свалился, как мешок тряпья. Корабль больше не вращался, а неся вперед, как обычно, и упал я просто от слабости. Чувствовал я себя препаршиво.

Марсиане уже пришли в себя — я знал, что они очнутся первыми. Один из них поставил меня на ноги и держал, пока я не начал хоть чуть-чуть владеть своими конечностями. Я заметил, что другой марсианин распростерся поверх лежавших без сознания Мак-Нолти и трех пассажиров. Он закрывал их своим телом от жара. И довольно успешно, потому что они очнулись вслед за ним.

С трудом добравшись до переговорной трубки, я вытащил затычку и дунул. Но сил у меня было так мало, что свистка не получилось. Только зря потратил воздух, а мне его и так не хватало. Целых три минуты я стоял, цепляясь за трубку, потом собрался с силами, еле расправил грудь и дунул изо всех сил. На другом конце послышался свисток. Но Эл не отвечал.

Я свистнул еще несколько раз, но ответа не было. От частого дыхания у меня закружилась голова, и я опять свалился. В корабле жара была еще страшная; я чувствовал, что высох, как мумия, которая миллион лет пролежала в пустыне.

Дверь открылась, и Кли Янг медленно, с трудом выполз наружу. На нем все еще был шлем. Через пять минут он вернулся и сказал через диафрагму шлема:

— Не добрался до носовой рубки. Трап на полпути горячее печки, и воздуха там нет.

Я вопросительно уставился на него, и он объяснил:

— Автоматические двери задраены. В носовой рубке вакуум.

Это означало, что сдали иллюминаторы. Иначе воздух не мог выйти из рубки. Запасные стекла у нас были, и вставить иллюминаторы ничего не стоило. Но пока что мы летели вперед — может быть, правильным курсом, а может быть, и нет — с пустой, лишенной воздуха рубкой, в которой царил только зловещая тишина.

Мы сидели и понемногу приходили в себя. Последним очнулся пострадавший механик. Сэм все-таки выходил его. И только тогда Мак-Нолти заорал:

— Четыре часа прошли! Мы прорвались!

Слабыми голосами мы крикнули „ура!“ Ей-ей, в какую от этой новости сразу стало градусов на десять прохладнее! Радость придала нам силы — не прошло и минуты, как мы не чувствовали и следов слабости и рвались в бой. Но только еще четыре часа спустя бригада механиков в скафандрах пронесла в крохотный лазарет Сэма тяжелое тело из рубки.

— Как дела, Эл? — спросил я.

Он, наверное, услышал, потому что шевельнул пальцами правой руки и, прежде чем дверь за ними закрылась, издал скрежещущий, хриплый звук. Потом два механика прошли в его каюту, принесли огромный кожаный мешок и снова заперлись в лазарете, оставив нас с марсианами снаружи. Кли Янг шатался взад и вперед по коридору, как будто не знал, что делать со своими щупальцами.

Час спустя из лазарета вышел Сэм, и мы бросились к нему.

— Как Эл?

— Слеп, как крот, — сказал он, покачивая головой. — И лишился голоса. Ему пришлось ужасно тяжело.

Так вот почему он не отвечал, когда я его вызывал к трубке!.. Я посмотрел Сэму прямо в глаза.

— Сэм, ты можешь... ты можешь ему как-нибудь помочь?

— Если б я мог! — Его черное лицо было очень выразительным. — Ты знаешь, сержант, как бы я хотел привести его в порядок, но я не могу. — Он бессильно развел руками. — Это превышает мои скромные возможности. Может быть, когда мы вернемся на Землю...

Его голос прервался, и он снова ушел в лазарет.

— Мне грустно, — в отчаянии сказал Кли.

Тот вечер, когда нас пригласили в нью-йоркский астроклуб, я никогда в жизни не забуду. Тогда этот клуб был — да и сейчас еще остается — самым избранным обществом, какое только можно себе представить. Чтобы вступить в него, космонавт должен совершить что-то подобное чуду. Тогда в клубе насчитывалось всего девять членов, да и сейчас их только двенадцать.

Председателем клуба был Мейс Уолдрон — знаменитый пилот, который спас тот марсианский лайнер в 2263 году. Весь расфранченный, он стоял во главе стола, а рядом с ним сидел Эл Стоу. На другом конце стола сидел

Мак-Нолти — с его веселой физиономии не сходила довольная усмешка. А рядом со шкипером находился старый, седой Кнут Иоханнсен — гений, который изобрел систему „Л“, известную каждому космонавту.

Остальные гостевые места за столом занимала вся смущенная команда „Маргаритки“, включая марсиан, плюс трое пассажиров, которые решили ради такого случая отложить свой отлет. Было еще несколько аудиорепортеров со своими камерами и микрофонами.

— Джентльмены и ведрас, — произнес Мейс, — это беспрецедентное событие в истории человечества и нашего клуба. Может быть, именно поэтому я считаю для себя особой честью внести предложение — принять в члены клуба запасного пилота Эла Стоу, который этого в высшей степени достоин.

— Поддерживаем! — крикнули одновременно три других члена клуба.

— Благодарю вас, джентльмены.

Он вопросительно поднял бровь. Восемь рук взметнулись над столом.

— Принято единогласно!

Взглянув на Эла Стоу, который молча сидел рядом, Мейс начал превозносить его до небес. Он все говорил и говорил, а Эл все сидел с безразличным видом.

Я видел, как довольная улыбка на лице Мак-Нолти становится все шире и шире. Старый Кнут смотрел на Эла с почти нелепой отеческой нежностью. Команда не сводила глаз с героя, и все камеры были направлены прямо на него.

Я тоже посмотрел в ту сторону. Он сидел, его починенные глаза сияли, но лицо его было неподвижно, несмотря на все эти пышные слова и всеобщее внимание, на взгляды Иоханнсена, полные отцовской гордости.

Но прошло минут десять, и я заметил, что и ему наконец стало не по себе. И если кто-нибудь вам скажет, что робот системы Л-100-У — просто бесчувственная машина, — плюньте ему в глаза!

Свидетельствую

Еще никогда ни один суд не привлекал столь пристального внимания мировой общественности. Шесть телекамер медленно поворачивались вслед за торжест-

венно шествующими к своим местам юридическими светилами в красных и черных мантиях. Десять микрофонов доносили до обоих полушарий Земли скрип ботинок и шелест бумаг. Двести репортеров и специальных корреспондентов заполнили балкон, отданный целиком в их распоряжение. Сорок представителей ЮНЕСКО взирали через зал суда на вдвое большее число ничего не выражающих, натянутых физиономий дипломатов и государственных чиновников.

Отказались от традиций. Процедура не имела ничего общего с обычной — это был особый процесс по совершенно особому делу. Вся техника была приспособлена к тому, чтобы соответствовать совершенно необычному, ни на что не похожему обвиняемому. И высокие титулы судей подчеркивались театральной пышностью обстановки.

На этом процессе не было присяжных, зато было пять судей. И миллиард граждан, которые следили за процессом дома у телевизоров и готовы были обеспечить справедливую игру. Вопрос о том, что же считать «справедливой игрой», заключал в себе столько вариантов, сколько невидимых зрителей следило за спектаклем, и большинство этих вариантов диктовалось не разумом, а чувствами. Ничтожное меньшинство зрителей ратовало за сохранение жизни обвиняемому, большинство же страстно желало ему смерти; были и колеблющиеся, согласные на изгнание его — каждый в соответствии со своим впечатлением от этого дела, вынесенным в результате длительной фанатичной агитации, предшествовавшей процессу.

Члены суда неуверенно, как люди слишком старые и мудрые, чтобы выступать у рампы перед публикой, заняли свои места. Наступила тишина, нарушаемая только боем больших часов, расположенных над судьями. Было десять часов утра 17 мая 1987 года. Микрофоны разнесли бой часов по всему миру. Телекамеры передали изображения судей, часов и, наконец, того, что было в центре внимания всего человечества: существа на скамье подсудимых.

Шесть месяцев прошло с того дня, как это существо стало сенсацией века, точкой, на которой сфокусировалось ничтожное количество безумных надежд и гораздо больше — безумных страхов человечества. Потом оно так часто появлялось на экранах телевизоров, на страницах журналов и газет, что чувство удивления прошло, а надежды и страхи остались. Постепенно его начали

воспринимать как нечто карикатурное, дали ему презрительное прозвище Кактус; одни стали к нему относиться как к безнадежно уродливому глупцу, другие — как к коварному эмиссару еще более коварной иноземной цивилизации. Таким образом, близкое знакомство породило презрение, но не настолько сильное, чтобы убить страх.

Его звали Мэт; оно прибыло с одной из планет системы Прочиона. Около метра в высоту, ярко-зеленое, с ножками-подушечками, ручками-обрубками, снабженное отростками и ресничками, все это существо было в колючках и выступях и выглядело как взрослый кактус.

Только у него были глаза, большие золотистые глаза, которые наивно смотрели на людей в ожидании милосердия, потому что существо это никогда никому не причиняло зла. Жаба, просто грустившая жаба с драгоценными камнями на голове.

Секретарь в черной мантии напыщенно провозгласил:
— Заседание специальной коллегии суда, созванной под эгидой юриспруденции Соединенных Штатов Америки, объявляю открытым! Внимание!

Тот судья, что сидел в центре, посмотрел на коллег, поправил очки, кинул хмурый взгляд на „жабу“, или „кактус“, или как его еще назвать.

— Мэт с Прочиона, нам известно, что вы не способны ни слышать, ни произносить слова, но можете телепатически понимать нас и отвечать в письменной форме.

Телекамеры тут же показали, как Мэт повернулся к доске, установленной за скамьей подсудимых, и написал мелом одно слово: „Да“.

Судья продолжал:

— Вы обвиняетесь в том, что незаконно попали в мир под названием Земля, точнее — страну, называемую Соединенными Штатами Америки. Признаете ли вы себя виновным?

Большими белыми буквами Мэт вывел на доске: „А как еще можно сюда попасть?“

Судья нахмурился:

— Будьте добры отвечать на мои вопросы.

— Не виновен.

— Вам предоставлен защитник. Есть ли у вас возражения против его кандидатуры?

— Благословен будь, миротворец.

Немногие восприняли это как остроу. Большинство решило, что это сам дьявол цитирует Библию.

Судья вздохнул, протер стекла очков и откинулся на спинку кресла.

Расправив мантию на плечах, встал прокурор. Это был высокий, длиннолицый человек с пронзительным взглядом маленьких глаз.

— Первый свидетель!

Из зала вышел тщедушный человечек, неловко присел на стул свидетелей, беспокойно перебирая пальцами.

— Ваше имя?

— Сэмуэл Нолл.

— Ваша ферма расположена близ Денвила?

— Да, сэр. Я...

— Не называйте меня „сэр“. Только отвечайте на вопросы. Это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Ваша честь, я протестую! — поднялся с места адвокат, человек чрезвычайно полный и краснолицый, по-видимому сангвиник. — Мой клиент — юридическое лицо, а не какое-то там существо. Поэтому его следует называть „обвиняемым“.

— Протест отклоняется! — отрезал судья в центре. — Продолжайте, мистер прокурор.

— Итак, это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Да, — ответил Сэмуэл Нолл, с гордостью глядя в объективы телекамер. — Оно свалилось как снег на голову и...

— Отвечайте только на вопросы. Посадка сопровождалась серьезными разрушениями?

— Да.

— Что пострадало?

— Два сарая и большая часть урожая. Убытков на три тысячи долларов.

— Существо проявило при этом какие-либо признаки раскаяния?

— Никаких. — Нолл сердито оглядел зал. — Вело себя как ни в чем не бывало.

Прокурор сел, насмешливо улыбнувшись своему толстому противнику.

— Передаю свидетеля защите, — сказал он.

Адвокат встал, благожелательно посмотрел на Нолла и спросил:

— Скажите, ваши сараи — это восьмиугольные башни с жалюзи в стенах и барометрически управляемыми крышами?

Нолл вскинул брови и тихо ахнул:

— Чего?

— Ну, хорошо. Оставим это, ответьте мне на такой вопрос: ваш урожай, по-видимому, состоял из фузлинов и двухцветных меркинсов?

— Это был ячмень, зрелый ячмень,— в отчаянии произнес Нолл.

— Бог мой! Ячмень — надо же! А вам знакомы фузлины и меркинсы? Вы бы их узнали, если бы увидели?

— Пожалуй что нет,— неохотно признался Нолл.

— Разрешите заметить, что вам просто недостает умственных способностей,— резко заключил адвокат.— И я бесконечно сожалею об этом, поверьте мне. Вы видите по моему лицу, как это меня огорчает?

— Не вижу,— ответил Нолл, чувствуя, как его трон перед телекамерами превращается в ложе, утыканное гвоздями.

— Другими словами, вы не увидели бы и раскаяния, будь оно написано на моем лице?

— Протестую! — загремел прокурор, заливаясь краской.— Нельзя сознательно заставлять свидетеля...

Он остановился, заметив, что его соперник опустил на стул. Поспешно взяв себя в руки, прокурор проворчал:

— Следующего свидетеля!

Свидетель номер два был крупный, крепкий, весь в синем мужчина. Держался он уверенно, как человек, давно знакомый с судами и скучными судебными процедурами.

— Имя?

— Джозеф Хиггинсон.

— Вы офицер полиции города Денвила?

— Так точно.

— Это вас вызвал на свою ферму первый свидетель?

— Меня.

Прокурор улыбался, задавая следующий вопрос, в полной уверенности, что теперь-то он целиком овладел событиями.

— Увидев случившееся, вы постарались разобраться в причинах, не так ли?

— Да, конечно.

Мистер Хиггинсон обернулся и бросил сердитый взгляд в умоляющие золотистые глаза обвиняемого.

— И что тогда случилось?

— Оно парализовало меня одним взглядом.

Вмешался судья слева:

— Вы, кажется, выздоровели. Насколько глубоко был паралич и сколько времени он продолжался?

— Парализовало меня всего, ваша честь, но часа через два это прошло.

— И за это время, — спросил прокурор, — иноземный преступник успел удрать?

— Да, — мрачно ответил свидетель.

— Резюмируем: существо игнорировало офицера полиции, находившегося при исполнении служебных обязанностей, напало на него и избежало ареста, так?

— Да, — охотно согласился Хиггинсон.

— Передаю свидетеля защите.

Прокурор сел, чрезвычайно довольный собой.

Поднялся адвокат, засунул пальцы за край жилета и с обезоруживающим дружелюбием обратился к Хиггинсону:

— Вы всегда сумеете распознать при встрече своего коллегу полицейского?

— Конечно.

— Очень хорошо. Среди публики в зале сидит полицейский. Будьте добры, покажите его господам судьям.

Хиггинсон внимательно осмотрел немногих присутствующих, которые здесь, в зале суда, представляли куда более обширную аудиторию телезрителей. Телекамеры следовали за его взглядом по рядам зрителей. Судьи, корреспонденты, репортеры, государственные чиновники — все смотрели туда же.

— Он, наверное, в гражданском, — заявил Хиггинсон, сдаваясь.

Судья в центре поспешил вмешаться:

— Вряд ли суд признает доказательством вашей правоты неспособность свидетеля узнать полицейского, одетого в штатское.

— Конечно, ваша честь, — согласился адвокат.

На его круглом лице отражалось крушение надежд, что порадовало сердце его наблюдательного противника. Тогда, удовлетворенный тем, что прокурор вознесся на должную высоту, он вдруг просиял и шмякнул его на самое дно:

— Но вышеупомянутый полицейский одет по всей форме.

Прокурор изменился в лице, будто надел новую маску. Хиггинсон чуть не вывихнул шею, делая новую попытку разглядеть полицейского среди зрителей.

— Зеленовато-коричневая форма с красными лампа-

сами,— подсказал адвокат.— Это маршал, начальник корпуса военной полиции.

— Вы мне этого не говорили,— обиженно заметил Хиггинсон.

— А вы тогда, на ферме, сказали обвиняемому, что вы офицер полиции?

Свидетель покраснел, открыл рот, закрыл его, умоляюще посмотрел на прокурора.

— Отвечайте на вопрос,— потребовал судья.

— Нет, я ему этого не говорил.

— Почему?

Вытирая платком лоб, Хиггинсон вдруг сказал охрипшим голосом:

— Не считал нужным: по-моему, это было и так видно. А как по-вашему?

— Задавать вопросы буду я, вы же будете отвечать на них. Что, по вашему мнению, маршал военной полиции „и так виден“?

— Протестую! — замахал руками прокурор.— Мнение — это еще не доказательство.

— Поддерживаю протест! — провозгласил судья в центре. Он посмотрел на адвоката поверх очков.— Суд принимает во внимание тот факт, что обвиняемый любую информацию способен получать телепатически и поэтому свидетель не должен был представляться ему вслух. Продолжайте допрос свидетеля.

Адвокат снова обратился к Хиггинсону:

— Опишите, пожалуйста, во всех подробностях ваше поведение в тот момент, когда вас парализовало.

— Я тогда прицеливался.

— Собирались стрелять?

— Да.

— В обвиняемого?

— Да.

— Это входит в ваши привычки — сначала стрелять, а потом задавать вопросы?

— Привычки свидетеля не относятся к делу,— заявил судья в центре. Он взглянул на Хиггинсона: — Вы можете не отвечать на поставленный вопрос.

Офицер Хиггинсон, удовлетворенно ослабившись, игнорировал вопрос адвоката.

— С какого расстояния вы собирались стрелять? — продолжал допрос адвокат.

— С пятидесяти или шестидесяти ярдов.

— Так далеко? Вы хороший стрелок?

Хиггинсон осторожно кивнул, правда, без всякого чувства гордости. „Определенно этот толстяк — не такой уж простачок“, — подумал он.

— В котором часу вы рассчитываете попасть домой на ужин?

Захваченный врасплох этим неожиданным маневром атакующего, свидетель от изумления открыл рот и произнес:

— К полуночи, наверное.

— Ваша жена будет рада узнать об этом. Если бы не радио и телевидение, разве вы могли бы передать ей это, передать словами?

— Не стану же я орать так, чтоб было слышно в Денвиле, — съехидничал Хиггинсон.

— Конечно, не станете. Человеческий голос без помощи радио и телевидения не может преодолеть такое расстояние. — Адвокат потер подбородок, подумал немного и вдруг воскликнул: — А телепатически «орать» на расстояние пятидесяти или шестидесяти ярдов вы станете?

Ответа не последовало.

— Или ваши телепатические способности превосходят способности обвиняемого, который сообщил мне, что у него они ограничены расстоянием в двадцать пять—тридцать ярдов?

Хиггинсон прищурился, но не ответил ничего.

— Вы и сами не знаете своих способностей?

— Не знаю.

— Жаль! — отрезал адвокат и, покачав головой, сел.

Третий свидетель — темная личность оливкового цвета — мрачно разглядывал свои ботинки, пока прокурор не начал допроса.

— Ваше имя?

— Доминик Лолордо.

Он произнес это тихим голосом, будто хотел, чтобы телезрители не только не видели его, но и не слышали.

— Вы — директор рыбного ресторана?

— Да.

— Вы узнаете это существо на скамье подсудимых? Лолордо скосил глаза.

— Да.

— При каких обстоятельствах вы видели его в последний раз?

— У меня в забегаловке, после закрытия.

— Оно ворвалось в помещение перед самым закатом,

и вы проснулись в тот момент, когда оно приступило к грабежу, не так ли?

— Верно.

— Вы не попытались схватить его?

Лолордо состроил гримасу.

— Это его-то? Схватить? Да посмотрите на него!

— Но ведь если бы вы увидели, что вас грабят, наружность вора вас бы не остановила? — многозначительно заметил прокурор. — Тут, конечно, было что-то еще?

— Оно влезло в окно, — сказал Лолордо уже громче прежнего. — Прямо в окно, проделало в нем дыру, повторившую его собственные очертания. И ушло точно тем же путем — просто еще одна такая же дыра в окне. И ни разбитого стекла, ни осколков — ничего. Что бы вы на моем месте стали делать с зеленым кошмаром, который лезет в окно так, как будто там нет никакого стекла?

— Когда существо проявило свои сверхъестественные способности, вы бросились за помощью?

— А вы как думали?!

— Но помощь пришла слишком поздно? Когда бессовестного грабителя и след простыл?

— Да.

Прокурор жестом дал понять, что кончил, и к допросу приступил адвокат.

— Вы утверждаете, что вас ограбили. Что у вас украли?

— Так, пустяки.

— Это не ответ.

— Разве? — Лолордо зевнул с нарочитым безразличием.

Судья в центре, грозно нахмурившись, наклонился вперед.

— Вы что, хотите схватить срок за неуважение к суду?

— Он украл немного лобстеров и устриц, — неохотно, но поспешно ответил Лолордо.

— Другими словами, плотную еду, а? — спросил адвокат.

— Ну, если хотите...

— Вы не подумали, что обвиняемый был безумно голоден?

— Еще чего не хватало — думать! Я только взглянул на него — и давай бог ноги.

— Так что, если даже обвиняемый успел прочитать ваши мысли о том, что он совершил преступление, у него уже все равно не оставалось времени на извинения или на возмещение причиненных вам убытков?

Ответа не последовало.

— А уж мысли-то вы излучали предельно враждебные?

— Да, конечно, в любви ему не объяснялся,— заметил свидетель.

Адвокат обратился к судьям:

— Свидетель не заслуживает доверия. Дальнейший допрос считаю нецелесообразным.

Судьи посовещались, и тот, что в центре, холодно объявил о решении:

— Содержать под стражей в помещении суда до вынесения приговора.

Лолордо потопал прочь, бросая по сторонам злобные взгляды.

— Четвертый свидетель!

Трибуну занял энергичный человек среднего возраста — такими в кино представляют солидных президентов банков или знаменитых судей. И, по всей вероятности, с любой из этих ролей он бы великолепно справился.

— Ваше имя?

— Уинтроп Аллен.

— Профессор зоологии, не так ли? — спросил прокурор.

— Совершенно верно.

— Вы узнаете это существо?

— Как не узнать? Несколько месяцев я находился с ним в тесном контакте.

Сделав нетерпеливый жест, прокурор спросил:

— При каких обстоятельствах вы впервые столкнулись с ним?

На такой вопрос, очевидно, можно было бы не отвечать: весь мир знал эти „обстоятельства“. О них толковали вкривь и вкось, сопровождая рассказы всякими прикрасами.

Тем не менее Аллен ответил:

— Оно появилось в зоопарке через два часа после закрытия. Как оно туда попало, я не знаю.

— Оно всюду совало свой нос, высматривая все, что можно высмотреть, все наматывая на ус?

Аллен заметил с сомнением:

— Что тут можно сказать...

— Осматривало оно все вокруг или нет?

— Конечно, ему многое удалось увидеть в зоопарке, прежде чем служители обнаружили его, но...

— Пожалуйста, отвечайте без выкрутас, профессор Аллен,— жестко заметил прокурор.— Продолжим: благодаря невероятному фурору, произведенному прибытием на Землю этого существа, и последующим событиями вашим служащим нетрудно было опознать его?

— Конечно. Они сразу сообщили мне о нем.

— Как же вы тогда поступили?

— Занялся этим делом сам. Нашел ему теплое удобное помещение в незанятой секции павильона рептилий.

Все в зале суда, включая и телевизионные камеры, с уважением воззрились на специалиста, который с таким хладнокровием действовал в столь необычайных обстоятельствах.

— Как же случилось, что вас при этом не разбил паралич, никто не уничтожил и вообще вы не стали жертвой сверхъестественного рока? — с кислой миной спросил прокурор.— Уж не излучали ли вы при этом самое сердечное приглашение?

Свидетель сухо ответил:

— Совершенно верно, излучал.

— Оставьте ваши шутки до лучших времен, профессор, здесь они неуместны,— сурово оборвал его прокурор.— Как бы то ни было, суд понимает, что вы отнесли это кошмарное существо к классу рептилий и отвели ему подобающее место.

— Чепуха! Просто павильон рептилий оказался свободен, удобен и поэтому приемлем. Обвиняемый не поддается нашей классификации.

Сделав презрительный жест, прокурор продолжал:

— Вам, вероятно, трудно объяснить суду, какими средствами вы одолели грозные силы и поймали это существо в ловушку?

— Я не ловил его. Я знал, что оно разумное, и соответствующим образом относился к нему.

— Если учесть заявление предыдущих свидетелей, вам крупно повезло,— колко заметил прокурор.— Почему этот уродец позволил вам в отличие от всех других вступить с ним в контакт?

— Просто он понял, что мой разум привык иметь дело с нечеловеческими формами жизни. А отсюда он логически пришел к выводу, что со мной легче, чем с кем-либо другим, наладить контакт.

— Логически пришел к выводу,— повторил прокурор и обратился к судьям: — Прошу, милостивые государи, обратить серьезное внимание на эти слова, учитывая,

что данный свидетель находится на особом положении.— И он снова повернулся к Аллену: — Таким образом, вы считаете, что это существо обладает разумом?

— Безусловно!

— В течение нескольких месяцев вы имели возможность изучать разум этого незванного агрессора. Какой, по вашему мнению, уровень интеллекта у этого существа?

— Такой же, как и у вас, только он иной, совсем не похож на наш.

— Вы считаете этого субъекта полноценным представителем его расы?

— У меня нет оснований думать иначе.

— То есть его раса равна нашей по разуму?

— Очень возможно.— Профессор Аллен потер подбородок, минуту подумал.— Да, я бы сказал, равна, если вообще можно сравнивать столь непохожие явления.

— А может быть, они даже превосходят нас, и не только умственно, но и численно? — настойчиво гнул свою линию прокурор.

— Не знаю. Сомневаюсь.

— Но можно ли исключить такую возможность?

— Такие произвольные умозаключения не могут удовлетворять, и поэтому я...

— Не увиливайте от ответа! Существует ли возможность, пусть малейшая, что форма жизни, представляемая этим чудовищем, является самой страшной угрозой роду человеческому за всю его историю?

— Если сильно захотеть, угрозой можно назвать все что угодно, но...

— Угроза — да или нет?!

Вмешался судья в центре:

— Нельзя требовать определенного ответа от свидетеля на гипотетически поставленный вопрос.

Прокурор невозмутимо поклонился:

— Отлично, ваша честь, я поставлю вопрос иначе.— И возобновил допрос: — Считаете ли вы, как специалист, что интеллектуальный потенциал данной формы жизни достаточно высок, чтобы они напали, победили и поработили человечество, если бы они этого захотели?

— Не знаю.

— Это все, что вы можете сказать?

— Боюсь, что да.

— Но этого вполне достаточно,— резюмировал прокурор, многозначительно глядя в телекамеры на невиди-

мое, многомиллионное жюри.— Значит, вы допускаете, что существует опасность, небывалая опасность?

— Я этого не говорил,— возразил Аллен.

— Но вы не утверждали и обратного,— парировал прокурор, занимая свое место с видом самоуверенным и довольным.— Я кончил.

Адвокат помедлил, прежде чем приступить к допросу.

— Профессор Аллен, как освещались в прессе ваши многочисленные заявления, касающиеся обвиняемого?

— Все они без исключения были грубо извращены,— хмуро ответил Аллен. Он бросил ледяной взгляд на большую группу репортеров, которые в ответ высокомерно ухмыльнулись.

— Обвиняемого неоднократно рассматривали как шпиона, к которому во избежание худшего нужно применить решительные меры. На основании сведений, которыми вы располагаете, вы поддерживаете эту версию?

— Нет.

— Как бы вы определили общественное положение обвиняемого?

— Он эмигрант,— ответил Аллен.

— Не правда ли, побуждения обвиняемого невозможно рассматривать как враждебные роду человеческому?

— Нет ничего невозможного,— сказал профессор Аллен, потому что он был воплощенная честность.— Обмануть можно и самого хитрого из нас. Но не думаю, чтобы меня обманули. Таково мое мнение, чего бы оно ни стоило.

Адвокат вздохнул:

— Как мне уже тут напоминали, мнение — это еще не доказательство.— Он опустил на стул, ворча себе под нос: — Хуже некуда! Какое несчастье!

— Пятый свидетель!..

— Десятый свидетель!..

— Шестнадцатый свидетель!

Шестнадцатый был последним в списке обвинения. Свидетелей могло быть в пять раз больше, но и этого хватало за глаза! И у них было что предложить для окончательного всеобщего приговора, соответствовавшего если не здравому смыслу, то по крайней мере предрассудкам — вполне убедительное, продуманное предложение о том, как поступать с кочующими формами жизни: терпеть их, дать им под зад коленом или сделать что-нибудь еще похуже. В настоящий момент стоял вопрос об общественной безопасности, и решать, стоит ли подвергать

себя риску, должна была сама общественность. Имея это в виду, все шестнадцать свидетелей обвинения составили грозный обвинительный акт против странного злотоглазого подсудимого, покушаясь не только на его свободу, но и на саму жизнь.

Чувствуя себя хозяином положения, прокурор обращает повелительный взгляд на обвиняемого и приступает к допросу:

— Без дураков — зачем вы прилетели на Землю?

„Мне надо было сбежать из своего собственного мира“.

— И вы думаете, мы в это поверим?

„Я ничего не думаю, — с трудом выводит на доске Мэт. — Я просто надеюсь“.

— На что же вы надеетесь?

„На доброту“.

Прокурор смущен. В поисках соответствующего саркастического ответа он молчит с минуту, пока не находит другой путь допроса.

— Так ваш собственный мир вас не устраивал? Что же вам в нем не нравилось?

„Все“.

— То есть вы были там отщепенцем?

„Да“.

— А наш мир вы рассматриваете как подходящую мусорную свалку для таких отщепенцев, как вы?

Мэт не отвечает.

— Я считаю, что ваше утверждение — сплошная чепуха, что вся эта ваша история — просто выдумка. Полагаю, что причины вашего появления здесь глубже и неблагоприятнее, чем вы хотите нам представить. Пойду дальше и скажу вам, что и прибыли-то вы сюда не из района Прочиона, а откуда-то гораздо ближе, с Марса, например.

Мэт по-прежнему хранит молчание.

— Да знаете ли вы, что инженеры—конструкторы межпланетных кораблей подвергли ваш потерпевший крушение корабль длительному и серьезному обследованию и составили отчет об этом?

Мэт стоит совсем спокойно, смотрит отсутствующим взором вдаль и ничего не говорит.

— Знаете ли вы, что, хотя, по их мнению, ваш корабль превосходит все до сих пор сделанное нами в этой области и способен совершать полеты далеко за пределы Солнечной системы, тем не менее он не может достичь не только Прочиона, но и Альфы Центавра?

„Это верно“, — пишет на доске Мэт.

— И вы продолжаете упорствовать, что вы прибыли из системы Проциона?

„Да“.

Прокурор недоуменно разводит руками.

— Ваша честь, вы слышали, что говорит это существо. Его корабль не мог долететь до Земли с Проциона. И все же оно прилетело с Проциона. Чудовище непоследовательно либо в силу своего слабоумия, либо потому — и это, видимо, более вероятно, — что оно неумело лжет. Поэтому мне представляется едва ли целесообразным дальнейший...

„Мой корабль и я ехали на астероиде“, — выводит каракулями на доске Мэт.

— Ну вот! — Мистер прокурор саркастически показывает на доску. — Обвиняемый ехал на астероиде! Ничего себе выход из им самим созданного тупика — на астероиде, не больше и не меньше! — Он сдвинул брови и посмотрел на обвиняемого. — Ох, и длинный путь вы, должно быть, проделали!

„Да“.

— Значит, вы посадили корабль на астероид и, пролетев на нем много миллионов миль, сэкономили таким образом горючее? Вы никогда не слышали о математической теории вероятностей, по которой вряд ли можно найти свободно плавающий астероид в каком бы то ни было районе космического пространства?

„Это действительно чрезвычайно редкое явление“, — соглашается Мэт.

— И все же вы обнаруживаете такой именно астероид, который вместе с вами проделывает весь путь сюда? Самый поразительный из космических кораблей, не так ли?

„Он не проделал весь путь сюда. Только большую часть пути“.

— Ну хорошо, — с легким презрением соглашается прокурор. — Девяносто девять миллионов вместо ста или сколько там должно быть. И все-таки это поразительно.

„Более того, — продолжает уверенно писать Мэт, — это вовсе не был какой-то специально выбранный астероид, который доставил бы меня именно сюда. Это был первый попавшийся астероид, который мог увезти меня куда угодно. У меня не было определенной цели. Это был полет в пустоту, наудачу, на волю случая, навстречу моей судьбе“.

— Так если бы вы сели на другой астероид, вас могло занести куда-нибудь еще, да?

„Или вовсе никуда, — дрожащей рукой пишет Мэт. — Судьба оказалась добра ко мне“.

— Не будьте так уверены в этом. — Прокурор засунул пальцы в карман жилета и зловеще посмотрел на обвиняемого. — Если истинные ваши цели, истинные мотивы хоть немного похожи на те, что вам приписывают наши вечно бдительные газетчики, то ваша защитительная речь должна быть безукоризненной, она должна убеждать. Представленный же сейчас вами вариант абсолютно бездоказателен. Кроме голословных утверждений, утверждений уродливого иноземца с неизвестными нам намерениями, мы, суд, ничего от вас не получили. — Он передохнул и закончил: — Можете вы представить на рассмотрение суда что-нибудь более существенное, чем ваша фантастическая история?

„Я не знаю, как бороться с недоверием, — пишет Мэт медленно, устало. — Только верой“.

Прокурор отвергает это заявление резко и безжалостно:

— Сколько еще подобных вам находится сейчас в нашем мире и проводит в жизнь свои подлые планы, пока вы тут в полном блеске славы морочите нам головы?

До сих пор подобная мысль никому не приходила в голову — ни тем, кто находится в зале, ни за пределами его. Теперь с полдюжины репортеров втихомолку корили себя за то, что вовремя не набрали на эту ценную идею и не воспользовались ею. С самого начала предполагалось, что на планете пребывает всего лишь один пришелец, что он в надежных руках. Но ведь, действительно, где гарантия того, что десятки, а то и сотни других не скрываются в тени, не ждут своего часа? Люди переглядываются, беспокойно ерзают на своих местах.

„Кроме меня, никого на корабле не было“, — пишет мелом на доске Мэт.

— Правда. Пожалуй, это первое ваше свидетельство, которое не вызывает сомнений. Ведь эксперты в отчете показали, что корабль, на котором вы прибыли, одноместный, так что, очевидно, вы были на нем одни. Но сколько еще ваших кораблей приземлилось примерно в это же время?

„Ни одного“.

— Хотелось бы верить вам, — говорит прокурор, своим замечанием снова внося беспокойство в ряды слу-

шателей.— На вашей планете, видимо, существует немало кораблей и более мощных и гораздо более вместительных, чем ваш, верно?

„Много,— соглашается Мэт.— Но они не быстроходнее моего и не могут летать на более далекие расстояния. Они только могут нести большой груз“.

— Откуда у вас собственный корабль?

„Украден“.

— Неужели вы его украли? — с ухмылочкой поднимает брови прокурор.— Так вы вор, признающийся в собственном преступлении! — Тут он делает вид, что его вдруг озарила идея: — А, между прочим, каждый понимает, что лучше признаться в воровстве, чем в шпионаже.— Он дает этой мысли пустить корни, прежде чем нанести следующий удар.— Не будете ли вы добры рассказать нам, сколько еще ваших смелых и отчаянных соотечественников готовы или готовятся последовать вашему примеру в завоевании нашего мира?

Поднимается адвокат и говорит:

— Я рекомендую клиенту не отвечать на этот вопрос.

Его противник нетерпеливым жестом предлагает адвокату сесть и обращается к судьям:

— Ваша честь, я готов изложить версию обвинения.

Судьи смотрят на часы, совещаются между собой, разрешают:

— Приступайте!

Речь прокурора была блистательной, разгромной, продолжительной, камня на камне не оставившей от защиты. В ней вновь приводились доказательства тяжести преступления, делались намеки, которые наводили невидимую аудиторию на еще более мрачные мысли. Нельзя сказать, чтобы прокурор испытывал истинную ненависть или страх перед незванным гостем — просто он блестяще выполнял свой профессиональный долг.

— Этот процесс, этот необычайный, уникальнейший процесс,— говорил прокурор,— войдет в историю права и законности. Он представляет собой прецедент, в соответствии с которым мы будем строить свои отношения с будущими пришельцами из космоса. И вам, представителям общественного мнения, принадлежит решающая роль в установлении этих отношений; вам и только вам достанется либо пожинать плоды союза с иными цивилизациями, либо... — он сделал паузу, потом жестко добавил: — Либо взвалить на свои плечи все ужасы инопланетной интервенции. И, позвольте вам заметить, плоды

союза могут быть весьма незначительными, в то время как ужасы интервенции безмерны.

Откашлявшись, отпив глоток воды, он снова приступил к делу:

— И вот, чтобы наилучшим образом решить этот вопрос, прийти к правильным выводам, вам не остается ничего другого, как исходить из опыта общения с этим фантастическим типом, которому вы к тому же должны вынести приговор.

Он повернулся к Мэту и дальше на протяжении всей своей речи не спускал с него глаз.

— Это существо не было приведено к присяге, так как мы не знаем, чему оно может присягнуть. Его этика — если таковая вообще существует, — это их этика, ничего общего не имеющая с нашей. Все, что мы знаем о нем, мы знаем с его слов, почерпнули из его весьма красочной фантастической истории, столь неправдоподобной для человеческого уха, что вряд ли можно винить кого-либо из нас за то, что он считает это существо бессовестным лжецом.

При этих словах огромные глаза Мэта закрылись от боли и страдания, но прокурор решительно продолжал:

— Если вопрос об искренности этого существа можно считать открытым, то в некоторых других аспектах — например, уважение к собственности, к закону — обвинение строится на фактах. А ведь это краеугольные камни нашей цивилизации, они создавались веками, и мы не дадим сокрушить их, пусть ради этого нам придется драться с самыми необыкновенными пришельцами!

Тут он немного перехватил: уж очень явно это маленькое большеглазое существо не подходило на роль сокрушителя цивилизаций. Тем не менее нарисованная им перспектива должна была сформировать мнение тысяч, миллионов людей. Если они еще сомневаются, лучше действовать наверняка.

— Он — вор. Более того: человек, сам признающий себя вором. Он обокрал не только нас, но и своих соотечественников, — продолжал наступление прокурор, не замечая, что употребляет по отношению к пришельцу уже местоимение не среднего рода, а мужского и называет его не „существом“, а „человеком“. — Сокрушитель, и притом разумный сокрушитель, и, возможно, предтеча целого сонма сокрушителей. Я думаю, что там, где прошел один, может пройти и целая армия! — И, не затрудняя себя вопросом, где найти столько астероидов, чтобы

доставить к Земле сонмища пришельцев, добавил: — Сотни армий!

То повышая, то понижая голос, то с вызовом, грубо, то мягко, вкрадчиво, он говорил, играя, как органист играет на гигантском органе, на чувствах своих слушателей, взывая к земному патриотизму, потворствуя ограниченности, оправдывая предрассудки, раздувая страхи — страх перед самим собой, страх перед другими, страх перед необычным по форме, страх перед завтрашним днем, страх перед неизведанным. Речь его была высокопарной, насмешливый тон сменялся торжественным, а затем саркастическим.

— Он,— говорил прокурор, указывая на Мэта и все еще употребляя местоимение мужского рода,— он просит считать его гражданином нашего мира. Принять его со всеми его штучками-дрючками, с его сверхъестественными способностями, с его тайными побуждениями, которые, может быть, станут явными, когда будет уже слишком поздно? А не лучше ли — пусть даже он и в самом деле так чист и непорочен, как он хочет нас уверить,— не лучше ли несправедливо покарать его одного, чем подвергать бесконечно большому риску великое множество других?

Он с вызовом осмотрел аудиторию.

— Предположим, мы примем его как беженца. Но кто даст ему кров? Кто захочет жить рядом с существом, столь чуждым человеку? — Он ухмыльнулся.— Впрочем, такие есть, жаждущие составить ему компанию. Как бы неправдоподобно это ни звучало, нашлись люди, которым он нужен.

Он поднял над головой письмо, чтобы все видели, и сказал:

— Этот человек предлагает ему кров. Он пишет, что во время восьмого воплощения на Прочионе сам он стоял на позициях нетерпимости...— Он швырнул письмо на стол.— Ненормальные встречаются и среди нас. Но, к счастью, судьбу человечества будут решать уравновешенные, разумные граждане, а не хронические идиоты.

Поток слов лился еще полчаса. Закончил он так:

— По нашим законам, шпиона-человека ждет быстрый конец, от человека, подозреваемого в шпионаже, мы легко избавляемся. Не вижу причин, почему инопланетный шпион заслуживает более мягкого обхождения, чем шпион-человек. Вот перед нами существо, в лучшем случае просто нежелательное, в худшем — первый агент

разведки грозного врага. Обвинение считает, что в интересах всеобщей безопасности вы должны рассмотреть только два возможных варианта приговора: смертный приговор или немедленный выброс подсудимого в космос, туда, откуда он прибыл. Доказательства его вины весомы, и другой альтернативы у нас нет. Вы не могли не заметить, что все выступавшие здесь свидетели были свидетелями обвинения. Разве не знаменательно то, что у защиты не оказалось ни одного свидетеля? — Он подождал, пока смысл сказанного дойдет до слушателей, и, повторив: — Ни одного! — окончательно пригвоздил обвиняемого к позорному столбу.

Еще один глоток воды, и он сел, аккуратно расправив складку на брюках.

Теперь, кажется, ни у кого не осталось сомнений: Мэт — гад вонючий.

Адвокат произвел легкую сенсацию, встав и заявив:

— Ваша честь, защита отказывается излагать свою версию.

Судьи посмотрели на него так, словно он был в десять раз чудеснее своего клиента. Они пошелестели бумагами, пошептались между собой.

Через некоторое время судья в центре спросил:

— Это означает, что вы целиком полагаетесь на вердикт всеобщего голосования?

— В конечном итоге, без сомнения, ваша честь, но еще не теперь. Мне необходимо провести дополнительный допрос и затем построить версию, основываясь на нем.

— Приступайте, — разрешил судья, в сомнении нахмутив брови.

Адвокат обратился к Мэту:

— Все обитатели вашей планеты, так же как и вы, скажем... телепаты и не обладают устной речью?

„Да, все“.

— У них общий нейроцентр, или, говоря проще, они прибегают к помощи общественного мозга?

„Да“.

— Расскажите суду о своих родителях.

Мэт, закрыв глаза, на какой-то миг погрузился в воспоминания.

„Мои родители были не как все. Они были уродами. Они удалялись от нейроцентра до тех пор, пока почти не потеряли связь с остальными“.

— И они погибли вдали от всех?

„Да“, — после долгой паузы, медленно, неуверенно, дрожащими тонкими линиями вывела на доске рука Мэта.

— И вы, видимо, впали в полное отчаяние?

„Да“.

Адвокат обратился к судьям:

— Мне хотелось бы задать еще несколько вопросов четвертому свидетелю.

Судьи дали согласие, и профессор Аллен снова прошел к месту свидетелей.

— Профессор, будьте добры, как эксперт и человек, долгое время лично изучавший моего клиента, скажите, пожалуйста, молод он или стар?

— Он молод, — без заминки ответил Аллен.

— Очень молод?

— Довольно молод, — сказал Аллен. — По нашим понятиям, не достиг зрелости.

— Спасибо. — Адвокат обвел мягким бесхитростным взглядом зал. На его полном, добродушном лице ничто не предвещало надвигающегося шторма. Тихим голосом задал он следующий вопрос: — Мужчина это или женщина?

— Женщина, — ответил профессор Аллен.

Репортер уронил блокнот. И в течение нескольких минут звук падения блокнота был единственным звуком в наступившей тишине. А потом раздался общий вздох, застрекотали кинокамеры, спеша запечатлеть Мэт, возгласы удивления прокатились из конца в конец зала.

А наверху, на балконе, остроумнейший из современных карикатуристов рвал на кусочки свое последнее произведение, где он изобразил обвиняемого привязанным к хвосту ракеты, которая отправлялась на Луну. Подпись внизу гласила: „Кактус отправился в путешествие“. А теперь — куда это годилось? Назвать его... нет, ее, „какту-сиха“? В поисках новой темы он почесал в затылке, сознавая в то же время, что какая тут может быть тема, не четвертовать же маленькую одинокую женщину.

Прокурор сидел с поджатым ртом, всем своим видом напоминая фаталиста, из-под ног которого вырвали по крайней мере восемьдесят процентов почвы. Он-то знал эту публику. Он мог оценить общественную реакцию с точностью до десяти тысяч голосов.

Все теперь смотрели только в золотистые глаза Мэт. Они были огромные, как и прежде, но теперь казались мягче и светились вроде бы ярче. Теперь, когда стало известно, что они принадлежат женщине, все увидели, что в них действительно есть что-то женственное. И каким-

то странным, непонятным образом морщинки вокруг глаз вдруг помягчели, в них промелькнуло что-то, отдаленно похожее на человеческое.

Полночь. Большой каменный подвал с металлической решеткой, стол, кровать, два стула и радио в углу. В камере двое: Мэт и толстяк адвокат. Беседуют, изучают корреспонденцию, посматривают на часы.

— Вообще-то говоря, обвинение село в лужу с этим письмом,— говорит защитник: он все никак не отвыкнет выражать свои мысли вслух, хотя прекрасно знает, что собеседница слышит его мысли, а не слова. Толстым указательным пальцем он похлопывает по пачке писем, которые они только что прочитали.— Мне ничего не стоило положить его на обе лопатки, предъявив эти письма, написанные неделю назад прямо в наш адрес. Но что бы это дало? Лишний раз доказало бы, что люди мыслят поразному.

Он вздохнул, потянулся, зевнул, сотый, наверное, раз взглянул на часы и вынул очередное письмо.

— Вот послушайте.

И стал читать письмо вслух.

„Мой тринадцатилетний сын докучает нам просьбой предложить вашему клиенту хотя бы недолго побыть в нашем доме. Может быть, вы сочтете за глупость с нашей стороны, что мы ему во всем потакаем, но нам так легче. У нас здесь есть свободная комната, и если ваш клиент чистоплотен и в банные дни не боится пара...“

Последние слова он прочел невнятно, сквозь сдерживаемый зев.

— Предполагают, что всеобщее голосование должно закончиться к шести часам утра. Но, уверяю вас, раньше восьми или даже десяти им не кончить. Такие вещи никогда не проходят в положенный срок.— Он поерзал на жестком стуле, тщетно стараясь устроиться поудобнее.— Как бы там ни было, что бы ни произошло, я останусь с вами до самого конца. И не думайте, что я у вас единственный друг.— Он потрогал пачку писем.— Вон их сколько, вам остается выбрать.

Мэт все это время была занята чтением записки, написанной неуверенным, неровным почерком. Потом она дотянулась до карандаша и бумаги и написала:

„Аллен объяснил мне не все слова. Что такое „ветеран“? — Получив от доктора объяснение, она написала: „Мне больше всех нравится этот. У него травма. Если меня освободят, я приму его приглашение“.

— Ну-ка, покажите.— Толстяк взял письмо, прочитал его, похмыкивая, и вернул ей.— Как хотите. Впрочем, у вас с ним есть что-то общее, поскольку вы оба не в ладах с этим дурацким миром.— Он снова взглянул на часы и проворчал: — Да идут ли вообще эти часы? Что нам, целую неделю ждать утра, что ли?

Кто-то, звеня связкой ключей, открыл дверь, и в камеру вошел прокурор. Улыбнувшись сопернику, он сказал:

— Эл, вы настолько основательно почувствовали себя узником, что отказываетесь даже от тех немногих удобств, которые предоставлены тюрьмой?

— От чего именно?

— Да от радио!

Адвокат презрительно фыркнул.

— К черту радио! От него только шум. Мы тут занимались чтением писем, в тишине и покое...— Вдруг на его полном лице отразилось замешательство.— А что, мы здесь что-нибудь прослушали, что-нибудь передавали?

— Последние известия в двенадцать.— Прокурор облокотился на край стола, продолжая улыбаться.— Голосование прекращено.

— Не может быть! — Лицо адвоката вспыхнуло от гнева, он встал.— Ведь по всемирному соглашению приговор...

— Может быть... при известных обстоятельствах,— прервал его прокурор.— А обстоятельства сложились так, что несметный поток голосов в защиту вашего клиента сделал дальнейший подсчет ненужным.— И он повернулся к Мэт: — Только это строго между нами, моя дорогая: я еще никогда так не радовался своему поражению.

Человек средних лет, рано поседевший, с длинными тонкими пальцами, слушал радио в дальней комнате, когда раздался звонок в дверь. В комнате не было телевизора, только по радио звучала нежная полинезийская мелодия. Звонок прорвался сквозь музыку, хозяин выключил радио и поднялся. Очень осторожно он пересек комнату, открыл дверь и вышел в коридор.

Странно. В этот предвечерний час некому было звонить. Сюда почти никто не заходит. Почтальон обычно заезжает утром, среди дня забредут иногда один-два торговца. А позднее редко кто появляется, чрезвычайно редко. И сегодня он никого не ждал.

Тихо — толстый ковер заглушал звук шагов,— на

ощупь, вдоль стены пробирался он по коридору к парадной двери.

Что-то очень необычное было в этом позднем визите. По мере того как он приближался к двери, в душу ему закрадывалось удивительное чувство — будто он заранее знал, кто ждет его там, снаружи. В его сознании складывалась картина, пока смутная, как бы переданная какими-то непонятными ему средствами, словно ее проецировал один из тех, кто стоял, исполненный надежд, там, за дверью. Он видел крупного, полного добродушного мужчину в сопровождении крошечного зелено-золотого существа.

Хотя он прошел через суровые испытания и беды — это из-за них он теперь такой, — нервы у него были в порядке, и он ни в коем случае не принадлежал к тому типу людей, которым мерещатся разные небылицы, и вообще он не был склонен к галлюцинациям. И его обеспокоили, расстроили даже эти неизвестно откуда явившиеся видения. Он никогда раньше не знал большого толстого человека, портрет которого ясно вырисовывался в его сознании, никогда, даже в лучшие времена. А о его спутнике и говорить нечего...

Встречаются, конечно, люди с весьма обостренными чувствами, с необычайно развитыми, удивительными способностями. Были и у него способности — ведь судьба милостива к пострадавшим и старается компенсировать их потери. И трудно ему было бы без этих способностей. Но это было что-то новое, знакомое.

Пальцы его, обычно такие чуткие, не повиновались ему, когда он нащупывал дверной замок, будто они на какое-то время забыли, где он находится. Нащупав наконец замок, они повернули ручку, и тут он услышал тонкий, будто птичий голосок, который прозвучал прямо у него в мозгу, ясно, как колокольчик:

— Откройте, пожалуйста, я буду вашими глазами.

Будничная работа

В той мере, в какой андромедскую мысль-импульс можно выразить буквами, его звали Хараша Вэнеш. Основой основ его существа было самомнение, тем более опасное, что оно было вполне оправдано. Хараша Вэнеш

испытал свои природные дарования на пятидесяти враждебных мирах и оказался непобедимым.

Мозг, наделенный способностью к воображению, — вот величайшее преимущество, которым может обладать живое существо. Это его главная опора, средоточие его силы. Однако для Вэнеша именно сознание противника было наиболее уязвимым местом, брешью в броне, средством его покорения.

Но и ему было доступно не все. Он не мог воздействовать на сознание тех, кто принадлежал к тому же биологическому виду, что и он сам, и был наделен теми же способностями. Существо без разума он тоже не мог причинить особого вреда — разве что дать ему хорошего пинка. Однако если чуждая форма жизни умела мыслить и обладала воображением, она становилась его добычей.

Вэнеш был гипнотистом самой высшей пробы и работал без осечки. Он воздействовал на мыслящий мозг с любого расстояния и за тысячную долю секунды успевал убедить его в чем угодно: что черное — это белое, что правда — это ложь, что солнце позеленело, а движение на перекрестке регулирует фараон Хеопс. И внушенное им не стиралось, если только он сам не считал нужным его стереть. В какое бы вопиющее противоречие со здравым смыслом это ни вступало, жертва продолжала бы твердить свое, присягать, клясться на Библии или на Коране и в конце концов очутилась бы в психиатрической лечебнице.

Было только одно ограничение, действенное, по-видимому, для любого места в космосе: он не мог принудить живое существо к самоубийству. Тут в дело вступал вселенский инстинкт самосохранения, который не поддавался никакому воздействию.

Впрочем, в запасе у Вэнеша оставалось средство почти столь же действенное. Он мог проделать со своей жертвой то же, что змея проделывает с кроликом: внушить ей, будто она парализована и не в состоянии бежать от верной смерти. Он не мог заставить апполана, обитавшего на планетах Арктура, самого перерезать себе горло, но апполан покорно ждал, чтобы Вэнеш подошел к нему и сделал это собственноручно.

Да, Хараше Вэнешу было за что себя уважать. Обработав пятьдесят миров, можно считать, что пятьдесят первый уже у тебя в кармане. Опыт — это верный и преданный слуга, всегда готовый поднести чашу самоупоения.

И на Землю он опустился в самом беззаботном настроении. Накануне он произвел разведку с воздуха, вызвав обычные слухи о летающих блюдцах, хотя его корабль совсем не напоминал никакую посудину.

Он приземлился среди холмов никем не замеченный, вышел из корабля, включил автопилот, который должен был вывести корабль на отдаленную орбиту, и спрятал между камней маленький компактный прибор — с его помощью корабль можно было вызвать в любую минуту.

Там, в вышине, кораблю ничто не грозило. А если бы земляне и обнаружили его с помощью телескопа, что представлялось весьма маловероятным, то сделать они все равно ничего не сумели бы. Ракетных кораблей у них нет. Так пусть себе смотрят, гадают, что же это такое, и терзаются тревогой.

Предварительная разведка не дала ему никаких интересных сведений о внешнем облике и строении высшей формы жизни на планете. Настолько он к ее поверхности не приближался. Впрочем, он намеревался установить только, заслуживает ли эта планета внимания и в достаточной ли степени развито сознание у наиболее разумных из населяющих ее существ. И очень скоро стало ясно, что он наткнулся на весьма лакомый кусочек — на мир, который вполне заслуживает, чтобы андромедские полчища прибрали его к рукам.

Физические же возможности будущих рабов в данную минуту существенного интереса не представляли. Хотя различия между Вэнешом и землянами не были такими уж разительными, однако при виде его любой из них завопил бы от ужаса. Но, впрочем, это им не грозило. Таким, как он есть, они его никогда не увидят. Им он будет представляться таким же, как они сами: в их сознании он мог придать себе какое угодно обличье.

А потому для начала следовало найти наиболее заурядного туземца, который ничем не выделялся бы в толпе ему подобных, создать видеограмму его внешности и запечатлеть ее во всех сознаниях, с которыми ему придется вступать в контакт до тех пор, пока не настанет время сменить один облик на другой.

Процесс общения также не сулил никаких трудностей. Он будет читать вопросы и проецировать ответы, лексическое и грамматическое оформление они обретут в сознании того, с кем он будет общаться. А общаются

ли они с помощью звуков, которые издают ртом, или жестикулируя гибкими хвостами, значения не имеет. Подчиненное сознание воспримет его мысль, а соответствующие звуки и движения рта или подергивания хвоста отыщет уже оно само.

Он повернулся и пошел напрямик, туда, где пролегала оживленная дорога, которую он заметил еще во время спуска. На юге небо прочертили несколько примитивных самолетов реактивного типа, и он остановился, одобрительно провожая их взглядом. Главным недостатком пригодных к делу рабов была тупость, которая снижала коэффициент их полезности. Но тут этого опасаться нечего.

Он шел между холмами, вооруженный только крохотным компасом, без которого не сумел бы вернуться к посадочному прибору. Больше он ничего с собой не взял — никакого оружия, ни ножа, ни пистолета. Зачем обременять себя лишней тяжестью? Если ему понадобится орудие уничтожения, первый же подвернувшийся под руку простак-туземец отдаст ему свое и еще спасибо скажет. Только и всего. Он уже десятки раз так делал.

У шоссе стояла небольшая бензозаправочная станция с четырьмя колонками. Спрятавшись в кустах ярдах в пятидесяти от нее, Вэнеш вел наблюдения. Гм-м-м... Двухногие, карикатурно похожие на него, но конечности сгибаются только в одну сторону и волос несравненно больше. Один включал насос, другой сидел в машине. Он не мог создать цельный образ этого последнего, так как видел только его голову и плечи. На первом же была фуражка с лакированным козырьком и металлической бляхой и форменный комбинезон с алой цифрой на кармане.

Он решил, что ни тот, ни другой не подходит для создания мысленной видеограммы. Один дает для нее слишком мало материала, второй — слишком много. Те, кто носит форму, обычно находятся на службе, имеют строго определенный круг обязанностей и вызовут недоумение, а то и подвергнутся допросу, если окажутся там, где им быть не положено. Лучше выбрать объект, обладающий полной свободой передвижения.

Машина отъехала. Форменная фуражка вытер руки о кусок ветоши и устоял на шоссе. Вэнеш продолжал наблюдать. Несколько минут спустя к колонке подъе-

хала еще одна машина. Из ее крыши торчала антенна, а внутри сидели двое туземцев, одетых совершенно одинаково: фуражки с козырьками, металлические пуговицы, бляхи. Лица у них были грубые, глаза холодные и безжалостные — несомненно, представители власти. Тоже не подходят, решил Вэнеш. Слишком заметны.

Не подозревая об этом осмóтре, один из полицейских спросил заправщика:

— Видел что-нибудь интересное, Джо?

— Ничего такого. Все тихо.

Патрульная машина покатила дальше, а Джо вошел внутрь станции. Вэнеш вытащил из тубика душистый боб и принялся задумчиво его жевать, ожидая появления новой машины. Итак, они разговаривают посредством ротового аппарата, лишены телепатических свойств, мыслят по стандарту — короче говоря, готовые марионетки для любого гипнотиста, который вздумает подергать их за ниточки.

Тем не менее их автомобили, реактивные самолеты и другие технические игрушки показывали, что туземцев время от времени посещало вдохновение. Согласно андромедской теории, единственной реальной опасностью для гипнотиста было гениальное прозрение, ибо только так иные формы жизни способны обнаружить существование гипнотиста, разобраться в его действиях и расставить ему ловушку.

Это было вполне логично — согласно логике андромедян. Их собственная культура создавалась благодаря отдельным озарениям, которые из века в век добавляли к ней все новые и новые факторы, возникая из ничего каким-то необъяснимым образом. Но озарения происходят спонтанно, сами по себе. Их нельзя искусственно вызвать, какой бы острой ни была потребность в них. А потому тот, у кого не было этой искры, оказывался бессилён, и ему оставалось только покорно ждать своей очереди.

Но скрытая опасность, которую таит в себе всякая чужая культура, заключается в том, что никакой пришелец не в состоянии узнать про нее все, охватить в ней все, разгадать все. Например, кто бы мог предположить, что местные мыслящие существа отличаются интеллектуальной нетерпеливостью? И что из-за этого они никогда не умели сидеть сложа руки и ждать озарения? Вэнеш не знал и даже не мог бы вообразить, что гениальные озарения землянам заменяет скучная, рутинная и, как

правило, недооцениваемая работа. Велась она медленно, неуклонно, выматывающе и без внешних эффектов, но ее всегда можно было пустить в ход по мере надобности, и она давала результаты.

Называли это по-разному: „тянуть лямку“, „бить в одну точку“, „не искать легких путей“ или же попросту „паршивой будничной работой“. Ну где еще кто-нибудь об этом слышал?

Во всяком случае, не Вэнеш и его сородичи. А потому он продолжал ждать в своей засаде, пока наконец какой-то серенький, ничем не примечательный индивид не вылез из своей машины и не начал прогуливаться взад-вперед, услужливо предоставляя Вэнешу для копирования все частности своего облика, манеру держаться и одежду. По-видимому, он принадлежал к породе невидных и неслышных особей без глубоких корней, каких можно встретить десятками на любой улице. Вэнеш мысленно сфотографировал его со всех возможных точек, зафиксировал во всех деталях и решил, что больше ждать ему нечего.

Во время спуска Вэнеш заметил, что в пяти милях к северу по шоссе расположено маленькое селение, а в сорока милях от него — большой город, и решил сначала задержаться в селении, набить там руку на туземных обычаях и уж потом отправиться в город. Теперь он мог бы смело выйти из кустов и принудить свою модель отвезти его туда, куда ему было нужно. Это была соблазнительная мысль, но неразумная. Прежде чем он покинет эту планету, ее обитатели начнут ломать голову над множеством необъяснимых происшествий, и не нужно, чтобы первое из них произошло в непосредственной близости от его стартовой площадки. Форменная фуражка наверняка начнет рассказывать всем и каждому об удивительном случае: его клиент взялся подвезти какого-то человека, а он оказался его двойником. Да и сама модель, возможно, будет жаловаться: „Еду — и все время такое ощущение, будто я в зеркало смотрюсь“. Несколько таких фактов, и гениальное озарение составит из них верную картину ужасной истины.

А потому Вэнеш подождал, чтобы его модель отъехала, а Джо ушел внутрь станции. Тогда он выбрался на шоссе, прошел полмили на север и остановился, повернувшись к югу.

За рулем первого нагнавшего его автомобиля сидел коммивояжер, который никогда, никогда, никогда не подвозил „голосующих“. Он наслушался достаточно историй о том, как добросердечных автомобилистов грабили и убивали, и не собирався подставлять голову под кастет. Если вон тот рассчитывает на него, то так и простоит тут с задранной рукой до будущего четверга.

Он остановился и взял Вэнеша в машину, не понимая, что его на это толкнуло. Он сознавал только, что ни с того ни с сего отступил от своего твердого принципа и согласился подвезти худого, унылого, молчаливого типа, который больше всего смахивал на пожилого гробовщика.

— Далеко едете? — спросил коммивояжер, немного встревоженный своим слабоволием.

— До ближайшего городка, — ответил Вэнеш. Вернее, коммивояжеру почудилось, что он так ответил: он ясно расслышал эти слова и даже на смертном одре поклялся бы, что слышал их. Уловив в его мозгу название городка, Вэнеш спроецировал его обратно, и коммивояжер услышал: — В Нортвуд.

— А где вас там посадить?

— Неважно. Городок маленький. Остановитесь, где вам будет удобнее.

Коммивояжер хмыкнул в знак согласия и больше не заговаривал со своим пассажиром. Мысли его мешались: с чего это он вдруг разыграл из себя доброго самаритянина? В Нортвуде он остановил машину.

— Это вам подойдет?

— Спасибо, — сказал Вэнеш, вылезая. — Очень вам благодарен.

— Не за что, — ответил коммивояжер и поехал дальше, не убитый и не ограбленный.

Вэнеш проводил его взглядом и начал знакомиться с Нортвудом.

Городок оказался даже меньше, чем он предполагал. Магазины на длинной главной улице и на двух коротких боковых. Железнодорожная станция с депо. Четыре небольших промышленных предприятия. Три банка, почта, пожарное депо, два-три муниципальных здания. Вэнеш прикинул, что в Нортвуде живет тысяч пять землян, причем не меньше трети из них работает на окрестных фермах.

Он неторопливо шел по главной улице, и туземцы не обращали на него ни малейшего внимания, хотя сталкивались с ним буквально нос к носу. Но это не щекотало ему нервы: он столько раз находился в подобной же ситуации на других планетах, что давно перестал извлекать из этого удовольствие. Ему было попросту скучно. Тут его увидела собака, испуганно взвыла и бросилась наутек. Никто этого не заметил, и он тоже.

Первый урок он получил внутри магазина. Желая узнать, как туземцы приобретают то, что им требуется, он вошел туда вместе с компанией землян. Оказалось, что они пользуются меновым средством в форме печатных бумажек и металлических дисков. Следовательно, он избавит себя от многих хлопот, если сразу же обзаведется запасом этих бумажек и дисков.

Зайдя затем в переполненный магазин самообслуживания, он быстро разобрался в относительной стоимости денег и составил довольно верное представление об их покупательной способности. Затем он прикарманил небольшую сумму и позаботился сделать это не своими руками. Операция была проще простого.

Стоя в стороне, он сосредоточился на дородной покупательнице, настоящем воплощении добропорядочности. Повинуясь его сигналу, она вытащила кошелек у соседки, рассматривавшей пакеты, вышла из магазина, бросила кошелек на пустыре, даже не заглянув в него, вернулась домой, обдумала случившееся и решила держать язык за зубами.

Улов составил сорок два доллара. Внэш их тщательно пересчитал, направился в кафетерий и израсходовал часть их на плотный обед. Ему ничего не стоило бы пообедать даром, но это значило бы обнаружить себя и дать тот материал, который в миг озарения может быть правильно истолкован. Одни блюда показались ему отвратительными, другие были сносны, но в первый раз ничего другого ждать и не следовало, а дальше он научится выбирать.

Нерешенной оставалась проблема ночлега. Сон ему требовался не меньше, чем низшим формам жизни, и для него нужно было найти место. О том, чтобы всхрапнуть под чистым небом или в каком-нибудь сарае, не могло быть и речи: с какой стати он будет спать на сене, если туземцы нежатся на пуховиках?

Присматриваясь, читая мысли, справляясь у прохожих, он мало-помалу выяснил, что может поселиться

в отеле или в меблированных комнатах. Первый вариант его не прельстил: это значило почти все время быть на людях и перенапрягаться. В отеле будет опасно на время отключиться и стать самим собой, а он нуждается в таком отдыхе.

Вот в собственной комнате, где ему не будет постоянно грозить вторжение горничной, имеющей второй ключ, он сможет вернуться в нормальное состояние, выспаться и спокойно на досуге обдумать дальнейшие планы.

Он без особого труда отыскал подходящие меблированные комнаты. Неряшливая толстуха с четырьмя бородавками на багровом лице показала ему его будущий приют и потребовала двенадцать долларов задатку, потому что у него не было багажа. Уплатив, он сообщил ей, что его зовут Уильям Джонс, что он приехал сюда на неделю по делам и не любит, чтобы ему мешали.

В ответ она дала ему понять, что ее заведение — истинная обитель мира для приличных людей, а если какой-нибудь забулдыга вздумает привести к себе девуку, он в два счета отсюда вылетит. Он заверил ее, что ему ничего подобного в голову не приходило — и это было чистой правдой, так как нечто подобное могло ему привидеться только в кошмаре. Удовлетворенная его заверениями, она удалилась.

Взвешивая, присел на край кровати и начал обдумывать положение. Конечно, ему ничего не стоило бы рассчитаться с ней полностью, не уплатив при этом ни единого реального цента. Она ушла бы, глубоко убежденная, что получила с него то, что ей причитается. Но двенадцати долларов у нее все равно не хватало бы, и их таинственная пропажа не могла бы ее не озадачить. И если он останется тут, значит, ему пришлось бы снова и снова ее обманывать, и в конце концов только клинический идиот не заметил бы, что ее убытки точно соответствуют сумме, которую она должна получать с него.

Можно было бы заплатить из чужого кармана, а через неделю переехать и повторить все на новом месте. Но такой способ имел свои теневые стороны. Если это станет известно, мошенника начнут разыскивать, и ему придется сменить личность.

Ни кражи, ни смена личности его не смущали — при условии, что в них существует реальная необходимость. Но он не любил размениваться по мелочам. Это его раздражало. Идти на поводу у второстепенных обстоятельств — значило как бы принимать условия игры,

навязываемые ему туземцами, а это оскорбляло его самолюбие.

Тем не менее он не мог не признать очевидной предпосылки и неизбежного вывода: на этой планете, чтобы действовать спокойно, без неприятных осложнений, нужны были деньги. Следовательно, он должен либо раздобыть достаточный запас реальных денег, либо постоянно создавать иллюзию, будто они у него есть. Для того чтобы решить, что проще, особого ума не требовалось.

На других планетах жизненные формы оказывались такими медлительными и тупыми, а их цивилизации — такими примитивными, что для достаточно точной оценки их как будущих противников, а затем рабов много времени не потребовалось. Здесь же положение было гораздо сложнее и требовало более длительной и тщательной разведки. Судя по всему, ему предстоит провести тут довольно много времени. А потому нужно раздобыть денег в количестве, заметно большем, чем суммы, которые обычно носят при себе отдельные индивиды. Когда же запас иссякнет, его придется пополнить.

На следующий день он занялся тем, что проследил движение денег до обильного их источника. Обнаружив этот источник, он начал тщательно его изучать. Говоря на жаргоне преступного мира, он примеривался к банку.

Человек, который, переваливаясь, шел по коридору, весил центнера полтора, о чем свидетельствовал двойной подбородок и внушительный живот. На первый взгляд — просто неуклюжий толстяк. Но первое впечатление бывает обманчиво. Таким телосложением, например, обладал не один чемпион мира по классической борьбе в тяжелом весе. Эдвард Райдер, правда, чемпионом не был, но при случае мог бы расшвырять десяток нападающих в таком стиле, что, окажись там случайно владелец спортивного зала, он сразу же предложил бы Эдварду ангажемент.

Он остановился перед дверью из матового стекла с надписью: „Следственный отдел министерства финансов США“. Постучав по стеклу тяжелым кулаком, он вошел и, не дожидаясь ответа, сел без приглашения.

Остролицый субъект, сидевший за большим письменным столом, выразил легкое неудовольствие, но сказал только:

— Эдди, у меня есть для вас довольно паршивое дельце.

— Другого от вас и не дожدهшься! — Райдер уперся большими руками в большие колени. — И что на этот раз? Еще один незарегистрированный гравер наводнил рынок своими изделиями?

— Нет. Ограбление банка.

Райдер нахмурился. Его густые брови задергались.

— А я думал, что нас интересуют только фальшивые деньги и незаконные валютные операции. Какое нам дело до медвежатников? Ими, по-моему, занимается полиция.

— Они увязли.

— Если банк застрахован, они могут обратиться в ФБР.

— Он не застрахован. Мы предложили им руку помощи. Вашу руку.

— С какой, собственно, стати?

Его собеседник сделал глубокий вдох и принялся быстро объяснять:

— Какой-то ловкач нагрел Первый нортвудский банк на двенадцать тысяч долларов — и никто не знает как. Начальник нортвудской полиции капитан Гаррисон утверждает, что тут сам черт ногу сломит. По его словам выходит, что кому-то в конце концов удалось разработать методику нераскрываемого преступления.

— Ясно, он другого не скажет, если встал в тупик. Ну, а нас почему приплели?

— В ходе следствия Гаррисон обнаружил, что в одной из похищенных пачек было сорок стодолларовых бумажек с последовательными номерами. Эти номера известны. Остальные — нет. Он позвонил нам в надежде, что грабитель начнет ими расплачиваться и мы сможем их проследить. С ним разговаривал Эмблтон, и его заинтересовала идея нераскрываемого преступления.

— Ну, и...

— Он посоветовался со мной, и мы оба согласились, что если кто-то и правда научился шить без нитки, для экономики он окажется опаснее, чем крупный фальшивомонетчик.

— Ах, так! — с сомнением протянул Райдер.

— Тогда я посоветовался в верхах. И Баллантайн решил, что нам имеет смысл вмешаться — на всякий случай. Я выбрал вас. Человеку с вашим весом полезно поразмяться. — Он пододвинул к себе папку и взял

ручку.— Поезжайте в Нортвуд и подсобите капитану Гаррисону.

— Сегодня?

— А у вас есть причина отложить до завтра или до будущей недели?

— Сегодня я обещал пестовать младенца.

— Не говорите глупостей!

— Это не глупость. Это очень серьезно.

— И вам не стыдно? Женились совсем недавно. У вас милая, верящая вам жена...

— О ней и речь. Я дал ей честное слово, что я...

— А я дал слово Баллантайну и Гаррисону, что вы разберетесь в этом деле с обычной своей слоновьей результативностью,— нахмуясь, перебил начальник.— Хотите сохранить свою работу или нет? Ну так позвоните жене и скажите ей, что служебный долг — прежде всего.

— А, ладно! — Райдер вышел, хлопнув дверью, свирепо протопал по коридору, вошел в телефонную будку и двадцать две минуты объяснял жене про служебный долг.

Высокий, сухопарый начальник нортвудской полиции Гаррисон был сыт этим делом по горло. Он сказал:

— Зачем я буду вам все это рассказывать? Свидетельские показания лучше сведений, полученных из вторых рук. А у меня тут ждет очевидец. Я послал за ним, когда узнал, что вы едете.— Он нажал кнопку селектора.— Пошлите ко мне Эшкрофта.

— А кто он такой?

— Старший кассир Первого банка и довольно-таки перепуганная личность.— И, обращаясь к вошедшему свидетелю, он пояснил: — Это мистер Райдер, следовательно по особо важным делам. Он хотел бы выслушать вашу историю.

Эшкрофт сел, устало потирая лоб. Седой, подтянутый, элегантно одетый человек лет шестидесяти. Райдер мысленно отнес его к тому типу педантичных, немного брюзгливых, но в целом надежных людей, которых принято называть столпами общества.

— Я уже рассказывал ее не меньше двадцати раз,— пожаловался Эшкрофт.— И с каждым разом она выглядит все более нелепо. У меня голова кругом идет. Я не в состоянии найти мало-мальски правдоподобного...

— Не волнуйтесь,— мягко сказал Райдер.— Просто изложите мне факты, которые вам известны.

— Каждую неделю мы выплачиваем фабрике стеклянной посуды компании „Дакин“ что-то между десятью и пятнадцатью тысячами долларов — общую сумму заработной платы ее рабочих и служащих. Накануне фабрика присылает нам распоряжение о выплате с точным указанием суммы и купюр, в которых она хочет ее получить. И к следующему утру у нас все бывает готово.

— А утром?

— С фабрики приезжает кассир с двумя охранниками. Приезжает он всегда около одиннадцати. Не раньше чем без десяти одиннадцать и не позже чем в десять минут двенадцатого.

— Вы знаете его в лицо?

— У них два кассира. Мистер Суэйн и мистер Летерен. За деньгами приезжает иногда тот, иногда другой. Попеременно. То один уходит в отпуск, то заболевает, то занят на фабрике — тогда его подменяет другой. Я хорошо знаю их обоих уже несколько лет.

— Хорошо, продолжайте.

— Кассир привозит с собой запертый кожаный чемоданчик и ключ от него. Он отпирает чемоданчик и отдает его мне. Я кладу деньги в чемоданчик так, что он их считает, и возвращаю его вместе с квитанцией. Он запирает чемоданчик, кладет ключ в карман, расписывается в квитанции и уходит. Я подшиваю квитанцию, на чем все дело и кончается.

— Это небрежность,— заметил Райдер,— что и чемоданчик, и ключ находятся у одного человека.

Ему ответил Гаррисон:

— Мы это проверяли. Ключ находится у охранника. Он отдает его кассиру, когда они приезжают в банк, и забирает обратно после того, как кассир получит деньги.

Проведя языком по пересохшим губам, Эшкрофт продолжал:

— В прошлую пятницу мы приготовили для фабрики двенадцать тысяч сто восемьдесят два доллара. В зал вошел мистер Летерен с чемоданчиком. Ровно в половине одиннадцатого.

— Откуда вы это знаете? — перебил Райдер.— Вы посмотрели на часы? Почему?

— Я посмотрел на часы потому, что немного удивился.

Он приехал раньше обычного. Я ждал его только минут через двадцать.

— И было половина одиннадцатого? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, — ответил Эшкрофт так, словно это было единственное, в чем он не сомневался. — Мистер Летерен подошел к барьеру и протянул мне чемоданчик. Я поздоровался с ним и сказал, что сегодня он что-то рано к нам выбрался.

— И что он ответил?

— Точных слов я не помню. У меня не было причин запоминать его ответ, а к тому же я в тот момент укладывал деньги в чемоданчик. — Эшкрофт сдвинул брови, напрягая память. — Он сказал что-то банальное — что лучше прийти рано, чем опоздать.

— Что было дальше?

— Я отдал ему чемоданчик и квитанцию. Он запер чемоданчик, расписался и вышел.

— И все? — спросил Райдер.

— Если бы! — ответил Гаррисон и подбодряюще кивнул Эшкрофту. — Ну-ка расскажите ему остальное.

— Без пяти одиннадцать, — продолжал кассир, растерянно глядя перед собой, — мистер Летерен вернулся, положил чемоданчик на барьер и вопросительно посмотрел на меня. Поэтому я спросил: „Что-нибудь случилось, мистер Летерен?“ А он ответил: „Насколько мне известно, нет. А что?“

Эшкрофт смолк и снова потер лоб. Райдер сказал:

— Не торопитесь. Мне нужно, чтобы вы изложили все как можно подробнее и точнее.

Эшкрофт взял себя в руки.

— Я ответил, что все должно быть в порядке, так как деньги пересчитывались трижды. Тогда он с некоторым нетерпением заявил, что это его не интересует: пусть их пересчитывали хоть пятьдесят раз, но не могу ли я поторопиться, потому что его ждут на фабрике.

— И это вас слегка ошарашило? — предположил Райдер с угрюмой улыбкой.

— Я совершенно растерялся. Мне показалось, что он шутит, хотя он не производит впечатления человека, находящего удовольствие в глупых розыгрышах. Я сказал, что уже отдал ему деньги полчаса назад. Он спросил, не свихнулся ли я. Тогда я позвал Джексона, младшего кассира, и он подтвердил мои слова. Он видел, как я укладывал деньги в чемоданчик.

— А он видел, как Летерен их унес?

— Да. И сразу об этом сказал.
— И что же ответил Летерен?
— Он сказал, что хочет видеть управляющего. Я проводил его к мистеру Олсену. Через минуту мистер Олсен позвонил, чтобы я принес ему квитанцию. Я вынул ее из папки и обнаружил, что на ней нет никакой подписи.

— Совсем никакой?

— Да. Я ничего не мог понять. Я же своими глазами видел, как он расписывался на этой квитанции. И все-таки в этой строке ничего не было. Ни малейшей черточки.— Он расстроено помолчал и закончил: — Мистер Летерен потребовал, чтобы мистер Олсен кончил меня расспрашивать и вызвал полицию. Я оставался в кабинете управляющего до прибытия мистера Гаррисона.

Райдер, подумав, спросил:

— А Летерена оба раза сопровождали одни и те же охранники?

— Не знаю. Я их вообще не видел.

— То есть вы хотите сказать, что он был без охраны?

— Они не всегда входят в зал,— ответил за кассира Гаррисон.— Я проверял и перепроверял, пока не зашел в тупик.

— И что же вы узнали по дороге туда?

— Охранники сознательно меняют свое поведение так, чтобы тот, кто задумал ограбление, не знал, где они будут находиться в ту или иную поездку. Иногда они оба сопровождают кассира до барьера и назад. Иногда они ждут у входа и наблюдают за улицей. Или же один остается в машине, а другой расхаживает перед банком...

— Я полагаю, они вооружены?

— Конечно.— Гаррисон посмотрел на Райдера с легкой усмешкой.— Оба охранника клянутся, что в прошлую пятницу они сопровождали Летерена в банк один раз. И приехали туда без пяти минут одиннадцать.

— Но ведь он был в банке в половине одиннадцатого! — возразил Эшкрофт.

— Он это отрицает,— сказал Гаррисон.— И охранники тоже.

— По словам охранников, они вошли в банк? — спросил Райдер, выискивая дополнительные противоречия.

— Не сразу. Они ждали у входа, пока длительное отсутствие Летерена их не встревожило. Они вошли

в зал, держа руки на пистолетах. Но Эшкрофт их увидеть не мог, так как он уже был в кабинете Олсена.

— Ну, вы сами видите, как обстоит дело,— сказал Райдер, внимательно глядя на злополучного Эшкрофта.— Вы утверждаете, что Летерен получил деньги в половине одиннадцатого. Он утверждает, что не получал их. Одно исключает другое. У вас есть какие-нибудь объяснения?

— Вы мне не верите, ведь так?

— Почему же? Я пока не делаю выводов. Мы столкнулись с противоречивыми показаниями. Но отсюда вовсе не следует, что один из свидетелей сознательно лжет и что именно в нем следует заподозрить преступника. Кто-то из них может говорить, как ему кажется, совершенную правду — и искренне заблуждаться.

— Вы имеете в виду меня?

— Не исключено. Вы ведь не непогрешимы. Непогрешимых людей не бывает.— Райдер наклонился вперед, придавая особый смысл своим словам.— Будем считать, что факты верны. Если вы сказали правду, значит, деньги были взяты в половине одиннадцатого. Если Летерен сказал правду, значит, он их не брал. Соединим эти факты, и что же мы получим? Ответ: деньги унес кто-то, кто не был Летереном. И если это окажется так, значит, вы впали в заблуждение.

— Нет! Я не обознался,— возразил Эшкрофт.— Я знаю, кого я видел. Я видел Летерена и только его. Или я должен допустить, что не могу доверять собственным глазам!

— Вы ведь это уже допустили,— заметил Райдер.

— Ничего подобного.

— Вы сказали нам, что смотрели, как он подписывает квитанцию. Вы собственными глазами видели, как он ставил свою подпись.— Райдер сделал выжидательную паузу, но кассир не сказал ни слова.— Однако никакой подписи на квитанции не оказалось.

Эшкрофт угрюмо молчал.

— Если вы могли заблуждаться относительно подписи, то вы могли заблуждаться и относительно того, кто подписывался.

— Я не страдаю галлюцинациями.

— Да? — сухо сказал Райдер.— Ну, а квитанция, как вы это объясните?

— Я ничего не обязан объяснять,— внезапно вспы-

лил Эшкрофт.— Я изложил вам факты. А объяснить их — ваше дело.

— Справедливо,— согласился Райдер.— И мы не обижаемся, когда нам об этом напоминают. Надеюсь, вы не обидетесь, что вас так долго расспрашивали об одном и том же? Спасибо, что вы согласились прийти.

— Рад быть полезным,— и Эшкрофт с видимым облегчением вышел из комнаты.

Гаррисон сунул в рот зубочистку, пожевал ее и объяснил:

— Не дело, а черт знает что. Еще день-другой, и вы пожалеете, что вас прислали сюда учить меня уму-разуму.

Задумчиво разглядывая начальника полиции, Райдер процедил:

— Я приехал не для того, чтобы учить вас, а чтобы помочь вам, так как вы заявили, что вам нужна помощь. Ум хорошо, а два — лучше. Сто умов лучше десяти. Но если вы предпочтете, чтобы я отправился восвояси...

— Ерунда,— сказал Гаррисон.— В такие моменты я на всех огрызаюсь. Мое положение не похоже на ваше. Если кто-то грабит банк у меня под носом, он делает из меня идиота. А вам понравилось бы быть и начальником полиции и идиотом?

— Последнее определение я принял бы только, если бы признал, что потерпел полное поражение. Вы это признаете?

— И не думаю.

— Так хватит кусаться. Нам есть над чем подумать. В этой истории с квитанцией кроется что-то очень странное. Ни с чем не сопоставное.

— По-моему, все ясно, как день,— возразил Гаррисон.— Либо Эшкрофт был обманут, либо обманулся сам.

— Не в этом дело,— сказал Райдер.— Непонятно другое. Если считать, что они с Летереном оба говорят правду, то деньги забрал кто-то еще, какой-то неизвестный. И я не могу понять, зачем было преступнику отдавать квитанцию неподписанной с риском, что его тут же разоблачат? Не проще ли ему было расписаться за Летерена? Так почему же он этого не сделал?

Гаррисон задумался.

— Может быть, он боялся — а вдруг Эшкрофт заметит, что подпись подделана, взглянется в него повнимательнее и поднимет тревогу?

— Если он сумел выдать себя за Летерена, то, наверное, мог бы научиться подделывать его подпись.

— Ну, а если он не подписался, потому что неграмотен? — предположил Гаррисон. — Я знал бандитов, которые научились писать только за решеткой.

— Может быть, — согласился Райдер. — Но в любом случае главное подозрение пока падает на Эшкрофта и Летерена. И следует точно установить, виновны они или нет, прежде чем мы начнем дальнейшие розыски. Я думаю, вы обоих уже проверили?

— Еще бы! — воскликнул Гаррисон и скомандовал в селектор: — Пришлите мне папку по Первому банку. — Начнем с Эшкрофта. Финансовое положение хорошее, в прошлом все чисто, превосходная репутация, никаких оснований стать банковским грабителем. Джексон, младший кассир, в какой-то мере подтверждает его показания. И спрятать деньги Эшкрофт нигде не мог. Мы обыскали банк сверху донизу, и в течение этого времени Эшкрофт все время был под наблюдением. И ничего не нашли. Дальнейшее следствие выявило ряд обстоятельств, говорящих в его пользу... Подробности я расскажу вам позже.

— Вы убеждены в его невинности?

— Почти, но не совсем, — ответил Гаррисон. — Он мог отдать деньги сообщнику, заgrimированному под Летерена. В таком случае в банке их прятать бы не пришлось. Эх, если бы обыскать его дом как следует! Одна бумажка с известным номером сразу все поставила бы на свое место! Но судья Мексон отказался подписать ордер на обыск за недостаточностью оснований. Сказал, что для этого требуются более веские подозрения. И, вообще-то говоря, он прав.

— А фабричный кассир Летерен?

— Ему пятьдесят восемь лет. Убежденный холостяк. Ну, я не стану пересказывать вам его биографию. Ведь он никак не может быть виновным.

— Вы уверены?

— Судите сами. Фабричная машина стояла перед конторой все утро до десяти часов тридцати пяти минут. Затем в нее сели Летерен и охранники, чтобы ехать в банк. Раньше чем за двадцать минут они добраться до банка не могли. У Летерена просто не было времени, чтобы заехать в банк раньше на каком-то другом автомобиле, вернуться на фабрику, взять охранников и снова туда отправиться.

— Не говоря уж о необходимости успеть в промежутке где-то спрятать добычу,— вставил Райдер.

— Нет, сделать этого он не мог. Кроме того, сорок свидетелей на фабрике подтверждают, что Летерен был там все время с той минуты, как пришел на работу в девять и до десяти тридцати пяти, пока он не уехал в банк. Полное алиби.

— По-видимому, его сразу можно сбросить со счетов. Гаррисон скривил губу и сказал:

— Так-то оно так, но с тех пор мы нашли пятерых свидетелей, которые видели, как в десять тридцать он входил в банк.

— Другими словами, они подтверждают показания Эшкрофта и Джексона?

— Да. Я сразу же послал всех своих людей прочесать улицу до конца и ближайшую поперечную улицу. Ну, обычная паршивая будничная работа. Они разыскали троих свидетелей, готовых показать под присягой, что видели, как Летерен входил в банк в десять тридцать. Они его не знают, но опознали по фотографии.

— А его машину они заметили? Описали ее?

— Машину они не видели. Он шел пешком, неся чемоданчик. И заметили они его только потому, что какая-то дворняжка вдруг взвыла и бросилась от него со всех ног. Ну, они и подумали, что он ее пнул, только не поняли — за что.

— Они утверждали, что он ее пнул?

— Нет.

Райдер задумчиво потер оба своих подбородка.

— Так чего же она взвыла и удрала? Просто так собаки этого не делают. Либо ее ударили, либо она чего-то испугалась.

— Ну и что? — Гаррисону было не до дворняжек.— Еще ребята разыскали человека, который говорит, что видел, как Летерен несколько минут спустя выходил из банка с чемоданчиком. Никаких охранников он не заметил. Он говорит, что Летерен пошел по улице так, словно ни о чем не беспокоился, но потом остановил такси и уехал.

— Вы нашли шофера?

— Да. Он тоже узнал его по фотографии, которую мы ему показали. Заявил, что отвез Летерена к кинотеатру „Камея“ на Четвертой улице, но не видел, вошел он туда или нет. Просто высадил его, получил деньги и уехал. Мы допросили служащих „Камеи“, обыскали там все.

И ничего не нашли. Но рядом — автобусная станция. Мы вымотали там у них все жилы, но ничего не узнали.

— И это пока все?

— Не совсем. Я позвонил в министерство финансов и сообщил им номера банкнот. В восьми штатах я объявил розыск человека с приметами Летерена. Пока мы разговариваем, мои ребята с его фото прочесывают все отели и мебелишки. Он где-то притаился — возможно, у нас же в городе. Но что еще предпринять, я не знаю.

Райдер откинулся на спинку кресла, которое протестующе скрипнуло. Он думал, а Гаррисон неторопливо жевал зубочистку.

Затем Райдер заговорил:

— Превосходная репутация, финансовое благосостояние и отсутствие явного мотива — все это стоит куда меньше свидетельских показаний. У человека могут быть тайные причины. Например, ему почему-то необходимо сейчас же раздобыть двенадцать тысяч долларов, а времени получить их законным путем под страховку, акции или облигации у него нет. Скажем, ему дано только двадцать четыре часа, чтобы раздобыть выкуп.

Глаза Гаррисона выпучились.

— Вы считаете, что нам следует проверить, все ли родственники Эшкрофта и Летерена живы и здоровы и не исчезал ли кто-нибудь из них в последние дни?

— Как сочтете нужным. Сам я считаю, что ничего, кроме лишних хлопот, это не даст. Похититель знает, что ему грозит смертная казнь. Так станет ли он рисковать из-за каких-то жалких двенадцати тысяч, когда может с тем же успехом выбрать жертву побогаче и назначить выкуп побольше? К тому же, даже если проверка принесет положительные результаты, это не объяснит, как был осуществлен грабеж, и не даст нам доказательств, которые суд и присяжные могли бы счесть убедительными.

— Пожалуй, — согласился Гаррисон. — Тем не менее проверка не помешает. Мне самому ничего и делать не придется. Если не считать жены Эшкрофта, все их родственники живут в других городах. Надо будет просто связаться с тамошней полицией.

— Как хотите. И раз уж мы принялись шарить впотьмах, так поручите кому-нибудь узнать, нет ли у Летерена на заднем плане бездельника-братца, способного извлечь выгоду из их сходства. А вдруг Летерен — многострадальная половина пары близнецов-двойников?

— В этом случае,— проворчал Гаррисон,— он стал его сообщником с той минуты, как утаил от нас существование такого брата.

— С юридической точки зрения, конечно. Но ведь можно взглянуть на дело и по-человечески. Человек, который боится позора, сам на него напрашиваться не станет. Будь у вас брат — матерый рецидивист, стали бы вы разглашать это?

— Просто так — нет. В интересах правосудия — да.

— Люди же не одинаковы. И слава богу, что так.— Райдер нетерпеливо пожал плечами.— Ну с теми, на кого прямо падает подозрение, мы покончили. Посмотрим, что можно сказать о третьем и неизвестном.

— Я уже говорил вам, что объявил розыск человека с приметам Летерена,— ответил Гаррисон.

— Да, я помню. По-вашему, это может что-то дать?

— Трудно сказать. Возможно, он мастер переодевания. В этом случае сейчас он уже совсем не похож на того человека, которого видели свидетели. Если же сходство это — настоящее, большое и не поддающееся маскировке, розыск скорее всего даст результаты.

— Пожалуй. Однако если речь идет не о кровном родстве — а этот вариант вы все равно проверяете,— то сходство скорее всего искусственное. Слишком уж велико было бы совпадение. Будем исходить из того, что оно искусственное. Какие мы можем сделать из этого выводы?

— Оно было слишком уж большим,— заметил Гаррисон.— Настолько большим, что обмануло несколько свидетелей. Таким большим, что становится немного не по себе.

— Вот именно,— подхватил Райдер.— И ведь столь одаренный художник своего дела сможет повторить то же самое снова и снова, разыскивая подходящую жертву примерно одного с собой сложения. Следовательно, сходство между ним и Летереном может быть не больше, чем между мной и цирковым тюленем. У нас нет его настоящих примет, и это серьезная помеха. И пока мне не приходит в голову, как мы могли бы установить его подлинный облик.

— Мне тоже,— сказал Гаррисон уныло.

— Впрочем, у нас еще есть шанс: десять против одного, но сейчас он выглядит так, как раньше — до своего трюка. Ему незачем было прибегать к маскараду, пока он проводил примерку и разрабатывал свой план.

Грабеж прошел гладко, как по расписанию, и, значит, все до последней мелочи было предусмотрено заранее. А такого рода работа требует долгих предварительных наблюдений. Он не мог за один раз выяснить, каков порядок получения денег, и запомнить наружность Летерена. Разве что он чтец мыслей на расстоянии.

— Я в это не верю,— объявил Гаррисон.— Как в астрологов и ясновидящих.

Не слушая, Райдер продолжал:

— Следовательно, некоторое время до грабежа он жил в городе или в его окрестностях. Довольно много людей должны были его постоянно видеть и могли бы его описать. Ваши ребята, бегая по пивным с фотографиями, его не найдут, потому что он не похож на эту фотографию. Нам нужно установить, где он жил, и узнать, как он выглядит.

— Легче сказать, чем сделать!

— Вариант не из простых, но возьмемся за него. В конце концов мы чего-нибудь добьемся — хотя бы места в сумасшедшем доме...— Он умолк и задумался.

Гаррисон сосредоточенно уставился в потолок. Не подозревая об этом, оба прибегли к обычной для Земли замене гениального прозрения, которое случается так редко. Раза два Райдер открывал рот, словно собирался что-то сказать, но тут же снова его закрывал и опять погружался в размышления. Наконец он все-таки сказал:

— Чтобы с такой уверенностью выдавать себя за Летерена, он ведь должен был не только придать себе внешнее сходство с ним, но и одеться точно так же, ходить той же походкой, вести себя точно так же, пахнуть так же...

— Он ничем не отличался от Летерена,— ответил Гаррисон.— Я допрашивал Эшкрофта, пока нам обоим не стало тошно. У него все было как у Летерена, вплоть до ботинок.

— А чемоданчик? — спросил Райдер.

— Чемоданчик? — на худом лице Гаррисона мелькнуло недоумение, тотчас сменившееся злостью на себя.— Тут вы меня поймали. Про чемоданчик-то я и не спросил. Тут я дал маху.

— Не обязательно. Возможно, и он тот же самый, но лучше бы проверить.

— Сейчас и проверим.— Гаррисон взял телефонную трубку, набрал номер и сказал: — Мистер Эшкрофт, у меня к вам есть еще один вопрос. Чемоданчик, в кото-

рый вы укладывали деньги, он был тот же, с которым всегда приезжали кассиры с фабрики?

Райдер тоже услышал решительный ответ:

— Нет, мистер Гаррисон, это был новый чемоданчик.

— Что?! — взревел Гаррисон, багровея. — Почему же вы раньше молчали?

— Вы меня не спросили, а я не вспомнил. Но если бы и вспомнил, то не придал бы этому никакой важности.

— Послушайте, решать, что важно, а что — нет, это моя обязанность, а не ваша. — Он бросил на Райдера мученический взгляд и продолжал раздраженно: — Так давайте выясним все раз и навсегда. Если не считать его новизны, чемоданчик был точно таким же, как тот, с которым приезжали кассиры?

— Нет, сэр. Но очень похожим. Такая же форма, такой же латунный замок, почти такие же размеры. Но он был чуть длиннее и на дюйм глубже. Я помню, что, укладывая деньги, удивился, зачем им понадобилось покупать второй чемоданчик, но потом решил, что они хотят, чтобы мистер Летерен и мистер Суэйн ездили каждый со своим чемоданчиком.

— А вы не заметили какого-нибудь отличительного признака? Ярлычок с ценой, марка фирмы, инициалы или еще что-нибудь?

— Ничего. Я ведь не смотрел специально. Не предвидя дальнейшего, я не мог...

Голос Эшкрофта оборвался на середине фразы, так как Гаррисон раздраженно швырнул трубку на рычаг. Он уставился на Райдера, который ничего не сказал.

— К вашему сведению, — заявил Гаррисон, — я пришел к выводу, что профессия уборщика общественных туалетов имеет множество преимуществ, и бывают времена, когда я испытываю большое искушение... — Он задохнулся и включил селектор.

— Есть там кто-нибудь свободный?

— Кастнер, шеф.

— Ну так пошлите его сюда.

Вошел сыщик Кастнер. Он был одет весьма элегантно и явно знал, как ориентироваться в пучине порока.

— Джим! — распорядился Гаррисон. — Слетайте-ка на стекольную фабрику и возьмите чемоданчик кассира. Только убедитесь, что это тот, который они берут с собой в банк. Побывайте с ним во всех галантерейных магазинах города и установите, кому и когда за последний месяц были проданы такие же чемоданчики. Если оты-

щете покупателя, то пусть он предъявит вам свой чемоданчик и скажет, где он был и что делал в половине одиннадцатого в прошлую пятницу.

— Будет сделано, шеф.

— Звоните мне, как только что-нибудь выясните.

После ухода Кастнера Гаррисон сказал:

— Чемоданчик был куплен специально для этого ограбления. Следовательно, приобретен он скорее всего недавно и, вероятно, у нас в городе. Если в городских магазинах ничего выяснить не удастся, займемся соседними городами.

— Вы займитесь этим,— согласился Райдер,— а я тем временем тоже кое-что предприму.

— А что именно?

— Мы ведь живем в век науки и передовой техники. Мы располагаем широко развитыми и отлично действующими средствами связи, а также действенными системами сбора и хранения информации. Так воспользуемся же тем, что у нас есть.

— Что вы задумали? — спросил Гаррисон.

— Такой ловкий и легкий грабеж просто напрашивается на повторение. Не исключено, что преступник уже не раз пользовался своим способом, и уж, во всяком случае, этим банком он не ограничился.

— Ну, и...

— У вас есть его описание, хотя вряд ли оно даст нам много. Но,— Райдер подался вперед,— мы знаем его методы, и вот из них мы можем исходить.

— Да, верно.

— А потому сведем его описание к особенностям, замаскировать которые трудно, к таким, как рост, вес, тип фигуры, цвет глаз. Остальное можно отбросить. И сжато опишем его метод, указывая только факты. Все это мы можем уложить слов в пятьсот.

— А потом?

— В нашей стране имеется шесть тысяч двести восемь банков, из них шесть тысяч с лишним входят в Банковскую ассоциацию. Наш департамент снабдит Ассоциацию циркулярным письмом в количестве экземпляров, достаточном, чтобы разослать его всем ее членам. Они будут предупреждены о возможности грабежа, а если он все-таки повторится или что-то подобное уже имело место, мы сразу узнаем об этом во всех подробностях.

— Хорошая мысль! — одобрил Гаррисон. — Возможно, где-то начальник полиции ломает голову над

двумя-тремя данными, которых не хватает нам, а мы в свою очередь могли бы сообщить ему кое-что интересное. И обмен сведениями даст и нам и ему все, что нужно для поимки преступника.

— Не исключено, что нам удастся значительно упростить процедуру, — сказал Райдер. — При условии, что мы имеем дело с рецидивистом. Если же нет, тогда ничего не выйдет. Но если он был прежде арестован за что-нибудь подобное, мы найдем его карточку в один момент. — Мечтательно посмотрев на потолок, он добавил: — Вашингтонская картотека — это кое-что!

— Конечно, я про нее знаю, — сказал Гаррисон, — но видеть не видел.

— Одному моему приятелю, почтовому инспектору, она недавно сослужила неплохую службу. Он разыскивал типа, который продавал по почте фальшивые нефтяные акции. Он обморочил уже пятьдесят простаков с помощью отлично сработанных документов — заключения геологической разведки, лицензий и так далее. Никто из пострадавших его никогда не видел и потому не мог описать.

— Маловато для следствия!

— Конечно, но и этого хватило. Попытки почтовых властей расставить ему ловушку потерпели неудачу. Он был большой ловкач, а это уже само по себе улика. Несомненно, такой искушенный мошенник не мог не значиться в картотеке.

— И что было дальше?

— Его данные закодировали и вложили в скоростной экстрактор. Ну, словно дали ищейке понюхать платок. Вы и высморкаться бы не успели, как электронные пальцы уже ощупали сотни тысяч перфорированных карточек. Не тронув профессиональных убийц, грабителей и взломщиков разных категорий, они выбрали примерно четыре тысячи мошенников. Из них они отсортировали, скажем, шестьсот аферистов, специализирующихся на всучении несуществующих ценных бумаг. А из этих отобрали сотню оперирующих нефтяными псевдоакциями, после чего выделили тех двенадцать, кто ограничивал свою деятельность почтовыми отправлениями.

— Да, это заметно сузило поиски, — согласился Гаррисон.

— Машина выбросила двенадцать карточек, — продолжал Райдер. — Будь данных больше, она бы сразу

выдала одну-единственную карточку. А так их оказалось двенадцать. Впрочем, никакого значения это уже не имело. Быстрая проверка установила, что из этих двенадцати четверо уже умерло, а шестеро сидело за решеткой. Из оставшихся двух одного сразу нашли, и было точно установлено, что он тут ни при чем. Итак, остался только один. Почтовые власти теперь располагали его фамилией, фотографией, отпечатками пальцев, сведениями о его привычках, связях и обо всем прочем, кроме разве что брачного свидетельства его мамы. Он был арестован через три недели.

— Неплохо. Но я не понимаю, почему они сохраняют в картотеке тех, кто умер.

— Иногда новые данные позволяют установить, что давние преступления, оставшиеся нераскрытыми,— это дело их рук. А рабы картотек терпеть не могут незаконченных дел. Они готовы ждать хоть полжизни, лишь бы пометить их как закрытые. Обожают аккуратность, понимаете?

— Понимаю,— задумчиво ответил Гаррисон.— Казалось бы, преступник, попавший в картотеку, мог бы сообразить, что теперь следует начать честную жизнь или хотя бы изменить методы.

— Нет, они всегда повторяются. Попадают в колею и уже не могут из нее выбраться. Мне еще не приходилось слышать, чтобы фальшивомонетчик пошел в наемные убийцы или стал бы красть велосипеды. И наш молодчик снова проделает тот же трюк и практически теми же методами. Вот увидите! — Он кивнул в сторону телефона.— Не возражаете, если я закажу парочку междугородних разговоров?

— Сколько хотите. Я ведь их не оплачиваю.

— Ну, в таком случае я закажу и третий. Желушка имеет право на то, чтобы о ней вспоминали.

— Валяйте! — Гаррисон встал и направился к двери, всем своим видом выражая глубочайшее отвращение.— А я поработаю где-нибудь еще. Меня всегда мутит, когда взрослый мужчина начинает ворковать и сюсюкать.

Посмеиваясь, Райдер взял телефонную трубку:

— Соедините меня с министерством финансов, Вашингтон, добавочный 417, мистер О'Киф.

Следующие двадцать четыре часа земные методы продолжали применяться с тем же утомительным упорством. Полицейские задавали вопросы владельцам мага-

зинов, местным сплетницам, барменам, бывшим уголовникам, тайным осведомителям — короче говоря, всем тем, кто мог случайно что-то знать или что-то услышать. Сыщики в штатском стучали в двери, допрашивали тех, кто им отвечал, наводили справки о тех, кто отвечать отказался. Дорожная полиция проверяла мотели и кемпинги, допрашивала владельцев, управляющих, помощников. Шерифы объезжали фермы, где иногда сдавались комнаты.

В Вашингтоне одна машина выбросила шесть тысяч экземпляров циркулярного письма, а неподалеку другая машина печатала адреса на шести тысячах конвертов. Рядом с ней электронные пальцы, прощупывая миллионы перфорированных карточек, отыскивали специфическое расположение отверстий. В десятке больших и маленьких городов полицейские навели справки о некоторых людях, сообщили то, что узнали, по телефону в Нортвуд и занялись текущими делами.

Как обычно, прежде всего была получена стопка отрицательных ответов. Все родственники Эшкрофта были целы и невредимы, и никто из них в последнее время не исчезал из дому. В семье Летерена не имелось ни одной черной овцы, брата-близнеца у него не было, а единственный брат, моложе его на десять лет и не особенно на него похожий, обладал безупречной репутацией, да и все утро пятницы провел у себя в конторе, что подтверждали надежные свидетели.

Ни один банк не сообщил о похищении денег ловким жуликом, загримированным под уважаемого клиента. Ни в меблированных комнатах, ни в отелях, ни в кемпингах не удалось обнаружить постояльца, хотя бы отдаленно похожего на Летерена.

В картотеке имелось сорок два мошенника, живых и мертвых, хитро ограбивших банки. Но их способы совсем не походили на примененный в этот раз. Машина с сожалением выдала ответ: „Не значитсЯ“.

Однако достаточное число негативных факторов позволило прийти к некоторым позитивным выводам. Обдумав полученные ответы, Гаррисон и Райдер сошлись на том, что Эшкрофта и Летерена можно считать непричастными к грабежу, что неизвестный преступник еще только начинает свою карьеру и первый успех побудит его повторить удавшуюся операцию и что, используя свой особый талант, он скрывается теперь под совсем другой личиной.

Первая удача выпала им в конце дня. В кабинет вошел Кастнер, сдвинул шляпу на затылок и сказал:

— Возможно, я кое на что набрел.

— А именно? — спросил Гаррисон, настораживаясь.

— Такие чемоданчики особым спросом не пользуются, и продает их только один магазин. За последний месяц им удалось сбыть три.

— Оплачивались чеками?

— Наличными, — и, угрюмо улыбнувшись разочарованию своего начальника, Кастнер продолжал: — Но двое были давними уважаемыми клиентами. Оба купили свои чемоданчики недели три назад. Чемоданчики они мне предъявили и рассказали, как провели утро пятницы. Я проверил их истории — все совершенно верно.

— Ну, а третий покупатель?

— К этому я и веду, шеф. По-моему, он нам и требуется. Чемоданчик он купил накануне ограбления. И его никто не знает.

— Приезжий?

— Не совсем. Хильда Кассиди, продавщица, которая его обслуживала, подробно описала его. Говорит, что это пожилой тихий человечек с острым лицом. Похож на бальзамировщика, у которого болят зубы.

— Ну, а почему вы думаете, что он не приезжий?

— А потому, шеф, что кожаными изделиями в городе торгуют одиннадцать магазинов. Я ведь здешний, но и мне пришлось порыскать, прежде чем я отыскал тот, где имелись эти чемоданчики. Ну, и этот служитель морга — решил я — тоже не сразу нашел то, что ему требовалось. А потому я еще раз прошелся по магазинам, спрашивая их уже прямо о нем.

— Ну?

— В трех вспомнили, что похожий по описанию человек спрашивал товар, которого они не держат, — он сделал многозначительную паузу. — Сол Бергмен из „Туриста“ говорит, что его физиономия показалась ему знакомой. Кто он, Бергмен не знает и ничего к этому добавить не может. Но он уверен, что видел его раза два раньше.

— Может быть, он время от времени приезжает в город, а живет где-то не очень близко.

— И я так думаю, шеф.

— „Не очень близко“ может означать любое место в радиусе ста миль, а то и дальше, — проворчал Гарри-

сон. Он кисло посмотрел на Кастнера.— Кто из них лучше всех его разглядел?

— Хильда Кассиди.

— Ну так привезите ее сюда, и поживее!

— Уже привез, шеф. Дождается в приемной.

— Молодец, Джим! — сказал Гаррисон, повеселев.— Давайте ее сюда!

Кастнер вышел и вернулся с продавщицей. Это была высокая стройная девушка лет двадцати с умным лицом. Она сидела, положив руки на колени, и со спокойной деловитостью отвечала на вопросы Гаррисона, который старался как можно полнее выяснить, что еще она может вспомнить о внешности подозрительного покупателя.

— Опять то же! — пожаловался Гаррисон, когда она замолчала.— Ребятам придется еще раз обойти город и проверить, не знает ли кто-нибудь этого типа.

— Если он только приезжает в город, вам нужно будет заручиться содействием полиции других городов,— вмешался Райдер.

— Да, конечно.

— Но, возможно, мы сумеем облегчить им задачу.— Райдер посмотрел через стол на девушку.— Если мисс Кассиди согласится нам помочь.

— С удовольствием, если только сумею.

— Что вы еще придумали? — поинтересовался Гаррисон.

— Думаю заручиться услугами Роджера Кинга.

— А кто он такой?

— Художник в штате нашего департамента. Подрабатывает на стороне карикатурами. Он настоящий мастер.— Райдер снова повернулся к девушке.— Не могли бы вы завтра прийти сюда пораньше на все утро?

— Если управляющий разрешит.

— Он разрешит. Это я беру на себя,— объявил Гаррисон.

— Вот и прекрасно,— сказал Райдер девушке.— Когда вы придете, мистер Кинг покажет вам фотографии разных людей. Вам нужно будет внимательно их рассмотреть и указать на те черты, которые напомнят вам лицо человека, купившего этот чемоданчик. Тут подбородок, там нос, еще где-то — рот. А мистер Кинг нарисует по ним словесный портрет и будет изменять его по вашим указаниям, пока сходство не станет полным. Ну как, справитесь?

— Конечно.

— Можно сделать даже лучше,— вмешался Кастнер.— Сол Бергмен до смерти обрадуется, если и его попросить помочь. Он такие штуки любит.

— Ну так пригласите его назавтра.

Когда Кастнер и девушка ушли, Райдер спросил у Гаррисона:

— У вас тут найдется кто-нибудь, чтобы размножить портрет?

— Конечно.

— Вот и хорошо.— Райдер повернулся к телефону.— Можно, я добавлю к счету еще цифру-другую?

— Мне-то все равно, пусть даже мэр при виде этого счета в обморок хлопнется,— ответил Гаррисон.— Но если вы намерены изливать в трубку первобытную страсть, так и скажите, чтобы я успел загодя убраться.

— На этот раз — нет. Возможно, она и тоскует, но долг прежде всего! — Он взял трубку.— Министерство финансов, Вашингтон, добавочный 338. Попросите Роджера Кинга.

Рисунок Кинга был разослан вместе с описанием и просьбой задержать человека, ему отвечающего. Всего через несколько минут после того, как они попали к адресатам, в кабинете Гаррисона зазвонил телефон. Он схватил трубку.

— Казармы полиции штата. Говорит сержант Уилкинс. Мы только что получили ваш пакет. Я знаю этого типа, он живет на моем участке.

— Кто он такой?

— Уильям Джонс. Владелец небольшого питомника на шоссе номер 4, часах в двух езды от вашего города. Довольно унылая личность, но ничего дурного о нем не известно. Я бы сказал, что он отъявленный пессимист, но человек честный. Хотите, чтобы мы его задержали?

— А вы уверены, что это он?

— На вашем рисунке его лицо, а больше я ничего утверждать не берусь. В полиции я служу столько же, сколько и вы, и при опознании ошибок не делаю.

— Конечно, сержант. Мы будем очень вам благодарны, если вы пришлете его к нам для выяснения.

— Хорошо.

Он повесил трубку. Гаррисон откинулся на спинку стула и вперил взгляд в стол, взвешивая то, что услышал. Через несколько минут он сказал:

— Все-таки меня бы больше устроило, если бы этот Джонс в прошлом был, скажем, цирковым клоуном или эстрадным имитатором. Владелец питомника в двух часах езды от ближайшего города больше смахивает на простака-фермера, чем на ловкача, способного про-вернуть такое дело.

— Возможно, он только сообщник. Купил чемоданчик перед ограблением, потом спрятал деньги или стоял на стреме, пока грабитель был в банке.

Гаррисон кивнул.

— Ну, мы все выясним, когда он придет. И если он не сумеет доказать, что купил чемоданчик без всякой задней мысли, ему придется плохо.

— А если сумеет?

— Тогда мы вернемся к тому, с чего начали,— Гаррисон помрачнел, подумав об этом, но тут зазвонил телефон, и он схватил трубку.— Нортвудский полицейский участок.

— Говорит полицейский Клинтон, шеф. Я только что показал этот рисунок миссис Бастико. Она содержит меблированные комнаты. Дом 157 по Стивенс-стрит. Она клянется, что это Уильям Джонс, который жил у нее десять дней. Он явился к ней без багажа, но позже купил себе чемоданчик, вроде того кассирского. В субботу утром он уехал, захватив чемоданчик. У него было уплачено вперед за четыре дня, но он ни слова про это не сказал и больше не возвращался.

— Подождите там, Клинтон. Мы сейчас подъедем,— Гаррисон причмокнул и сказал Райдеру: — Ну, поехали!

Полицейская машина быстро доставила их к дому 157 по Стивенс-стрит. Это было ветхое кирпичное здание с каменной лестницей, истертой тысячами подошв.

Миссис Бастико, чье топорное лицо украшали бородавки, воскликнула в добродетельном негодовании:

— У меня в доме еще никогда не бывало полиции. За все двадцать лет!

— Ну, зато в нем хотя бы теперь побывали порядочные люди,— утешил ее Гаррисон.— Так что вы можете сказать про этого Джонса?

— Да ничего особенного,— ответила она, все еще кипя.— Он почти все время запирался у себя. А у меня нет привычки вступать в разговоры с жильцами, если они ведут себя прилично.

— Он упоминал что-нибудь о том, откуда он приехал,

или куда намерен отправиться дальше, или еще что-нибудь в том же роде?

— Нет. Он уплатил вперед, сказал мне свою фамилию, объяснил, что приехал по делам, а больше ничего. Он каждое утро куда-то уходил, вечером возвращался рано, всегда был трезвым и ни к кому не приставал.

— А к нему кто-нибудь приходил? — Гаррисон вытащил фотографию Летерена. — Вот этот человек, например?

— Ваш полицейский вчера показывал мне эту карточку. Я его не знаю. Я ни разу не видела, чтобы мистер Джонс с кем-то разговаривал.

— Гм-м-м... — разочарованно протянул Гаррисон. — Ну, мы осмотрим его комнату. Вы не против?

Она неохотно провела их наверх, отперла дверь и предоставила им перерыть комнату, как им вздумается. Судя по лицу миссис Бастико, полиция вызывала у нее аллергию.

Они тщательно обыскали комнату — сняли с кровати простыни и матрас, передвинули всю мебель, перевернули коврики и даже отвинтили отстойник раковины и исследовали его содержимое. Полицейский Клинтон извлек из узкой щели между половицами маленький кусочек прозрачной розовой обертки и два странных семечка, похожих на удлиненные миндалины с сильным своеобразным запахом.

Убедившись, что в комнате больше нет ничего интересного, они увезли эти скудные результаты обыска в участок, откуда отправили их в криминалистическую лабораторию штата для анализа.

Три часа спустя в кабинет вошел Уильям Джонс. Он посмотрел мимо Райдера, и, сердито уставившись на Гаррисона, который был в форме, спросил раздраженно:

— С какой это стати вы меня сюда приволокли? Я ничего не сделал!

— В таком случае чего же вам беспокоиться? — Гаррисон напустил на себя самый грозный вид. — Где вы были утром в прошлую пятницу?

— Это я вам сразу скажу, — с ехидством в голосе ответил Джонс. — Я был в Смоки-Фолсе, покупал запасные части для культиватора.

— Это же в восьмидесяти милях отсюда!

— Ну и что? От моего дома туда гораздо ближе. А **запасных** частей к культиватору здесь больше нигде

не купишь. Может, вы знаете агента в Нортвуде? Назовите его мне, и я вам спасибо скажу.

— Ну, довольно об этом. Сколько времени вы там пробыли?

— Приехал туда в десять, уехал днем.

— Так вам понадобилось около пяти часов, чтобы купить какие-то запасные части?

— А я никуда не торопился! Купил еще кое-каких продуктов. Пообедал там. Ну, и выпил.

— Значит, найдется много людей, которые смогут подтвердить, что видели вас там?

— А как же! — согласился Джонс с обескураживающей решительностью.

Гаррисон включил селектор и сказал кому-то:

— Привезите сюда миссис Бастико, Кассиди и Сола Бергмена. — Затем он снова вернулся к Джонсу. — Скажите мне точно, куда именно вы заходили, пока находились в Смоки-Фолсе, и кто вас видел в каждом из этих мест.

Он принялся быстро записывать все, что сообщал ему Джонс о своих покупках утром в пятницу. Кончив, он позвонил в полицейский участок Смоки-Фолс, быстро изложил суть дела, сообщил данные, полученные от Джонса, и попросил как следует их проверить.

Услышав его просьбу, Джонс вдруг встревожился:

— Можно мне теперь уйти? Мне работать нужно.

— Мне тоже, — сказал Гаррисон. — А куда вы прятали кожаный чемоданчик?

— Какой чемоданчик?

— Новый, который вы купили днем в четверг.

Растерянно глядя на него, Джонс выкрикнул:

— Что это вы мне приписываете? Никаких чемоданчиков я не покупал! На черта мне сдался ваш чемоданчик!

— Вы еще скажете, что не жили в меблированных комнатах на Стивенс-стрит!

— И не жил. На вашей Стивенс-стрит мне делать нечего. Я туда и за деньги не пошел бы!

Спор продолжался двадцать минут. Джонс с ослиным упрямством утверждал, что весь четверг работал у себя в питомнике — как и все то время, когда он якобы жил в меблированных комнатах. Никакой миссис Бастико он не знает и не желает знать. Никогда в жизни никаких кожаных чемоданчиков он не покупал. Пусть устроят у него обыск — он ничего против не имеет, но если там окажется чемоданчик, значит, они сами его подбросили.

В дверь просунулась голова полицейского:

— Они здесь, шеф.

— Ладно. Приготовьте все для опознания.

Через десять минут Гаррисон провел Уильяма Джонса в заднюю комнату и поставил его в ряд вместе с четырьмя сыщиками и пятью добровольцами с улицы. Затем в комнату вошли Сол Бергмен, Хильда Кассиди и миссис Бастико. Они посмотрели на шеренгу и одновременно показали на одного и того же человека.

— Он самый,— сказала миссис Бастико.

— Это он,— подтвердила продавщица.

— И никто другой,— подхватил Сол Бергмен.

— Они у вас тут все с приветом! — объявил Джонс в полной растерянности.

Гаррисон увел троих свидетелей к себе в кабинет и попробовал установить, не допустили ли они ошибки. Они утверждали, что нет, что они абсолютно уверены: Уильям Джонс — это тот самый человек.

Гаррисон отпустил их, а Уильяма Джонса задержал до получения сведений из Смоки-Фолса. Результаты проверки пришли, когда двадцать четыре часа — максимальный срок, на который закон разрешает задерживать подозреваемого без предъявления ему обвинения,— уже почти истекли. Показания тридцати двух человек полностью подтверждали, что Джонс действительно был в Смоки-Фолсе с десяти до пятнадцати тридцати. Проверки на дорогах помогли установить весь его путь до этого городка и обратно. Несколько свидетелей показали, что видели его в питомнике в те часы, когда он якобы был в доме миссис Бастико. В доме и в питомнике Джонса был произведен обыск — ни чемоданчика, ни похищенных денег обнаружено не было.

— Ну, все! — проворчал Гаррисон. — Мне остается только выпустить его с самыми нижайшими извинениями. Что за паршивое, что за гнусное дело, где все принимают всех за кого-то еще?

Массируя свои подбородки, Райдер предложил:

— А не проверить ли нам и это? Давайте-ка поговорим с Джонсом еще раз, прежде чем вы его отпустите.

Джонс вошел, сгорбившись и сильно поприпихнув: он был готов отвечать на любые вопросы, лишь бы скорее вернуться домой.

— Мы очень сожалеем, что причинили вам столько неудобств,— вежливо сказал Райдер. — Но при сложившихся обстоятельствах это было неизбежно. Мы столк-

нулись с чрезвычайно сложной проблемой. — Наклонившись вперед, он пристально посмотрел на Джонса: — Постарайтесь вспомнить, не было ли случая, когда вас приняли за кого-то другого?

Джонс открыл было рот, снова его закрыл и наконец сказал:

— Ах, черт! Был такой случай. Недели две назад.

— Ну-ка, расскажите, — попросил Райдер, и его глаза заблестели.

— Я проехал Нортвуд не останавливаясь — мне нужно было в Саутвуд. Пробыл там около часу, как вдруг какой-то тип окликнул меня с той стороны улицы. Совсем незнакомый. Я даже подумал, что он зовет кого-то другого. Но только он меня окликнул.

— А дальше что было? — нетерпеливо проговорил Гаррисон.

— Он меня спросил, как это я очутился тут. И вид у него был ошарашенный. Я ответил, что приехал на своей машине. Но он мне не поверил.

— Почему?

— Он сказал, что я шел пешком и голосовал. Он это знал потому, что сам подвез меня до Нортвуда. И добавил, что, высадив меня там, дальше нигде не останавливался и гнал так, что до Саутвуда его никто не обгонял. Он только сейчас поставил машину, пошел по улице и — бац! — я иду ему навстречу по другой стороне.

— А вы ему что сказали?

— Я сказал, что подвозил он не меня, а кого-то другого. Его же собственные слова это доказывают.

— Это поставило его в тупик, э?

— Он совсем растерялся. Подвел меня к своей машине и говорит: „Что же, значит, вы в ней не ехали?“ Конечно, я сказал, что нет, и пошел своей дорогой. Сначала я подумал, что это какой-то розыгрыш. А потом решил, что у него не все дома.

— Нам придется найти этого человека, — отдельно сказал Райдер. — Расскажите все, что можете о нем вспомнить.

Джонс задумался.

— Ему под сорок. Одет хорошо, разговаривает гладко, смахивает на коммивояжера. В машине у него полно проспектов, цветных таблиц и жестянок с красками.

— В багажнике? Вы туда заглядывали?

— Нет, на заднем сиденье. Словно у него привычка хватать их в спешке, а потом бросать.

— Ну, а машина?

— „Флэш“ последней модели. Двухцветный — зеленый с белыми крыльями. Радиоприемник. Номера я не заметил.

Они расспрашивали Джонса еще десять минут, выясняя в подробностях, как выглядел и как был одет этот человек. Затем Гаррисон позвонил в полицию города и попросил произвести розыск.

— Начните с москательных магазинов. Судя по всему, он коммивояжер какой-то фирмы, производящей краски. Наверное, там смогут сказать, кто у них был в тот день.

Ему обещали, что это будет сделано немедленно. Джонс отправился домой, сердясь, но и испытывая большое облегчение. Не прошло и двух часов, как его рассказ принес плоды. Гаррисону позвонили из города.

— В четвертом же магазине мы узнали все, что вас интересует. В торговле красками это личность известная. Бердж Киммелмен, представитель лакокрасочной компании „Акме“ в Мэрионе, штат Иллинойс. Местопребывание в настоящее время неизвестно. Но, конечно, вы сможете отыскать его через „Акме“.

— Огромное спасибо! — Гаррисон положил трубку и тут же начал звонить в „Акме“. После недолгого разговора он снова положил трубку и повернулся к Райдеру.

— Он сейчас едет где-то по шоссе милях в двухстах к югу. Вечером они созвонятся с ним, и завтра он будет здесь.

— Прекрасно.

— Да? — спросил Гаррисон с раздражением. — Мы сбиваемся с ног, разыскивая то одного, то другого, только чтобы тут же погнаться за третьим. Так может продолжаться без конца.

— Или же до чьего-то конца! — возразил Райдер. — Жернова человеческие мелют медленно, но очень тщательно.

Совсем в другом месте, на семьсот миль западнее, еще один человек занимался своей будничной работой. Организованные усилия могут быть очень внушительными, но действенность их удваивается, когда они вбирают в себя результаты индивидуальных трудов.

Человек, о котором идет речь, был остролицым и остроносым, жил в мансарде, питался в закусочных-автома-

тах, стучал на машинке бурами от никотина пальцами, двадцать лет лелеял мечту написать Великий Американский Роман, но все не мог собраться.

Звали его Артур Килкард, что, естественно, сократилось в „Кильку“, и был он репортером. Хуже того — репортером бульварной газетенки. Он беззаботно вошел в редакцию, но тут некто с язвой желудка и кислым лицом сунул ему листок.

— Вот, Килька. Еще один псих с летающим блюдцем. Отправляйся.

Килкард недовольно отправился выполнять поручение. Он отыскал указанный в записке дом и постучал. Дверь открыл юноша лет восемнадцати-двадцати с умным энергичным лицом.

— Вы Джордж Леймот?

— Совершенно верно.

— Я из „Звонка“. Вы сообщили, что у вас имеется материал про блюдечко. Так?

Леймот брезгливо поморщился.

— Это вовсе не блюдо, и я этого слова не употреблял. Это сферический предмет искусственного происхождения.

— Предположим, что так. Где и когда вы его видели?

— В прошлую ночь и в позапрошлую. В небе.

— Прямо над городом?

— Нет, но его видно отсюда.

— Я вот его не видел. И, насколько мне известно, вы — единственный, кто его видел. Как вы это объясните?

— Рассмотреть его вооруженным глазом почти невозможно. У меня есть восьмидюймовый телескоп.

— Сами собрали?

— Да.

— Это дело не простое! — похвалил Арт Килкард. — А вы мне его не покажете?

После некоторых колебаний Леймот сказал «ладно» и повел его на чердак. И действительно, там стоял самый настоящий телескоп, задирая любопытный нос к раздвижной дверце в крыше.

— И вы видели ваш сферический предмет в эту штуку?

— Две ночи подряд — подтвердил Леймот. — Надеюсь и сегодня за ним понаблюдать.

— Ну, и что он такое, по-вашему?

— Это ведь одни догадки, — уклончиво ответил юно-

ша.— Я могу сказать только, что он движется вокруг Земли по замкнутой орбите, имеет строго сферическую форму, и, по-видимому, представляет собой искусственное сооружение из металла.

— А фотографии его у вас нет?

— К сожалению, я не располагаю необходимой аппаратурой.

— А не может тут вам помочь наш фотограф?

— Если у него есть подходящая камера.

Килкард задал еще десятка два вопросов и под конец сказал с сомнением в голосе:

— То, что вы видели, может увидеть в телескоп кто угодно. А в мире полно телескопов и некоторые такие громадные, что сквозь них тепловоз проедет. Так почему же еще никто не прокричал об этом на весь мир? Как по-вашему?

Леймот ответил с легкой улыбкой:

— Те, у кого есть телескопы, не смотрят в них круглые сутки. А когда смотрят, то обычно изучают какие-то отдельные участки звездного неба. К тому же кто-то должен крикнуть первым. Потому-то я и позвонил в „Звонки“.

— И правильно сделали! — одобрил Килкард, предвкушая собственный успех.

— Тем более, — продолжал Леймот, — что его видели и другие. Вчера вечером я позвонил трем знакомым астрономам. Они поглядели и тоже его увидели. Двое сказали, что позвонят в ближайшие обсерватории. Сегодня я отправил в обсерваторию полный отчет о своих наблюдениях, и еще один — в научный журнал.

— О, черт! — сказал Килкард, встревожившись. — Надо поторопиться, прежде чем какая-нибудь другая газетенка тиснет статеечку... — На его лице вдруг появилось подозрительное выражение. — Поскольку я сам этой сферической штуки не видел, мне надо проверить материал по другому источнику. Это вовсе не значит, что я думаю, что вы врете. Но если я не буду проверять материал, мне придется искать другую работу. Не можете ли вы мне дать фамилию и адрес одного из ваших приятелей-астрономов?

Леймот сообщил ему адрес и проводил до дверей. Когда Килкард торопливо направился к телефонной будке, у дома Леймота резко затормозила патрульная полицейская машина. Килкард узнал полицейского в форме, сидевшего за рулем, но два дюжих субъекта в штатском

на заднем сиденье были ему незнакомы. Это его удивило — как репортер с большим стажем, он знал всех местных сыщиков и фамильярно называл их по имени. Издали он увидел, как двое незнакомых вылезли из машины, подошли к двери Леймота и позвонили.

Шмыгнув за угол, Килкард зашел в будку и набросал в аппарат побольше монет для междугородного разговора.

— Алан Рид? Моя фамилия Килкард. Я пишу на астрономические темы. Если не ошибаюсь, вы видели на небе неизвестный металлический предмет. Что-что? — Он нахмурился. — Бросьте! Ваш приятель Джордж Леймот тоже его видел. Он сам мне сказал, что звонил вам вчера насчет этой штуки. — Он замолчал, прижимая трубку к уху. — Какой смысл повторять „ничего не могу сказать по этому поводу?“ Послушайте, либо вы его видели, либо нет. А пока вы еще не сказали, что нет. — После новой паузы он спросил язвительно: — Мистер Рид, вам кто-нибудь приказал держать язык за зубами?

Он дернул рычаг, опасливо поглядел на угол, бросил в автомат несколько монет и сказал кому-то:

— Говорит Арт. Если решите тиснуть этот материалчик, то вам придется торопиться, и как! Он проскочит, только если вас не успеют остановить! — Он подождал, услышал щелчок подключенного диктофона и начал поспешно наговаривать ленту. Через пять минут он кончил, вышел из будки и осторожно заглянул за угол. Патрульная машина все еще стояла возле дома Джорджа Леймота.

Вскоре улицы наводнили газетчики с экстренным выпуском „Звонка“. И сразу же множество газет в маленьких городах, получив с телетайпа ту же новость, запестрели сыпью двухдвоймовых заголовков:

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ В НЕБЕ — ЧЬЯ?

На исходе следующего утра Гаррисон упрямо занимался текущими делами. В углу его кабинета Райдер, вытянув бревноподобные ноги, медленно и внимательно читал пачку напечатанных на машинке листов.

Пачка эта была плодом будничной работы очень многих людей. В ней, исключая немногие пробелы, час за часом прослеживались передвижения некоего Уильяма Джонса, о котором было известно, что он — не настоящий Уильям Джонс. Его видели, когда он бродил по

Нортвуду, тараща глаза, как провинциальный турист. Его много раз видели на главной улице, где он изучал расположенные там торговые заведения. Его видели в магазине самообслуживания примерно в то время, когда там у купальницы был украден кошелек. Он обедал в кафе и ресторанах, пил пиво в барах и пивных.

Эшкрофт, Джонсон и еще один кассир вспомнили, что какой-то похожий на Джонса человек за неделю до ограбления несколько раз заходил в банк и задавал праздные вопросы. Летерен и его охранники припомнили, что некто, как две капли воды похожий на Уильяма Джонса, стоял поблизости, когда Летерен брал деньги в предыдущий раз. В целом эти по крохам собранные сведения покрывали почти все время, которое предполагаемый преступник провел в Нортвуде — период, равный десяти дням.

Кончив читать, Райдер закрыл глаза и принялся вновь и вновь продумывать все подробности в надежде натолкнуться на новую идею. Тем временем включенный приемник на полке продолжал извергать приглушенную, но негодующую речь радиокomentатора:

— ...Теперь уже всему миру известно, что кому-то удалось запустить на орбиту космическую станцию. Всякий, у кого есть телескоп или даже сильный бинокль, может сам наблюдать ее по ночам. Так с какой же стати наше правительство делает вид, будто эта станция не существует? Если ее запустили не мы, так объявите об этом во всеуслышание — тем, кто ее запустил, это ведь все равно известно. Если же она принадлежит нам, если ее туда забросили мы, то почему от нас это скрывают, когда она сама уже давно перестала быть тайной? Может быть, кто-то считает нас неразумными младенцами? Какие бюрократы присвоили себе право решать, о чем нас можно ставить в известность, а о чем — нет? С этим надо покончить! Правительству пора прервать молчание!

— Тут я с ним согласен, — сказал Гаррисон, поднимая голову от бумаг. — Почему они не желают прямо сказать, наша она или не наша? Кое-кто там слишком много на себя берет. Хороший пинок... — Он замолчал и схватил телефонную трубку. — Нортвудский полицейский участок. — Пока он слушал, на его худом лице промелькнула целая гамма странных выражений, затем он положил трубку и сказал: — С каждой минутой это дело становится все более дурацким.

— Что на этот раз?

— Семена. Лаборатория не смогла установить, что это такое.

— Не вижу ничего странного. Не могут же они знать все!

— Во всяком случае, они знают, когда орешек оказывается им не по зубам,— возразил Гаррисон.— А потому послали наши семечки какой-то нью-йоркской фирме, где про семена знают все. И только что получили ответ.

— Ну?

— Все то же: науке неизвестны. В Нью-Йорке пошли даже дальше: отжали масла, а остаток подвергли всем возможным анализам. Результат: семена, не значащиеся ни в одном каталоге,— он испустил смешок, похожий на стон.— Они просят нас прислать им еще десяток этих неизвестных семян, чтобы они смогли их прорастить. Им интересно было бы узнать, что вырастет.

— Выбросьте все это из головы,— посоветовал Райдер.— Семян у нас больше нет, и мы не знаем, где их можно достать.

— Но у нас есть кое-что поинтереснее,— продолжал Гаррисон.— С семенами мы послали розовую прозрачную обертку, помните? Я тогда думал, что это цветной целлофан. А лаборатория сообщает, что это вовсе не искусственная пленка. Она органического происхождения, имеет клетки и прожилки, и, по-видимому, представляет собой кожицу неизвестного плода.

— ...давно известно в теории и, как предполагают, разрабатывается в условиях строгой секретности,— бубнило радио.— Тот, кто осуществит это первым, получит неоспоримое стратегическое преимущество с военной точки зрения.

— Порой я перестаю понимать, какой был смысл рождаться,— пробормотал Гаррисон.

Селектор квакнул и объявил:

— Шеф, вас спрашивает какой-то Бердж Киммелмен.

— Давайте его сюда.

Вошел Киммелмен, щеголеватый, самоуверенный. По-видимому, он только обрадовался возможности отдохнуть от обычных дел, поспешив на помощь закону и порядку. Он сел, закинул ногу за ногу, расположился, как дома, и принялся рассказывать свою историю:

— Просто черт знает что, капитан. Начать с того, что я никогда не беру в машину незнакомых людей. Но я остановился и подвез этого типа, хотя до сих пор не пойму, как это произошло.

— А где вы его подобрали?

— Примерно в полумиле за колонкой Сигера, если ехать в этом направлении. Он стоял на обочине, и я вдруг затормозил и распахнул перед ним дверцу. Я подвез его до Нортвуда, высадил, а сам рванул вперед в Саутвуд. Только я там отошел от автомобильной стоянки, как вижу: он идет по той стороне улицы, — Киммелмен умолк и выжидательно посмотрел на них.

— Продолжайте, — сказал Райдер.

— Я его тут же окликнул и спросил, как это он очутился в городе раньше меня. А он сделал такие глаза, будто не понимал, о чем я говорю, — Киммелмен недоуменно пожал плечами. — Я над этим без конца ломал голову, но так ничего и не смог придумать. Я знаю, что подвез этого типа или его брата-близнеца. Но второго быть не может: ведь в таком случае он понял бы, почему я ошибся, и объяснил бы, что я, очевидно, подвез его брата, но он ничего подобного не сказал. И постарался вежливо прекратить разговор, как будто имел дело с ненормальным.

— Пока он ехал с вами, не говорил ли он чего-нибудь? — спросил Гаррисон. — Что-нибудь о себе, своей профессии, цели своей поездки?

— Ничего. Он на меня прямо как с неба упал.

— Тут все словно с неба упало, — кисло проворчал Гаррисон. — Неизвестные семена, кожа неведомых плодов, и... — Он внезапно умолк. Рот его остался раскрытым, глаза выпучились.

— ...подобной базой, любая страна окажется в положении, позволяющем диктовать...

Райдер подошел к приемнику, выключил его и сказал:

— Будьте любезны, подождите немного в приемной, мистер Киммелмен.

Когда коммивояжер вышел, он продолжал, обращаясь к Гаррисону:

— Ну, решайте же наконец, хватит вас удар или нет?!

Гаррисон закрыл рот, снова открыл, но не сумел издать ни звука. Его выпученные глаза, казалось, не могли вернуться в исходную позицию. Правой рукой он бессильно помахал в воздухе. Райдер взял телефонную трубку и, когда его соединили, сказал:

— О'Киф, что у вас там слышно по поводу этой космической станции?

— Вы мне только из-за этого звоните? А я как раз брался за трубку, чтоб связаться с вами.

— По какому поводу?

— Пришло одиннадцать ответов на циркулярное письмо. Первые десять из двух больших городов, а последние два — из Нью-Йорка. Ваш подопечный на месте не сидит. Держу пари на десять кокосовых орехов против одного, что следующий банк, который он попробует ограбить, будет в Нью-Йорке или его окрестностях.

— Вполне возможно. Но пока забудьте про него. Я вас спросил про станцию. Как у вас там реагируют на это?

— Гудят, как потревоженный улей. По слухам, астрономы заметили эту штуку и сообщили о ней еще за неделю до того, как газеты подняли шум. Если это так, значит, кто-то наверху пытался засекретить эти сведения.

— Зачем?

— А я откуда знаю! — вспыхнул О'Киф. — Как я могу ответить, почему кто-то делает глупости!

— Значит, вы считаете, что они должны были прямо сказать, наша это станция или нет, поскольку правда рано или поздно все равно выйдет на поверхность?

— Вот именно. Но вы-то чего этим так интересуетесь, Эдди? Какое отношение станция имеет к нашему делу?

— Я просто выражаю вслух мысль, которая произвела на Гаррисона противоположное действие. Он лишился дара речи.

— Какую еще мысль?

— Что эта космическая станция вовсе не станция. И что официальных сообщений не поступило потому, что специалисты встали в тупик. Они же не могут что-нибудь сказать, если им нечего сказать, верно?

— Зато мне есть что сказать, — объявил О'Киф. — Займитесь делом! Если вы больше не нужны Гаррисону, то возвращайтесь. Хватит отдыхать на казенный счет!

— Послушайте, у меня нет привычки развлекаться междугородными телефонными разговорами. С одной стороны, в небе болтается нечто, и никто не знает, что это такое. С другой стороны, здесь, внизу, нечто имитирует людей, грабит банки, выбрасывает объедки неземного происхождения, и никто опять-таки не знает, что это такое. Два плюс два равняется четырем. Попробуйте сами сложить.

— Эдди, вы свихнулись?

— Дайте я вам изложу все подробности, а потом су-

дите сами.— Он быстро перечислил факты и закончил.— Постарайтесь заинтересовать тех, к кому это имеет прямое отношение. Нам одним такое дело не по зубам. Обратитесь к тем, у кого есть власть и возможности справиться с такой проблемой. Заставьте их понять!

Он положил трубку и посмотрел на Гаррисона, который мгновенно обрел способность говорить:

— А я все-таки не в силах поверить. Какая-то фантастика. В тот день, когда я доложу мэру, что банк ограбил марсианин, в Нортвуде будет новый начальник полиции. А меня он отправит к психиатру.

— А у вас есть другое объяснение?

— Нет. Это-то и хуже всего!

Выразительно пожав плечами, Райдер снова взял трубку и позвонил в лакокрасочную компанию „Акме“. Затем вызвал из приемной Киммелмена.

— Очень вероятно, что вы нам завтра понадобится, а возможно, и в следующие дни тоже. Я только что звонил в вашу контору и договорился с ними.

— Не возражаю,— сказал коммивояжер, довольный возможностью побездельничать с разрешения начальства.— Тогда я отправлюсь снять номер.

— Но сперва скажите: этот ваш пассажир... был у него какой-нибудь багаж?

— Нет.

— Ни пакета, ни маленького свертка?

— Ничего,— решительно ответил Киммелмен.

Глаза Райдера заблестели.

— Возможно, нам повезло.

На следующий день по разным шоссе, успешно избежав внимания прессы, в Нортвуд приехали важные люди. Кабинет Гаррисона оказался битком набитым.

Среди приехавших были шишки из министерства финансов, генерал, адмирал, глава секретной службы, один из руководителей военной разведки, три директора ФБР, начальник контрразведки, а также их помощники, секретари и технические советники плюс букет ученых, включавший двух астрономов, специалиста по радиолокации, специалиста по управляемым снарядам и несколько растерянного старца, знатока муравьев с международной репутацией.

Они молча — одни с интересом, другие скептически — выслушали исчерпывающий доклад Гаррисона. Он кончил и сел, выжидая глядя на слушателя.

Первым заговорил представительный седой человек:

— Я склонен согласиться с вами, что вы разыскиваете существо из иного мира. Я не берусь говорить от лица присутствующих. Возможно, у них сложилось иное мнение. Однако, мне кажется, нет смысла тратить время на споры. Проще решить вопрос, поймав преступника. В этом и заключается стоящая перед нами задача. Каким способом мы бы могли его схватить?

— Обычные методы тут не подходят, — объявил директор ФБР. — Того, кто способен изменить свою внешность настолько убедительно, что и стоя с ним рядом заметить подделку невозможно, изловить не так-то просто. Мы способны отыскать любого человека, если в нашем распоряжении будет достаточно времени, но не вижу, как мы можем выследить индивида, меняющего личности.

— Даже пришелец из другого мира не стал бы красть деньги, если бы они ему не были нужны, — заметил человек с пронзительными глазами. — Ведь больше нигде в космосе они хождения не имеют. Таким образом, можно предположить, что они ему были нужны. Однако деньги, кто бы их ни тратил, имеют тенденцию иссякать. Когда он их израсходует, ему придется пополнить запас. И он попробует ограбить еще один банк. Если все банки страны превратить в ловушки, он будет пойман.

— Как это вы расставите ловушку тому, кого сами будете считать лучшим и наиболее уважаемым своим клиентом? — спросил директор ФБР и с ехидной усмешкой добавил: — Если уж на то пошло, откуда вы знаете, что я — это не он?

Это предположение никого не обрадовало. Все тревожно переглянулись и умолкли, тщетно пытаясь найти решение проблемы.

Молчание нарушил Райдер.

— Откровенно говоря, я считаю, что искать по всему миру существо, которое способно выдавать себя за кого угодно, значит попусту терять время. Если он сумел в совершенстве скопировать двоих, то скопирует и двадцать, и двести человек. Я думал об этом, пока у меня голова кругом не пошла, но не вижу, каким способом его можно опознать и схватить. Он же практически неуловим!

— Возможно, если бы мы могли точнее узнать, как он это делает, нам было бы легче составить какой-нибудь план, — перебил один из ученых. — У вас нет никаких данных о его методах?

— Нет, сэр.

— На мой взгляд, речь идет о гипнозе,— сказал тот же ученый.

— Возможно, вы правы,— признал Райдер.— Но пока у нас нет никаких доказательств.— После некоторых колебаний он продолжал: — Насколько я могу судить, есть только один способ поймать его.

— Какой же?

— Вряд ли он явился к нам навсегда. Да и эта штука-вина в небе свидетельствует о том же. Для чего она? Я думаю, для того, чтобы доставить его обратно, когда он будет готов убраться восвояси.

— Ну? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Чтобы забрать его, эта штука должна спуститься с высоты в несколько тысяч миль. Следовательно, ее нужно будет вызвать. Ему придется дать сигнал своей команде, если она у него есть. Или же, если она управляется автоматически, посадить ее с помощью дистанционного управления. В любом случае ему будет нужен передатчик.

— Если передача будет продолжаться недолго, мы не успеем засечь ее и...— начал какой-то скептик.

Райдер отмахнулся от него.

— Я имею в виду совсем другое. Нам известно, что он явился в Нортвуд без багажа. Это утверждает Киммелмен. Это утверждает миссис Бастико. Его неоднократно в различное время видели многочисленные свидетели, но если не считать чемоданчика с деньгами, он никогда ничего с собой не носил. Даже если его цивилизация создала электронное оборудование, в десять раз более компактное и легкое, чем наше, все-таки передатчик дальнего действия будет слишком велик, чтобы носить его в кармане.

— Вы полагаете, что он его где-то спрятал? — спросил человек с пронзительным взглядом.

— Мне это кажется более чем вероятным. Но если он его спрятал, тем самым он ограничил свою свободу действий. Он не может посадить корабль там, где ему вздумается. Для этого ему надо будет вернуться к спрятанному передатчику.

— Но он мог спрятать передатчик где угодно. Не вижу, чем это нам поможет.

— Наоборот! — Райдер взял доклад Гаррисона и прочел несколько выдержек, делая ударения на самом важном.— Возможно, я ошибаюсь, но надеюсь, что нет.

Какой бы облик ни принимал, одного он замаскировать не мог — своего поведения. Если бы он замаскировался под слона и начал проявлять любопытство, он был бы очень правдоподобным слоном, но слоном любопытным.

— К чему вы клоните? — спросил генерал с четырьмя звездами на погонах.

— Судя по его промахам, он только-только явился на Землю. Если бы он провел где-то еще хотя бы пару дней, в Нортвуде он вел бы себя совсем по-другому. Ведь большинство свидетелей подчеркивают, что он все время что-то выглядывал и высматривал. Он совершенно не знал обстановки. Он держался как чужак, которому все в новинку. Если я прав, то Нортвуд был его первой остановкой. А это в свою очередь означает, что место посадки — и, следовательно, место взлета! — должно находиться где-то поблизости. И скорее всего возле шоссе, где его подобрал Киммелмен.

Споры продолжались около получаса, а затем было принято решение, в результате которого развернулись поиски, которые возможны, только если за ними стоит вся государственная машина. Киммелмен проехал по шоссе пять миль и указал точное место, которое и стало исходной точкой всех операций.

Завправщиков на колонке Сигера допрашивали с величайшей тщательностью, но безрезультатно. Были найдены и допрошены шоферы, часто пользующиеся этим шоссе, — местные жители, водители автобусов и грузовиков. Немногочисленные обитатели редконаселенных холмов — мелкие фермеры, бродяги, любители уединения и случайно оказавшиеся там люди — были разысканы и подробно допрошены.

За четыре дня напряженной работы и бесконечных расспросов в круге диаметром в десять миль были обнаружены три человека, которые смутно припомнили, что вроде бы недели три назад они видели, как что-то упало с неба, а может наоборот, и унеслось в него. Фермеру померещилось, что он видит вдали летающее блюдо, но он никому про это не сказал, опасаясь насмешек. Еще один фермер наблюдал странный свет над холмами, который тут же исчез, а шофер грузовика краешком глаза заметил непонятный предмет, но когда повернул голову, там уже ничего не было.

Каждый из троих показал место, где это произошло, и с помощью теодолита постарался поточнее установить, в какой точке неба он видел непонятное явление.

В результате на карте появился удлинённый треугольник площадью почти в квадратную милю. Теперь все внимание сосредоточилось на нем. Из его центра была описана окружность радиусом в две мили, после чего полицейские, помощники шерифов, национальная гвардия и многие другие принялись обыскивать местность внутри этой окружности фут за футом. Это была настоящая армия, вооруженная миноискателями и другими приборами, реагирующими на металлы.

За час до сумерек Райдер, Гаррисон и несколько высокопоставленных лиц услышали возбужденный крик и поспешили туда, где уже столпились все члены этой поисковой группы. Кто-то, подчиняясь тихому тиканью своего миноискателя, отвалил большой валун и увидел в яме под ним металлическую коробочку.

Коробочка была сделана из сизого металла. Длина ее равнялась двенадцати дюймам, ширина — десяти, а высота — восьми. В ее верхнюю грань было вделано шесть серебристых колец, по-видимому, служивших направленной антенной. Кроме того, на ней имелись четыре циферблата, установленных в разных позициях. И еще — небольшая кнопка.

Специалисты, уже готовые к такой находке, сразу принялись за работу. Они сняли коробочку на цветную пленку во всех радиусах, измерили ее, взвесили, положили обратно в яму и опять прикрыли валуном.

На максимальной дистанции остались в засаде снайперы, снабженные ночными прицелами и скорострельными винтовками. Данные о внешнем виде передатчика были срочно отправлены в город, а между шоссе и тайником на земле были установлены микрофоны, провода которых вели туда, где снайперы ждали, не раздадутся ли во мраке крадущиеся шаги.

До рассвета в холмах заняли позицию и замаскировались четыре прожекторные команды и шесть зенитных батарей. Заброшенная ферма была использована под командный пост, а в амбаре расположилась радиолокационная установка.

Для всякого другого хватило бы засады с десятком дюжих полицейских. Но не для этого существа, которое могло явиться в любом, самом неожиданном виде, например, епископом в полном облачении. Однако если он пойдет к передатчику и достанет его...

Через два дня из города пришла машина и забрала передатчик. На его место была положена точнейшая его

копия, однако не способная ничего призвать с неба. Земляне тоже умели неплохо имитировать.

Но на кнопку настоящего передатчика никто нажимать не стал. Время для этого еще не пришло. До тех пор, пока корабль остается на орбите, его загадочный пассажир будет тешиться обманчивым сознанием своей безопасности и рано или поздно угодит в расставленную для него ловушку.

Земля была готова терпеливо ждать. И ждала четыре месяца.

Банк на Лонг-Айленде лишился восемнадцати тысяч долларов. Метод был тот же самый — вошел, получил, ушел, исчез. Известный сенатор осмотрел бруклинские военно-морские верфи, одновременно присутствуя на конференции в Ньюпорт-Ньюсе. Управляющий обошел телевизионные студии, размещенные на шести этажах небоскреба, с двадцатого по двадцать пятый, все время оставаясь в своем кабинете на десятом этаже. Пришелец успел уже узнать так много, что наглед все больше.

Переснимались чертежи, вскрывались сейфы, обследовались лаборатории. Сталелитейные и военные заводы подверглись неторопливому осмотру. Начальник большого инструментального цеха сам водил по заводу самозванного гостя и давал ему необходимые объяснения.

Но даже у того, кто практически неуязвим, не все сходит гладко. Самый большой ум не гарантирует от ошибок. Хараша Вэнеш сделал большую глупость, когда в сомнительном баре достал из кармана плотную пачку крупных купюр. Его выследили до отеля. На следующий день, когда он вышел, за ним никто не следил, но, пока он вынюхивал очередные секреты Земли, в его номере произошла кража. Вернувшись, он обнаружил, что от денег, взятых в лонг-айлендском банке, не осталось ничего. Это означало перерыв в шпионаже: нужно было подоить третий банк.

И наконец он завершил свою работу. Обследовав одну из наиболее развитых областей этой планеты, он не считал нужным знакомиться с остальными. Все, что требовалось для целей андромедян, он уже узнал. Располагая собранной им информацией, гипнотисты империи, включающей двести планет, могли в любую минуту без всякого труда прибавить к ней еще одну.

Неподалеку от колонки Сигера он вылез из машины и вежливо поблагодарил автомобилиста, который никак не мог понять, с какой стати он сделал такой большой крюк ради совершенно незнакомого человека. Стоя у обочины, Вэнеш смотрел вслед машине. Она уносилась прочь на бешеной скорости, словно водитель был очень зол на себя.

Крепко держа чемоданчик, набитый заметками и набросками, он оглядел местность и увидел то же, что видел четыре с лишним месяца назад. Тем, кто находился в пределах его гипнотического воздействия, он представлялся дородным и несколько самодовольным коммерсантом, который лениво осматривал холмы. Те же, кто находился вне этих пределов, были слишком далеко, чтобы невооруженным глазом увидеть что-либо, кроме неясной фигуры, издали напоминающей человека.

Но те, кто смотрел в подзорные трубы и бинокли с расстояния свыше мили, видели то, чем он был на самом деле. Существо не из этого мира. Нечто. Они могли бы сразу же его захватить. Но сочли это излишним: ведь все уже было давно готово к его приему.

Крепко прижимая к себе чемоданчик, он быстро пошел от шоссе прямо к тому месту, где был спрятан передатчик. Оставалось только нажать кнопку, вернуться в Нортвуд, заглянуть в какую-нибудь забегаловку, выпастись и вернуться сюда. Корабль, следуя по лучу передатчика, приземлится здесь, но это займет ровно восемнадцать часов двадцать минут.

Подойдя к валуну, Вэнеш в последний раз настороженно осмотрелся. Нигде ни души. Он откатил валун и почувствовал легкое облегчение, увидев, что его прибор лежит в яме — так, как он его и оставил. Нагнувшись, Вэнеш нажал на кнопку.

Из корабля с шипением вырвался одуряющий газ. Тут люди допустили ошибку. Они были убеждены, что он потеряет сознание по меньшей мере на сутки. Но ничего подобного не произошло. Его организм не был похож на человеческий, а потому он только закашлялся и кинулся бежать.

В шестистах ярдах от него из-за скалы выскочило четыре человека. Наведя на него винтовки, они крикнули, чтобы он остановился. Слева из-под земли выскочили еще десятеро и закричали то же самое. Он ухмыльнулся, показывая им зубы, которых на самом деле у него не было.

Он не мог заставить их сунуть дуло себе в рот. Но зато с его помощью они могли изрешетить друг друга. Не замедляя бега, он метнулся в сторону, чтобы уйти с линии огня. Четверо справа услужливо подождали, пока он не оказался в безопасном месте, а затем начали палить в десятерых. Те в свою очередь принялись поливать их свинцом.

Вэнеш продолжал бежать изо всех сил. Он мог бы с удобством развалиться на скале и просто подождать, пока люди не перестреляют друг друга,— при условии, что вне зоны его гипнотического воздействия не скрывается еще засада с оружием дальнего действия. Он не мог рисковать.

Разумнее всего было следующее: как можно скорее покинуть опасное место, вновь выйти на шоссе, забрать первый же автомобиль и опять исчезнуть в гуще многомиллионного населения этой страны. О том, как подать сигнал кораблю, он подумает на досуге в безопасном месте. Задача не была неразрешимой — ведь в случае необходимости он может стать и здешним президентом.

Опасения Вэнеша были вполне оправданны: в полумиле от него прятался плотный толстяк по имени Хэнк, который не стерпел такого трусливого и наглого бегства с фронта гражданской войны. Вспыльчивый Хэнк лежал за тяжелым пулеметом. Видел он не то, что видели те, кто находился ближе к беглецу, и, не слыша команды „отставить!“, Хэнк повернул свой пулемет, хмуро посмотрел в прорезь прицела и нажал спуск. Пулемет оглушительно затрещал, его лента задержалась и загромоздилась.

Несмотря на расстояние, он точно попал в цель. Хара-ша Вэнеш опрокинулся на бок, дернулся и больше не встал. Его неподвижное тело продолжало сотрясаться от ударов все новых и новых пуль. Он был мертв.

Гаррисон поспешил к телефону, чтобы скорее сообщить новость. Ему ответил О'Киф.

— Его тут нет. У него сегодня выходной день.

— А где я мог бы его найти?

— У него дома. Я дам вам номер. Он там пестует младенца.

Гаррисон позвонил по указанному номеру.

— Он... вернее, оно убито. Примерно час назад.

— Гм-м-м... Жаль! Надо было бы взять его живьем.

— Легче сказать, чем сделать! Да и как бы вы дер-

жали в заключении существо, которое могло бы заставить вас снять с него наручники и надеть их на себя?

— Над этим пусть ломают головы службы безопасности и полиция. А я работаю в министерстве финансов.

Положив трубку, Гаррисон хмуро уставился на стену. За стеной, в нескольких сотнях миль к югу, люди вышли на взлетную дорожку аэродрома, положили на бетон бурую коробочку и нажали кнопку, после чего начали ждать, наблюдая за небом.

Конец долгой ночи

Командор Круин неторопливо спускался по металлическому трапу, на последней ступеньке секунду помедлил и, горделиво приосанившись, шагнул вниз. Наконец под ногами твердь. Новая территория. Он первым из людей ступил на поверхность этой незнакомой планеты.

Огромный, могучего сложения, в полном парадном одеянии, стоял он возле флагманского корабля, озаренный лучами чужого солнца. Серовато-зеленый, идеального покроя мундир — без единой морщинки. На груди сверкают усыпанные бриллиантами ордена. Сапоги начищены до зеркального блеска, как ни разу еще с момента старта на родной планете. Круин чуть переступил с ноги на ногу, и золотые колокольчики на каблуках — знаки различия — тоненько зазвенели. Из-под козырька тяжелого, затейливо украшенного шлема самодовольно смотрели холодные глаза.

Тотчас же вслед за ним из отсека, откуда он только что вышел, раскачиваясь, спустился микрофон. Круин поймал его своей левой ручищей, отрешенный взгляд устремился вдаль, точно ему были открыты видения далекого прошлого и еще более отдаленного будущего. Великий момент в истории Гульда.

— Во имя моей планеты, во имя моего великого народа,— торжественно, официальным тоном начал он,— объявляю эту территорию владением Гульда.— И четко, резко, как автомат, отдал честь.

И сейчас же двадцать два древка с черно-красно-золотыми полотнищами — цветами Гульда — высунулись одновременно из носовых иллюминаторов черных длинных ракет. Внутри каждого корабля семьдесят человек команды вытянулись по стойке смирно и, отдав

честь, дружно грянули гимн Гульда: „О святая отчизна Гульд“.

Когда гимн был пропет, Круин опять отдал честь. Полторы тысячи рук взметнулись вверх в ответном салюте. Круин поднялся по лестнице во внутреннее помещение флагмана. Вымпелы были тотчас же убраны, люки задраены. Двадцать два корабля чужеземных захватчиков стояли в военном строю на равном расстоянии один от другого, носы выравнены строго по воображаемой прямой.

Над невысоким холмом к востоку от долины вырос столб огня и густого дыма. Горело то, что осталось от двадцать третьего корабля — восьмая катастрофа за три года космического полета от Гульда на эту незнакомую планету. В момент старта их было тридцать. Цели достигли двадцать два.

Войдя в рубку, командор Круин опустился в кресло перед своим столиком, снял с головы тяжелый шлем и поправил орден, скромно спрятавшийся за соседа.

— Этап четвертый, — с удовлетворением проговорил он.

Первый помощник Джусик почтительно кивнул и протянул командору тоненькую книжку. Раскрыв ее, Круин стал негромко читать:

— Этап первый: выяснить, годятся ли природные условия планеты для наших форм жизни. — Потерев могучий подбородок, Круин ответил себе: — Выяснили, годятся.

— Да, сэр. Ваша первая большая победа.

— Благодарю, Джусик. — Крупное лицо командора скривила жесткая улыбка: — Этап второй: держаться в тени, отбрасываемой планетой, на расстоянии не менее одного ее диаметра, пока самолеты-разведчики исследуют поверхность на предмет существования более высоких форм жизни. Третий этап: выбрать место посадки вдали от крупных городов, способных оказать серьезное сопротивление, но так, чтобы вблизи были небольшие селения, которые легко покорить. Четвертый этап: торжественная церемония провозглашения планеты колонией Гульда в соответствии с Уставом космической службы. — Круин опять потер подбородок. — Все это позади. — Он снова улыбнулся и с удовлетворением взглянул в иллюминатор над столом. Точно картина в круглой раме, открылся ему

далекий холм со столбом дыма. Чело командора нахмурилось. На скулах заиграли желваки.

— Окончить школу космических навигаторов, получить самую высокую квалификацию! — Он презрительно нахмурился. — И погибнуть у самой цели! Нет еще одного корабля, еще одной команды. Восьмая катастрофа за три года. Вернемся на Гульд, придется навести порядок в учебно-астронавигационном центре.

— Так точно, сэр, — поддакнул Джусик. — Этому не может быть оправдания.

— Никому и ничему не может быть оправдания!

— Не может, сэр.

Презрительно фыркнув, Круин продолжал читать:

— Пятый этап: занять оборонительную позицию, как предписано в наставлении по обороне. — Круин взглянул на Джусика, в его худое с тонкими чертами лицо. — Каждый капитан имеет Боевой устав. К выполнению пятого этапа приступили?

— Да, сэр, приступили.

— Хорошо. Того, кто будет последним, понижу в звании. — Послывив большой палец, Круин перелистнул страницу: — Этап шестой: если на планете обитают разумные существа, захватить несколько особей. — Откинувшись на спинку стула, Круин выждал секунду и вдруг рывкнул: — Вы чего ждете?

— Прошу прощения, сэр?

— Немедленно доставить сюда туземцев! — заорал Круин.

— Будет сделано, сэр.

Не моргнув глазом, Джусик отдал честь и строевым шагом вышел из капитанской рубки.

Дверь автоматически затворилась. Круин смотрел на нее с ненавистью.

— Чертов учебный центр! С тех пор, как я оттуда ушел, дела там идут из рук вон плохо.

Отодвинувшись в кресле, он положил вытянутые ноги на стол и едва заметно подрагивал ими, чтобы слышать, как звенят золотые колокольчики. Он ожидал, когда приведут туземцев.

Туземцев не пришлось долго искать, они подвернулись сами. Выстроившись у хвоста самой последней ракеты, они широко раскрытыми глазами смотрели на невиданное чудо. Капитан Сомир лично привел их к командору.

— Этап шестой предусматривает поимку туземцев, — обратился он к Круину. — Я понимаю, вам требовалось

что-нибудь получше. Но я нашел этих под самым нашим носом.

— Под самым носом? Вы где, у себя дома на Гульде? Как вы можете допустить, чтобы вокруг вашего корабля разгуливали как ни в чем не бывало обитатели новой территории? Почему не сработала оборонительная система?

— Пятый этап еще не завершен, сэр. На все нужно время.

— А что делают ваши наблюдатели? Спят?

— Никак нет, сэр,— заверил командора Сомир, чувствуя, что почва уходит у него из-под ног.— Но они решили, что из-за этих вот не стоит поднимать общей тревоги.

Круин нехотя согласился. Окинул презрительным взглядом стоявшую перед ним троицу: мальчишка от горшка два вершка, курносый, во рту пухлый кулачок, голенастая с мышинными хвостиками девочка постарше и девочка-подросток, высокая, чуть пониже Сомира, в легком платье, тоже худенькая, но уже с намечающейся грудью. У всех троих ярко-рыжие волосы и лица в веснушках.

— Я Марва, Марва Мередит,— сказала высокая девочка, обращаясь к Круину.— Это Сью, а вот это — Сэм. Мы живем в Вильямсвилле, вон там.— Она улыбнулась Круину, и он вдруг заметил, что глаза у нее ослепительно ярко-зеленые.— Мы собирали голубику, а тут прилетели вы.

Круин хмыкнул, сложив руки на животе. То, что обитатели планеты оказались по виду такими, как он, ничуть не удивило его. Ему в голову не приходило, что может быть иначе. Ученые Гульда утверждали, что все высшие формы жизни должны быть человекоподобными, и до сих пор исключений из этого правила не наблюдалось.

— Я не понимаю ни слова этой тарабарщины,— сказал он Сомиру,— а она, разумеется, не понимает меня. Надо быть идиоткой, чтобы тратить время на такой бессмысленный разговор.

— Да, сэр,— согласился Сомир.— Отвести их в учебный отсек?

— Не надо. Какой от них толк!

Круин брезгливо смотрел на усыпанное веснушками лицо стоящего перед ним малыша. Он никогда прежде не видел ничего подобного.

— Они все в каких-то точках. Может, это болезнь?

Фу, мерзость! — его передернуло от отвращения. — Они прошли дезинфекционную лучкамеру?

— Разумеется, сэр. Это первое, что было сделано.

— И впредь не забывайте об этом.

Он медленно перевел взгляд с малыша на девочку с мышиными хвостиками, затем на высокую, зеленоглазую. Он не хотел смотреть на нее, но знал, что не удержится и посмотрит. В ее чистых, как утренняя роса, глазах было что-то такое, отчего он ощутил смутное беспокойство. Против воли глаза его встретили ее взгляд. Она опять улыбнулась, и на ее щеках обозначились ямочки.

— Вышвырни их вон, — рявкнул Круин, не взглянув на Сомира.

— Как прикажете, сэр, — ответил тот и легонько подтолкнул всех троих. Взявшись за руки, дети цепочкой пошли к двери.

— До свидания, — важно пробасил малыш.

— До свидания, — застенчиво проговорили мышиные хвостики.

Высокая девочка обернулась в дверях.

— До свидания, — сказала она и снова показала ямочки.

Круин взглянул на нее. Услышав еще одно непонятное слово, заерзал в кресле. Дверь за детьми автоматически затворилась.

„До свидания“, — мысленно произнес Круин незнакомое слово. Судя по ситуации, прощальное приветствие. Вот он уже знает одно туземное выражение.

„Этап седьмой — обучить туземцев гульдскому языку и вступить с ними в общение“.

Обучить их. А не наоборот. Не они должны обучать, а ты их. Раб не должен учить хозяина. Хозяин должен учить раба.

„До свидания“, — в сердцах повторил Круин. Казалось бы, пустяк, но налицо явное нарушение устава. Никому и ничему не может быть оправдания.

Оглушительно грохотали двигатели — космические корабли занимали оборонительную позицию, предусмотренную наставлением по обороне. В течение нескольких часов эти громадины маневрировали в тесной долине: разворачивались, двигались вперед, осторожно подавали назад. И в конце концов образовали, встав носами к цент-

ру, хвостами наружу, две одиннадцатиконечные звезды. Полоса земли, покрытая пеплом сожженной травы, кустов и деревьев, окружала эти два зловещих кольца, ощетинившихся соплами, пламя которых могло испепелить все живое в радиусе одной мили.

Покончив с передислокацией, пропитанные потом и копотью гульдианцы снимали с кораблей носовые орудия и устанавливали их в промежутках между соплами. Хвостовые орудия остались на месте, но их стволы были нацелены под углом вверх. Пушки плюс сопла двигателей образовали грозную круговую оборону. Эта хитроумная система была гордостью Гульда, изобретением его военных специалистов. Но наблюдатель с другой планеты сказал бы, что круговая оборона — очень древнее изобретение, что ее применяли в стародавние времена еще пионеры Дальнего Запада, отправлявшиеся на поиски новых земель в своих допотопных фургонах. Правда, это было в столь далеком прошлом, что о круговой обороне помнили только немногие знатоки древней истории. И, конечно, нагрянувшие сюда космические пираты ничего об этом не знали.

Впереди каждого космического корабля были поставлены носом наружу по два маленьких скоростных, вооруженных до зубов самолета-разведчика, готовых взмыть в любую минуту. Стояли они так, что ни огонь из сопел, ни пушечные выстрелы им не угрожали. Много сил и времени было потрачено, чтобы добиться идеального построения: расстояние между каждой парой самолетов было выверено до сантиметра; так же точно были выверены углы поворота. Весь лагерь имел ту геометрическую правильность построения, которая так мила сердцу военного.

Шагая по узкой дорожке вдоль наружной палубы флагмана, Круин с удовлетворением наблюдал, как трудится его команда. Четкая организация, дисциплина, прилежание и беспрекословное повиновение — вот в чем сила Гульда, залог его нынешнего и будущего стократного могущества.

Дойдя до хвостовой части, Круин остановился, облокотившись на перила, и взглянул вниз на концентрические круги широкого короткого сопла. Команда флагмана измеряла углы поворота самолетов-разведчиков относительно корпуса корабля. Через выжженное поле во главе с Джусиком шагали с автоматами через плечо четверо стражников, ведя под конвоем пленных.

Увидев командора, Джусик скомандовал: „Стоять!“

Стража и пленные остановились, щелкнув каблуками и подняв облако черной пыли. Взглянув в их сторону, Круин отдал честь.

— Шестеро особей, сэр.

Круин оглядел пленников безразличным взглядом: шестеро мужчин в песочного цвета мешковато сидевших костюмах. Он бы медного гроша не дал и за шесть тысяч таких, как эти.

Самый высокий, второй слева, был рыжеволос, изо рта у него торчало что-то длинное, дымящееся. Он был шире Круина в плечах, но весил наверняка вдвое меньше. „Интересно, не зеленые ли у него глаза“, — рассеянно подумал командор. На таком расстоянии не было видно.

Спокойно посмотрев на Круина, рыжеволосый вынул дымящуюся штуку изо рта и, не повышая тона, проговорил:

— Черт возьми, живой генерал.

Затем сунул дымящуюся штуку в рот и выпустил сирую струйку дыма.

Остальные с сомнением покачали головами, точно не поняли приятеля или не поверили ему.

— Не может быть! — возразил стоявший справа, тощий, длинный, с худым мрачным лицом.

— Говорю тебе, генерал, — также не повышая тона, повторил Рыжий.

— Отвести их в учебный отсек, сэр? — спросил Джусик.

— Да.

Выпрямившись, Круин стал аккуратно натягивать белые парадные перчатки.

— Доложите мне о них, когда они научатся говорить по-гульдски. А до тех пор ничего не желаю о них слышать.

Ответив на приветствие Джусика и стражи, Круин отправился обратно в нос корабля.

— Теперь видите? — спросил Рыжий, стараясь идти в ногу со стражей. Казалось, это доставляет ему удовольствие. Подмигнув соседу, он выпустил изо рта душистый завиток дыма.

Лингвисты Фейн и Парт на другой же вечер попросили аудиенции у командора. Джусик их впустил. Круин недовольно оторвался от доклада, который он обычно составлял в этот час.

— В чем дело?
— Сэр, пленники предлагают, чтобы мы обучали их языку у них дома.
— Как они смогли предложить вам это?
— Мы объясняемся знаками.
— А как вам могло прийти в голову, что эта идиотская идея заслуживает моего внимания?

— Есть соображения, сэр, которые вынуждают обратиться к вам, — гнул свое Фейн. — Согласно Уставу внутренней службы, подобные дела должны представляться на рассмотрение вышестоящего начальства, чье решение считается окончательным.

— Прекрасно, прекрасно, — Круин посмотрел на Фейна более благосклонно. — Какие же это соображения?

— Время — самый важный для нас фактор. Чем быстрее наши пленники научатся нас понимать, тем лучше. Здесь же их внимание слишком поглощено непривычной и, возможно, таящей опасность обстановкой. К тому же они все время думают об оставленных семьях, о друзьях. А дома их ничто не будет отвлекать. Они будут заниматься куда более прилежно и очень скоро выучатся нашему языку.

— Несерьезно, — презрительно скривился Круин.

— Это еще не все. По натуре здешние туземцы приветливы и простодушны. И я думаю, что мы можем их не бояться. Если бы они были настроены агрессивно, то уже давно бы напали на нас.

— Как сказать. Осторожность необходима всегда. Это неоднократно подчеркивается в наставлении по обороне. Туземцы скорее всего сначала разведуют о нас больше, а уж потом нападут.

Фейн вдруг сообразил, чем можно подействовать на командора.

— Ваши последние слова — мой самый веский довод, — сказал он. — В недрах нашего лагеря находятся сейчас шесть пар чужих глаз и шесть пар чужих ушей. Кроме того, отсутствие этих шестерых наверняка встревожило их соплеменников. Если же они вернутся в целостности и сохранности, то тревога уступит место благодушию, а в их расположении появятся наши глаза и уши.

— Хорошо сказано, — на секунду забылся Джусик.

— Молчать, — рявкнул Круин. — Я не помню, чтобы где-нибудь в уставе имелись на этот счет указания. —

Взглянув на Джусика, он придвинул к себе Устав космической службы и долго изучал его. Наконец сказал: — Единственное подходящее к данному случаю правило заключается, по-видимому, в следующем. В случаях, не предусмотренных инструкцией, решение должен принимать я при условии, что оно не будет противоречить параграфам других уставов, а также распоряжениям вышестоящего начальства.

— Да, сэр,— откликнулся Фейн.

— Разумеется, сэр,— поддержал его Парт.

— Далеко живут эти пленные? — нахмурившись, спросил Круин.

— В часе ходьбы отсюда. Если же,— Фейн энергично взмахнул рукой,— с нами что-нибудь случится, а это почти невероятно, то стоит послать одного разведчика, и от их деревни останется мокрое место. Один разведчик, одна бомба, один миг — и все кончено. По вашему приказанию, разумеется,— благоразумно прибавил он.

Круин был явно доволен.

— Не вижу причины, почему бы нам не воспользоваться их исключительной тупостью.— Он смотрел на Джусика, как бы спрашивая его мнение, но тот предпочел не заметить взгляда начальства.— Поскольку вы, лингвисты, подали свой план на мое рассмотрение, я ваш план одобряю и приказываю приступить к его выполнению,— с этими словами Круин заглянул в листок, который вынул из ящика.— Вместе с вами пойдут два психолога, Калма и Хефни.

— Есть, сэр,— Фейн бесстрастно откозырнул и в сопровождении Парта вышел из рубки командора.

Рассеянно глядя на неоконченный доклад, Круин поиграл немного вечным пером, взглянул на Джусика и вдруг рывкнул:

— Вы чему улыбаетесь? — Улыбка тотчас растаяла на лице Джусика.— Выкладывайте, что там у вас.

— Я думаю, сэр,— медленно начал Джусик,— что три года на борту космического корабля — это очень много.

Швырнув ручку на стол, Круин встал, выпрямившись во весь рост.

— Разве для меня этот путь был короче, чем для других?

— Ваш путь,— твердо, но почтительно произнес Джусик,— был самым длинным.

— Убирайся вон,— заорал на помощника Круин.

Он смотрел, как Джусик вышел, как сама собой закрылась дверь, подождал, пока щелкнет замок. Перевел взгляд на стекло иллюминатора. За стеклом сгущались сумерки. Он стоял неподвижно, и золотые колокольчики молчали. Невидимое солнце втягивало в себя последние лучи-щупальца.

Спустя короткое время по полю в сторону далекого холма, поросшего лесом, зашагали десять фигур. Четверо были в форме, остальные шесть — в мешковатых, песочного цвета костюмах. Они шли, переговариваясь с помощью жестов, один смеялся. Командор Круин закусил нижнюю губу, следя взглядом за теми, кто уходил к чужим, пока вечерние сумерки не поглотили их.

— Этап восьмой: отразить первый удар противника в соответствии с Боевым уставом,— Круин презрительно фыркнул, заученным жестом поправил ордена.

— Первого удара не было,— заметил Джусик.

— Мне этот факт небезызвестен,— сдвинув брови и саркастически усмехнувшись, заметил Круин.— Но я предпочел бы, чтобы был. Мы готовы отразить его. Чем раньше они решат померяться с нами силой, тем скорее поймут, кто хозяин положения! — Круин сунул большие пальцы огромных рук за отделанный серебряной чеканкой ремень.— Кроме того, и люди были бы заняты. Я не могу заставить их зубрить уставы с утра до ночи. Мы здесь уже девятый день, а ничего еще не случилось.— Вспомнив про устав, Круин продолжал: — Этап девятый: отразив нападение, взять инициативу в свои руки и в соответствии с Боевым уставом перейти в наступление.— Круин опять фыркнул.— Как можно наступать, если не было первого удара противника?

— Это невозможно,— рискнул вставить Джусик.

— Невозможных вещей нет,— из духа противоречия огрызнулся Круин.— Этап десятый: в случае если разумные существа не нападут или даже выкажут явное дружелюбие, что маловероятно, оборону по-прежнему не снимать, захваченных в плен обучать гульдскому языку и производить разведку с помощью самолетов-разведчиков, причем в разведывательных полетах использовать не больше одной пятой всех имеющихся в наличии самолетов.

— Это значит, что мы можем послать сразу восемь или девять самолетов-разведчиков,— подумав, заметил

Джусик. — А что предписано делать, если самолет-разведчик не вернулся в назначенный срок?

— Почему вы задали этот вопрос?

— Восемь самолетов-разведчиков, посланных по вашему приказанию, вылетели сорок периодов назад и в назначенный срок не вернулись.

Командор Круин в ярости отшвырнул книгу. Его тяжелое широкоскулое лицо побагровело.

— Первый помощник Джусик, вы обязаны были сообщить мне тотчас же по окончании этого срока.

— Что я и сделал, — невозмутимо отпарировал Джусик. — Самолеты могут находиться в воздухе сорок периодов, не дольше. Горючее, как вам известно, рассчитано именно на этот срок. Таким образом, они должны были сейчас вернуться. Но, как видите, их пока нет.

Круин дважды прошелся по рубке, ордена на груди позвякивали в такт перезвону золотых колокольчиков.

— Если самолет не вернулся, ответное действие — стереть с лица планеты все населенные пункты, которые находятся вдоль трассы его полета. Никаких полумер. Урок должен быть наглядным.

— Какие именно населенные пункты, сэр?

Остановившись на середине рубки, Круин заорал:

— Вы это должны знать! У всех самолетов-разведчиков имелся строго установленный маршрут. Так что проще простого...

Резкий свистящий звук прервал его на полуслове, свист перешел в глухой гул и снова поднялся до самых высоких нот.

— Номер первый, — сказал Джусик, сверившись с висющим на стене хронометром. — С опозданием, но вернулся. Возможно, сейчас появятся другие.

— Кто-то дорого поплатится, если они не вернуться.

— Пойду приму донесение вернувшегося пилота, — сказал Джусик и, отдав честь, вышел из каюты.

Подойдя к иллюминатору, Круин наблюдал за тем, как самолет-разведчик приземляется возле ближайшего корабля. Он опять закусил нижнюю губу и медленно, долго жевал ее — мысли путались.

За серой, выжженной полосой начинался зеленый луг, пестрый от лютиков и ромашек. Там гудели пчелы, и легкий ветерок шелестел листвой соседнего леса. Четверо механиков корабля № 17, открыв этот рай земной, улег-

лись в тени цветущего большелистого куста. Зажмурив глаза, перебирая руками стебли травы, они лениво болтали о пустяках и не слышали приближающегося звяканья золотых колокольчиков. Подойдя вплотную к беззаботно отдыхавшим парням, Круин, весь побагровев, рявкнул:

— Встать!

Вскочив на ноги, все четверо вытянулись по стойке смирно: плечо к плечу, руки по швам, бесстрастные лица, глаза устремлены на Круина.

— Ваши фамилии?

Каждый послушно, громким, отчетливым голосом назвал фамилию, Круин записал их в блокнот и, пообещав заняться ими попозже, приказал: «Кругом — марш!»

Откозыряв, все четверо, четко печатая шаг, зашагали в сторону лагеря: ать-два, ать-два! Круин зло смотрел им вслед, пока их фигуры не слились с тенью ракеты. Только тогда он повернулся и пошел дальше. Поднимаясь по холму, Круин не снял руки с холодной рукоятки пистолета. Дойдя до гребня, он остановился и посмотрел вниз, в долину, откуда только что пришел. Корабли Гульда, образовав две геометрически правильные звезды, стояли молчаливые и зловещие.

Тяжелый властный взгляд Круина устремился в долину по другую сторону холма. Мирная, пасторальная картина открылась ему. Заросший лесом склон холма убегал вниз, к маленькой речушке, голубая лента которой вилась, исчезая в туманной дали. За речкой тянулись возделанные поля и виднелись три небольших домика.

Усевшись на большой валун, Круин расстегнул кобур, настороженно огляделся, вынул из кармана свернутое в трубочку донесение, расправил и стал в сотый раз просматривать. Слабый запах травы и хвои приятно щекотал ноздри.

„Я кружил над аэродромом на небольшой высоте и старался сфотографировать все стоявшие там машины. В воздухе находилось еще две машины, но они не мешали мне и скоро улетели куда-то по своим делам. Люди внизу подавали мне какие-то сигналы. Было похоже, что они приглашают меня сесть. Я решил воспользоваться приглашением, как рекомендовано в Уставе космической службы. И сел. Мой самолет сейчас же отвели с взлетно-посадочной полосы. Встретили меня очень любезно“.

Что-то засвистело, забулькало над головой, Круин взглянул вверх, инстинктивно схватившись за кобуру.

Это запела в кустах маленькая серая птичка. Перелистав несколько страниц, Круин нахмурился и стал читать заключительную часть:

„...не зная языка, я не мог отказаться от приглашения осмотреть город. Всюду меня угощали каким-то напитком. После шести стаканов я почувствовал, что ноги у меня стали как ватные, и повалился на руки моим спутникам. Решив, что меня отравили, коварно заманив в ловушку, я стал ожидать смерти... они щекотали мне шею и, смеясь, что-то говорили... меня немного поташнивало“. — Круин в недоумении потер подбородок и продолжал читать: „Только убедившись, что я окончательно пришел в себя, они отвели меня обратно к моему самолету. Я вырулил на старт и взлетел, а они стояли внизу и махали мне вслед. Приношу извинение моему капитану за опоздание. Меня задержали обстоятельства, перед которыми я был бессилён“.

Птичка вспорхнула с ветки и села на траву у самых ног Круина. Она тоненько, жалобно засвистела, склонила набок крошечную головку и посмотрела на него ясными глазками-бусинками.

Окончив один рапорт, Круин взялся за следующий. Этот был аккуратно отпечатан на машинке и подписан Партом, Фейном, Калмой и Хефни.

„Они, кажется, не понимают, что произошло, и относятся к прилету космических кораблей Гульда как к чему-то вполне заурядному. Их самоуверенность поразительна, тем более что, как мы успели заметить, для нее нет никаких оснований. Покорить их так просто, что если связанной корабль отправить на Гульд чуть попозже, то мы сможем доложить не только об открытии этой планеты, но и о ее завоевании, а значит, о нашей новой победе“.

„Победа“, — прошептал Круин. Какое внушительное, какое весомое слово! Услыхав его, весь Гульд возликует и будет восторженно рукоплескать.

Пять космических навигаторов рапортовали до него об открытии новых планет, но никто из них не залетал так далеко, ничей путь не был таким тяжелым и долгим. И никто еще как награду за все испытания не получал такой лакомый кусок — такую большую, одетую сочной растительностью, такую гостеприимную планету. И никто до него не рапортовал о победе. Нельзя одержать победу над голой каменной глыбой. Но это...

За спиной командора раздался голос:

— Добро утро.

Говорили по-гульдски, но с незнакомым акцентом.

Круин поспешно поднялся на ноги, опустил руки по швам, лицо стало жестоким, властным.

Она смотрела на него ясными зелеными глазами и смеялась.

— Вы помните меня? Я Марва Мередит.

Ветер разметал ее огненно-рыжие волосы.

— Ну вот,— продолжала она медленно, не совсем уверенно.— Вот я и умею немного говорить по-гульдски. Всего несколько фраз.

— Кто тебя научил? — резко спросил он.

— Фейн и Парт.

— Это у вас они остановились?

— Да, у нас. Калма и Хефни гостят у Билла Глисона. А Фейн и Парт у нас. Их привел отец. Они живут в комнате для гостей.

— В комнате для гостей?

— Ну да.

Усевшись на валун, на котором только что сидел Круин, она подтянула к подбородку тонкие ноги, обхватила их руками и уткнулась подбородком в колени. Он заметил, что ноги ее, как и лицо, все в веснушках.

— Ну да,— повторила она.— А где же еще? В каждом доме есть комната для гостей, ведь правда?

Круин промолчал.

— А у вас в доме есть такая комната?

— У меня в доме?

Он поискал взглядом птичку, которая только что пела над головой в кустах, но птичка улетела. Забывшись, Круин снял руку с кобуры. Его ладони, как живые существа, прильнули одна к другой, пожимали, поглаживали друг друга, точно искали близкую душу, ожидали утешения.

Взглянув на его руки, Марва сказала мягко и нерешительно:

— Ведь у вас где-нибудь есть дом, свой дом? Есть?

— Нет.

Вытянув ноги, она встала.

— Мне очень, очень вас жаль.

— Тебе жаль меня? — Его взгляд метнулся к ней. В нем были недоверие, изумление, сменившиеся мгновенной вспышкой гнева.

— Ты чудовищно глупа,— прибавил он грубо.

— Правда? — спросила она робко.

— Ни у кого в моей экспедиции нет дома, — продолжал он. — Каждый прошел очень строгий отбор, самые разнообразные испытания. Ум и профессиональное умение — еще не все. Участник экспедиции должен быть молод, здоров, без всяких привязанностей. Определяющей при отборе мы считали способность сконцентрировать все свое внимание, все свои силы на выполнении поставленной задачи, чтобы никакая сентиментальная чушь, вроде тоски по оставленному дому, не мешала ему. Это снижает моральный дух.

— Я не понимаю всех ваших длинных слов, — жалобно проговорила зеленоглазая девочка, — и говорите вы очень быстро.

Круин повторил все сначала, на этот раз медленно, выговаривая каждое слово:

— Космический корабль покидает базу на многие годы, и команда не должна тосковать по родине. Мы набирали команду из людей, не имеющих дома, чтобы, расставаясь с Гульдом, ни один не проронил и слезинки. Все они обладают мужеством первопроходцев!

— Молодые, здоровые, без всяких привязанностей, — повторила Марва. — В этом их сила?

— Разумеется, — подтвердил Круин.

— Специально отобранные для космоса. Сильные люди. — Марва посмотрела вниз на свои узкие ступни, и ее зеленые глаза спрятались под ресницами. — Но ведь теперь они не в космосе. Они здесь, на нашей планете.

— Ну и что же? — спросил Круин.

— Ничего, — раскинув руки, Марва глубоко вздохнула, улыбнулась Круину, показав ямочки на щеках, и повторила: — Ничего.

— Ты еще совсем ребенок, — презрительно проговорил Круин. — Вот когда вырастешь...

— Станешь умнее, — закончила Марва за Круина. И нежным, ласкающим ухо голосом повторила нарастающим тоном: — Когда вырастешь, станешь умнее. Станешь умнее. Станешь умнее. Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Кусая в раздражении губы, Круин повернулся и пошел прочь, вниз по холму к своим кораблям.

— Куда вы? — крикнула ему вдогонку Марва.

— К себе, — резко бросил он на ходу.

— А разве вам не нравится вон там, у нас? — Ее брови в изумлении изогнулись дугой.

Круин, остановившись в десяти шагах, хмуро сказал:

— Какое тебе дело?

— Я... я не хотела быть навязчивой,— проговорила Марва с виноватой улыбкой.— Я спросила вас потому... потому что...

— Почему?

— Я хотела узнать, не согласитесь ли вы пойти к нам в гости?

— Чушь! Это невозможно! — ответил Круин и быстро зашагал вниз.

— Отец приглашает вас. Он думал, что вам будет приятно пообедать с нами. Свежие продукты. Вам, наверное, уже надоела ваша еда? — Марва вопросительно смотрела на Круина, а ветер развеивал ее медно-красные волосы.— Отец говорил с Фейном и Партом. Они сказали, что это прекрасная мысль.

— Вот как? Прекрасная мысль? — Черты его лица казались отлитыми из стали.— Скажи Фейну и Парту, чтобы они прибыли ко мне сегодня вечером с докладом. Непременно.

Марва села на камень и смотрела, как Круин тяжело спускается вниз, держа путь к своему ошетинившемуся орудиями лагерю. Ее руки лежали на коленях, ладонь на ладони, как недавно руки Круина. Но ее руки ничего не искали. В них были покой и терпение, древние, как мир.

Видя, что командор чем-то сильно раздражен, Джусик решил обратиться к нему с докладом попозже.

— Капитанов Дрэка и Белтона ко мне,— приказал Круин.

Когда Джусик ушел, Круин снял с головы шлем, бросил на стол и взгляделся в свое отражение в зеркале. На его лице еще не успели разгладиться морщины усталости, как за дверью раздались шаги. Круин сел за стол, приняв строго официальную позу. Капитаны вошли, молча отдали честь и замерли посреди комнаты по стойке смирно. Круин не отрывал от них разъяренного взгляда. Лица их выражали полнейшее бесстрашие.

— Я наткнулся на ваших четырех парней за пределами зоны безопасности. Они позволили себе валяться на траве, как будто прилетели сюда на прогулку. Никакой дисциплины! — разразился он гневной тирадой. Взгляд его буравил капитана Дрэка: — Они с вашего корабля! А вы, Белтон, сегодня начальник охраны. Что вы оба можете сказать в свое оправдание?

— У них сегодня свободный от дежурства день, и все они получили увольнение,— объяснил Дрэк.— Их специ-

ально предупреждали, чтоб они не выходили за пределы выжженной зоны.

— Я не знаю, как они сумели проскочить мимо охраны,— ответил Белтон, не повышая тона, как положено по инструкции.— По-видимому, охрана была недостаточно бдительна. Это моя вина.

— Нарушение дисциплины будет занесено в ваш послужной список,— отрезал Круин.— Всех четверых и потерявшую бдительность охрану наказать в соответствии с Дисциплинарным уставом.— Он чуть приподнялся и через стол пристально посмотрел на обоих.— Еще одно подобное нарушение, и вы будете понижены в звании.

— Слушаюсь, сэр,— на одном выдохе хором произнесли провинившиеся капитаны.

Отпустив капитанов, Круин взглянул на Джусика.

— Как только Фейн и Парт доложат о прибытии, немедленно проведите их ко мне.

— Будет сделано, сэр.

Круин на секунду отвел глаза и снова воззрился на Джусика:

— Что с вами такое сегодня?

— Со мной? — Джусик явно смутился.— Ничего, сэр.

— Не лгите, Джусик. Чтобы узнать человека, надо с ним пожить. Мы с вами живем бок о бок три года. И я вас вижу насквозь. Так что вам не обмануть меня. Вы чем-то обеспокоены.

— Меня беспокоят наши люди,— признался Джусик, не выдержав взгляда командора.

— А что с ними такое?

— Они волнуются, сэр.

— Вот как? Ну что же, у меня есть от этого лекарства! А чем они недовольны?

— Причин недовольства несколько.

Джусик замолчал, Круин подождал немного и вдруг заорал:

— Я что, должен каждое слово из вас тянуть?

— Никак нет, сэр,— запротестовал Джусик и без особого энтузиазма продолжал: — Во-первых, им нечего делать. Во-вторых, вместо понятной, приносящей пользу работы ежедневная, набившая оскомину муштра. И постоянное ожидание. Три года они были как в тюрьме. И вот они ждут, ждут, но ничего не происходит.

— Что еще?

— А рядом, за выжженной зоной, они видят такую знакомую, милую сердцу жизнь. Фейн, Парт и другие с вашего разрешения наслаждаются этой жизнью. Пилоты, что вернулись из разведки и приземлялись в разных местах, рассказывают такие заманчивые истории.— Джусик говорил все это, твердо глядя в лицо командора.— На сегодняшний день в разведывательных полетах участвовало пять эскадрилий, то есть сорок машин. Из них только шесть уложились в срок. Все остальные под тем или иным предлогом вернулись в лагерь с опозданием. Пилоты рассказывают, как их принимали, показывают фотографии, хвалятся подарками. Один сидит под арестом за то, что привез несколько бутылок с одурманивающим питьем. Но дело уже сделано. Эти рассказы взбудоражили людей.

— Что еще?

— Прошу прощения, сэр. Люди видели, как вы поднимались на гребень холма. Они завидуют даже этому.— Джусик не мигая смотрел в глаза командора.— Я сам завидую.

— Но я командир экспедиции,— заметил Круин.

— Так точно, сэр,— сказал, не опуская глаз, Джусик, но ничего больше не прибавил.

Первый помощник ожидал взрыва, но командор молчал. Сложные чувства поочередно отражались на его тяжелом широкоскулом лице. Откинувшись в кресле, он рассеянно смотрел в стекло иллюминатора, а ум его был поглощен размышлениями над услышанным.

— Вы напрасно думаете, Джусик, что я ничего не вижу. Я все вижу, все знаю и все это предвидел,— прервал он свои размышления...— Но я знаю еще что-то, что ускользнуло от вашего внимания. Если мы упустим время, Джусик, мы очутимся в довольно-таки скверном положении. И это очень меня беспокоит.

— Да, сэр?

— Я хотел бы, Джусик, чтобы вы об этом помалкивали. Насколько мне известно, ни в одном уставе ничего не сказано, как действовать в таких случаях.

— Вы уверены, сэр? — Джусик облизал пересохшие губы, чувствуя, что его откровенность увела разговор по совершенно неожиданному руслу.

— Давайте оценим обстановку,— продолжал Круин.— Мы утвердились на этом клочке суши. В нашем

распоряжении оружие такой мощи, что ничего не стоит покорить эту планету. Достаточно одной бомбы из нашего боевого запаса, чтобы от горизонта до горизонта не осталось камня на камне. Но всякое оружие надо применять с наибольшей эффективностью. Нельзя бросать бомбы где попало, наудачу. Ведь если удар не придется по основным силам противника и не устрасит его, мы окажемся безоружными перед лицом наступающего врага. У нас просто не останется бомб. А помощь, если ее затребовать, придет только через шесть лет. Поэтому мы должны напасть как раз в том месте, где эффект от взрыва бомб будет максимальным. — Круин замолчал, потирая рукой массивный подбородок. Затем немного погодя добавил: — А где такое место, мы не знаем.

— Не знаем, — подтвердил недоумевающий Джусик.

— Мы должны выяснить, где их главные города — ключевые центры их цивилизации, кто правители этой планеты и где их резиденция. Удар должен быть нанесен по нервным центрам этой страны. А это означает, что, пока мы не получим всей необходимой информации, руки у нас связаны. А из этого в свою очередь следует, что мы должны как можно быстрее, используя наших лингвистов, вступить в общение с туземцами. — Круин опять начал массировать челюсть. — А для этого необходимо время.

— Да, сэр, но...

— Но время идет, и моральный дух команды падает. Мы здесь только двенадцатый день, а люди уже беспокойны. Завтра будет еще хуже.

— Я знаю, как решить проблему, сэр, если вы позволите дать вам совет, — волнуясь, прервал командора Джусик. — На Гульде каждый пятый день — выходной. Человек в этот день может делать что хочет, идти, куда ему вздумается. Так вот, если вы отдадите приказ давать нашим людям увольнение раз в десять дней, то ежедневно у нас будет отсутствовать всего одна десятая наличного состава. Мы можем позволить себе это, но, конечно, надо будет усилить охрану.

— Ну наконец-то вы высказались. Стало быть, вот что беспокоило вас последние дни. — Круин невесело улыбнулся. Джусик покраснел до корней волос. — Но я и об этом думал, — продолжал командор. — Вы зря считаете меня таким уж безмозглым.

— Я никогда этого не считал, сэр, — возразил Джусик.

— А-а, пустяки, Джусик. Давайте лучше вернемся к вашему предложению о свободном дне. Свободный день — для нас западня. И в этом вся беда. Ни в одном уставе не сказано, как поступать в таких обстоятельствах, — Круин нетерпеливо постучал ладонью по полированной поверхности стола. — Если я лишу своих людей этой крупницы свободы, они, естественно, станут волноваться еще больше. Если же я им дам эту свободу, то они начнут мирно общаться с врагом, увидят жизнь, которая так похожа на нашу. И тогда, естественно, у них будет еще больше причин для недовольства.

— Позвольте мне возразить вам, сэр, — опять перебил командора Джусик. — Наши люди преданы Гульду. Клянусь мраком космоса, преданы.

— Да, они были преданы. Вероятно, преданы еще и сейчас. — Ему вспомнились сказанные недавно слова, и он криво усмехнулся. — Они молоды, здоровы, без всяких привязанностей. В космосе это имеет значение. Здесь — нет. — Круин медленно поднялся на ноги — огромный, грузный, давящий. — Мне это хорошо известно, — сказал он.

Джусик взглянул на него и понял, что Круину это действительно известно.

— Да, сэр, — послушно согласился он.

— Поэтому вся ответственность за принятие оптимального решения лежит на мне. Решать буду я. А вы как первый помощник проследите, чтобы мои приказы исполнялись неукоснительно.

— Я знаю свой долг, сэр, — худое, с правильными чертами лицо Джусика выражало все большее беспокойство.

— И мое окончательное решение таково: весь персонал без исключения должен немедленно прекратить всякое общение с противником. Только два психолога и два лингвиста под моим непосредственным руководством будут продолжать работу с туземцами. Никому никаких выходных дней, строжайше запретить выход за пределы выжженной зоны. Самое малейшее нарушение этого приказа должно караться немедленно и со всей строгостью. Вы должны проинструктировать капитанов всех кораблей, чтобы они самым решительным образом пресекали слухи, сеющие смуту.

Глаза Круина холодно блеснули, на скулах играли желваки.

— Все вылеты самолетов-разведчиков впредь отме-

нить,— продолжал он.— Никаких отлучек без особого разрешения.

— Но тогда мы совсем не будем получать информации,— заметил Джусик.— Во время последнего вылета на юг были обнаружены десять полностью покинутых городов. Это очень важно в свете...

— Я сказал — вылеты должны быть отменены! — заорал Круин.— Даже если я прикажу перекрасить самолеты-разведчики в розовый цвет, то вы должны будете беспрекословно подчиниться и от носа до хвоста тщательно и без промедления покрасить машины, как я приказал. Ясно? Выше меня здесь начальства нет.

— Так точно, сэр.

— И наконец, объявите капитанам, что завтра в полдень я сделаю инспекторский обход всех кораблей. Пусть приведут их в порядок. Таким образом и команды займутся делом.

— Будет исполнено, сэр.

Отдав честь, Джусик с тяжелым сердцем подошел к двери, отворил ее и выглянул в коридор.

— Фейн, Калма, Парт и Хефни ждут приема, сэр,— сказал он.

— Впустите их.

Выслушав Круина, который в самых резких выражениях обрисовал им ситуацию, Фейн сказал:

— Мы понимаем, что дорога каждая минута, сэр. И мы стараемся не за страх, а за совесть. Но эта публика бегло заговорит по-гульдски не раньше чем через месяц. Они просто неспособны к языкам.

— Мне не нужна беглость,— прорычал Круин.— Мне нужно несколько десятков слов, чтобы они могли сообщить все необходимые для нас сведения. Сведения, без которых мы не можем двинуться дальше ни на шаг.

— Я хотел сказать — не бегло, а связно. А то ведь они до сих пор объясняются с нами знаками.

— Рыжеволосая девчонка говорит вполне сносно.

— Да, она сделала успехи,— согласился Фейн.— Но у нее, видно, особый талант к языкам. К сожалению, ее познания в военной области столь ничтожны, что пользы от нее никакой.

Круин в раздражении оглядел Фейна с головы до ног.

— Вы жили среди этих людей почти две недели,— проговорил он, угрожающе понизив голос.— Я гляжу на вас и не узнаю, так вы изменились. В чем дело?

— Изменились? — с изумлением воскликнули четверо и переглянулись.

— По вашему виду не скажешь, что вы три года бороздили космическое пространство. Куда девался суровый аскет-астронавт? Морщины на ваших лицах разгладились, щеки округлились, порозовели. Глаза довольно поблескивают, как у жирных поросят, хрюкающих возле кормушки. Видно, что вы провели время с пользой для себя.— Круин приподнялся в кресле, и лицо его исказилось гневом.

— А может быть, вы нарочно тянете с выполнением задания?

Как и следовало ожидать, все четверо с негодованием отвергли это чудовищное предположение.

— Мы ели все свежее и высыпались,— начал оправдываться Фейн,— и наше самочувствие улучшилось. Теперь мы можем вкладывать в свою работу еще больше сил. Мы считаем, что противник своим гостеприимством, сам того не подозревая, оказывает нам существенную услугу. А поскольку в Уставе...

— Своим гостеприимством? — резко прервал его Круин.

Фейн заметно растерялся, тщетно пытаясь найти эпитет, более подходящий для характеристики врага.

— Даю вам еще одну неделю,— категорически отрезал командор.— И ни одного дня больше. В это время ровно через неделю приведете ко мне всех шестерых своих подопечных, и чтобы они были в состоянии понимать меня и отвечать на мои вопросы.

— Трудная задача, сэр.

— Нет ничего трудного. Нет ничего невыполнимого. Ничему не может быть оправдания.— Круин из-под грозно сдвинутых бровей взглянул в лицо Фейна.— Вам ясен мой приказ? Выполняйте!

— Слушаюсь, сэр!

Взгляд Круина устремился на психологов.

— Ну, с лингвистами все,— сказал Круин.— Теперь вы. Что вы мне можете рассказать? Много ли вы узнали?

— Не так много,— нервно мигая от страха, начал Хефни.— Все упирается в незнание языка.

— Сгори оно в пламени Солнца, это незнание языка! Я вас спрашиваю, что вы узнали, пока набивали брюхо жирной снедью?

— Люди этой планеты,— сказал Хефни, взглянув на

свой ремень, как будто вдруг с запоздалым раскаянием почувствовал, как туго он перепоясывает живот.— Люди этой планеты,— повторил он,— очень странные существа. Что касается домашнего быта, в этом их цивилизация, бесспорно, стоит на очень высокой ступени. Во всем остальном они сущие младенцы. Семья Мередитов, к примеру, живет в прекрасном доме, оснащенном самой первоклассной техникой. У них есть абсолютно все удобства, даже цветной телевизор.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Цветное телевидение? Здесь? Немыслимо!

— И тем не менее, сэр, у них оно есть,— осмелился возразить Хефни.— Мы сами видели.

— Да, это так,— подтвердил Фейн.

— Молчать! — Круин был готов испепелить взглядом слишком ретивого лингвиста.— С вами разговор окончен. Меня сейчас интересуют эти двое,— он снова воззрился на дрожащего мелкой дрожью Хефни.— Дальше!

— В них, без сомнения, есть что-то странное, чего мы еще не можем пока понять. У них нет, например, всеобщего эквивалента. Они обменивают один товар на другой, не учитывая его товарной стоимости. Они работают, когда им хочется. Если не хочется — не работают. И, несмотря на это, они почти все время что-то делают.

— То есть как? — недоверчиво спросил Круин.

— Мы спрашивали их, почему они работают, если никто и ничто их не принуждает. Они ответили — работают, чтобы не было скучно. Мы это объяснение не приняли,— Хефни развел руками.— Во многих местечках у них маленькие фабрики, которые в соответствии с их непонятной, противоречащей здравому смыслу логикой являются увеселительными центрами. Эти фабрики работают только тогда, когда кому-нибудь вздумается поработать.

— Что, что? — переспросил совсем сбитый с толку Круин.

— Вот, например, в Вильямсвилле, небольшом городке в часе ходьбы от дома Мередитов, есть обувная фабрика. Она непрерывно работает. Иногда туда приходят десять человек, иногда набирается до пятидесяти, а иногда и до ста. Но никто не помнит, чтобы фабрика остановилась хотя бы на день из-за отсутствия добровольной рабочей силы. Марва, старшая дочка Мередитов, пока мы у них гостили, три дня работала на этой фабрике. Мы спросили ее, что заставляет ее ходить на фабрику.

— И что же она ответила?

— Сказала, что ходит для собственного удовольствия.

— Для собственного удовольствия...— Круин силился понять, что это могло бы значить.— Удовольствие... хм, а что, собственно, это такое?

— Мы этого не выяснили,— признался Хефни.— Виноват языковой барьер.

— Черт бы побрал этот языковой барьер! Стори он в пламени Солнца! — выругался Круин.— Она ходила на фабрику в принудительном порядке?

— Нет, сэр.

— А вы уверены в этом?

— Да, уверены. Работать на фабрику ходят по желанию. Других побудительных причин нет.

— А за какое вознаграждение они работают? — Круин подошел к проблеме с другой стороны.

— Ни за какое или почти ни за какое,— проговорил Хефни, сам не веря своим словам.— Один раз она принесла пару туфель для матери. Мы спросили, не плата ли это за труд? Она ответила, что туфли сшил один ее приятель по имени Джордж и подарил ей. А вся недельная продукция, как нам объяснили, была отправлена в соседний город, где в то время в обуви появилась нужда. Город в свою очередь собирается поставить партию кожи, но сколько этой кожи будет, никто не знает. Да и никого это не волнует.

— Какая глупость,— рассудил Круин.— Нет, это чистый идиотизм.

Он подозрительно посмотрел на психологов, не выдумали ли они сами эту явную несообразность.

— Даже самое примитивно организованное общество не может функционировать, когда в экономике царит такой хаос. Вы, по-видимому, рассмотрели очень немногое. Остальное или вам не показали, или вы со своим куцым умишком не сумели ничего понять.

— Уверяю вас...— начал было Хефни.

— А впрочем, это не имеет значения,— отмахнулся Круин.— Не все ли мне равно, на каких принципах держится их экономика? В конце концов им придется работать так, как мы им прикажем.— Круин подпер кулаком тяжелый подбородок.— Меня больше интересует другое. Вот, например, наши разведчики сообщают, что на планете много городов. Одни города населены, но плотность населения в них очень мала. В других совсем никто не живет. Они покинуты. Города, где есть жители, вполне бла-

гоустроены. В них имеются прекрасные взлетные площадки для летательных аппаратов. Как могло случиться, что такое примитивное общество имеет летательные аппараты?

— Одни делают обувь, другие — летательные машины. Каждый делает, что умеет, занимается тем, к чему испытывает склонность.

— У этого Мередита есть летательная машина?

— Нет,— ответил Хефни. Вид у него был растерянный, как у человека, потерпевшего полное фиаско.— Если ему понадобится самолет, он подаст заявку на телевидение, где есть специальная программа спроса и потребления.

— И что тогда?

— Рано или поздно он получит самолет, новый или поддержанный. Даром или в обмен на что-нибудь.

— И для этого надо всего только подать заявку?

— Да.

Круин вышел из-за стола и стал мерить рубку шагами. Стальные пластины на каблуках шелкали по металлическому полу, золотые колокольчики мелодично позвякивали в такт. Он был зол, неудовлетворен, нетерпение сжигало его.

— В вашем идиотском сообщении нет никакой информации.

Он вдруг остановился перед Хефни.

— Вы хвалились, что будете моими глазами и ушами.— Громко фыркнув, Круин продолжал: — Невидящие глаза и заткнутые ватой уши! Хотя бы одна цифра, характеризующая их силы, хоть бы...

— Прошу прощения, сэр,— рискнул прервать командора Хефни,— их всего двадцать семь миллионов.

— Ага,— на лице Круина отразился живейший интерес.— Всего двадцать семь миллионов? Вот как! Население Гульда в сотни раз превосходит население этой планеты, а размеры планет почти одинаковы! — Он на секунду задумался.— Плотность населения здесь чрезвычайно мала. Во многих городах нет ни одной живой души. Но у них есть летательные машины и другие механизмы, которые могла создать только высокоразвитая цивилизация. То, что мы видим,— это остатки великой цивилизации. Вы понимаете, что это означает?

Хефни замигал, ничего не ответив. Калма нахмурился. Фейн и Парт стояли молча, с непроницаемыми лицами.

— Это означает одно из двух, — продолжал Круин, — войну или мор. Или то, или другое, но в масштабах всей планеты. Я должен иметь информацию, проливающую свет на этот период их истории. Я должен знать, какое оружие они применяли в этой войне, сколько этого оружия осталось и где оно хранится. Если же это не война, то какая именно болезнь опустошила планету, чем она вызывается и как ее лечат. — Круин замолчал и, чтобы придать вес своим словам, постучал кулаком в грудь Хефни. — Я хочу знать, что они скрывают, что так тщательно прячут от ваших глаз, потому что эти добряки могут не сегодня-завтра напасть на нас. И тогда, если мы не разгадаем их тайны, мы будем беспомощны перед ними, и мы погибли. Кроме того, я хочу знать, кто отдаст приказ о первом ударе, где находятся эти люди.

— Все понятно, сэр, — с сомнением в голосе проговорил Хефни.

— Вот какая информация мне нужна от ваших шестерых туземцев. Информация, а не приглашение на обед. — Увидев, как Хефни от страха замигал, Круин жестко усмехнулся. — Если вы сами все вытянете из своих подопечных, это будет занесено в графу отличий вашего послужного списка. Но если мне придется делать вашу работу — пеняйте на себя.

Хефни открыл было рот, потом закрыл и затравленно посмотрел на Калму, который стоял ни жив ни мертв.

— Можете идти, — отпустил всех четверых Круин. — В вашем распоряжении одна неделя. Если вы не выполните задания, я расценю это как дезертирство с линии фронта, и вас будут судить как находящихся на действительной службе со всей строгостью, предусмотренной Дисциплинарным уставом.

Все четверо побледнели, отдали честь и двинулись по одному к двери. Круин, презрительно сощурившись, глядел им вслед. Подойдя к иллюминатору, он стал смотреть, как за стеклом быстро сгущаются сумерки. На востоке слабо светилась мерцающая звездочка. Она была очень далеко, но Гульд был еще дальше.

На шестнадцатые сутки, в полдень, командор Круин, начищенный и при всех орденах, под резкий звон золотых колокольчиков отправился к зеленому холму. На границе выжженной зоны ему отдал честь недавно поставленный здесь часовой. Лицо у него было мрачное, и козырял он вяло.

— Вот как ты приветствуешь начальство! — сказал ему Круин, поймав его угрюмый взгляд.

Часовой еще раз отдал честь, на этот раз чуть живее.

— Давно не занимались строевой подготовкой, — ехидно заключил Круин. — Отвыкли от военной дисциплины. Я знаю, чем от этого лечат. Каждый день в течение целого периода будешь тренироваться — отдавать честь. — Взгляд Круина не отрывался от лица часового. — Ты что, немой?

— Никак нет, сэр.

— Молчать! — рявкнул Круин. И, выпятив грудь, добавил: — Продолжай нести караул.

Остекленевший взгляд часового блеснул возмущением, он молча отдал честь третий раз, повернулся, щелкнув по уставу каблуками, и зашагал вдоль края выжженной полосы.

Взойдя на холм, Круин сел на большой валун. Сначала посмотрел налево, на долину космических кораблей, затем перевел взгляд в другую сторону, туда, где росли деревья, тянулись возделанные поля и вдали виднелись домики. Стальной шлем, украшенный литыми крыльями, давил голову, но он не снял его. Серые глаза холодно созерцали из-под нависшего козырька открывшийся ему мирный пейзаж.

Наконец она пришла. Он сидел здесь уже полтора периода, а ее все не было, но он чувствовал, знал, что она придет, знал, хотя и не мог понять, какой тайный инстинкт подсказал ему это. Никакого желания видеть ее у него не было. Никакого. Да, не было.

Она легко шла между деревьями на своих тонких длинных ногах. С ней пришли Сью и Сэм и еще три молоденькие девушки. У них были большие смеющиеся глаза. Волосы у всех были темные, а ноги длинные.

— Привет! — окликнула она Круина, увидев его.

— Привет! — как эхо, повторила Сью, тряхнув мышиными хвостиками.

— Пивет! — надул щеки малыш, стараясь не отставать от сестер.

Круин нахмурился. Его сапоги и шлем сияли на солнце.

— Это Бекки, Рита и Джойс — мои друзья, — сказала Марва на своем странном гульдском языке.

Все три улыбнулись Круину.

— Я привела их посмотреть корабли.

Круин промолчал.

— Вы ведь не возражаете, чтобы они посмотрели на корабли?

— Не возражаю,— недовольно буркнул он.

Марва изящным движением опустилась на траву, по-добрав под себя длинные ноги. Все остальные уселись рядом, кроме Сэма, который крепко стоял на своих толстых ножках и сосал большой палец, сосредоточенно изучая ордена Круина.

— Отец очень жалеет, что вы не могли к нам прийти.

Круин ничего не ответил.

— И мама тоже. Она прекрасно готовит. И очень любит гостей.

Круин молчал.

— Вы не смогли бы прийти к нам сегодня вечером?

— Нет.

— А завтра или послезавтра?

— Мадемуазель,— начал он жестко,— я не хожу по гостям. И никто из моих людей не ходит.

Марва перевела его слова подругам. И все дружно от души рассмеялись. Круин покраснел и встал.

— Что в этом смешного?

— Ничего,— смутившись, ответила Марва.— Если я вам скажу, вы все равно не поймете.

— Я не пойму? — в сердитом взгляде Круина загорелось беспокойство. Он посмотрел на одну подружку Марвы, на другую, потом на третью.— Я все-таки думаю, что они смеялись не надо мной. По-видимому, они смеялись над чем-то, чего я не знаю, но должен был бы знать и чего они не хотят мне сказать.

Он нагнулся над Марвой, большой, сильный, не человек, а исполин. Марва подняла голову и посмотрела на него огромными зелеными глазами.

— Что же я такого по невежеству сказал, что показалось смешным? — спросил он.

Марва, не отрывая глаз, смотрела на него, но ничего не ответила. Слабый, нежный запах исходил от ее волос.

— Я сказал: никто из моих людей не ходит по гостям,— повторил он.— Смешное заявление, не правда ли? Не думайте, что я так уж глуп.— Круин выпрямился.— Ну мне пора,— прибавил он.— Пойду делать переключку.

Спускаясь по холму, Круин чувствовал, что вся компания провожает его взглядом. Все молчали, только Сэм тоненько пискнул: „Пйивет!“ Круин сделал вид, что не слышит.

Ни разу не обернувшись, он подошел к флагману, поднялся по металлическому трапу, вошел в рубку и приказал Джусику немедленно сделать переключку.

— Что-нибудь случилось, сэр? — спросил встревоженный Джусик.

— Немедленно сделать переключку, — взорвался Круин, сдернув с головы шлем. — Тогда и увидим, случилось что-нибудь или нет.

Еле сдерживая ярость, он резким движением повесил шлем на крючок, сел, вытер лоб.

Джусика не было почти целый период. Наконец он вернулся. Лицо у него было озабоченное, но решительное.

— С прискорбием докладываю, что восемнадцать человек отсутствуют, сэр.

— Они смеялись надо мной, — тихо, с горечью произнес Круин. — Они смеялись, потому что знали! — Он сжал подлокотники кресла, и суставы его пальцев побелели.

— Прошу прощения, сэр? — Брови Джусика удивленно поползли вверх.

— Сколько времени они отсутствуют?

— Еще утром одиннадцать были на дежурстве.

— Значит, остальные семь отсутствуют со вчерашнего дня?

— Боюсь, что вы правы, сэр.

— И никто не счел нужным доложить мне об этом?

— Никто.

— Что еще вы держите от меня в тайне?

Джусик замялся, лицо у него исказилось, как от боли.

— Выкладывайте!

— Эти люди ушли из лагеря не в первый раз, — сказал Джусик, с трудом выговаривая слова, — и не второй. И даже, наверное, не в шестой.

— Сколько времени длится этот обман? — Круин дождал ответа и, не дождавшись, заорал: — Отвечайте! Вы что, язык проглотили?!

— Дней десять, сэр.

— Сколько капитанов знали об этом и не сообщили мне?

— Девять, сэр. Четверо из них ожидают за дверью ваших распоряжений.

— Где остальные пятеро?

— Они... они... — Джусик облизнул пересохшие губы. Круин угрожающе поднялся.

— Что вы тянете? Ведь сказать все равно придется.

— Они тоже в самовольной отлучке, сэр.

— Ясно.— Круин подошел к двери, остановился.— Вывод напрашивается сам собой: остальные также были в самовольной отлучке, но, к счастью, успели вернуться до переклички. Им повезло. Вижу, что установить точное число нарушивших приказ не представляется возможным. Они ускользали с кораблей неслышно, как ночные твари, и так же неслышно возвращались. Дезертиры все как один. А дезертирство в военное время карается только...

— Но, сэр, учитывая обстоятельства...

— Никаких обстоятельств! — голос Круина сорвался от ярости.— Смерть — наказание дезертиру.— Подойдя к столу, Круин постучал кулаком по разбросанным на столе брошюрам.— Смертная казнь в присутствии всего личного состава в соответствии с Дисциплинарным уставом. Дезертирство, саботаж, неповиновение командованию, злостное нарушение Устава и неисполнение моих приказов — все это карается смертью.— Голос Круина, поднявшийся было до визга, вдруг сорвался.— Кроме того, мой дорогой Джусик, — продолжал он уже на низких нотах, — если мы сознательно уклонимся от исполнения долга, сознательно нарушим параграф устава и заменим смертную казнь другим наказанием, что ожидает нас?

— Смерть, — Джусик в упор посмотрел на Круина.— По крайней мере на Гульде.

— А мы на Гульде! Я объявил эту планету колонией Гульда. И теперь это Гульд.

— Осмелюсь заметить, сэр, объявили на словах.

— Джусик, вы что, заодно с бунтовщиками?

Глаза Круина лихорадочно заблестели, рука потянулась к пистолету.

— Никак нет, сэр! — На лице первого помощника отразилось смятение.— Но позвольте заметить, сэр, что все мы здесь связаны почти братскими узами, долгое космическое путешествие в этих тесных каморках спаяло нас. Мы многих потеряли и еще потеряем на обратном пути. Вряд ли можно ожидать, чтобы люди...

— Я требую повиновения! — Круин не снимал руки с пистолета.— Я требую железной дисциплины и полного, беспрекословного, незамедлительного повиновения! Тогда мы победим. Если этого не будет, мы потерпим поражение.— Круин указал рукой на дверь.— Капитаны кораблей, ожидающие допроса, приведены в надлежащий вид, как предписано Уставом?

— Да, сэр, они разоружены и под стражей.

— Ввести! — опершись ладонями о стол, Круин готовился вынести приговор подчиненным. Минута ожидания показалась ему вечностью.

Нежный запах ее волос.

Взгляд зеленых, как льдинки, глаз.

Но железная дисциплина — наш девиз.

Такова цена власти.

Глядя на четверых капитанов, он почувствовал, что ищет лазейку, как бы на законном основании смягчить приговор: заменить высшую меру наказания разжалованием. К счастью, такую лазейку Устав предусматривал.

Капитаны стояли перед ним в ряд, с белыми как полотно застывшими лицами, мундиры на них были расстегнуты, ремни сняты. По обеим сторонам замерла безучастная к происходящему стража. Круин дал волю гневу, он осыпал их бранью, упреками, ударяя правым кулаком по левой ладони.

— Но поскольку, — наконец смягчился он, — вы в момент переклички оказались на своих местах и таким образом формально я не могу обвинить вас в дезертирстве, поскольку вы незамедлительно подчинились моему распоряжению и явились с повинной, на вас налагается не самое суровое наказание: вы все разжалованы в рядовые и ваше недостойное поведение будет занесено в ваш послужной список. Все!

Круин резко взмахнул белой перчаткой, отпуская арестованных. Те молча вышли. Командор взглянул на Джусика.

— Сообщите помощникам этих капитанов, что они производятся в капитаны и что им предписывается наметить кандидатуру для замещения должностей, освободившихся в результате их повышения. Всех намеченных кандидатов прислать ко мне в течение дня.

— Будет сделано, сэр.

— Поставьте их также в известность, что им предписано принять участие в суде над всеми солдатами и младшими офицерами, возвращающимися из самовольной отлучки. Сообщите капитану Сомиру, что он назначается командиром взвода, который будет приводить в исполнение приговор немедленно после его вынесения.

— Будет сделано, сэр.

Джусик с ввалившимися глазами, постаревший на десять лет, повернулся и, щелкнув каблуками, вышел из рубки.

Когда дверь автоматически закрылась за ним, Круин сел за стол, оперся на него локтями и спрятал лицо в ладони. Если дезертиры не вернутся, их нельзя будет наказать. Ни у кого во всей вселенной нет власти покарать отсутствующего преступника. Закон бессилен, если его граждане лишены весьма существенного свойства: быть в пределах досягаемости. Все законы, все уставы Гульда не могут вызвать дух сбежавшего дезертира и повести его на расстрел.

Но он должен примерно наказать злостных нарушителей приказа. Он понимал, что тайные посещения вражеского стана стали весьма частым явлением и даже, наверное, вошли в привычку. Нет сомнения, эти перебежчики сейчас с комфортом гостят у кого-нибудь, заняв комнату для гостей, вкусно едят, смеются, развлекаются. Нет сомнения, они прибавили в весе; разгладились морщины, оставленные годами космического полета; потускневшие глаза снова жизнерадостно заблестели. Они ведут беседы при помощи знаков и рисунков, участвуют в играх, учатся сосать эти дымящиеся штуки и гуляют с девушками в зеленых дубравах.

Круин смотрел в окошко иллюминатора. На его бычьей шее сильно билась жилка: он ждал, что внутри тройного кольца охраны вот-вот появится первый задержанный дезертир. Где-то очень глубоко в подсознании жила предательская надежда (хотя он никогда бы не признался в этом), что ни один дезертир не вернется.

Потому что пойманный дезертир — это четкое, неторопливое движение страшного взвода, хриплый крик „Целься!“, затем „Огонь!“ И последний милосердный выстрел Сомира.

Будь проклят Устав.

Стемнело. Прошел период, начался другой, как вдруг в рубку ворвался Джусик и, едва отдышавшись, отдал командору честь. Падающий с потолка свет углубил морщины на его худом лице, каждая щетинка на небритом подбородке была видна как сквозь увеличительное стекло.

— Сэр, я должен донести вам, что люди вышли из повиновения.

— Что, что? — нахмурив брови, Круин грозно посмотрел на Джусика.

— Им стало известно о недавнем разжаловании. О том, что назначен военно-полевой суд над дезертирами... — Джусик перевел дыхание. — Они знают, какое наказание им грозит.

— Ну?

— За это время ушло еще несколько человек — предупредить ушедших раньше, чтобы те не возвращались.

— Так, — Круин криво усмехнулся. — А что же охрана? Пропустила их?

— Вместе с ними ушло десять человек охраны, — ответил Джусик.

— Десять? — Круин быстро встал, подошел к помощнику и пристально взглянул на него: — А сколько всего ушло?

— Девяносто семь.

Сняв шлем с крючка, Круин резким движением надел его, затянул металлический ремешок под подбородком.

— Девяносто семь — это больше, чем команда одного корабля. — Круин осмотрел пистолет, сунул в кобуру, пристегнул на ремень второй. — Эдак они к утру уйдут все. — Он посмотрел на Джусика. — Как вы думаете, Джусик?

— Боюсь, что уйдут, сэр.

— Ответ на эти действия, Джусик, самый простой. — Круин похлопал помощника по плечу. — Мы немедленно снимаемся с места.

— Снимаемся с места?

— Разумеется. И всей флотилией. Надо выйти на равновесную орбиту, откуда ни один человек не сумеет сбежать. А пока мы будем находиться на этой орбите, я еще раз все хорошо обдумаю. По всей вероятности, мы найдем новое место для приземления, но такое, откуда никто не сможет убежать. Просто потому, что бежать будет некуда. Тем временем самолет-разведчик подберет Фейна с его группой.

— Сомневаюсь, чтобы команда подчинилась приказу об отлете, сэр.

— Посмотрим, посмотрим. — Круин опять улыбнулся, жестко, язвительно. — Если вы внимательно читали уставы, вы должны знать, что бунт в зародыше подавить нетрудно. Единственное, что надо сделать, — изолировать зачинщиков. Толпа — это не просто совокупность людей как таковых. Толпа — это зачинщики и стадо безмозглых идиотов. — Круин похлопал по рукоятке пистолета. — А зачинщиков узнать легче легкого. Как правило, они первые разевают рот.

— Так точно, сэр, — с сомнением проговорил Джусик. — Прикажете просигнализировать общий сбор?

Душераздирающе взвыла сирена флагмана, нарушив покой ночи. На кораблях один за другим вспыхнули прожекторы, на холме за выжженной полосой в кронах деревьев проснулись и громко защебетали испуганные птицы.

Медленно, уверенно, важно спускался Круин по металлическому трапу. Устремленные на него лица в свете бортовых огней казались гроздьями белых шаров. Капитаны кораблей и их помощники встали позади командора и по обе стороны от него. Каждый был вооружен двумя пистолетами.

— После трех лет верной службы Гульдугу, — напыщенно начал Круин, — среди вас оказались изменники. Это малодушные трусы, неспособные потерпеть каких-нибудь несколько дней. Всего несколько дней, и нас ждет блестящая победа. Позабыв о своем долге, они нарушают приказы, братаются с врагом, утешаются с их женщинами. Они, эта горстка ничтожных эгоистов, стремятся за счет большинства наслаждаться всеми радостями жизни. — Круин обвел собравшихся тяжелым, осуждающим взглядом. — Придет время, и эти люди будут жестоко наказаны.

На него со всех сторон глядели ничего не выражающие глаза. Он был меткий стрелок, с двадцати пяти шагов попадал в ухо бегущего человека, и он ждал, когда цель обнаружит себя. Этого ждали и стоявшие рядом с ним.

Но никто не нарушил молчания.

— Среди вас наверняка есть виновные в тех же самых преступлениях. Но пусть они не радуются. Ибо очень скоро они будут лишены возможности совершать свои беззакония. — Круин переводил взгляд с одного лица на другое, глаза его вспыхивали гневом, а руки крепко сжимали пистолеты. — Корабли должны быть приведены в полную готовность. Стартуем немедленно и выходим на равновесную орбиту. Вас ожидают бессонные ночи и тяжкий многодневный труд, за что вы должны благодарить своих товарищей, изменивших долгу. — Круин секунду помолчал, потом спросил: — Возражения есть?

Один зачинщик ведет за собой тысячу.

Ответом опять было молчание.

— Приказываю начать подготовку к старту, — отрубил Круин и повернулся, что бы идти к флагману.

Капитан Сомир, оказавшийся лицом к лицу с Круином, вдруг закричал:

— Командор, берегитесь!

Рука с пистолетом взметнулась вверх, у самого уха Круина прозвучал выстрел.

Услышав за спиной рев толпы, он резко повернулся и вскинул обе руки, сжимающие пистолеты. Он не слышал выстрела Сомира, не видел больше толпы, рев прекратился так же внезапно, как начался. Страшная тяжесть сдавила голову, трава поплыла на него, руки разжались, пистолеты выпали, и он, прикрыв руками лицо, упал. Расплывшиеся, танцующие огни стали меркнуть в его глазах, и скоро все поглотила тьма.

Как сквозь сон, Круин слышал слабый, беспорядочный топот множества ног, приглушенные, точно доносившиеся издалека, крики, исторгавшиеся сотнями орущих глоток. Потом все перекрыли чудовищной силы взрывы: один, другой, третий... Круин ощущал, как содрогается от взрывов почва.

Кто-то плеснул ему в лицо холодной воды.

Круин сел и обеими руками обхватил гудящую голову. Бледные пальцы рассвета уже ощупывали край неба. Болели глаза; помигав, чтобы рассеять затягивающую их пелену, Круин разглядел возле себя Джусика, Сомира и еще восьмерых. Все были с ног до головы в грязи, лица в синяках, мундиры порваны и точно изжеваны.

— Они напали на нас в тот самый момент, когда вы повернулись, чтобы идти на корабль, — мрачно проговорил Джусик. — Впереди стояло около сотни человек, и все они в какой-то безумной ярости, как по команде, бросились на нас. За ними ринулись все остальные, нас было очень мало. — Джусик посмотрел на командора красными, воспаленными глазами. — Вы всю ночь были без сознания.

Круин, пошатываясь, встал на ноги и заковылял, твердо ступая.

— Сколько убитых?

— Ни одного. Мы выстрелили поверх голов. Ну, а потом было уже поздно.

— Поверх голов? — расправив плечи, Круин почувствовал в позвоночнике острую боль, но, не обращая на нее внимания, продолжал:

— Разве оружие существует не затем, чтобы убивать?

— Это не так просто, — слабо запротестовал Джусик. — Не так просто стрелять в своих товарищей.

— Вы тоже так думаете? — спросил Круин, взглянув на остальных.

Капитаны с унылым видом кивнули, а Сомир сказал:

— У нас было совсем мало времени. А если начинаешь колебаться, как мы в этот раз, то...

— Ничему не может быть оправдания. Вам был отдан приказ, вы должны были его исполнить.— Его лихорадочный взгляд обжег одного, потом другого.— Вы оба недостойны носить свое звание. Я разжалую вас в рядовые.— Нижняя челюсть Круина выпятилась, лицо стало уродливым, полным ненависти.— Убирайтесь вон с моих глаз! — заорал он.

Капитаны поплелись прочь. Круин, кипя от ярости, поднялся по трапу, вошел во внутреннее помещение флагмана, осмотрел его от носа до хвоста. На борту не было ни души. Забравшись в хвост, он понял, какие взрывы слышались ему тогда. Сжав губы, смотрел он на искореженные баки для горючего, развороченные двигатели. Флагман был теперь просто грудой металлического лома.

Круин обошел все остальные корабли. Всюду было пусто, все корабли выведены из строя. И починить их нет никакой возможности. Бунтовщики действовали по крайней мере логично. Только связной корабль, вовремя отправленный на Гульд, мог бы сообщить родной планете местопребывание Круина и его экспедиции. А так, пусть даже будут предприняты самые тщательные поиски в этой части вселенной, их не удастся обнаружить и через тысячу лет. Восставшие поступили умно: отрезали себе путь на Гульд до конца дней своих и таким образом избежали ожидавшего их возмездия.

Испив до конца горькую чашу поражения, Круин сел на ступеньку трапа последнего, двадцать второго корабля и прощальным взглядом окинул двойную звезду своей разбитой армады. Их орудия, теперь уже нестрашные, по-прежнему смотрели в сторону противника. Двенадцати самолетов-разведчиков не было. Остальные также приведены в негодность.

Посмотрев вверх, Круин заметил на фоне светлеющего неба силуэты Джусика, Сомира и других капитанов, взбиравшихся по холму. Они уходили от него, уходили за холм в ту долину, на которую он так часто смотрел. Наверху их встретили четверо ребяташек, дальше все пошли вместе — впереди капитаны, сзади, весело смеясь и обгоняя друг друга, три девочки и один мальчик. Вся группа

скоро исчезла за гребнем холма, озаренного восходящим солнцем.

Вернувшись на флагман, Круин положил в рюкзак личное имущество и вскинул его на плечи. Даже не взглянув в последний раз на свое безжизненное детище, он зашагал прочь от этого места, прочь от солнца, в сторону, противоположную той, куда ушли его люди.

Его сапоги облепило грязью. Ордена висели перекосившись, на месте одного, потерянного в ночной свалке, зияла проплешина. Золотой колокольчик остался только на левом сапоге. Его нестройное, с перебоями звяканье раздражало Круина. Пройдя шагов двадцать, он отвинтил его и выбросил.

Рюкзак за плечами был очень тяжел. Но еще тяжелее было у него на сердце. Упрямо сдвинув брови, он шагал вперед и вперед, подальше отсюда, навстречу туманной дымке утра, один перед лицом нового неведомого мира.

Три с половиной года оставили свой след на боках кораблей Гульда. Они все еще стояли в долине, выстроенные с геометрической правильностью носами внутрь, хвостами наружу, как их поставила здесь стальная воля Круина. Ржавчина на одну четверть изъела толстые бока прочнейшего панциря, металлические трапы прогнили, на них было опасно ступить. Полевые мыши и суслики нашли под ними себе приют, внутри гнездились птицы. На месте выжженной полосы буйно разрослись кустарник и высокие травы, навсегда скрыв ее очертания.

Из зарослей кустарника вышел человек, опустил на траву рюкзак и стал разглядывать дотлевающие остатки былой космической мощи. Он был высок ростом, могучего телосложения, с загорелой кожей цвета старинного пергамента. Серые, спокойные, глубоко посаженные глаза задумчиво смотрели на густую кисею плюща, затянувшую хвост флагмана.

Так он стоял около получаса, размышляя о чем-то своем. Солнце уже стало клониться к западу, когда он снова надел рюкзак и пошел через кусты в сторону холма, потом вверх по холму и, перевалив через гребень, спустился в соседнюю долину. Его движения не стеснял простой, свободного покроя костюм. Шагал он уверенно и неторопливо.

Скоро он вышел на дорогу, которая привела его к небольшому каменному коттеджу. Изящная темноволосая

женщина срезала в саду цветы. Прислонившись к калитке, человек заговорил с ней. Говорил он быстро, но акцент выдавал в нем чужеземца. Голос у него был хрипловатый, но приятного тембра.

— Добрый день,— проговорил он.

Женщина выпрямилась, держа в руках огромную охапку пестрых, ярких цветов, и взглянула на незнакомца черными бархатистыми глазами.

— Добрый день,— ее пухлые губы тронула приветливая улыбка.— Путешествуете? Не хотите ли погостить у нас? Мой муж Джусик будет счастлив. Наша комната для гостей свободна.

— Мне очень жаль,— перебил гостеприимную хозяйку пришелец,— но я ищу Мередитов. Вы не скажете, где они живут?

— Следующий дом по просеке,— ответила женщина, ловким движением подхватила выпавший из охапки цветок и прижала его к груди.— Если их комната для гостей занята, пожалуйста, не забудьте про нас.

— Не забуду,— пообещал незнакомец. Он ласково посмотрел на женщину, и его широкоскулое, волевое лицо озарилось улыбкой: — Спасибо вам большое.

Шевельнув плечами, он поправил рюкзак и зашагал дальше, чувствуя, что она провожает его взглядом. У следующей калитки он остановился: в саду, полном цветов, стоял очень живописный, вытянутый в длину дом со множеством пристроек. Возле калитки играл мальчик. Человек остановился. Мальчик взглянул на него и спросил:

— Вы путешествуете, сэр?

— Сэр? — как эхо повторил человек.— Сэр? — лицо его чуть дрогнуло в улыбке.— Да, сынок, путешествую. Я ищу Мередитов.

— Я и есть Мередит, Сэм Мередит,— лицо мальчугана вдруг вспыхнуло от радости: — Вы хотите погостить у нас?

— Да, если можно.

— Ура! — мальчишка со всех ног побежал по дорожке в глубь сада, крича на ходу: — Мама, папа, Марва, Сью, у нас гости!

К калитке подошел высокий рыжеволосый мужчина с трубкой во рту. Он смотрел на гостя спокойно и чуть насмешливо.

Человек вынул изо рта трубку и сказал:

— Я Джек Мередит. Входите, пожалуйста.— Отсту-

пив в сторону и пропустив гостя, он крикнул: — Мэри, Мэри, приготовь гостю поесть с дороги.

— Сейчас, — откликнулся откуда-то звонкий, веселый голос.

— Идемте, — пригласил Мередит гостя и повел его на веранду. Подвинув ему кресло, сказал: — Отдохните, пока готовится обед. Мэри в пять минут не уложится. Она довольна только тогда, когда ножки у стола готовы обломиться под тяжестью снеди. Горе тому, кто оставит хотя бы кусочек.

— Спасибо, — сказал гость, вытягивая усталые ноги, и, глубоко вздохнув, оглядел окружавшую его мирную картину. Мередит сел рядом и разжег трубку.

— Вы видели почтовый корабль?

— Да, вчера утром. Мне повезло — он пролетел прямо над моей головой.

— Вам действительно повезло. Ведь он появляется один раз в четыре года. Я сам видел его лишь дважды. Он проплыл прямо над нашим домом. Внушительное зрелище.

— Да, внушительное, — подтвердил гость с неожиданным волнением. — Мне показалось, что он в пять миль длиной. Грандиозное сооружение. Его масса, должно быть, во много раз больше, чем все чужеземные корабли из соседней долины, вместе взятые.

— Да, во много, — согласился Мередит.

— Я часто спрашивал себя, — начал гость, чуть подавшись вперед и не отрывая взгляда от лица хозяина, — как чужеземцы объясняли такую малую численность населения. Скорее всего — мором или войной, не допуская мысли об эмиграции в таких широких масштабах и обо всем, что из этого вытекает.

— Сомневаюсь, чтобы это очень их волновало, поскольку они сожгли за собой мосты и поселились среди нас. — Мередит кончиком трубки указал на соседний дом. — Один из них живет в соседнем коттедже. Его зовут Джусик. Славный парень. Женился на местной девушке. Они очень счастливы.

— Не сомневаюсь.

Оба помолчали, затем Мередит проговорил отрешенно, точно думая вслух:

— Они привезли с собой мощнейшее оружие, не зная, что у нас тоже есть оружие, которое поистине несокрушимо. — Мередит неопределенно взмахнул рукой, как бы охватывая этим взмахом весь мир. — Нам понадобились

тысячелетия, чтобы понять, что единственным непобедимым оружием является идея. Идею никто не может взорвать, сжечь, раздавить. Идею может победить только другая идея, более высокая, более разумная.— Он опять сунул трубку в рот.

— Да,— продолжал Мередит,— они прилетели слишком поздно. Опоздали на десять тысяч лет.— Искося взглянув на собеседника, он заключил: — Наша история — это долгий, долгий день. Она была такой беспокойной, что перемены происходили ежеминутно. Ежеминутно — новый выпуск последних известий. А теперь вот финал — конец долгой ночи.

— Философствуем? — добродушно спросил гость.

Мередит улыбнулся.

— Я часто сижу здесь, наслаждаясь покоем. Сижу и думаю. И каждый раз неизбежно прихожу к одному выводу.

— К какому же?

— А вот к какому. Если бы я лично владел всеми видимыми звездами и бесчисленным количеством обращающихся вокруг них планет, я все равно был бы ограничен в одном,— наклонившись, Мередит выбил трубку о каблук.— Я не мог бы, как и все остальные люди, съесть больше того, что вмещает желудок.

Мередит встал, высокий, широкоплечий.

— Сюда идет моя дочь Марва. Вы не возражаете, если она покажет вам ваше жилье?

Гость окинул комнату оценивающим взглядом. Удобная постель, изящная мебель.

— Вам нравится здесь? — спросила Марва.

— Да, конечно.— Его серые глаза внимательно рассматривали девушку: она была высокая, стройная, рыже-волосая, с зелеными глазами и изящной, вполне оформившейся фигурой. Потерев рукой массивный подбородок, он спросил:

— Вы не находите, что я похож на Круина?

— На Круина? — Ее тонкие, изогнутые брови поползли вверх от удивления.

— На командора Круина, начальника чужеземной космической экспедиции.

— А, на него.— Глаза ее засмеялись, на щеках обозначились ямочки.— Какие глупости! Вы ни капельки на него не похожи. Он был старый, злой, с глубокими мор-

щинами на лице. А вы молодой и гораздо красивее Круина.

— Вы очень добры,— тихо проговорил он и вдруг, волнуясь, растерянно зашагал по комнате, провожаемый спокойным, открытым взглядом ее ярко-зеленых глаз. Потом подошел к рюкзаку, развязал его.

— Есть обычай, чтобы гость дарил что-нибудь хозяевам,— в голове его зазвучали горделивые нотки.— Вот и я принес вам подарок. Я его сделал сам. Мне потребовалось несколько лет, чтобы научиться... несколько лет... Вот этими неумелыми руками. Я мастерил его долго, почти три года.

Марва взглянула на подарок и побежала из комнаты в сад. На площадке, облокотившись на перила, она закричала:

— Мама, папа, наш гость принес нам подарок! Часы, чудесные часы с птичкой. Она будет куковать и показывать, который час.

Внизу слышались быстрые шаги и затем голос Мэри:

— А мне можно посмотреть? Пожалуйста, я очень хочу посмотреть подарок.

Запыхавшаяся, с блестящими глазами, она чуть не бегом поднималась по лестнице.

Он ждал их в комнате с подарком, сделанным собственными руками. Плечи его распрямились, он весь приосанился, точно принимал парад. Часы, чуть вздрагивая, тикали в его руках. Птичка начала куковать. Раз, два...

Мыслитель

Высокий крутой холм, вершина которого поросла лесом, возвышался над равниной в лучах палящего солнца, отбрасывая густую тень на полосу земли, за которой начинались джунгли.

На почти отвесном его склоне, как раз посередине, прилепился огромный серый утес, напоминавший фигуру великана, погруженного в размышления. Этот утес, неровный, щербатый, изъеденный водой и ветром, так разительно походил на гигантскую статую человека, занятого решением мировых загадок, что еще со времен исчезнувших чиапасеков назывался „Мыслитель“ и внушал суеверный страх.

Медно-красное небо Чиапаса заливало раскаленными лучами горы, долину и джунгли. В нескольких милях к югу расположился городок Паленке, вблизи которого покоятся оплетенные вьющимися растениями руины — остатки позабытой цивилизации. Там, в Паленке, — ближайший кабачок, где бедный пеон мог утолить жажду, а также стряхнуть с себя мистический страх, внушаемый этим колоссом, погруженным в вековые думы.

Неуклюже развернув мула в конце борозды и перенеся вслед за ним соху, Хосе Фелипе Эгуерола остановился и отер платком пот с худого, дочерна загорелого лица, облизнул потрескавшиеся губы и отогнал тучу mosquitos. Слева, в зарослях джунглей, насмешливо твякали, пищали и выли невидимые твари. Справа вздымался крутой холм с выступающим каменным чудовищем. Тень огромной головы падала наискось, доставая самые дальние борозды — так высоко в небо возносилась голова гиганта.

Хосе Фелипе Эгуерола старался не смотреть на мрачную фигуру Мыслителя. Ни разу еще он не взглянул ей прямо в лицо. Это считалось опасным. Он не имел ни малейшего понятия почему, но испытывать судьбу не решался. И так уже, по мнению многих, он вел себя слишком неосторожно.

Только брат Бенедиктус со святой водой да несколько сумасшедших янки могли следовать пословице, что и кошке дозволено глядеть на царя. И, насколько ему было известно, ничего плохого с ними не случилось. Но у него, Хосе Фелипе, не было сандалий из сыромятной кожи, никогда в жизни не удавалось ему пленить пухленькую сеньориту и никогда не выигрывал он в лотерею ни единого песо. Вся его собственность состояла из семи акров болотистой, нагоняющей лихорадку земли, соломенной хижины, расположенной по соседству с кабачком, сохи, мула и пары драных штанов. Но вопреки всему он был одержим стремлением во что бы то ни стало жить.

В двадцатый раз в тот день перекатил он языком во рту от щеки к щеке кусочек смолы, отогнал mosquitos и, сойдя с борозды, уголком черного влажного глаза искоса взглянул на каменного гиганта. Несмотря на палящий зной, по спине его пробежал холодок — так громаден был гигант, так величав, так царственно равнодушен к возне крошечных существ, копошащихся внизу у его исполинских ног.

Сдвинув вперед соломенное, плетеное вручную сомбреро, чтобы солнце не било в глаза, Хосе Фелипе хлестнул крепкие, грязно-серые ягодицы мула и громко закричал: „Н-но, мул, но, но!“ Мул послушно поплелся. Налегши всей тяжестью тела на соху, Хосе Фелипе пошел за ним, неуклюже ступая по свежевспаханной земле босыми ногами.

Высоко в небе Мыслитель продолжал думать свою думу, не замечая крошечных букашек внизу — двуногую и четвероногую, — медленно приближавшихся к его тени. Он восседал на этой скале так давно и был так сильно изъеден временем, ливнями и ветром, что никто не мог с уверенностью сказать, вытесала его в стародавние времена рука искусного мастера или он был всего-навсего причудливым порождением стихий.

Но истина заключалась в том, что он не был ни игрой природы, ни древним идолом. Те немногие, кто видел его и пытался научно объяснить факт его существования, совершали ошибку, отбрасывая очевидное в угоду собственным фантазиям. Он был именно тем, чем казался: мыслителем. В этом отношении шестое чувство Хосе Фелипе, внушавшее ему безотчетный страх, явилось более верным судьей, чем эрудиция его образованных соплеменников.

Человек и скотина с замиранием сердца вступили в полосу тени, отбрасываемой каменным изваянием. Снова выйдя на свет, Хосе Фелипе, прокашлявшись от пыли, с облегчением вздохнул. В любом другом месте тень радовала его как всякого пеона: в тени — спасение от жгучего солнца, в тени можно предаться безделью, поваляться на земле, блаженно вытянув голые до колен ноги, и слушать умные речи жирного, ленивого сеньора Антонио Мигеля Гаутисоло-и-Ласареса, который умел не только читать, но и писать. Любимым его изречением было: „Пусть работают янки, они более развитый народ“.

Но сейчас тень не радовала его. Не вообще тень, а именно эта, короткая, густая тень колосса, который гнал отсюда прочь индейцев и пеонов, охраняя этот клочок земли от всех, кроме самых храбрых, таких, как Хосе Фелипе. Он даже частенько жалел, что храбрость его так велика. Им восхищались в Паленке. О нем говорили даже в далеком Вилье-Эрмосе. Очень приятно, когда тобой восхищаются, особенно в родном Паленке, за стойкой в шумном веселом кабаке. Но платить за похвалы прихо-

дилось дьяволу на этом поле, осененном зловещей тенью, и цена с каждым днем становилась выше. Здесь не было восхищенных зрителей, здесь только он сам, его бессловесный мул и каменный истукан, к подножию которого не смеют выбегать даже голодные обитатели джунглей.

Дойдя до конца поля, он развернул мула, перенес соху, вытер платком лицо, отогнал moskitov, поправил сомбре-ро и с опаской взглянул на скалу. „Н-но, мул, но!“ Его голос уносился к каменной крепости, эхом завывал в ней, проваливаясь в расщелины, прыгая с одного отрога на другой. „Н-но, мул, но!“ В непроницаемой гуще джунглей верещали попугаи, кто-то тяжело ухал в самых недрах зеленого ада. Где-то в отдалении треснула ветка. „Н-но, мул, но!“

Мыслитель очнулся.

Неторопливым, титаническим усилием, как в кошмарном сне, Мыслитель приподнял руку, подпиравшую голову, и снял локоть с бугра, изображавшего округлость колена. Весь его огромный торс пришел в движение, гора ожила, подножие содрогнулось, и две тысячи тонн камня обрушились вниз, разлетевшись на милю кругом. Грохот стоял такой, точно раскололись одновременно земля и небо. В джунглях залаяли, запищали, завывали, зарычали тысячи приглушенных голосов, выражая несказанное удивление.

Мул остановился, в испуге прядая ушами. Хосе Фелипе точно прирос к земле: он глядел не вверх, а вниз; себе под ноги на борозды, которые затемняла гигантская тень. Он видел, как локоть оторвался от колена, и начал подниматься вверх. Ладони Хосе Фелипе взмокли, пальцы, державшие соху, бессильно разжались. Медленно, против воли он обернулся.

Сердце его в мгновение ока обратилось в речного угря, бьющегося на крючке. По носу, за ушами, по икрам побежали тоненькие струйки пота. Мышцы челюсти, живота и бедер вдруг стали точно ватные. Голова закружилась, как будто он долго стоял нагнувшись под палящим солнцем. Он не мог сдвинуться с места, не мог шевельнуть ни единым мускулом. Он остолбенел, точно его на веки вечные установили здесь, подобно каменному изваянию, на которое он сейчас смотрел.

Оглашая воздух душераздирающим скрежетом, Мыслитель постепенно, могучим усилием отъединился от горы. Лавина камней, гальки, земли сыпалась по его бокам, густая пыль окутала ноги. Огромные валуны неслись

вниз, подпрыгивая, катились по полю, иные падали в трех шагах от пригвожденного к земле свидетеля чуда. Загрел суставы, Мыслитель выпрямился и неподвижно замер, его выросшая тень упала на джунгли, и тревожный гомон в чаще стих. Умолкли птицы. Только медно-красное небо по-прежнему изливало на землю раскаленные лучи. Весь мир оцепенел, объятый изумлением и ужасом.

Мыслитель вздохнул. Точно взвыл ветер — искатель приключений, заблудившийся в незнакомых горах. Затем вдруг Мыслитель, ничем не обнаружив своего намерения, огромными пальцами осторожно взял мула. Сбруя натянулась и лопнула, и несчастное животное, перевернутое вниз головой и в мгновение ока вознесенное на стометровую высоту, задержало в воздухе всеми четырьмя конечностями. Какое-то время исполин изучал его со спокойным, чуть насмешливым интересом. Потом, презрительно хмыкнув, опустил на землю. Мул лежал на боку, тяжело дыша, глаза у него безумно вращались, из оскаленного рта вывалился язык.

Огромная ручища приблизилась к Хосе Фелипе. В отчаянии силился тот отодрать от земли ноги, стоявшие непослушными. Но тщетно, ступни его точно приклеились. Рука сомкнулась вокруг него: огромная, жесткая, сильная — не рука, а каменная западня. Раскрыв рот, Хосе Фелипе издал вопль на такой высокой ноте, что сам не услышал себя. И с леденящей душу быстротой стал возноситься вверх, замурованный в камень, издавая беззвучные вопли широко разинутым ртом.

Точно в кошмарном сне приблизился он как на качелях к гигантскому лицу. Оно изучающе глядело на него двумя каменными шарами. И Хосе Фелипе каким-то необъяснимым образом понял, что изваяние видит, или, вернее, впитывает в себя его облик с помощью чувства, аналогичного зрению.

— Санта-Мария! — сорвалось с уст Хосе Фелипе. Ноги его, висящие над пропастью, судорожно задержались.

— Спокойно, — услышал Хосе Фелипе. У Мыслителя не было рта, на каменном лице только явственно обозначались толстые губы, но вещал он внятно и членораздельно, как говорящий колосс Мемнон.

— Спокойно, букашка, жалкое мое подобие. — Исполин повертел Хосе Фелипе, чтобы лучше его рассмотреть. У Хосе затрещали кости. Он опять завопил, обезумев от страха. Каменные пальцы чуть ослабили хватку.

— Ясно,— сказал Мыслитель,— эта тварь — хозяин той. Эта умеет думать. Так, так,— усмехнулся он.— Забавно. Значит, козявка, ты действительно умеешь думать? Это уже нечто. И я умею. Скажи, есть ли на свете более достойное, более сладостное занятие, чем глубокое, непрерывное размышление?

— Санта-Мария! — взвизгнул опять Хосе Фелипе. Взгляд его оторвался от огромного лица и скользнул в бездну, разверзшуюся за краем ладони. С такой высоты мул показался ему не больше мыши. Стараясь держаться поближе к пальцам, Хосе Фелипе заполз в ямочку в центре ладони. Его драные, мокрые от пота штаны плотно облепили ноги.

— Только размышление спасает от нестерпимой пытки бесконечной вереницы лет,— продолжал Мыслитель.— Постоянная, напряженная работа мысли, решение сложнейших проблем — вот единственный источник истинного наслаждения.— Колосс согнул палец, оглушив Хосе Фелипе скрежетом, и легонько толкнул его в бок: — Верно, а?

— Нет! — завопил Хосе Фелипе, не понимая, что говорит, и не слыша слов ужасного собеседника.— Да, да,— поспешил он поправиться на всякий случай, зажмурившись, чтобы не видеть ни чудовищного лица, ни бездонной пропасти.

— Увы,— продолжал мрачно Мыслитель,— я только что решил увлекательнейшую проблему: задачу попарно вращающихся девяти тел, одно из которых вращается в противоположном направлении. Решение этой задачи доставило мне ни с чем не сравнимое блаженство — мыслить семьдесят тысяч лет.— Чудовище на секунду задумалось.— Или, может, семь тысяч? Не знаю. Не стоит и голову ломать над этой пустяковой задачей.— Мыслитель резко качнул ладонь.— Но для тебя, козявка, мне думается, даже такая задача была бы неразрешимой.

От толчка язык у несчастного Хосе отлип от гортани, он поспешил воспользоваться вновь обретенным даром речи.

— Опустить меня на землю! Опустить! Я оставлю твою тень в покое! Клянусь, я больше никогда не буду...

— Молчи! — Ладонь опять закачалась.— И вот я безумно страдаю. Мне нужна новая проблема, чтобы я опять замолчал на тысячелетие. Силикоид без пищи для размышления — самое жалкое на свете существо!

Большой палец огромной руки успел задержать Хосе

Фелипе, который, беспомощно барахтаясь, покати́лся было к краю бездны.

— Ты крохотная козявка, жизнь твоя короче промежутка между двумя ударами моего пульса, и, по всей вероятности, любая придуманная тобой задача будет столь же ничтожна и столь же незамысловата. А я ищу проблему, для решения которой потребовалась бы вечность.

— Клянусь моим отцом и моей матерью, я никогда больше и близко не подойду к твоему подножию, не наступлю на твою тень, если только...

— Тише, козявка, не мешай мне. Я думаю, нельзя ли обратить тебя в хорошенькую задачку.

Каменная голова приблизилась к Хосе Фелипе и долго глядела на него пустыми каменными шарами.

— Допустим, я раздавлю тебя. Ты, конечно, умрешь. И, конечно, рано или поздно твои сородичи придут сюда на поиски. Я их тоже раздавлю. И чем выше вырастет гора трупов, тем загадочнее будет их гибель. Молва об этом разоидется, как расходятся по воде круги от брошенного камня. В конце концов другие козявки, посообразительнее, чем ты, придут сюда и займутся расследованием. И если я вовремя не остановлюсь, то отыщется умник, который разгадает тайну, и уж тогда найдут способ стереть меня в порошок.

— Я не хочу умирать,— завывал Хосе Фелипе,— я ничем не заслужил безвременной смерти.

В джунглях между тем возобновилась жизнь, где-то в отдалении, точно сочувствуя ему, защелкали попугаи.

— А впрочем, это тоже проблема,— размышлял вслух колосс, пропуская мимо ушей мольбы пленника.— Она не потребует долгих размышлений, но зато одобрена риском. И это придает ей особую прелесть. Пусть я брошу камень, тогда я должен высчитать скорость распространения волн, их частоту и расстояние, на котором они затухнут. Интересно, смогу ли я вовремя проснуться с готовым решением, чтобы отвратить собственную гибель? — Колосс опять усмехнулся.— В этом, несомненно, есть что-то оригинальное, что-то совсем новое. Ничего себе задача, от решения которой зависит вся моя жизнь! Она всерьез увлекает меня. Да, да, увлекает!

Каменные пальцы, хрустнув, стали сгибаться, приближаясь к Хосе Фелипе.

— Сжался надо мной,— закричал человек, едва дыша в каменных объятиях.

— Сжалиться? — Пальцы немного ослабили хватку. — Жалость? Что за туманное понятие! Заключена ли в нем имманентно какая-нибудь проблема? — Мыслитель помолчал. — Нет, ничего не вырисовывается. — Опять молчание. — Но я понимаю тебя, козявка. Допустим, я подарю тебе крупицу жалости, тогда, пожалуй, можно будет немного развлечься. Хорошо, я пойду на это. Так и быть, пожалею тебя. Сыграю с тобой в одну маленькую игру.

— Опусть меня на землю! Освободи меня!

— погоди. Еще не время. Сначала поиграем. — Гранитные шары глядели на него, но взгляд их был пуст, безнадежно пуст. — Игра заключается в следующем: я пощажу тебя, если ты докажешь, что твой ум не уступает моему. Сумей обратить меня снова в камень, и ты получишь свободу. Так что думай, козявка, напряги свои жалкие мозги. Итак, начинаем: ты против силикоида!

— Обратить тебя в камень?

Для Хосе Фелипе эти слова были лишены всякого смысла. Страх все еще не покидал его, но в нем вдруг стала закипать злость, разъедающая страх.

— Да, придумай что-нибудь. Не какую-то пустяковую проблему, решить которую ничего не стоит в промежутке между ударами моего пульса. Мне нужна проблема одних со мной временных масштабов. — Каменная рука чуть наклонилась. — Ну, думай, изобретай, как погрузить меня в каменный сон и спасти себе жизнь.

Хосе Фелипе в отчаянии прижался к каменному пальцу, соскользнул вниз, уцепился, снова соскользнул. Сстиснув зубы, тщетно заставлял мозг работать. Он не умел думать, и это ему было известно лучше других. Он был человеком храбрым, при обычных обстоятельствах, разумеется. Но мыслителем не был. Еще никто никогда не хвалил его за оригинальную мысль. Даже кроткий, безобидный брат Бенедиктус, и тот однажды сказал, что Хосе Фелипе так глуп, что ему и жить-то незачем. По-видимому, преподобный отец был прав, ибо конец его близок.

Брак Бенедиктус...

Сказал, что он глуп.

Почему?

Брат...

— Скорее! — Рука еще сильнее наклонилась. — Только безмозглые идиоты так медленно думают!

Съехав на самый край, Хосе Фелипе невероятным усилием воли заставил себя не разжать рук, обхвативших

каменный палец. Ноги его уже болтались в воздухе. Мысленным взором увидел он внизу мула величиной с мышь, а рядом исковерканный труп — начало длинной цепи убийств, первое звено адской затеи. Руки у него побелели от напряжения. Только бы не сорваться, только бы...

— Скорее!

Ладонь наклонилась еще.

Вдруг безумная ярость захлестнула все существо Хосе Фелипе, подавив страх, умножив стократ силы. Ловко изогнувшись, он одним махом перебросил тело на огромный палец, выпрямился во весь рост. Его яркие черные глаза горели от гнева, он потрясал перед каменной физиономией до смешного крошечным кулаком, первый раз открыто глядя в лицо врагу.

Сильным, звенящим от волнения голосом он крикнул, бросая истукану вызов:

— Ответь, кому сказал бог: „Да будет свет!“

Кому?

И не заботясь о том, было ли это для человека проблемой, каменный монстр принял посылку, почуяв в ней возможность тысячелетней работы мысли. Его огромная длань медленно выпрямилась и стала опускаться. Она опускалась все ниже и ниже, странно подрагивая. В полтора метра от земли Хосе Фелипе сорвался с нее. Он упал на колени, тяжело поднялся на ноги, пробежал шагов двадцать и потерял сознание. Откуда-то сверху, глухо, как сквозь сон, послышался скрежещущий голос:

— Кому?!

Небесный купол над Чиapasом по-прежнему пылал зноем, когда к Хосе Фелипе вернулось сознание, и он, шатаясь, поднялся на ноги. Мул, целый и невредимый, стоял как обычно на четырех ногах, глядя на него большими печальными глазами. Хосе Фелипе припал щекой к его теплой шее, радуясь присутствию живого существа. Он не хотел смотреть назад. Но взгляд его, как магнитом, притягивало туда, где высился колосс. Он не выдержал и обернулся. Привычная, знакомая во всех подробностях картина открылась ему: высокий крутой холм с вершиной, одетой лесом, утес причудливых очертаний, разительно похожий на гиганта, погруженного в вековечное размышление.

Какое-то время он ошеломленно смотрел на скалу, чувствуя, что страх отпускает его. Потом принялся ругать себя на чем свет стоит. Где же твоя хваленая храбрость, о которой известно даже в Вилье-Эрмосе? Горький ты

пьяница и больше никто. Протираешь штаны в кабачке. Безмозглый чурбан, такому и жить-то незачем. Сколько было мозгов, и те проквасил вечером в кувшине с текилой. Не удивительно, что наутро упал за плугом и в беспамятстве сражался с ожившей горой.

Задумавшись, он взял в руки сбрую и вдруг увидел, что она порвана. Поискал глазами обрывки. Они были разбросаны по полю на расстоянии мили к северу от того места, где он стоял. Повсюду тут и там торчали валуны, которых утром не было, по обе стороны от Мыслителя выросли свежие бугры камней, а у подножия белело его, Хосе Фелипе, сомбреро. Он вскинул глаза вверх — большой обломок скалы сорвался с кручи, полетел вниз и с грохотом исчез в расщелине. Эхо дважды повторило грохот, и Хосе Фелипе различил в нем мощное, приглушенное бормотание:

— Кому сказал? Кому?

— О боже,— прошептал Хосе Фелипе. Трясаясь всем телом, он кое-как сел на мула и, понукая, погнал его в сторону Паленке. Пот лил с него ручьями; москиты тучей вились над головой, он не замечал ничего, колотя пятками бока своего мула, пока тот, наконец, не затрусил ровной легкой рысцой.

— Н-но, мул, но, но!

Вы вели себя очень грубо

Небольшой магазинчик в узком переулке не привлекал внимания. Можно было тысячу раз пройти мимо, не остановив на нем взгляда. Но на окне, над зелеными занавесками, было написано небольшими буквами: „Продажа мутантов“.

Глаза у Дженсена от удивления полезли на лоб. Дженсен вошел внутрь.

— Беру шесть,— сказал он.

— Не жадничайте,— сказал укоризненно человек за прилавком.

У человечка была грива белых волос, водянистые глаза и багровый нос, которым он беспрестанно шмыгал. Его братья (если они у него были) наверняка околачивались где-нибудь около Белоснежки.

— Послушайте,— сказал Дженсен, обводя магазин-

чик пристальным взглядом, — давайте поговорим серьезно, а? Ну как, спустимся с небес на землю?

— А я и так на земле, — и в доказательство этого человек топнул ногой.

— Хотелось бы верить, — допустил Дженсен. Он навалился на прилавок и уставился коротышке в лицо. — Эти ваши мутанты — они какие?

— Худые и толстые, — ответил хозяин. — А также длинные и короткие. А еще — нормальные и чокнутые. Может, у мутаций и есть границы, но только мне они не известны.

— Я знаю, кто чокнутый, — хмыкнул Дженсен.

— Кому и знать, как не вам, — подтвердил человек.

— Я ведь газетчик, фельетонист, — многозначительно сказал Дженсен.

— Оно и видно, — согласился коротышка.

— Что видно?

— Кто чокнутый.

— Подходяще, — признал Дженсен. — Люблю находчивых, даже если у них не все дома.

— Таких невежливых газетчиков я еще не встречал, — заметил человек. Он вытер глаза, высморкался и посмотрел, моргая, на посетителя.

— Ну, в моем положении это допускается. Ведь я возможный покупатель. А покупатель всегда прав.

— Не обязательно.

— Придется вам это понять, если не хотите разориться, — уверил Дженсен и начал разглядывать полки по ту сторону прилавка. Они были заставлены разными, самой диковинной формы банками и склянками. — Так вот, на счет этих мутантов.

— Да?

— Что это за махинация?

— Я продаю их — это махинация?

— Еще бы! — сказал Дженсен. — Вы хоть знаете, что такое мутант?

— Должен бы знать.

— Конечно, должны. Но знаете?

— Безусловно.

— Тогда что такое мутант?

— Ха! — Человек дернул носом, который после этого еще больше побагровел. — Так вы сами не знаете?

— Развожу их десятками. Я в этих делах крупный специалист.

— Правда? — усомнился человек. — Как ваше имя?

— Дженсен. Альберт Эдвард Мэлакай Дженсен из „Морнинг колл“.

— Никогда о вас не слышал.

— И не могли — ведь для этого надо уметь читать.— Дженсен набрал воздуха и продолжал: — Мутант — это урод, который получается в одном случае из миллиона. Тяжелая частица — ну, какой-нибудь космический луч — бьет по гену, и когда приходит срок, на руках у мамы нечто для показа в цирке. Так что...

— Неверно! — резко оборвал его человек.— Мутант — это организм с коренными изменениями душевного или физического склада, передающимися потомству независимо от того, искусственными или естественными причинами вызваны эти изменения. Свойства всех моих мутантов передаются их потомству, из чего следует, что мои мутанты настоящие.

— Значит, вы изменяете любые живые существа и даете гарантию, что приплод будет такой же, как и родители?

— Вот именно.

— Тогда вы, наверно, бог,— сказал Дженсен.

— Ваше кощунство ничем не оправдано,— с негодованием отозвался человек.

Будто не слыша, Дженсен снова обвел пристальным взглядом ряды банок и склянок.

— Что это?

— Сосуды.

— Это я вижу сам. А что в сосудах — растворенные мутанты?

— Не говорите глупости.

— Я никогда не говорю глупости,— заверил Дженсен.— Вы торгуете мутантами — должны же вы где-нибудь их хранить.

— Да, торгую.

— Так написано на окне. Что это за махинация?

— Я же говорил вам — никакой махинации нет.

— Прекрасно. Я покупатель. Покажите мне несколько мутантов помодней. Что-нибудь вечернее и сногшибательное.

— У меня не магазин одежды,— отозвался человек.— Вам нужно платье с глубоким вырезом. Вы бы выглядели в нем убийственно.

— Пусть это вас не волнует. Мутанта, пожалуйста,— больше я ничего у вас не прошу.

— Что-нибудь определенное? — спросил хозяин.

Дженсен задумался.

— Да. Я хочу купить голубого носорога в семнадцать дюймов длиной и весом не больше девяти фунтов.

— В серийном производстве такого нет. Придется делать специально.

— Вы знаете, почему-то я этого ожидал. Чувствовал как-то, что эта просьба не совсем обычная.

— Нужно две, а может быть, даже три недели,— предупредил человек.

— В этом я не сомневаюсь. Месяцы и годы. Да что там — жизни!

— Я мог бы предложить вам розового слона,— продолжал хозяин.— Примерно такой же величины.

— Слонов никто не берет. В любой лавчонке их завалились.

— Да, их довольно много.— Он пригладил белые волосы, вздохнул.— Похоже, что я ничем не могу быть вам полезен.

— Покажите мне мутанта! Любого! самого дешевого! — почти прокричал Дженсен.

— Ради бога, пожалуйста!

Человек вытер глаза, шмыгнув раза два носом и скрылся за дверью, которая вела в подсобные помещения магазина.

Перегнувшись через прилавок, Дженсен дотянулся до небольшой, необычной по форме стеклянной банки. Она была наполнена до половины какой-то оранжевой жидкостью. Дженсен отвинтил крышку и понюхал. Запах навел на мысль о фантастически концентрированном перво-сортном виски. Он с грустью поставил банку на место.

Хозяин вернулся. На руках у него был белый щенок с черным пятном вокруг одного глаза. Он почти бросил его на прилавок.

— Пожалуйста — дешево и сердито.

— Ясно,— сказал Дженсен.— На вас надо подать в суд.

— Почему?

— Какой это мутант?

— Вам лучше знать,— с оскорбленным видом сказал человек,— ведь вы крупный специалист в этой области.

Подхватив щенка, он повернулся к двери.

— Какой умник нашелся! — презрительно ухмыльнувшись, проговорил щенок, прежде чем дверь за ними захлопнулась.

Когда хозяин появился снова, Дженсен сказал:

— Я слышал, как он говорит. Это же самое проделывает Чарли Маккарти *, да и другие куклы.

— Вполне возможно.

Человечек чихнул и, звеня банками, стал искать что-то на полках.

— Это вам проделает любой эстрадный чревовещатель, — не унимался Дженсен, — только с большим блеском и оригинальностью.

— Вполне возможно, — повторил хозяин.

— Я человек дотошный, — продолжал Дженсен. — Когда попадается что-нибудь интересное для газеты, меня за уши не оттащишь. С места не сдвинусь, пока не будет полной ясности, — вот я какой.

— В этом я не сомневаюсь.

— Вот и хорошо. Взгляните на дело по-другому: вы продаете мутантов, во всяком случае, так утверждаете. Тут новостей на несколько строчек, но строчка оттуда, строчка отсюда — и, пожалуйста, фельетон готов.

— Серьезно? В самом деле?

Человечек поднял белые брови, судя по всему, ошеломленный этим сообщением.

— В хорошем фельетоне, — зловеще продолжал Дженсен, — написанном опытным фельетонистом, много всякого интересного. Его читают. Иногда в нем рассказывается о приятном, иногда о неприятном. Полиция читает неприятное и благодарна, что я обратил на это ее внимание. Обычно, правда, она запаздывает: чаще герой моего произведения прочитывает его раньше и успевает смыться. Понятно?

— Нет, не понятно.

Дженсен хлопнул по прилавку ладонью.

— Вы только что пытались всучить мне щенка. Он сказал: „Какой умник нашелся!“ Я слышал это собственными ушами. Это обман. Приобретение денег нечестным путем. Мошенничество.

— Но ведь я никаких денег не приобрел. — Человечек пренебрежительно махнул рукой. — Деньги! К чему они мне? Я никогда не беру денег.

— Вот как, не берете? Тогда что вы хотите за своего трепливого щенка?

Опасливо оглядевшись, человечек перегнулся через прилавок и еле слышно прошептал что-то.

* Чарли Маккарти — большая деревянная кукла, с которой выступал популярный американский комик и чревовещатель Эдгар Берген. — *Прим. перев.*

Дженсен вытарашил глаза и сказал:

— Вот теперь я окончательно убедился, что вы псих.

— Некоторых материалов мне очень не хватает,— извинился человек.— Неорганических сколько угодно, а вот животной протоплазмы нет. Столько сил и времени надо потратить, чтобы все приготовить самому!

— Могу себе представить.— Дженсен посмотрел на часы.— Покажите мне одного настоящего, подлинного мутанта, и я вас прослаблю в воскресном номере. В противном случае...

— Да я сам мутант,— скромно сказал хозяин.

— Вот как? И что же это вы такое можете делать?

— Все могу.— И, помолчав, добавил: — Ну, если не все, так почти все.

Дженсен оскорбительно хихикнул.

— И вы можете делать других мутантов?

— Могу.

— Тогда валяйте, делайте. Мне нужен голубой носорог в семнадцать дюймов длиной, весом не больше девяти фунтов.

— Я не могу сделать носорога в один миг — нужно время.

— Это мы уже слышали. Бесконечные отговорки! — Дженсен нахмурился.— Ну, а розовый, чистой воды алмаз величиной с ведро вы могли бы сделать?

— Если бы он на что-нибудь годился.— Человек с ожесточением откашлялся и вдвинул какую-то банку туда, где ей надлежало быть.— Драгоценный камень такой величины ничего бы не стоил. И понадобилось бы немало времени, чтобы его изготовить.

— Ну вот, опять! — Дженсен со значением посмотрел на заставленные склянками полки.— Сколько они вам платят?

— Кто?

— Поставщики наркотиков.

— Не понимаю.

— Да уж куда там! — Дженсен почти вплотную приблизился к собеседнику. Лицо его было циничным, как у человека, хорошо знакомого с изнанкой жизни.— Надпись на окне — это для отвода глаз. У этих слов другой смысл. Ваши трехнутые клиенты называют „мутантом“ сосуд с зельем, от которого они на седьмом небе.

— В сосудах растворы,— сказал хозяин.

— Кто в этом сомневается? — подхватил Дженсен.— Деньги наркоманов растворяются в банках пачками.—

Он показал на ту, которую нюхал в отсутствие хозяйна: — Сколько за эту?

— Нисколько,— ответил, протягивая ему банку, человек.— Но посуду верните обязательно.

Взяв банку, Дженсен снова открыл ее и понюхал. Окунув палец, с опаской лизнул его. На лице у него появилось выражение блаженства.

— Беру назад треп про наркотики. Я все понял.— Мягко, чтобы не пролить ни капли, он взмахнул рукой, которая сжимала склянку.— Незаконная торговля спиртным — девяносто шесть градусов и никакого налога.— Он обсосал палец.— Какая мне разница? Кто-то — большой специалист в этом деле, а также большой специалист по увиливанию от налогообложения. Считайте меня своим клиентом — буду наведываться регулярно.

Дженсен сделал глоток. Будто факельное шествие проследовало через его глотку.

— Ух!

Он перевел дыхание и с нескрываемым уважением оглядел банку. Она была невелика, вмещала не больше одной пятой пинты. Жаль. Он снова поднес ее ко рту.

— Ваш должник. Пью за беззаконие!

— Вы вели себя очень грубо,— сказал человек.— Запомните это.

Насмешливо улыбаясь, Дженсен запрокинул голову и проглотил остаток. В животе у него будто что-то взорвалось. Стены магазина широко раздвинулись, снова сдвинулись. В течение пяти секунд, пока ноги его слабели, он шатался, а потом словно сломался в поясе и уже не сопротивлялся, когда пол ударил его в лицо.

Одна за другой пронеслись вечности, длинные, туманные, полные глухих звуков. Кончились. Медленно, как после страшного сна, Дженсен возвращался к действительности.

Он стоял на четвереньках на листе льда или чего-то похожего на лед. Совсем как собака. Тело его одеревенело. Голова была свинцовая, словно после похмелья, перед глазами все расплывалось. Чтобы прийти в себя, он потряс головой.

С трудом, но мысли начали к нему возвращаться. Тайная продажа наркотиков. Он наткнулся на нее случайно и стал любопытничать. Кто-то подкрался сзади и оглушил

его. Вот как бывает, когда распустишь язык и начинаешь задавать никому не нужные вопросы.

„Вы вели себя очень грубо. Запомните это!“

Подумаешь, грубо! Скоро он совсем очухается, вернутся силы, и тогда он поведет себя не то что грубо, а просто до предела вульгарно. Разберет мозгляка на части и раскидает их по окрестностям.

Глаза теперь более или менее видят — скорее менее, чем более. Странные какие-то и жутко близорукие. Зато нос работает великолепно — чует бог знает сколько всяких запахов, даже запах перегретого мотора где-то ярдах в пятидесяти. Но глаза — просто никуда.

И все-таки он увидел, что лед на самом деле вовсе не лед. Скорее это было листовое стекло, толстое и холодное. Далеко внизу виднелся другой такой же лист, под ним — еще один, а прямо перед его глазами была крепкая проволочная сетка.

Он попытался встать на ноги, но спина будто окаменела и отказывалась разогнуться. Ноги не повиновались. Ну и двинули же его! По-прежнему на четвереньках, словно во сне, он неуклюже переместился к преграждавшей ему путь сетке. Совсем близко слышались голоса, хотя говорящих он не видел.

— Она просит аравийскую гончую — салуки — с теплепатическими способностями. Надо как-то достать.

— Потребуется десять дней, — ответил голос человека.

— Ее день рождения в следующую субботу. У вас будет готово к этому времени? Точно?

— Совершенно точно.

— Прекрасно, беритесь за дело. Я вас хорошо отблагодарю, когда приду за покупкой.

Дженсен прищурился и близоруко посмотрел через сетку на какую-то блестящую поверхность напротив. То же стекло, а перед ним другой ряд натянутых сеткой пустых полок. На стекле какие-то неясные, исчезающие тени. Будто далекое окно, и на нем надпись. Слова надписи перевернуты, буквы неясные. Он очень долго в них вглядывался, пока не разобрал наконец: „Продажа мушкетеров“.

Он посмотрел прямо перед собой и увидел какое-то отражение, гораздо более четкое. Он отодвинулся в сторону. Отражение отодвинулось тоже. Он тряхнул головой. Оно тоже тряхнуло. Он открыл рот — отражение открыло свой.

Тогда он закричал, словно его резали, но слышался только тихий всхрип. Отражение захрипело тоже.

Оно было голубое, в семнадцать дюймов длиной, и на его безобразном носу торчал рог.

Мы с моей тенью

Тримбл опустил дрожащую ложку, мигая водянистыми виноватыми глазами.

— Ну, Марта, Марта! Не надо так.

Положив мясистую руку на свой конец столика, за которым они завтракали, Марта, багровая и осипшая от злости, говорила медленно и ядовито:

— Пятнадцать лет я наставляла тебя, учила уму-разуму. Семьсот восемьдесят недель — по семи дней каждая — я старалась исполнить свой долг жены и сделать мужчину из тебя, тряпки, — она хлопнула широкой мозолистой ладонью по столу так, что молоко в молочнике заплескало. — И чего я добилась?

— Марта, ну будет же!

— Ровнехонько ничего! — кричала она. — Ты все такой же: ползучий, плюгавый, бесхребетный, трусливый заяц и слизняк!

— Нет, я все-таки не такой, — слабо запротестовал Тримбл.

— Докажи! — загремела она. — Докажи это! Пойди и сделай то, на что у тебя все пятнадцать лет не хватало духу! Пойди и скажи этому своему директору, что тебе полагается прибавка.

— Сказать ему? — Тримбл в ужасе заморгал. — Ты имеешь в виду — попросить его?

— Нет, сказать! — В ее голосе прозвучал жгучий сарказм. Она по-прежнему кричала.

— Он меня уволит.

— Так я и знала! — И ладонь снова хлопнула об стол. Молоко выпрыгнуло из молочника и расплескалось по столу. — Пусть увольняет. Тем лучше. Скажи ему, что ты этого пятнадцать лет ждал, и пни его в брюхо. Найдешь другое место.

— А вдруг нет? — спросил он чуть ли не со слезами.

— Ну, мест повсюду полно! Десятки! — Марта встала, и при виде ее могучей фигуры он ощутил обычный боязливый трепет, хотя, казалось бы, за пятнадцать лет

мог привыкнуть к ее внушительным пропорциям. — Но, к несчастью, они для мужчин!

Тримбл поежился и взял шляпу.

— Ну, я посмотрю, — пробормотал он.

— Ты посмотришь! Ты уже год назад собирался посмотреть. И два года назад...

Он вышел, но ее голос продолжал преследовать его и на улице.

— ...и три года назад, и четыре... Тьфу!

Он увидел свое отражение в витрине: низенький человечек с брюшком, робко горбящийся. Пожалуй, все они правы: сморчок — и ничего больше.

Подошел автобус. Тримбл занес ногу на ступеньку, но его тут же втолкнул внутрь подошедший сзади мускулистый детина, а когда он робко протянул шоферу бумажку, детина оттолкнул его, чтобы пройти к свободному сиденью.

Тяжелый жесткий локоть нанес ему чувствительный удар по ребрам, но Тримбл смолчал. Он уже давно свыкся с такими толчками.

Шофер презрительно ссыпал мелочь ему на ладонь, насупился и включил скорость. Тримбл бросил пятицентовик в кассу и побрел по проходу. У окна было свободное место, отгороженное плотной тушей сизового толстяка. Толстяк смерил Тримбла пренебрежительным взглядом и не подумал подвинуться.

Привстав на цыпочки, Тримбл вдел пухлые пальцы в ременную петлю и повис на ней, так ничего и не сказав.

Через десять остановок он слез, перешел улицу, привычно описав крутую петлю, чтобы пройти подальше от крупы полицейского коня, затрусил по тротуару и благополучно добрался до конторы.

Уотсон уже сидел за своим столом и на „доброе утро“ Тримбла проворчал „хрр“. Это повторялось каждый божий день — „доброе утро“ и „хрр“.

Потом начали подходить остальные. Кто-то буркнул Тримблу в ответ на его „здравствуйте“ что-то вроде „приветик“, прочие же хмыкали, фыркали или ехидно усмехались.

В десять прибыл директор. Он никогда не приезжал и не являлся, а только прибывал. И на этот раз тоже. Директор прошествовал к себе в кабинет, точно там ему предстояло заложить первый камень памятника, окре-

стить линейный корабль или совершить еще какой-нибудь высокаторжественный ритуал. Никто не смел с ним здороваться. Все старались придать себе чрезвычайно почтительный и одновременно чрезвычайно занятый вид. Но Тримбл, как ни тщился, выглядел только ухмыляющимся бездельником.

Подождав около часа, чтобы директор успел справиться с утренней почтой, Тримбл судорожно сглотнул, постучался и вошел.

— Прошу прощения, сэр...

— Э? — Бычья голова вскинулась, свирепые глазки парализовали просителя. — Что вам еще надо?

— Ничего, сэр, ничего, — робко заверил Тримбл, похолодев. — Какой-то пустяк, и я уже забыл...

— Ну, так убирайтесь вон!

Тримбл убрался. В двенадцать он попробовал пробудить в себе стальную решимость, но стали явно не хватило, и он со вздохом вновь опустился на стул.

Без десяти час он рискнул сделать еще одну попытку: встал перед директорской дверью, поднес к филенке согнутый указательный палец — и передумал. Лучше попробовать после обеденного перерыва. На сытый желудок он станет смелее.

По дороге в кафетерий ему предстояло пройти мимо бара. Он проходил мимо этого бара тысячи раз, но внутри не бывал никогда. Однако теперь ему пришло в голову, что глоток виски мог бы его подбодрить. Он настороженно огляделся. Если Марта увидит его на пороге этого злачного места, ему придется плохо. Однако Марты в окрестностях не наблюдалось, и, дивясь собственной храбрости, Тримбл вошел в бар.

Клиенты, или завсегдатаи, или как они там называются, проводили его откровенно подозрительными взглядами. Вдоль длинной стойки их сидело шестеро, и все шестеро, несомненно, сразу распознали в нем любителя минеральной воды. Он хотел ретироваться, но было уже поздно.

— Что угодно? — спросил бармен.

— Выпить.

Чей-то хриплый смешок подсказал Тримблу, что его ответ был излишне общим. Требовалось назвать конкретный напиток. Но, кроме пива, он ничего вспомнить не сумел. А пиво ему ничем помочь не могло.

— А что лучше? — находчиво спросил он.

— Смотря для чего.

— Это как же?
— Ну, с радости вы пьете, с горя или просто так.
— С горя! — пылко объявил Тримбл. — Только с горя!

— Один момент, — и, взмахнув салфеткой, бармен вернулся. Несколько секунд он жонглировал бутылками, а потом поставил перед Тримблом бокал с мутноватой желтой жидкостью. — С вас сорок центов.

Тримбл заплатил и завороченно уставился на бокал. Бокал манил его. И пугал. Он чаровал и внушал ужас, как вставшая на хвост кобра. Тримбл все еще смотрел на желтую жидкость, когда пять минут спустя его сосед, широкоплечий верзила, небрежно протянул волосатую лапу, взял бокал и одним махом осушил его. Только Тримбл мог стать жертвой подобного нарушения кабацкой этики.

— Всегда рад услужить другу, — сладким голосом сказал верзила, а глаза его добавили: „Только пикни у меня!“

Не возразив, не запротестовав, Тримбл понуро вышел из бара. Презрительный взгляд бармена жег ему спину. Хриплый хохот завсегдатаев огнем опалял его затылок и уши.

Благополучно выбравшись на улицу, он предался тоскливым размышлениям. Почему, ну почему все пинки и тычки выпадают на его долю? Разве он виноват, что не родился дюжим хулиганом? Он уж такой, какой есть. И главное, что ему теперь делать?

Конечно, он мог бы обратиться к этим... к психологам. Но ведь они же — доктора. А он смертельно боялся докторов, которые в его сознании ассоциировались с больницами и операциями. К тому же они, наверное, просто его высмеют. Над ним всегда смеялись с тех пор, как он себя помнил. Есть ли хоть что-нибудь в мире, чего он не боялся бы? Хоть что-нибудь?

Рядом кто-то сказал:

— Только не пугайтесь. Я думаю, что смогу вам помочь.

Обернувшись, Тримбл увидел невысокого иссохшего старичка с белоснежными волосами и пергаментным морщинистым лицом. Старик смотрел на него удивительно ясными синими глазами. Одет он был старомодно и чудачковато, но от этого казался только более ласковым и доброжелательным.

— Я видел, что произошло там, — старичок кивнул в сторону бара. — Я вполне понимаю ваше состояние.

— Почему это я вас заинтересовал? — настороженно спросил Тримбл.

— Меня всегда интересуют люди.— Он дружески взял Тримбла под руку, и они пошли по улице.— Люди ведь куда интереснее неодушевленных предметов.— Синие глаза ласково посмеивались.— Существует непреложное правило, что у каждого есть какой-то выдающийся недостаток, или, если вам угодно, какая-то главная слабость. И чаще всего это — страх. Человек, не боящийся других людей, может испытывать смертельный ужас перед раком. Многие люди страшатся смерти, а другие, наоборот, пугаются жизни.

— Это верно,— согласился Тримбл, невольно оттаивая.

— Вы — раб собственных страхов,— продолжал старик.— Положение усугубляется еще и тем, что вы отдаете себе в этом полный отчет. Вы слишком ясно сознаете свою слабость.

— Еще как!

— Об этом я и говорю. Вы знаете о ней. Она постоянно присутствует в вашем сознании. Вы неспособны забыть про нее хотя бы на минуту.

— Да, к сожалению,— сказал Тримбл.— Но, возможно, когда-нибудь я сумею ее преодолеть. Может быть, я обрету смелость. Бог свидетель, я сотни раз пробовал...

— Ну, разумеется,— морщинистое лицо расплылось в веселой улыбке.— И вам недоставало только одного — постоянной поддержки верного друга, который никогда не покидал бы вас. Человек нуждается в ободрении, а иной раз и в прямом содействии. И ведь у каждого человека есть такой друг.

— А мой где же? — мрачно осведомился Тримбл.— Сам себе я друг — хуже некуда.

— Вы обретете поддержку, которая дается лишь немногим избранным,— пообещал старец.

Он опасливо оглянулся по сторонам и опустил руку в карман.

— Вам будет дано испытать из источника, скрытого в самых недрах земли.

Он достал узкий длинный флакон, в котором искрилась зеленая жидкость.

— Благодаря вот этому вы обретете уши, способные слышать голос тьмы, и язык, способный говорить с ее порождениями.

— Что-что?

— Возьмите, — настойчиво сказал старец. — Я даю вам этот напиток, ибо высший закон гласит, что милость порождает милость, а из силы рождается сила. — Он вновь ласково улыбнулся. — Вам теперь остается победить только один страх. Страх, который мешает вам осушить этот фиал.

Старец исчез. Тримбл никак не мог сообразить, что, собственно, произошло: только секунду назад его странный собеседник стоял перед ним, и вот уже сгорбленная фигура исчезла среди пешеходов в дальнем конце улицы. Тримбл постоял, посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на свои пухлые пальцы, на зажатый в них флакон. И спрятал его в карман.

Тримбл вышел из кафетерия на десять минут раньше, чем требовалось для того, чтобы вернуться в контору вовремя. Его желудок не был улагодворен, а душу грызла тоска. Ему предстояло выдержать либо объяснение с директором, либо объяснение с Мартой. Он находился между молотом и наковальней, и это обстоятельство совсем лишило его аппетита.

Он свернул с улицы в проулок, заканчивавшийся пустырем, где не было снующих взад-вперед прохожих. Отойдя в дальний конец пустыря, он достал сверкающий флакон и принялся его разглядывать.

Содержимое флакона было ярко-зеленым и на вид маслянистым. Какой-нибудь наркотик, а то и яд. Гангстеры перед тем, как грабить банк, накачиваются наркотиками, так как же подействует такое снадобье на него? А если это яд, то смерть его, быть может, будет тихой и безболезненной? Будет ли плакать Марта, увидев его застывший труп с благостной улыбкой на восковом лице?

Откупорив флакон, он поднес его к носу и ощутил сладостный, почти неуловимый аромат. Лизнув пробку, он провел кончиком языка по небу. Жидкость оказалась крепкой, душистой и удивительно приятной. Тримбл поднес флакон к губам и выпил его содержимое до последней капли. Впервые в жизни он решился рискнуть, добровольно сделать шаг в неизвестное.

— Мог бы и не тянуть так! — заметил нечеловеческий голос.

Тримбл оглянулся. На пустыре никого не было. Он бросил флакон, не сомневаясь, что голос ему почудился.

— Смотри вниз! — подсказал голос.

Тримбл оглядел пустырь. Никого. Ну и зелье! У него уже начинаются галлюцинации.

— Смотри вниз! — повторил голос с раздражением. — Себе под ноги, дурак ты круглый! — и после паузы обиженно добавил: — Я же твоя тень!

— О господи! — простонал Тримбл, пряча лицо в ладонях. — Я разговариваю с собственной тенью! С одного раза допиллся до розовых слонов!

— Пошевели, пошевели мозгами! — негодуяюще посоветовала тень. — Черный призрак есть у каждого человека, только не каждый олух говорит на языке тьмы. — Несколько секунд тень размышляла, а потом скомандовала: — Ну ладно, пошли!

— Куда?

— Начнем с того, что вздуем ту мокрицу в बारे.

— Что?! — возопил Тримбл. Двое прохожих на тротуаре остановились и стали с удивлением оглядывать пустырь. Но Тримбл этого даже не заметил. Мысли у него мешались, он ничего не сознавал, кроме дикого страха: вот-вот на него наденут смирительную рубашку и запрут в отделение для буйнопомешанных!

— Да перестань ты драть глотку!

Тень поблекла, потому что небольшое облачко заслонило солнце, но вскоре обрела прежнюю черноту.

— Ну, раз уж мы начали разговаривать, я, пожалуй, обзаведусь именем. Можешь звать меня Кларенсом.

— Кл... Кл... Кл...

— А что? Разве плохое имечко? — воинственно осведомилась тень. — А ну, заткнись. Подойди-ка к стене. Вот так. Видишь, как я поднялся? Видишь, насколько я тебя больше? Согни правую руку. Чудненько. А теперь погляди на мою руку. Хороша, а? Да чемпион мира в тяжелом весе полжизни за нее отдал бы!

— Господи! — простонал Тримбл, напрягая бицепс и умоляюще возводя глаза к небу.

— Мы с тобой можем теперь работать заодно, — продолжал Кларенс. — Ты только прицелься, а уж удар я беру на себя. Только становись против света, так, чтобы я был большим и сильным, а дальше все пойдет как по маслу. Бей в точку и помни, что я с тобой. Только ткни его кулаком, а уж я так ему врежу, что он об потолок треснется. Понял?

— Д-д-да, — еле слышно пробормотал Тримбл. Пугливо покосившись через плечо, он обнаружил, что число зрителей увеличилось до десяти.

— Повернись так, чтобы я был позади,— скомандовала тень.— Сначала сам размахнись, а второй раз я тебя поддержу. Вот увидишь, какая будет разница.

Тримбл покорно повернулся к ухмыляющимся зевакам и взмахнул пухлым кулаком. Как он и ожидал, никакого удара не получилось. Он отступил на шаг и снова замахнулся, напрягая все силы. Его рука рванулась вперед, как поршень, увлекая за собой тело, и он еле удержался на ногах. Зрители захохотали.

— Видал? Что я тебе говорил? Не найдется и одного человека на десять, чтобы он знал свою настоящую силу.— Кларенс испустил призрачный смешок.— Ну, вот мы и готовы. Может, посшибаем с ног этих типчиков, чтобы набить руку?

— Нет! — крикнул Тримбл и утер пот с багрового полубезумного лица. К зрителям присоединилось еще пять человек.

— Ладно, как хочешь. А теперь пошли в бар, и помни, что я всегда рядом с тобой.

Все больше и больше замедляя шаг, Тримбл наконец добрался до бара. Он остановился перед входом, чувствуя, как трясутся у него поджилки, а его драчливая тень торопливо давала ему последние наставления:

— Меня никто не слышит, кроме тебя. Ты принадлежишь к немногим счастливым, которым открылся язык тьмы. Мы войдем вместе, и ты будешь говорить и делать то, что я тебе скажу. И что бы ни случилось, не дрейфь — я с тобой, а я могу свалить с ног бешеного слона.

— По-понятно,— согласился Тримбл без всякого восторга.

— Ну и чудненько. Так какого же черта ты топчешься на месте?

Тримбл открыл дверь и вошел в бар походкой преступника, поднимающегося на эшафот. Там сидела все та же компания во главе с дюжим верзилой.

Бармен взглянул на вошедшего, гаденько ухмыльнулся и многозначительно ткнул в его сторону большим пальцем. Верзила выпрямился и нахмурил брови. Продолжая ухмыляться, бармен осведомился:

— Чем могу служить?

— Зажги-ка свет,— потусторонним голосом прошипел Тримбл,— и я тебе кое-что покажу.

Ну вот! Он отрезал себе пути к отступлению. И теперь придется претерпеть все до конца, пока санитары не вынесут его отсюда на носилках.

Бармен прикинул. В любом случае шутка обещала выйти занимательной, и он решил исполнить просьбу этого коротышки.

— Будьте любезны! — сказал он и щелкнул выключателем.

Тримбл оглянулся и несколько воспрянул духом. Рядом с ним высился Кларенс, уходя под потолок, точно сказочный джин.

— Валяй, — скомандовала гигантская тень. — Приступай к делу.

Тримбл шагнул вперед, схватил рюмку верзилы и выплеснул содержимое ему в физиономию.

Верзила встал, точно во сне, крикнул, утер лицо и снова крикнул. Потом снял пиджак, аккуратно сложил его и бережно опустил на стойку. Медленно, внятно и очень вежливо он сказал своему противнику:

— Богатым меня не назовешь, но сердце у меня на редкость доброе. Уж я позабочусь, чтобы тебя скоронили поприличнее.

И могучий кулак описал в воздухе стремительную дугу.

— Пригнись! — рявкнул Кларенс.

Тримбл втянул голову в ботинки и почувствовал, как по его волосам промчался экспресс.

— Давай! — иступленно скомандовал Кларенс.

Подпрыгнув, Тримбл выбросил кулак вперед. Он вложил в это движение весь свой вес и всю свою силу, целясь в кадык верзилы. На мгновение ему показалось, что его рука пробила шею противника насквозь. Он снова ударил по шестидесятому этажу небоскреба, и результат получился не менее эффективный. Верзила рухнул, как бык под обухом. Ого! И мы кое-что можем!

— Еще раз! — неистовствовал Кларенс. — Дай я ему еще врежу, пусть только встанет!

Верзила пытался подняться на ноги. На его лице было написано недоумение. Он почти выпрямился, неуверенно поводя руками и стараясь разогнуть подгибающиеся ноги.

Тримбл завел правый кулак как мог дальше, так что у него хрустнул сустав. А потом дал волю руке, целясь противнику по сопатке. Раздался чмокающий удар, точно лопнул слишком сильно надутый мяч. Голова верзилы мотнулась, грозя вот-вот отделиться от плеч, он зашатался, упал и прокатился по полу.

Кто-то благоговейно охнул.

Дрожа от возбуждения, Тримбл повернулся спиной к поверженному противнику и направился к стойке. Бармен тотчас подскочил к нему с самым почтительным видом. Тримбл поклонил палец и нарисовал на стойке круглую рожицу.

— Ну-ка, подрисуй к ней кудряшки!

Бармен заколебался, поглядел по сторонам с умоляющим видом и судорожно сглотнул. Потом покорно облизал палец и подрисовал кудряшки.

Тримбл выхватил у него салфетку.

— Попробуй еще раз состроить мне гримасу, и с тобой вот что будет! — энергичным движением он стер рожицу.

— Да ладно вам, мистер, — умоляюще пробормотал бармен.

— А пошел ты... — Тримбл впервые в жизни употребил крепкое выражение. Он швырнул салфетку бармену, оглянулся на свою хрипящую жертву и вышел.

Когда его короткая округлая фигура исчезла за дверью, кто-то из завсегдатаев сказал:

— Это надо же! Набрался наркотиков и теперь, того и гляди, пристукнет кого-нибудь.

— Не скажи, — бармен был напуган и смущен. — По виду разве разберешь? Возьми Улитку Маккифа — он в своем весе мировой чемпион, а с виду мозгляк мозгляком. Мне этот типчик сразу не понравился. Может, он брат Улитки?

— Не исключено, — задумчиво согласился его собеседник.

Верзила на полу перестал хрипеть, икнул, охнул и выругался. Перекатившись на живот, он попробовал встать.

— А теперь к директору! — со смаком сказал Кларенс.

— Нет, нет, нет, только не это! — кроткое лицо Тримбла еще багровело от недавнего напряжения. Он то и дело опасливо косился через плечо в ожидании грозной и, как он полагал, неизбежной погони. Ему не верилось, что он действительно сделал то, что сделал, и он не понимал, как ему удалось выйти из такой передраги живым.

— Я сказал — к директору, тыква ты ходячая! — раздраженно повторила тень.

— Но не могу же я бить директора! — пронзительно запротестовал Тримбл. — Эдак я за решетку попаду.

— За что бы это? — поинтересовался прохожий, останавливаясь и с любопытством разглядывая толстячка, который рассуждал вслух.

— Ни за что. Я разговаривал сам с собой...— Тримбл умолк, так как его тени очень не понравилось, что их перебили. Ему вовсе не хотелось следовать ее совету, но другого выхода не оставалось.

— Э-эй! — крикнул он вслед отошедшему прохожему. Тот вернулся.

— Не суй нос в чужие дела, ясно? — грубо сказал Тримбл.

— Ладно, ладно, не лезьте в бутылку, — испуганно отозвался прохожий и торопливо зашагал прочь.

— Видал? — буркнул Кларенс. — Ну, а теперь к директору. Зря мы задиаться не станем, будь спок.

— Будь спокоен, — поправил Тримбл.

— Будь спок, — не отступал Кларенс. — Сначала мы поговорим. А если он не пойдет нам навстречу, ну, тогда мы прибегнем к силе. — Немного помолчав, он добавил: — Только не забудь включить свет.

— Ладно, не забуду. — Тримбл смирился с тем, что еще до вечера угодит в тюрьму, если не в морг. С мученическим видом он вошел в подъезд и поднялся в контору.

— Добрый день!

— Хрр, — отозвался Уотсон.

Тримбл зажег свет, повернулся, поглядел, где находится его темный союзник, подошел вплотную к Уотсону и сказал очень громко:

— От свиньи я ничего, кроме хрюканья, и не жду. Разрешите привлечь ваше внимание к тому обстоятельству, что я сказал вам „добрый день“.

— А? Что? Э-э... — Уотсон растерялся от неожиданности и испуга. — А-а! Ну конечно. Добрый день!

— То-то! И учтите на будущее.

С трудом волоча непослушные ноги, ничего не соображая, Тримбл направился к директорской двери. Он поднял согнутый палец, готовясь постучать.

— И не думай, — заявил Кларенс.

Тримбл содрогнулся, схватил дверную ручку и деликатно ее повернул. Глубоко вздохнув, он так ударил по двери, что она с оглушительным треском распахнулась, едва не слетев с петель. Директор взвился над своим столом. Тримбл вошел.

— Вы! — взревел директор, трясаясь от ярости. — Вы уволены!

Тримбл повернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой злополучную дверь. Он не произнес ни слова.

— Тримбл! — закричал директор, и голос его громом прокатился по кабинету.— Идите сюда!

Тримбл снова вошел в кабинет. Плотнo прикрыв дверь, за которой остались настороженные уши всей конторы, он смерил директора свирепым взглядом, подошел к стене и щелкнул выключателем. Затем описал несколько зигзагов, пока не обнаружил, в каком именно месте Кларенс вырастает до потолка. Директор следил за его маневрами, упершись ладонями в стол. Глаза на его полиловевшем лице совсем вылезли из орбит.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и тишину нарушало только тяжелое астматическое дыхание директора. Наконец директор просипел:

— Вы напились, Тримбл?

— Мой вкус в отношении освежающих напитков обсуждению не подлежит,— категорическим тоном сказал Тримбл.— Я пришел сообщить, что ухожу от вас.

— Уходите? — Директор выговорил это слово так, словно оно было ему незнакомо.

— Вот именно. Я вашей лавочкой сыт по горло. Я намерен предложить свои услуги Робинсону и Флэнагану,— директор вскинулся, как испуганная лошадь, а Тримбл продолжал очертя голову: — Они мне хорошо заплатят за те знания, которыми я располагаю. Мне надоело жить на эти нищенские крохи.

— Послушайте, Тримбл,— сказал директор, с трудом переводя дух.— Мне не хотелось бы терять вас, вы ведь столько лет служите здесь. Мне не хотелось бы, чтобы ваши бесспорно незаурядные способности пропадали зря, а что вам могут предложить такие мелкие мошенники, как Робинсон и Флэнаган? Я прибавлю вам два доллара в неделю.

— Дай я ему съезжу в рыло! — упоенно предложил Кларенс.

— Нет! — крикнул Тримбл.

— Три доллара,— сказал директор.

— Ну, чего тебе стоит! Один разочек! — не отступал Кларенс.

— Нет! — возопил Тримбл, обливаясь потом.

— Ну хорошо, я дам вам пять.— Лицо директора перекосилось.— Но это мое последнее слово.

Тримбл вытер вспотевший лоб. Пот струйками стекал по его спине, ноги подгибались...

— Мне самым наглым образом недоплачивали целых десять лет, и я не соглашусь остаться у вас меньше чем за

дополнительных двенадцать долларов в неделю. Вы наживали на мне чистых двадцать, но так уж и быть — я оставлю вам восемь долларов на сигары и обойдусь двенадцатью.

— С-с-сигары?!

— Робинсон и Флэнаган дадут мне на двенадцать больше. Ну, а вы — как хотите. Но без этого я не останусь.

— Двенадцать! — Директор растерялся, потом разъярился, потом задумался. В конце концов он принял решение.

— По-видимому, Тримбл, я действительно недооценивал ваши способности. Я вам дам прибавку, которую вы просите... — он перегнулся через стол и свирепо уставился на Тримбла, — но вы подпишете обязательство не уходить от нас.

— Идет. Я, так и быть, останусь. — Уже в дверях он добавил: — Весьма обязан.

— Видал? — сказал Кларенс.

Ничего не ответив назойливой тени, Тримбл сел за свой стол. И, повернувшись к Уотсону, сказал голосом, который разнесся по всей комнате:

— А приятная стоит погода.

— Хрр.

— Что? — рявкнул Тримбл.

— Очень, очень приятная, — кротко согласился Уотсон.

До самого конца рабочего дня сердце Тримбла пело, как соловьиная роща. Каким-то образом вся контора узнала подробности его объяснения с директором. И теперь в тоне тех, кто с ним заговаривал, звучало нечто новое. Впервые в жизни — ему даже не верилось! — он чувствовал, что его уважают.

Когда он убрал счетные книги и вышел из конторы, накрапывал дождь. Но это его нисколько не смутило. Холодные капли приятно освежали его разгоряченное сияющее лицо, влажный воздух пьянил, как старое вино. Презрев автобус, он бодро зашагал по мокрому тротуару. Ему рисовалось ошеломленное лицо Марты, и он принял за насмивывать веселый мотивчик.

Из-за угла впереди донесся резкий звук, словно лопнула шина. И еще, и еще, и еще. Раздался топот бегущих ног, и, завернув за угол, Тримбл увидел, что навстречу ему бегут два человека. Один опережал другого шагов на

шесть, и оба держали в руках пистолеты. Когда до бегущего впереди оставалось шагов тридцать, Тримбл узнал в нем верзилу из бара!

Он похолодел. Дальше по улице слышались крики, и он сообразил, что эти двое спасаются бегством. Если верзила его узнает, он прикончит его на месте, не замедлив бега. И негде спрятаться. Негде укрыться за остающиеся считанные секунды! Хуже того — небо затягивали черные тучи, и его бесценной тени нигде не было видно.

— Кларенс! — в испуге пискнул он.

Ответа не последовало. Но его вопль привлек внимание верзилы, который, тотчас узнав его, оскалил зубы в мертвящей усмешке и поднял пистолет. От дрожащей жертвы его отделяло не более трех шагов — промахнуться на таком расстоянии было невозможно.

Тримбл ударил верзилу носком ботинка в коленную чашечку.

Он сделал это не под влиянием отчаяния, как загнанная в угол крыса. Нет, его поступок был продиктован логичным выводом, что спастись он может, только если будет действовать так, словно его исчезнувшая тень все еще рядом. И он выбросил вперед ногу, целясь в колено, вкладывая в этот пинок всю свою силу.

Верзила ввинтился головой в тротуар, словно намереваясь поглядеть, что делается в метро. При виде этого приятного зрелища Тримбл заподозрил, что его тень, возможно, все-таки находится где-то поблизости, хотя и остается невидимой. Эта мысль его ободрила.

Тем временем перед ним вырос второй беглец, глядевший на него с таким изумлением, словно он только что видел, как муравей преобразился в льва. Это был высокий долговязый субъект, и Тримблу нечего было и думать дотянуться до его кадыка. Он наклонил голову и боднул его в живот. Субъект ойкнул и услужливо согнулся пополам, а Тримбл ударил его по кадыку. Однако тот не принял ожидаемого горизонтального положения. Его зеленоватое-бледное лицо покраснело от боли и злости, и он замахнулся на Тримбла рукояткой пистолета.

Но Тримбл не стал дожидаться удара. Используя прежний опыт, он втянул голову в плечи, снова выбросил ее вперед и боднул противника в солнечное сплетение. Тот снова согнулся пополам, и Тримбл что было силы ударил его в нос.

Позади него что-то треснуло, и раскаленный вихрь цапнул мочку его левого уха. Но Тримбл не обратил на

это внимания, думая только о лице, которое продолжал видеть перед собой. Там, где послышался треск, теперь раздавались грязные ругательства, кругом кричали люди, приближался топот тяжелых ног.

Тримбл ничего не слышал. Он не осознал, что его первый противник очнулся. Для него сейчас существовала только злобно оскаленная рожа перед ним. И он бил по ней что есть мочи, запрокидывал ее, пригибал книзу. Что-то жесткое и шишковатое обрушилось из пустоты на его собственную левую скулу, а затем, казалось, принялось ломать ему ребра. Но Тримбл продолжал молотить по роже, только по роже.

Его сердце плясало в груди, он уже не дышал, а хрипел, но тут между ним и ненавистой рожей мелькнуло что-то черное и продолговатое, опустилось на нее, опрокинуло вниз. Тримбл нанес еще два удара по воздуху и опустил руки, дрожа всем телом и растерянно моргая.

Постепенно у него в глазах прояснилось. Полицейский сказал:

— Мистер, хоть вы ростом и не вышли, но деретесь прямо насмерть.

Осмотревшись, Тримбл увидел, что его недавних противников со всех сторон окружили полицейские.

— Первый — это Хэм Карлотти, — продолжал его собеседник. — Мы за ним давно уже охотились. — Он окинул Тримбла восхищенным взглядом. — Тут мы у вас в долгу. Если вам понадобится от нас помощь, так не стесняйтесь.

Тримбл вытащил платок, прижал его к уху, потом поднес к глазам. Платок покраснел от крови. Господи, да из него кровь фонтаном хлещет! И тут Тримбл почувствовал, что его левый глаз заплыл, скула отчаянно болит, а ребра как будто все переломаны. Ну и вид у него, наверное!

— Вы можете оказать мне услугу теперь же, — сказал он. — Я еще мальчишкой мечтал прокатиться домой в полицейской машине. Так может, сейчас...

— О чем речь! — весело воскликнул полицейский. — С удовольствием. — Он крикнул шоферу подъехавшей машины: — Надо бы подвезти этого джентльмена. Он нам здорово помог.

— Куда вам?

Тримбл удобно откинулся на спинку сиденья. Они рванулись с места, завывла сирена, машины на улицах шарахнулись в стороны. Вот это жизнь!

Солнце вырвалось из-за облаков и засияло во всю мочь. Тримбл вдруг увидел, что рядом с ним едет его тень.

— Кларенс!

— Слушаю, господин,— смиренно отозвалась тень.

— В будущем можешь все предоставлять мне.

— Хорошо, господин. Но...

— Заткнись! — скомандовал Тримбл.

— Это вы кому? — спросил шофер, удивленно поглядев на него.

— Жене,— находчиво ответил Тримбл.— Готовлюсь к бою.

Улыбаясь до ушей, шофер лихо остановил машину и проводил своего пассажира до дверей. Когда Марта открыла, он приложил руку к фуражке и сказал:

— Сударыня, ваш муж — герой!

И удалился.

— Герой! — фыркнула Марта. Скрестив могучие руки на пышной груди, она приготовилась разразиться назидательной речью, но тут ее взгляд упал на разбитую физиономию спутника ее жизни. Она выпучила глаза.

— Где это тебя так разукрасили?

Не снизойдя до ответа, Тримбл оттолкнул ее и вошел в переднюю. Он подождал, чтобы она закрыла дверь, а потом упер разбитые костяшки пальцев в бока, набычился и уставился на нее. Он был добрым человеком и не хотел причинять ей боли, но она должна была понять, что имеет дело с мужчиной.

— Марта, я уложил пару гангстеров и вышиб из директора еще двенадцать долларов в неделю.— Он замигал, а она бессильно оперлась о стену.— Много лет я терпеливо сносил твои выходки, но теперь с меня довольно: больше и не пытайся меня пилить.

— Пилить...— тупо повторила она, не веря своим ушам.

— Иначе я так тебе врежу, что ты пожалеешь, что не обзавелась парашютом.

— Гораций! — она, пошатываясь, сделала шаг к нему, вне себя от изумления.— Неужели ты способен ударить женщину?

— Еще как! — ответил он, поплеывая на ноющий кулак.

— Ах, Гораций! — Она стремительно обвила руками его шею и запечатлела на его губах звонкий поцелуй.

Черт, ну кто их разберет, женщин? Одни ценят неж-

ность, а другие — вот как Марта — предпочитают что-нибудь поглубже. Ну, он пойдет ей навстречу!

Ухватив жену за волосы, Тримбл запрокинул ее голову, точно выбрал цель, рассчитал вес и силу и чмокнул ее так, что вокруг все зазвенело.

С торжествующей усмешкой он взглянул через плечо на свою смирившуюся тень — что она теперь скажет? Но Кларенсу было не до него. Ведь у Марты тоже была тень.

Аламагуса

Уже давно на борту космического корабля „Бастлер“ не было такой тишины. Корабль стоял в космопорту Сириуса с холодными дюзами, корпус его был испещрен многочисленными шрамами — ни дать ни взять измученный бегун после марафонского бега. Впрочем, для такого вида у „Бастлера“ были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь, в космопорту, гигантский корабль обрел заслуженный, хотя и временный покой. Тишина, наконец тишина. Нет больше ни тревог, ни беспокойств, ни огорчений, ни мучительных затруднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Только тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и с наслаждением расслабившись. Атомные двигатели были выключены, и впервые за многие месяцы смолк адский грохот машин. Почти вся команда „Бастлера“ — около четырехсот человек, получивших увольнение, — кутила напропалую в соседнем большом городе, залитом лучами яркого солнца. Вечером, как только первый помощник Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам отправится в благоухающие сумерки, чтобы приобщиться к сверкающей неонами цивилизации.

Как приятно наконец ступить на твердую землю! Команда получает возможность развлечься, так сказать, выпустить лишний пар, что каждый делает по-своему. Позади заботы, волнения, обязанности и тревоги. Комфорт и безопасность — награда усталым космическим скитальцам!

Старший радиоофицер Бурман вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и по лицу его было видно, что ему известно по крайней мере двадцать более приятных способов времяпрепровождения.

— Только что прибыла радиограмма, сэр,— сказал он, протянув листок бумаги, и остановился в ожидании ответа.

Капитан Макнаут взял радиограмму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командирское положение, прочитал вслух:

— ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕРУ ТЧК
ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙШИХ
УКАЗАНИЙ ТЧК КОНТР-АДМИРАЛ ВЭЙН У ТЧК
КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО ТЧК
ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
СИРИСЕКТОР

Лицо капитана стало суровым. Он оторвал глаза от бумаги и громко застонал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Бурман, чуя неладное. Макнаут указал на три книжечки, лежавшие стопкой на столе.

— Средняя. Страница двадцатая.

Бурман перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: „Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность — главный инспектор кораблей и складов“.

Бурман с трудом сглотнул слюну.

— Значит...

— Да,— недовольно подтвердил Макнаут.— Снова как в военном училище. Красить и драить, чистить и полировать.— Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом: — Капитан, у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по списку числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось? Почему у одного из членов экипажа отсутствует официально зарегистрированная пара казенных подтяжек? Вы сообщили об их исчезновении?

— Почему он взялся именно за нас? — спросил Бурман с выражением ужаса на лице.— Ведь никогда раньше он не обращал на нас внимания!

— Именно поэтому,— ответил Макнаут, глядя на

стену с видом мученика. — Пришла наша очередь получить взбучку. — Отсутствующий взгляд капитана остановился наконец на календаре. — У нас еще три дня — за это время многое можно исправить. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Опечаленный Бурман ушел. Вскоре в дверях появился Пайк. Несчастное выражение его лица подтверждало старую истину, что плохие новости летят на крыльях.

— Выпиши требование на сто галлонов пластикраски, темно-серой, высшего качества. И второе — на тридцать галлонов белой эмали для внутренних помещений. Немедленно отправь их на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирачный материал, который у них плохо лежит.

— Команде это не понравится, — заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

— Ничего, стерпится — слюбится, — заверил его Макнаут. — Сверкающий, отдраенный до блеска корабль благотворно влияет на моральное состояние экипажа — именно так записано в Уставе космической службы. А теперь пошевеливайся и быстро отошли требования на краску. Потом принеси мне списки инвентарного имущества. Мы должны произвести инвентаризацию до прибытия Кэссиди. Когда он приедет, уже не удастся покрыть недостачу или сбагрить предметы, которые окажутся в избытке.

— Есть, сэр, — Пайк повернулся и вышел из каюты, волоча ноги, с таким же траурным выражением лица, как и у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное чувство, что в последнюю минуту все усилия пойдут прахом. Недостаток табельного имущества — дело достаточно серьезное, если только исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток — и того хуже. Если первое свидетельствует о небрежности или халатности при хранении, то второе может значить только преднамеренное хищение казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Взять, например, случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера „Свифт“, — слухом

космос полнится. Макнаут узнал об этом, когда „Бастлер“ пролетал мимо Бутса. При инвентаризации табельного имущества у Уильямса на борту крейсера „Свифт“ нашли одиннадцать катушек проводов для электрифицированных заграждений, тогда как по спискам полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и только тогда выяснилось, что этот лишний моток проволоки, которая, между прочим, пользовалась исключительным спросом на некоторых планетах, не был украден из складов космической службы и доставлен (на космическом жаргоне — телепортирован) на корабль. Тем не менее Уильямс получил нагоняй, что мало помогает продвижению по службе.

Макнаут все еще размышлял, ворча себе под нос, когда вернулся Пайк с толстенной папкой в руках.

— Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэр?

— Ничего другого нам не остается, — вздохнул капитан, посылая последнее „прости“ своему отдыху в городе и ярким праздничным огням. — Потребуется уйма времени, чтобы обшарить корабль от носа до кормы, поэтому осмотр личного имущества экипажа проведем напоследок.

Выйдя из каюты, капитан направился к носу „Бастлера“; за ним с видом мученика тащился Пайк.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шествие. Этот огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом, но мало заботились о чистоте породы, был полноправным членом экипажа и гордо носил ошейник с надписью „Пизлейк — имущество косм. кор. „Бастлер“. Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не подпускать к трапу корабля местных грызунов и в редких случаях — обнаруживать опасность, незамеченную человеком.

Все трое шествовали по коридору — Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, которые жертвуют собой во имя долга, а тяжело дышащий Пизлейк был преисполнен готовности начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

— Ты знаешь всю эту кухню лучше меня — мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать,

а ты — проверять наличие.— Капитан открыл папку и начал с первого листа:

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Есть,— сказал Пайк.

— К-2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип Джи-Джи, один.

— Есть.

— К-3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсини, одна пара.

— Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел ему в лицо понимающими глазами и негромко завыл. Он начал соображать, чем занимаются эти двое. Нудная переключка была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову Пизлейка и стал играть песьими ушами, протяжно выкликивая предмет за предметом.

— К-187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота.

— Есть.

К тому времени, когда первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохотной рубки внутренней радиосвязи и копались там в полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, давно покинул их.

— М-24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип Т-2, комплект из шести штук, один.

— Есть.

Выпучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

— Что здесь происходит?

— Скоро нам предстоит генеральная инспекция,— ответил Макнаут, поглядывая на часы.— Пойди-ка проверь, привезли краску или нет и если нет, то почему. А потом приходи сюда и помоги мне с проверкой — Пайку надо заниматься другими делами.

— Значит, увольнение в город отменяется?

— Конечно, до тех пор пока не уберется этот начальник веников и заведующий кухнями.— Капитан повернулся к Пайку.— Когда будешь в городе, постарайся разыскать и отправить на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. И чтобы без всяких там алиби или задержек. Это приказ!

Лицо Пайка приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся и доложил:

— Окрасочные материалы придут через двадцать минут.— С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

— М-47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки.

— Есть,— сказал Грегори, проклиная себя. И угораздило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и возобновилась с восходом солнца. К этому времени уже три четверти команды трудилось в поте лица как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за преступления — задуманные, но еще не совершенные.

По узким коридорам и переходам пришлось передвигаться по-крабьи, на четвереньках — лишнее доказательство того, что представители высших форм земной жизни испытывают панический страх перед свежей краской. Капитан во всеуслышание объявил, что первый, кто посадит пятно на свежую краску, поплатится за это десятью годами жизни.

На исходе второго дня зловещие предчувствия капитана начали сбываться. Они уже заканчивали девятую страницу очередного инвентарного списка кухонного имущества, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, пройдя две трети пути, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут пробормотал скучным голосом:

— В-1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один.

— Здесь,— ответил Бланшар, постучав по кувшину пальцем.

— В-1098. Капес, один.

— Что? — спросил Бланшар, изумленно выпучив глаза.

— В-1098. Капес, один,— повторил Макнаут.— Ну, что смотришь, будто тебя громом ударило? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кому же еще знать, что находится в камбузе? Ну, где этот капес?

— Первый раз о нем слышу,— решительно заявил повар.

— Быть того не может. Он внесен вот в этот список табельного имущества камбуза, напечатано четко и ясно: капес, один. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля четыре года назад. Мы сами проверили наличие капеса и расписались.

— Ни за какой капес я не расписывался, — Бланшар упрямо покачал головой. — В моем камбузе нет такой штуки.

— Посмотри сам! — с этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар взглянул и презрительно фыркнул.

— У меня здесь есть электронная печь, одна. Кипятильники, покрытые кожухами, с мерным устройством, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот капеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое. — Он выразительно развел руками. — Нет у меня капеса!

— Но ведь должен же он где-то быть, — втолковывал ему Макнаут. — Если Кэссиди обнаружит, что капес пропал, поднимется черт знает какой тарарам!

— А вы его сами поищите, — язвительно посоветовал Бланшар.

— Послушай, Жан, у тебя диплом Кулинарной школы Международной ассоциации отелей, у тебя свидетельство Колледжа поваров Кордон Бле; наконец, ты награжден почетным дипломом с тремя похвальными отзывами Центра питания космического флота, — напомнил ему Макнаут. — И как же ты не знаешь, где у тебя капес!

— Черт возьми! — завопил Бланшар, всплеснув руками. — Сотый раз повторяю, что у меня нет никакого капеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, так как в моем камбузе никакого капеса нет. Что я, волшебник, что ли?

— Этот капес — часть кухонного имущества, — стоял на своем Макнаут. — И он должен быть где-то, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка камбуза. А это означает, что ему надлежит находиться здесь и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

— Черта с два! Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой? — огрызнулся Бланшар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут немного подумал и ответил примирительно:

— Нет, это имущество Бурмана. Его хозяйство расползлось по всему кораблю.

— Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый капес! — заявил Бланшар с нескрываемым триумфом.

— Я так и сделаю. Если капес не твой, он должен принадлежать Бурману. Давай только сначала разделимся с кухней. Если Кэссиди не заметит в хранении системы и тщательности, он разжалует меня в рядовые. — Капитан опять уткнулся в список. — В-1099. Ошейник собачий с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, один. Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке. — Макнаут поставил аккуратную птичку около ошейника и продолжал: — В-1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна.

— Вот она, — сказал повар, пинком отшвыривая ее в угол.

— В-1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна.

— Половина подушки, — поправил его Бланшар. — За четыре года Пизлейк изжевал вторую половину.

— Может быть, Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке. — Макнаут встал и закрыл папку. — Итак, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом насчет исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

— При осмотре камбуза выявилась недостача одного капеса, — объяснил Макнаут. — Как ты думаешь, где он может быть?

— Откуда мне знать? Камбуз — царство Бланшара.

— Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз. Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится капес?

— В первый раз о нем слышу, — озадаченно проговорил Бурман.

— Перестань болтать глупости! — заорал Макнаут, теряя всяческое терпение. — Хватит с меня бредней Бланшара! Четыре года назад у нас был капес, это точно. Загляни в инвентарные списки! Это — корабельная копия списка, все имущество проверено, и под этим стоит моя подпись. Значит, расписались и за капес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссиди.

— Очень жаль, сэр,— выразил свое сочувствие Бурман,— но я ничем не могу вам помочь.

— Подумай еще,— посоветовал Макнаут.— В носу расположен указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

— Напрас,— ответил Бурман, не понимая, куда клонит хитрый капитан.

— А как ты называешь вот эту штуку? — продолжал Макнаут, указывая на пульсовый передатчик.

— Пуль-пуль.

— Ребячьи словечки, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался капес четыре года назад!

— Насколько мне известно,— ответил Бурман, подумав,— у нас никогда не было ничего похожего на капес.

— Тогда,— спросил Макнаут,— почему мы за него расписались?

— Я не расписывался. Это вы везде расписывались.

— Да, в то время как все вы проверяли наличие. Четыре года назад, очевидно в камбузе, я произнес: „Капес, один“, и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: „Есть“. Я поверил вам на слово. Ведь мне приходится верить начальникам служб. Я специалист по штурманскому делу, знаком со всеми навигационными приборами, а других не знаю. Значит, мне пришлось положиться на слова кого-то, кто знал или должен был знать, что такое капес.

Внезапно Бурмана осенила превосходная мысль.

— Послушайте, когда производилось переоборудование корабля, множество самых разнообразных приборов и устройств было рассовано по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько оборудования мы рассортировали, чтобы установить его в надлежащих местах? Этот самый капес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или Бланшара.

— Я поговорю с другими офицерами,— согласился Макнаут.— Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а капес должен быть найден. Или, если он отслужил положенный срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман состроил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и стал опять копаться в радио-

приемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с хмурым лицом.

— Несомненно, на борту корабля нет такого прибора, — заявил он с заметным раздражением. — Никто о нем не слышал, мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

— А вы вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении, — предложил Бурман.

— Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что обо всех случаях утраты или повреждения казенного имущества докладывают на базу тотчас после происшествия. Если я скажу Кэссиди, что капес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему о случившемся не информировали базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона. Нет, я не могу так просто избавиться от этого капеса.

— Что же тогда делать? — простодушно спросил Бурман, шагнув прямо в ловушку, поставленную изобретательным капитаном.

— Нам остается только одно! — объявил Макнаут. — Ты должен изготовить капес!

— Кто, я? — испуганно спросил Бурман.

— Ты — и никто другой! Тем более что я почти уверен, что капес — это твое имущество.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это типично детское словечко из числа тех, о которых ты мне уже говорил. Готов поспорить на месячный оклад, что капес — это какая-нибудь высоконаучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Скажем, прибор слепой посадки.

— Прибор слепой посадки называется щупак, — проинформировал капитана радиоофицер.

— Вот видишь! — воскликнул Макнаут, как будто слова Бурмана подтвердили его теорию. — Так что принимайся за работу и состряпай хороший капес. Он должен быть готов завтра к шести часам вечера и доставлен ко мне в каюту для осмотра. И позаботься о том, чтобы капес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы он выглядел убедительно в момент работы.

Бурман встал, уронил руки и сказал хриплым голосом:

— Как я могу изготовить капес, когда даже не знаю, как он выглядит?

— Кэссиди тоже не знает этого,— напомнил ему Макнаут с радостной улыбкой.— Он интересуется скорее количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, удостоверяет их наличие, соглашается с экспертами относительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть капес.

— Святой Моисей! — проникновенно воскликнул Бурман.

— Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей,— упрекнул его Макнаут.— Лучше воспользуемся серыми клетками, которыми нас наделил господь бог. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к завтрашнему дню первоклассный капес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, тусклым взглядом вперился в стену и тяжело вздохнул.

Контр-адмирал Вэйн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиогаммой время. Это был краснолицый человек с брюшком и глазами снулой рыбы. Он не ходил, а выступал.

— Здравствуйте, капитан, я уверен, что у вас все в полном порядке.

— Как всегда,— заверил его Макнаут, не моргнув глазом.— Это мой долг.— В его голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Отлично! — с одобрением отозвался Кэссиди.— Мне нравятся офицеры, серьезно относящиеся к своим хозяйственным обязанностям. К сожалению, некоторые не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно взошел по трапу и прошествовал через главный люк внутрь корабля. Его рыбы глаза сейчас же обратили внимание на свежеокрашенную поверхность.

— С чего вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

— Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме, сэр. Поэтому лучше начать с носа, это упростит дело.

— Отлично.— И адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потре-

нать по шее Пизлейка и попутно глянул на ошейник.— Хорошо ухоженная собака, капитан. Она приносит пользу на корабле?

— Пизлейк спас жизнь пяти членам экипажа на Мардии: он лаем дал сигнал тревоги, сэр.

— Я надеюсь, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

— Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего осмотра.

— Мы проверим его в надлежащее время.

Войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку.

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Вот он, сэр,— сказал Макнаут, указывая на компас.

— Удовлетворены его работой?

— Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался наконец до камбуза. У плиты в отутюженном ослепительно белом халате стоял Бланшар и смотрел на адмирала с нескрываемым подозрением.

— В-147. Электрическая печь, одна.

— Вот она,— сказал повар, презрительно ткнув пальцем в плиту.

— Довольны ее работой? — спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьими глазами.

— Слишком мала,— объявил Бланшар. Он развел руками, как бы охватывая весь камбуз.— Все слишком маленькое. Мало места. Негде повернуться. Этот камбуз похож скорее на чердак в собачьей конуре.

— Это — военный корабль, а не пассажирский лайнер,— огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он заглянул в инвентарный список.— В-148. Автоматические часы и электрическая печь в единой установке, один комплект.

— Вот они,— фыркнул Бланшар, готовый выбросить их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди беретсЯ оплатить их стоимость.

Адмирал продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне постепенно нарастало. Наконец Кэссиди произнес роковую фразу:

— В-1098. Капес, один.

— Черт побери! — в сердцах крикнул Бланшар. — Я уже говорил тысячу раз и снова повторяю, что...

— Капес находится в радиорубке, сэр, — поспешно вставил Макнаут.

— Вот как? — Кэссиди еще раз взглянул в список. — Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

— Во время последнего ремонта капес помещался в камбузе, сэр. Это один из портативных приборов, которые можно установить там, где для них находится местечко.

— Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему это не сделано?

— Я хотел получить ваше указание, сэр.

Рыбьи глазки немного оживились, в них промелькнуло одобрение.

— Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу капес в другой список. — Адмирал собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался. — Продолжим, капитан. В-1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзо... Ну ладно, я сам только что видел его. Он был на собаке.

Адмирал поставил галочку возле ошейника. Через час он прошествовал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на то, что поза у него была решительной, руки и ноги его мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом. В них читалась немая мольба. Бурман был как на угольях.

— В-1098. Капес, один, — произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь с угловатостью плохо отрегулированного робота, Бурман дотронулся до небольшого ящичка с многочисленными шкалами, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку, созданную радиолюбителем. Радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и заиграли разнообразными комбинациями огней.

— Вот он, сэр, — с трудом произнес Бурман.

— Ага! — прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы рассмотреть его получше. — Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всего не упомнишь. Он функционирует нормально?

— Так точно, сэр!

— Это один из наиболее нужных приборов на корабле, — прибавил Макнаут для пущей убедительности.

— Каково же его назначение? — спросил адмирал, давая возможность радиоофицеру метнуть перед ним бисер мудрости.

Бурман побледнел.

Макнаут поспешил к нему на помощь.

— Видите ли, адмирал, подробное объяснение потребует слишком много времени, так как прибор исключительно сложен, но вкратце — капес позволяет установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Различные сочетания цветных огней указывают на степень и интенсивность разбалансировки гравитационных полей в любой заданный момент.

— Это очень тонкий прибор, основанный на константе Финагле, — добавил Бурман, внезапно исполнившись отчаянной смелости.

— Понимаю, — кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил галочку около капеса и продолжал инвентаризацию. — Ц-44. Коммутатор, автоматический, на 40 номеров внутренней связи, один.

— Вот он, сэр.

Адмирал взглянул на коммутатор и опять углубился в список. Офицеры воспользовались этим мгновением, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа одержана.

Все в порядке.

Контр-адмирал отбыл с к. к. „Бастлер“ довольный, наговорив в адрес капитана кучу комплиментов. Не прошло и часа, как вся команда уже снова была в городе, наверстывая потерянное время. Макнаут наслаждался веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней мир и покой царили на корабле.

На шестой день Бурман принес радиограмму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера было довольным, как у человека, чью добродетель вознаградили по заслугам.

**ШТАБ-КВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА
НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ
НЕМЕДЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА**

ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ ТЧК БУДЕТ УСТАНОВЛЕН
НОВЕЙШИЙ ДВИГАТЕЛЬ ТЧК ФЕЛДМАН
УПРАВЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
СИРИСЕКТОР

— Назад на Землю, — прокомментировал Макнаут со счастливым лицом. — Капремонт — это по крайней мере месяц отпуска. — Он посмотрел на радиоофицера. — Передай дежурному офицеру мое приказание: немедленно вернуть весь личный состав на борт. Когда узнают причину вызова, они побегут сломя голову.

— Так точно, сэр, — ухмыльнулся Бурман.

Спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виднелось как крошечная звездочка в носовом секторе звездного неба, команда еще продолжала улыбаться. Предстояло одиннадцать недель полета, но на этот раз стоило подождать. Летим домой! Ура!

Улыбки исчезли, когда однажды вечером Бурман принес неприятное известие. Он вошел в рубку и остановился посреди комнаты, кусая нижнюю губу в ожидании, когда капитан кончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут отложил журнал в сторону, поднял глаза и, увидев Бурмана, нахмурился.

— Что случилось? Живот болит?

— Никак нет, сэр. Я просто думал.

— А что, это так болезненно?

— Я думал, — продолжал Бурман похоронным голосом. — Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Вы понимаете, что это значит? Мы уйдем с корабля, и орда экспертов оккупирует его. — Он бросил трагический взгляд на капитана. — Я сказал — экспертов.

— Конечно, экспертов, — согласился Макнаут. — Оборудование не может быть установлено и проверено группой кретинов.

— Потребуется нечто большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать наш капес, — напомнил Бурман. — Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку.

— Боже мой! Я совсем забыл об этой штуке. Да, когда мы вернемся на Землю, вряд ли нам удастся потрясти этих парней своими научными достижениями.

— Нет, сэр, не удастся, — подтвердил Бурман. Он не

прибавил слова „больше“, но все его лицо красноречиво говорило: „Ты сам впутал меня в эту грязную историю. Теперь сам и выручай“.

Он подождал несколько секунд, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил:

— Так что вы предлагаете, сэр?

Внезапно лицо капитана расплылось в улыбке, и он ответил:

— Разбери этот дьявольский прибор и брось его в дезинтегратор.

— Это не решит проблемы, сэр. Все равно у нас не будет хватать одного капеса.

— Ничего подобного. Я собираюсь сообщить на Землю о его выходе из строя в трудных условиях космического полета.— Он выразительно подмигнул Бурману.— Ведь теперь мы в свободном полете, верно? — С этими словами он потянулся к блокноту радиogramм и начал писать, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана:

К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА
НА ЗЕМЛЕ ТЧК ПРИБОР В-1098 КАПЕС ОДИН
РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ
ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ
ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВОЙНЫХ СОЛНЦ
ГЕКТОР МЕЙДЖОР МАЙНОР ТЧК МАТЕРИАЛ БЫЛ
ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА ТЧК
ПРОСИМ СПИСАТЬ ТЧК МАКНАУТ КОМАНДИР
БАСТЛЕРА

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание на Землю. Два дня прошли в полном спокойствии. На третий день он снова вошел к капитану с озабоченным и встревоженным видом.

— Циркулярная радиogramма, сэр,— объявил он, протягивая листок.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ
ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА ТЧК
ВЕСЬМА СРОЧНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ
ВАЖНОСТИ ТЧК ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО
ПРИЗЕМЛИТЬСЯ БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ ТЧК
НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК
УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ЗЕМЛИ

— Что-то случилось, — заметил Макнаут, впрочем, ничуть не обеспокоенный. Он поплелся в штурманскую рубку, Бурман за ним. Там он сверился с картами и набрал номер внутреннего телефона. Связавшись с Пайком, капитан сказал:

— Слушай; Пайк, принят сигнал тревоги. Всем кораблям немедленно вернуться в ближайшие космопорты. Нам придется сесть в Закстедпорте, примерно в трех летних днях отсюда. Немедленно измени курс, семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять. — Он бросил трубку и проворчал. — Мне никогда не нравился Закстедпорт. Вонючая дыра. Пропал наш месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, не могу винить их в этом.

— Как вы думаете, сэр, что случилось? — спросил Бурман. Он выглядел каким-то беспокойным и раздраженным.

— Одному богу известно. Последний раз циркулярная радиограмма была послана семь лет назад, когда „Старейдер“ взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться в портах, пока не будет выяснена причина катастрофы. — Макнаут потер подбородок, подумал немного и продолжал: — А за год до этого была послана циркулярная радиограмма, когда вся команда к. к. „Блоуган“ сошла с ума. В общем, что бы то ни было, это серьезно.

— Это не может быть началом космической войны?

— С кем? — Макнаут презрительно махнул рукой. — Ни у кого нет флота, равного нашему. Нет, это что-то техническое. Рано или поздно нам сообщат причину. Еще до того, как мы сядем в Закстеде.

Действительно, скоро им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

— Ну, а теперь что случилось? — спросил Макнаут, сердито глядя на взволнованного радиоофицера.

— Это капес, — едва выговорил Бурман. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

— Ну и что?

— Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано „каз. пес“.

Капитан продолжал смотреть на Бурмана непонимающим взглядом.

— Каз. пес? — переспросил он.

— Смотрите сами! — С этими словами Бурман бросил радиограмму на стол и стремительно высочил из радиорубки, позабыв закрыть дверь. Макнаут недовольно хмыкнул и уставился на радиограмму:

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ
БАСТЛЕРУ ТЧК ОТНОСИТЕЛЬНО ВАШЕГО РАПОРТА
ГИБЕЛИ В-1098 КАЗЕННОГО ПСА ПИЗЛЕЙКА ТЧК
НЕМЕДЛЕННО РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ
РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ
ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ТЧК
ОПРОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ СИМПТОМЫ
ПОЯВИВШИЕСЯ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА МОМЕНТ
НЕСЧАСТЬЯ ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ
ВАЖНО УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА
КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Немного смазки

Все в корабле жужжало, завывало, бренчало. Нота была низкая, она напоминала звучание большой трубы органа. Она стонала в обшивке корпуса, рыдала в шпангоутах, билась в костях и нервах, ударяла в усталые уши, и не слышать ее было невозможно. Во всяком случае, через неделю, месяц или год. И уж тем более спустя без малого четыре года.

Способа избавиться от шума не было. Он был неизбежен и неустраним, когда в цилиндр из металла с высокой звукопроводимостью втискивали атомный двигатель.

В первом корабле скрежетание было на сто герц выше, минута за минутой, час за часом — и корабль так и не вернулся. Наверно, еще и теперь, через тридцать лет, он по-прежнему завывает, никем не слышимый, в бесконечных пустынях космоса.

Во втором корабле двигательный отсек был обит толстым слоем войлока, а у дюз было кремниевое покрытие. Низкий звук. Гудение пчелы, усиленное в двадцать тысяч раз. Пчела так и не вернулась в свой улей: восемнадцать лет назад она вылетела в звездное

поле и теперь слепо неслась в новую сотню, тысячу или десять тысяч лет.

А третий корабль, сотрясаясь от грохота, летел назад — домой. Нащупывая дорогу к еще невидимой красноватой точке, затерянной в тумане звезд, он, как заблудшая душа, ищущая спасения, был исполнен решимости не погибнуть. Третий по счету — должно же это что-нибудь значить!

У моряков есть свои морские суеверия. У космонавтов — свои космические. В капитанской кабине, где Кинрад сидел, склонившись над бортовым журналом, суеверие воплотилось в плакатик:

| ТРИ — СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО! |

Они верили в это на старте, когда их было девять. Они готовы были верить в это и на финише, хотя теперь их осталось всего шестеро. Но в промежутке были — и могли снова повториться — мгновения горького неверия, когда любой ценой, если потребуется, даже ценою жизни, людям хотелось выбраться с корабля — и провались в преисподнюю весь этот полет! Жестокие мгновения, когда люди, силясь избавиться от мучащих их аудио-, клаустро- и полудюжины других фобий, затевали драки со своими товарищами.

Кинрад писал, а около левой его руки поблескивала вороненая сталь пистолета. Глаза смотрели в бортовой журнал, уши вслушивались в грохот. Шум мог ослабеть, стать прерывистым, прекратиться совсем — и благословение тишины одновременно было бы проклятьем. В наступившем безмолвии могли послышаться совершенно иные звуки — ругательства, выстрелы, крики. Такое уже случилось однажды, когда спятил Вейгарт. Такое могло случиться снова.

Да и у самого Кинрада нервы оставляли желать лучшего: когда неожиданно вошел Бертелли, капитан вздрогнул, а его левая рука инстинктивно дернулась к пистолету. Однако он моментально овладел собой и, повернувшись на вращающемся сиденье, взглянул прямо в печальные серые глаза вошедшего.

— Ну как, появилось?

Вопрос вызвал у Бертелли недоумение. Удлиненное грустное лицо с впалыми щеками еще больше вытянулось. Углы большого рта опустились. Печальные глаза приняли безнадежно-остолбенелое выражение. Он был удивлен и растерян.

Кинрад решил уточнить:

— Солнце на экране видно?

— Солнце?..

Похожие на морковки пальцы рук Бертелли судорожно сплелись.

— Да, наше Солнце, идиот!

— А, Солнце! — Наконец-то он понял, и его глаза расширились от восторга. — Я никого не спрашивал.

— А я подумал, вы пришли сказать, что они его увидели.

— Нет, капитан. Просто у меня мелькнула мысль: не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Обычное уныние сменилось на его лице улыбкой простака, горящего желанием услужить во что бы то ни стало. Углы рта поднялись вверх и раздвинулись в стороны — так далеко, что уши оттопырились больше прежнего, а лицо приобрело сходство с разрезанной дыней.

— Спасибо, — немного смягчившись, сказал Кинрад. — Пока не надо.

Мучительное смущение овладело Бертелли с прежней силой. Лицо его молило о милосердии и прощении. Потоптавшись немного на своих огромных неуклюжих ногах, он вышел, поскользнулся на стальном полу узкого коридора и только в самый последний момент, грохоча тяжелыми ботинками, каким-то чудом восстановил равновесие. Не было случая, чтобы кто-нибудь другой поскользнулся на этом месте, но с Бертелли это происходило всегда.

Внезапно Кинрад поймал себя на том, что улыбается, и поспешил сменить выражение лица на озабоченно-хмурое. В сотый раз пробежал он глазами список членов экипажа, но нового почерпнул из него не больше, чем в девяноста девяти предшествовавших случаях. Маленький столбик, в котором три имени из девяти вычеркнуты. И та же самая строчка в середине списка; Энрико Бертелли, тридцати двух лет, психолог.

Это последнее не вязалось ни с чем. Если Бертелли психолог или вообще имеет хоть какое-нибудь отношение к науке, тогда он, Роберт Кинрад, — голубой жираф. Почти четыре года провели они взаперти в этом стонущем цилиндре — шесть человек, отобранных из всего огромного человечества, шестеро, которых считали солью Земли, сливками рода человеческого. Но эти шестеро были пятеро плюс дурак.

Здесь скрывалась какая-то загадка. Он размышлял над ней в те минуты, когда мог позволить себе забыть о более серьезных делах. Загадка манила его, заставляла снова и снова рисовать в воображении Бертелли, начиная с его печальных глаз и кончая большими плоскими ступнями. В редкие минуты раздумий он обнаруживал, что снова и снова пытается (совершенно безрезультатно) разобраться в Бертелли, понять, чем тот живет,— пытается, сосредоточивая на нем все мысли и забывая на время об остальных.

Кинрад не упускал случая понаблюдать за ним, неизменно испытывая при этом изумление перед фактом такого умственного убожества — тем более у ученого, специалиста. Наблюдение за Бертелли так захватывало его, что ему даже в голову не приходило понаблюдать за другими и посмотреть, не заняты ли они тем же, чем и он, по тем же или очень похожим причинам.

Когда Кинрад пошел на ленч, Марсден нес вахту у приборов управления, а Вейл — в двигательном отсеке. Остальные трое уже сидели в тесной столовой. Он кивнул им и сел на свое место.

Большой белокурый Нильсен, инженер-атомщик, которому по совместительству пришлось стать ботаником, сказал, смерив его скептическим взглядом:

— Солнца нет.

— Знаю.

— А должно быть.

Кинрад пожал плечами.

— Но его все нет,— не отставал Нильсен.

— Знаю.

— Ну и как, вас это трогает?

— Не валяйте дурака,— и, надорвав пакет с ленчем, Кинрад высыпал содержимое в пластмассовую тарелку с несколькими отделениями.

«Бамм, бамм, бамм»,— грохотали пол, потолки, стены.

— Так я, по-вашему, дурака валяю?

Нильсен подался вперед, со злобным ожиданием уставившись на него.

— Давайте поедим,— предложил Арам, худой, черный, нервный космогеолог, сидевший около Нильсена.— И так тошно.

— Нечего зубы заговаривать. Я хочу знать...— снова начал Нильсен.

Он замолчал, потому что Бертелли, пробормотав:

„Простите“, потянулся перед его носом за солонкой, привинченной к другому концу стола.

Отвинтив ее, Бертелли с солонкой в руке плюхнулся вниз и чуть не свалился на пол. От изумления он вытаращил глаза, вскочил, поставил солонку, выдвинул сиденье вперед, сел снова, сбил солонку со стола. Вспыхнув от стыда, поднял ее с таким видом, будто это не солонка, а большое ведро, посолил пищу и, чтобы привинтить солонку на прежнее место, закрыл телом весь стол. Наконец привинтил ее и, подняв зад, сполз со стола на свое сиденье, но только на этот раз сел мимо. В конце концов он устроился на сиденье, разгладил невидимую салфетку и обвел присутствующих загнанным виноватым взглядом.

Глубоко вздохнув, Нильсен спросил его:

— Вы уверены, что хорошо посолили?

Трудный вопрос поставил Бертелли в тупик. Он нашел глазами свою тарелку, внимательно оглядел ее содержимое.

— Пожалуй, хорошо, благодарю вас.

Перестав жевать, Нильсен поднял глаза и, встретившись взглядом с Кинрадом, спросил:

— Что такое есть в этом парне, чего нет в других?

Улыбаясь до ушей, Кинрад ответил:

— Сам бы хотел понять, пытаюсь уже давно, но все безуспешно.

Лицо Нильсена осветилось подобием улыбки, и он признался:

— Я тоже.

Бертелли молча, сосредоточенно ел. Жевал он, как всегда, высоко подняв локти, а его рука неуверенно искала рот, мимо которого было просто невозможно пронести ложку.

Дотронувшись до экрана кончиком карандаша, Марсден сказал:

— Вот эта, по-моему, розовая. Но, может, мне это только кажется.

Кинрад нагнулся и стал вглядываться в экран.

— Слишком маленькая, ничего пока сказать нельзя. Прямо с булавочную головку.

— Значит, зря я надеялся.

— Может, и не зря. Возможно, цветовая чувствительность ваших глаз выше моей.

— Давайте спросим нашего Сократа,— предложил Марсден.

Бертелли стал рассматривать едва заметную точку, то приближаясь к экрану, то удаляясь от него, заходя то с одной стороны, то с другой. Наконец он посмотрел на нее, скосив глаза.

— Это наверняка что-то другое,— сообщил он, явно радуясь сделанному им открытию,— потому что наше Солнце оранжево-красное.

— Цвет кажется розовым благодаря флуоресцентному покрытию экрана,— с раздражением объяснил Марсден.— Эта точка — розовая?

— Не разберу,— сокрушенно признал Бертелли.

— Ну и помощничек!

— Тут можно только гадать, она слишком далеко,— сказал Кинрад.— Одного желания здесь мало — придется подождать, пока мы не окажемся немного ближе.

— Я уже сыт по горло ожиданием,— с ненавистью глядя на экран, сказал Марсден.

— Но ведь мы возвращаемся домой,— напомнил Бертелли.

— Я знаю. Это и убивает меня.

— Вы не хотите вернуться? — недоумевающе спросил Бертелли.

— Слишком хочу,— и Марсден с досадой сунул карандаш в карман.— Я думал, обратный путь будет легче хотя бы потому, что это путь домой. Я ошибся. Я хочу зеленой травы, голубого неба и места, где можно свободно двигаться. Я не могу больше ждать.

— А я могу,— гордо сказал Бертелли.— Потому что надо. Если бы я не мог, я бы сошел с ума.

— Да ну? — Марсден окинул Бертелли ироническим взглядом, и его нахмуренное лицо начало понемногу проясняться. Наконец у него вырвался короткий смешок.— Сколько же времени вам бы для этого понадобилось?

Не переставая смеяться, он вышел из кабины управления и направился в столовую. Заворачивая за угол, он расхохотался.

— Что тут смешного? — удивленно спросил Бертелли.

Оторвав взгляд от экрана, Кинрад внимательно посмотрел на него.

— Как это получается, что каждый раз, когда кто-нибудь начинает...

— Да, капитан?

— Нет, ничего.

Корабль мчался вперед, сотрясаясь: все его части и детали издавали стон.

Появился Вейл — его вахта кончилась, он шел в столовую. Он был невысокого роста, широкий в плечах, с длинными сильными руками.

— Ну что?

— Мы не уверены, — и Кинрад показал на точку, сиявшую среди множества ей подобных. — Марсден думает, что это оно и есть. Может быть, он прав, а может, и нет.

— Вы не знаете? — спросил Вейл, глядя на Кинрада и не обращая внимания на экран.

— Узнаем, когда придет время. Еще рановато.

— Запели по-новому?

— О чем это вы? — резко спросил Кинрад.

— Три дня назад вы говорили нам, что теперь Солнце может показаться на экране в любой момент. Это подняло нам дух — а мы в этом нуждались. Я не привык распускать нюни, но должен сознаться: что-нибудь в этом роде было мне нужно. — Он смерил Кинрада злым взглядом. — Чем радужней надежды, тем сильней разочарование.

— А вот я не разочаровываюсь, — сказал Кинрад. — Плюс-минус три дня — пустячная погрешность, если учесть, что обратный путь длится два года.

— Да — если курс правильный. А у меня нет в этом уверенности.

— То есть вы думаете, что я не в состоянии дать правильные координаты?

— Я думаю только, что даже лучшие из нас могут ошибаться, — упорствовал Вейл. — Разве первые два корабля не отправились к праотцам?

— Не из-за навигационных ошибок, — с глубоко-мысленным видом вставил Бертелли.

Скривившись, Вейл уставился на него:

— Вы-то что смыслите в космической навигации?

— Ничего, — признавался Бертелли с гримасой человека, у которого удаляют зуб мудрости, и кивнул на Кинрада. — Но он смыслит.

— Да?

— Обратный маршрут был рассчитан покойным капитаном Сэндерсоном, — сказал Кинрад, лицо которого начала заливать краска. — Я проверял и перепроверял вычисления больше десяти раз, и Марсден тоже. Если вам этого мало, возьмите и проверьте их сами.

— Я не навигатор,— сердито сказал Вейл.

— Тогда закройте рот и помалкивайте, и пусть другие...

— Но я и не открывал его! — неожиданно возмутился вдруг Бертелли.

Переключившись на него, Кинрад спросил:

— Чего вы не открывали?

— Рта,— обиженно сказал Бертелли.— Не знаю, почему вы ко мне придираетесь. Все ко мне придираются.

— Вы ошибаетесь,— сказал Вейл.— Он...

— Вот видите, я ошибаюсь. Я всегда ошибаюсь. Я никогда не бываю прав.

Бертелли громко вздохнул и, тяжело переставляя свои огромные ноги, со страдальческим выражением побрел прочь.

Проводив его изумленным взглядом, Вейл сказал:

— Похоже на манию преследования. И такой, как он, считается психологом! Прямо смех.

Вейл приблизил лицо к экрану и начал внимательно его рассматривать.

— Которая, по мнению Марсдена, Солнце?

— Вот эта,— показал Кинрад.

Вейл хищным взглядом вперился в светящуюся точку и наконец сказал:

— Ладно, будем надеяться, что он прав.

И вышел.

Кинрад сел и вперился в экран невидящий взгляд. Его занимала проблема, которая, может быть, имела смысл, а может быть, и не имела: когда наука становится искусством? Или наоборот — когда искусство становится наукой?

На следующий день свихнулся Арам. У него начался приступ „чарли“, тот же синдром, который привел к гибели Вейгарта. У болезни этой было и медицинское название, но очень немногие люди его знали и еще меньше могли выговорить. В обиходе же ее стали называть „чарли“ — после древней, почти забытой войны, когда, бывало, хвостовой стрелок большого военного самолета, или, как его называли, „Чарли-на-хвосте“, слишком много думавший о тяжелом грузе бомб и тысячах галлонов высокооктанового горючего за своей кабиной, похожей на клетку попугая, вдруг начинал выть и биться о стены своей призрачной тюрьмы.

Все началось с эпизода, очень типичного для этой космической болезни. Арам сидел рядом с Нильсеном и

спокойно ел, ковыряя вилкой в своей разделенной на отделения пластмассовой тарелке с таким видом, будто у него совсем нет аппетита. Внезапно, не сказав ни слова и не изменившись в лице, он оттолкнул тарелку, вскочил и бросился вон из столовой. Нильсон попытался было задержать его, но не сумел. Арам, как кролик, спасающий свою жизнь, пулей вылетел в коридор и помчался по проходу к люку. Нильсен последовал за ним, а за Нильсеном — Кинрад. Бертелли замер на месте, не донеся вилки до рта, уставившись пустым взглядом в стенку напротив, ловя своими большими ушами доносящиеся из прохода звуки.

Они схватили Арама в тот момент, когда он с лихорадочной поспешностью пытался повернуть винт люка не в ту сторону. Люк он все равно не успел бы открыть, даже если бы поворачивал винт правильно. Его тонкое лицо было бледным, и он задышался от натуги.

Оказавшись рядом, Нильсен резко повернул его лицом к себе и ударил в челюсть. Удар был сильнее, чем могло показаться со стороны. Арам, маленький и щуплый, покатился и, потеряв сознание, мешком плюхнулся у передней двери прохода. Потирая костяшки пальцев, Нильсен проворчал что-то себе под нос и проверил, хорошо ли закручен винт. Потом он взял Арама за ноги, а Кинрад за плечи, и они отнесли его, провисшего между ними, на койку. Нильсен остался сторожить его, а Кинрад пошел за шприцем. Следующие двенадцать часов Араму предстояло проспать. Это было единственное известное средство для таких случаев — искусственно вызванный сон, дававший возможность взбудораженному мозгу отдохнуть, а взвинченным нервам успокоиться.

Когда они вернулись в столовую, Нильсен сказал Кинраду:

— Хорошо еще, что он не прихватил с собой пистолета.

Кинрад молча кивнул. Он знал, что тот имеет в виду. Вейгарт, готовясь бежать с корабля на пузыре воздуха к иллюзорной свободе, не хотел подпускать их к себе, угрожая пистолетом. Кинуться на него, не рискуя жизнью, они не могли, и им пришлось, отбросив всякую жалость, застрелить его, пока не поздно. Вейгарт погиб первым из экипажа, и случилось это всего через двадцать месяцев после старта.

Они не могли допустить новой потери. Впятером можно было вести корабль, контролировать его движе-

ние, совершить посадку. Пять — это был абсолютный минимум. Четверо были бы обречены остаться навечно в огромном металлическом гробу, слепо гроыхающем среди звезд.

С этой проблемой была связана и другая, которой Кинрад так и не мог разрешить — во всяком случае, удовлетворительным для себя образом. Следует ли держать выходной люк запертым на замок, ключ к которому у одного капитана? Или же в случае внезапной аварии это могло бы дорого им обойтись? В чем больше риска — в безумной попытке к бегству со стороны одного или в препятствии к спасению всех?

А ну, к черту все, — сейчас они летят домой, а когда прилетят, он сдаст бортовой журнал с подробными записями, и пусть головы поумнее разбираются во всем сами. Это их обязанность, а его — обеспечить благополучное возвращение.

Кинрад перевел взгляд на Нильсена, увидел сосредоточенно-угрюмое выражение его лица и понял, что тот тоже думает о Вейгарте. Ученые и инженеры при всем своем высокоразвитом интеллекте в сущности такие же люди, как все. Несмотря на свои познания и умения, они не могут изолировать себя от остального человечества. Вне круга своих профессиональных интересов это обыкновенные люди с такими же заботами и переживаниями, что и у прочих. Они не могут думать только о своей специальности и позабыть обо всем остальном. Иногда они думают о других людях, иногда о самих себе. Нильсен обладал высокоразвитым интеллектом, был умен и восприимчив — и тем больше было у него шансов свихнуться. Кинрад чувствовал, что уж Нильсен, если побежит к люку, прихватить с собой пистолет не забудет.

Вынести долгое заточение в огромном стальном цилиндре, по которому день за днем, час за часом без передышки молотит дюжина дьяволов, могли только более тупые, более толстокожие — такие, про кого говорят, что у них коровьи мозги. Тут тоже было над чем задуматься умным головам. Дураки терпеливей и выносливей всех прочих, зато от них мало толку; умники необходимы, чтобы управлять кораблем, зато у них больше шансов свихнуться — хотя бы временно, не насовсем.

Каков же итог? Ответ: идеальный экипаж космического корабля должен состоять из безнадежных тупиц с высоким интеллектом — качества явно взаимоисключающие.

Вдруг его осенило. Не в этом ли скрывается разгадка тайны Бертелли? Те, кто проектировал и строил корабль, а потом подбирали для него экипаж, были люди неслыханной хитрости и прозорливости. Нельзя поверить, чтобы они выбрали такого, как Бертелли, и им было наплевать, что из этого получится. Подбор был целенаправленным и тщательно обдумывался — на этот счет у Кинрада не было никаких сомнений. Быть может, потеря двух кораблей убедила их в том, что, набирая экипаж, следует быть менее строгим? А может, они включили Бертелли, чтобы посмотреть, как покажет себя в полете дурак?

Если это предположение правильно, то кое-чего они достигли — но немногого. Наверняка Бертелли спятит и побежит к люку последним. Однако с точки зрения технических знаний в его пользу нечего было сказать. Из того, что необходимо знать члену космического экипажа, он почти ничего не знал, да и то, что знал, перенял у других. Любое дело, которое ему поручали, оказывалось виртуозно испорченным. Более того: огромные неуклюжие лапы Бертелли, лежащие на рычагах управления, представляли бы собой настоящую опасность.

Правда, его любили. В известном смысле он даже пользовался популярностью. Он играл на нескольких музыкальных инструментах, пел надтреснутым голосом, был хорошим мимом, с какой-то развинченностью отбивал чечетку. Когда раздражение, которое он сперва вызывал у них, прошло, Бертелли стал казаться им забавным и достойным жалости; чувствовать свое превосходство над ним было неловко, потому что трудно было представить себе человека, который бы этого превосходства не чувствовал.

„Когда корабль вернется на Землю, руководители поймут: лучше, если на корабле нет дураков без технического образования“, — не совсем уверенно решил Кинрад. Умные головы провели свой эксперимент, и из этого ничего не вышло. Ничего не вышло. Ничего не вышло... Чем больше Кинрад повторял это, тем меньше уверенности ощущал.

В столовую вошел Вейл.

— Я думал, вы уже минут десять как кончили.

— Все в порядке. — Нильсен встал, стряхнул крошки и жестом пригласил Вейла сесть на освободившееся место. — Ну, я пошел к двигателям.

Взяв тарелку и пакет с едой, Вейл сел; поглядев на Кинрада и Нильсена, спросил:

— Что случилось?

— У Арама „чарли“, он в постели,— ответил Кинрад. На лице Вейла не отразилось никаких эмоций. Он резко ткнул вилкой в тарелку и сказал:

— Солнце вывело бы его из этого состояния. Увидеть Солнце — вот что нужно нам всем.

— На свете миллионы солнц,— сказал Бертелли тоном человека, с готовностью предлагающего их все.

Поставив локти на стол, Вейл произнес резко и многозначительно:

— В том-то и дело!

Взгляд Бертелли выразил крайнее замешательство. Он стал беспокойно двигать тарелкой и нечаянно сбросил с нее вилку. Продолжая глядеть на Вейла, нащупал вилку, взял ее за зубцы, не глядя ткнул ручкой в тарелку, потом поднес ручку ко рту.

— А может быть, лучше другим концом? — спросил Вейл, с интересом наблюдая за ним.— Он острее.

Бертелли опустил глаза и стал внимательно рассматривать вилку, постепенно лицо его начало приобретать рассеяннo-удивленное выражение. Он по-детски беспомощно развел руками и, одарив собеседников обычной для него извиняющейся улыбкой, одновременно, как бы между прочим, одним движением большого и указательного пальцев положил вилку ручкой к себе в ладонь.

Вейл не увидел этого движения, но Кинрад его заметил — и на миг у него появилось странное, трудно объяснимое чувство, что Бертелли допустил маленькую оплошность, крохотную ошибку, мимо которой могли пройти, не обратив на нее внимания.

Кинрад был уже в своей кабине, когда услышал по системе внутренней связи голос Марсдена:

— Арам очнулся. Щека у него распухла, но сам он вроде бы поостыл. По-моему, снова колоть его не нужно — во всяком случае, пока.

— Пусть ходит, но будем за ним присматривать,— решил Кинрад.— Скажи Бертелли, чтобы держался к нему поближе,— хоть при деле будет.

— Хорошо.

Марсен помолчал, потом добавил, понизив голос:

— Что-то Вейл киснет в последнее время — вы заметили?

— По-моему, с ним все в порядке. Иногда нервничает, но не больше, чем все мы.

— Пожалуй.

Голос Марсдена прозвучал так, словно ему хотелось добавить еще что-то; но ничего больше он не сказал.

Закончив в журнале последние записи за этот день, Кинрад посмотрел на себя в зеркало и решил, что повременит с бритьем еще немного — маленькая роскошь, которую он мог себе позволить. Процедуру эту он не любил, а отпустить бороду у него не хватало смелости. Разные люди — разные понятия.

Он откинулся в своем вращающемся кресле и задумался — сперва о планете, которая была для них домом, потом о людях, пославших в космос корабль, а потом о людях, летящих в нем вместе с ним. Они, шестеро, первые достигшие другой звезды, прошли подготовку, которая отнюдь не была односторонней. Трое из них (профессиональные космонавты) быстро, но основательно познакомились с какой-то областью науки, а трое других (ученые) прослушали курс атомной техники или космонавигации. Две специальности на каждого. Он подумал еще немного и исключил Бертелли.

Подготовка к полету этим не ограничилась. Лысый старикан, заведовавший желтым домом, с видом знатока наставлял их по части космического этикета. Каждый, объяснил он, будет знать только имя, возраст и специальность своих товарищей. Никто не должен расспрашивать других или пытаться хоть краем глаза заглянуть в их прошлое. Когда жизнь человека неизвестна, говорил он, труднее найти повод для иррациональной вражды, придинок и оскорблений. У „ненаполненных“ личностей меньше оснований вступать в конфликт. Было сказано, что ни один из них не должен требовать откровенности от другого.

Таким образом, Кинрад не мог узнать, почему Вейл чрезмерно раздражителен, а Марсден — нетерпеливей остальных. Он не располагал данными о прошлом своих товарищей, которые помогли бы ему понять, почему Нильсен потенциально самый опасный, а Арам наименее устойчивый. И он не мог настаивать на том, чтобы Бертелли объяснил свое присутствие на корабле. До успешного завершения их миссии история каждого оставалась скрытой за плотным занавесом, сквозь который лишь иногда можно было разглядеть что-то малозначительное.

Прожив бок о бок с ними почти четыре года, он теперь знал их так, как не знал никого, но все же не так, как узнает в один прекрасный день на зеленых лугах Земли, когда полет станет прошлым, табу будет снято и они смогут делиться воспоминаниями.

Он любил размышлять об этих вещах, потому что у него возникла одна идея, которую он по возвращении собирался предложить вниманию специалистов. Идея касалась отбывающих пожизненное заключение. Он не верил, что все преступники глупцы. Наверняка многие из них — умные люди с тонкой душевной организацией, которых что-то столкнуло с так называемого прямого пути. У некоторых из них, когда они оказывались запертыми в четырех стенах, начинался приступ „чарли“, они пытались вырваться любой ценой, бросались с кулаками на надзирателя — все, все, что угодно, лишь бы бежать, — и результатом этого было одиночное заключение. Это все равно что лечить отравленного еще более сильной дозой отравившего его яда. Нельзя так, нельзя! Он был твердо убежден в этом. В Кинраде было что-то от реформатора.

На его рабочем столе всегда лежала составленная им, аккуратно написанная от руки программа профилактических мер для тех пожизненно осужденных, которым угрожает помешательство. Программой предусматривалось постоянное индивидуальное наблюдение и своевременное использование трудотерапии. Какова практическая ценность этой программы, Кинрад не знал, но выглядела она конструктивной. Это было его любимое детище. Пусть маститые психологи* рассмотрят его и проверят на практике. Если он окажется стоящим (а Кинрад был склонен думать, что так оно и будет), их полет принесет миру пользу еще в одном, совершенно непредвиденном отношении. Ради одного этого стоило его предпринять.

Тут его мысли были прерваны неожиданным появлением Нильсена, Вейла и Марсдена. За ними стояли Арам и Бертелли, Кинрад выпрямился, не вставая, и проворчал:

— Замечательно! У пульта управления — ни души.

— Я включил автопилот, — сказал Марсден. — Он продержит корабль на курсе четыре-пять часов, вы нам это сами говорили.

* Психолог — специалист в области психологии, науки о наказаниях за правонарушения. — *Прим. перев.*

— Верно.— Он обвел их лица пристальным взглядом.— Ну, так что же означает эта мрачная депутация?

— Кончается четвертый день,— сказал Нильсен.— Скоро начнется пятый. А мы по-прежнему ищем Солнце.

— Ну и что?..

— Я не уверен, что вы знаете, куда мы летим.

— А я уверен.

— Это точно или вы морочите нам голову?

Поднявшись на ноги, Кинрад сказал:

— Хорошо, допустим, я признаюсь, что мы летим вслепую, что тогда вы сделаете?

— На этот вопрос ответить легко,— сказал Нильсен тоном человека, худшие опасения которого оправдываются.— Когда умер Сэндерсон, мы выбрали в капитаны вас. Мы можем отменить решение и выбрать другого.

— А потом?

— Полетим к ближайшей звезде и постараемся найти планету, на которой мы могли бы жить.

— Ближайшая звезда — Солнце.

— Да, если мы идем правильным курсом,— сказал Нильсен.

Выдвинув один из ящиков стола, Кинрад извлек оттуда большой свернутый в трубку лист бумаги и развернул его. Сетку мелких квадратиков, густо усыпанную крестиками и точками, пересекала пологая кривая — жирная черная линия.

— Вот обратный курс.— Он поочередно ткнул пальцем в несколько крестов и точек.— Непосредственно наблюдая эти тела, мы в любой момент можем сказать, правилен ли наш курс. Есть только одно, чего мы не знаем точно.

— Что же? — спросил Вейл, хмуро глядя на карту.

— Наша скорость. Ее можно измерить только с пятипроцентной погрешностью в ту или иную сторону. Я знаю, что наш курс правильный, но не знаю точно, сколько мы прошли. Вот почему мы ожидали увидеть Солнце четыре дня назад, а его все нет. Предупреждаю вас, что это может продлиться и десять дней.

Четко выговаривая каждое слово, Нильсен сказал:

— Когда мы улетали с Земли, созвездия были сфотографированы. Мы только что накладывали на экран пленки — не сходится.

— Как же может сойтись? — в голосе Кинрада зазвучало раздражение.— Ведь мы не в той же точке. Обязательно будет периферическое смещение.

— Хотя мы и не получили настоящей штурманской подготовки, но кое-что все-таки соображаем,— огрызнулся Нильсен.— Да, есть смещение. Но распространяется оно от центра, вовсе не совпадающего с розовой точкой, которая, по вашим словам, и есть Солнце. Центр этот — примерно на полпути между розовой точкой и левым краем экрана.— И, презрительно фыркнув, он добавил: — Интересно, что вы теперь скажете.

Кинрад тяжело вздохнул и провел пальцем по карте.

— Как видите, это кривая. Полет с Земли шел по сходной кривой, только выгнутой в противоположную сторону. Хвостовой фотообъектив сфокусирован по оси корабля. Пока мы были в нескольких тысячах миль от Земли, он был обращен в сторону Солнца, но чем дальше уходил корабль, тем больше отклонялась от этого направления его ось. Ко времени, когда мы пересекли орбиту Плутона, она указывала уже черт-те куда.

Всматриваясь в карту, Нильсен задумался, а потом спросил:

— Допустим, я вам поверю — сколько это может продлиться, самое большее?

— Я уже сказал — десять дней.

— Почти половина срока прошла. Подождем, пока не пройдет вторая.

— Спасибо! — с иронией сказал Кинрад.

— Тогда мы или убедимся, что видим Солнце, или назначим нового капитана и полетим к ближайшей звезде.

— Кому быть капитаном? Надо бросить жребий,— предложил стоявший сзади Бертелли.— Может, и мне удастся покомандовать кораблем!

— Сохрани нас бог! — воскликнул Марсен.

— Мы выберем того, кто подготовлен лучше остальных,— сказал Нильсен.

— Но ведь потому мы и выбрали Кинрада,— напомнил Бертелли.

— Возможно. А теперь выберем кого-нибудь другого.

— Тогда я настаиваю, чтобы рассмотрели и мою кандидатуру. Один дурак может все испортить не хуже другого.

— Ну, гусь свинье не товарищ,— поспешил сказать Нильсен, в глубине души чувствуя, что все его усилия

Бертелли незаметно сводит на нет.— Вот когда вы двигаете ушами, тут мне за вами не угнаться.

Он посмотрел на остальных:

— Правильно я говорю?

Они закивали, улыбаясь.

Это не был триумф Нильсена. Это был триумф кого-то другого.

Просто потому, что они улыбались.

Вечером Бертелли устроил очередную пирушку. Поводом для нее опять послужил его день рождения. Каким-то образом он ухитрился отпраздновать за четыре года семь дней рождения — и почему-то никто не счел нужным их посчитать. Но лучше не перегибать палку, и на этот раз он объявил, что выдвигает на пост капитана свою кандидатуру и поэтому хочет снискать расположение избирателей — повод не хуже любого другого.

Они навели в столовой порядок, как делали уже раз двадцать. Раскупили бутылку джина, разлили поровну, с угрюмой сосредоточенностью выпили. Арам, как всегда, принялся посвистывать, имитируя птичье пение, и получил обычную порцию вежливых аплодисментов. Марсден прочитал наизусть какие-то стишки о карих глазах маленькой нищенки. К тому времени, когда он кончил, Нильсен оттаял достаточно, чтобы пропеть своим глубоким, звучным басом две песни. На этот раз он обновил репертуар и был вознагражден громкими аплодисментами.

Правда, не было Вейгарта с его фокусами. И в концерте не принимали участия Докинс и Сэндерсон. Но, предвкушая выступление премьера, крохотная горстка зрителей на время забыла об отсутствующих.

Премьер? Бертелли, кто же еще! Тут он был вне конкуренции, и именно поэтому к такому недотепе, как он, притерпелись, стали снисходительны и, быть может, даже прониклись любовью.

Когда они устроили пирушку по случаю посадки на незнакомую планету, он почти целый час играл на гобое и проделывал с ним штуки, в возможность которых никто из них раньше не поверил бы. Под конец он изобразил столкновение автомобилей — тревожные гудки, звук удара и яростную перебранку водителей. Нильсен тогда от смеха чуть не скатился со своего сиденья.

На обратном пути они без какого-либо особенного повода устроили еще две-три такие вечеринки. Бертелли вынул челюсти (отчего лицо его стало как резиновое) и

начал показывать пантомиму. Руки его извивались как змеи. Он изображал моряка, который, сойдя на берег, ищет себе подругу. Находит, преследует, пытается завязать знакомство, получает отпор, уговаривает, идет с ней на шоу, провожает домой, задерживается на пороге и зарабатывает синяк под глазом.

В следующий раз он сменил эту роль на противоположную — стал пухлой блондинкой, которую преследует жаждущий любви моряк. Без слов, но жестами, позами и мимикой, по выразительности равными речи или даже превосходящими ее, он показал те же события, завершившиеся оплеухой на крыльце ее дома.

На этот раз он изобразил застенчивого скульптора, ваяющего из воображаемой глины статую Венеры Милосской. Создавая несуществующую фигуру, он робко гладил ее, нервно похлопывал, смущенно делал ее почти зримой. Он скатал два шара с пушечное ядро каждый, прилепнул, зажмурившись, ей на грудь, а потом скатал два крошечных шарика, стыдливо прилепил их к большим шарам и мягкими движениями пальцев придал им нужную форму.

Двадцать минут, наполненных весельем, потребовалось Бертелли, чтобы почти вылепить ее, после чего он вдруг заметался в тревоге: стал осматривать горизонт, выглянул за дверь, заглянул под стол, дабы убедиться, что он наедине со статуей. Наконец, успокоенный, но полный смущения, он робко шагнул к Венере, попятился, снова набрался смелости, опять ее лишился, еще раз исполнился отваги, которая затем, в критический момент, его снова покинула.

Вейл давал ему забористые советы, а Нильсен, откинувшись, держался за живот — у него от смеха ныла диафрагма. Собравшись наконец с духом, Бертелли метнулся к невидимой статуе, упал, зацепившись одной ногой за другую, и проехался лицом по стальным листам пола. Нильсен задыхался. Рассвирепев, Бертелли вскочил на ноги, закинул нижнюю губу на кончик своего носа, подвигал ушами, похожими на уши летучей мыши, зажмурил глаза, ткнул в статую пальцем — и у Венеры появился пупок.

В последующие дни, вспоминая пантомиму, они то и дело обводили руками в воздухе невидимые округлости или тыкали друг друга пальцем в живот. Призрачная Венера веселила их до тех пор, пока не появилось, наконец, долгожданное Солнце.

К концу восьмого дня, во время очередной проверки, Марсден обнаружил, что при наложении одной из пленок на экран звезды на пленке, если принять за центр точку на два дюйма левее розового огонька, ставшего заметно ярче, совпадают со звездами на экране. Он издал вопль, услышав который, все бросились к нему, в носовую часть корабля.

Это действительно было Солнце. Они смотрели на него, облизывали пересохшие от волнения губы, смотрели снова. Когда ты закупорен в бутылке, четыре года в звездных просторах могут показаться за сорок. Один за другим заходили они в кабину Кинрада и, ликуя, перечитывали висящий на стене плакатик:

| ТРИ — СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО! |

Дух экипажа поднялся до небывалых высот. Дрожание и гудение корабля перестали казаться назойливыми — теперь они вселяли надежду.

Новое напряжение, совсем непохожее на то, что было раньше, скрутило в клубок их натянутые до предела нервы — слишком долго ждали они того, чему скоро предстояло свершиться. И наконец они услышали в приемнике чуть различимый голос Земли. Голос крепчал день ото дня — и вот он уже ревел из громкоговорителя, а передний иллюминатор закрыла половина планеты.

— С места, где я стою, я вижу океан лиц, обращенных к небу, — говорил диктор. — Не меньше полумиллиона людей собралось здесь в этот великий для человечества час. Теперь вы уже в любой момент можете услышать рев первого космического корабля, возвращающегося из полета к другой звезде. Нет слов, чтобы передать...

Хуже всего было сразу после приземления. Оглушительная музыка, гром приветствий. Рукопожатия, речи — и позирование перед фоторепортерами, кинохроникой, телеобъективами, перед бесчисленным множеством любительских кинокамер.

Наконец все позади. Кинрад попрощался с экипажем. Рука его ощутила по-медвежьи мощную хватку Нильсена, мягкое и сердечное рукопожатие Арама, робкое, застенчивое прикосновение Бертелли.

Глядя в его печальные глаза, Кинрад сказал:

— Ну, теперь они как волки набросятся на все данные, которые мы для них собрали. Надеюсь, вы кончили свою книгу?

— Какую книгу?

— Ну-ну, меня не проведешь,— и он многозначительно подмигнул.— Вы ведь были на должности психолога, не так ли?

Ответа он ждать не стал. Забрав бортовые записи, он отправился в Управление.

Ничуть не изменившийся за четыре года, Бэнкрофт грузно уселся за свой стол и с виновато-иронической улыбкой сказал:

— Ты видишь перед собой толстяка, который радуется повышению по службе и прибавке к жалованью.

— Поздравляю.

Кинрад свалил на стол свою ношу и тоже сел.

— И то и другое я с удовольствием отдал бы за молодость и приключения.

Бэнкрофт бросил полный жадного любопытства взгляд на принесенное Кинрадом и продолжал:

— У меня к тебе куча вопросов, но я знаю, что ответы запрятаны где-то среди этих страниц, а ты сейчас, наверное, спешишь домой.

— За мной должен прийти вертолет — если продерется через эту толкотню в воздухе. У меня есть еще минут двадцать.

— Тогда я ими воспользуюсь,— и Бэнкрофт, вперив в него испытующий взгляд, подался вперед.— Что ты можешь сказать о судьбе первых двух кораблей?

— Мы обыскали семь планет — ничего.

— Не садились, не разбивались?

— Нет.

— Значит, полетели дальше?

— Очевидно.

— Почему, как ты думаешь?

Кинрад заколебался, потом сказал:

— Это всего лишь мое предположение. Я думаю, они потеряли несколько человек — несчастные случаи, болезни и тому подобное. А оставшихся было слишком мало, чтобы управлять кораблем.

Он помолчал и добавил:

— Мы сами потеряли троих.

— Плохо,— помрачнел Бэнкрофт.— Кого именно?

— Вейгарта, Докинса и Сэндерсона. Вейгарт умер еще на пути с Земли. Так и не удалось ему увидеть новое солнце, не говоря уже о своем. Сам прочтешь — там все записано,— кивком головы он показал на бумаги.— Другие двое погибли на четвертой планете, которую я считаю не пригодной для заселения людьми.

— Почему?

— Под ее поверхностью живут большие прожорливые существа. Слой почвы в шесть дюймов толщиной, а под ним — пустоты. Сэндерсон ходил, смотрел — и вдруг провалился прямо в красную мокрую пасть размером в четыре на десять футов, которая сразу его проглотила. Докинс бросился на выручку и провалился в другую — такую же. — Сжав переплетенные пальцы, он кончил: — Ничего нельзя было сделать — ничего.

— Жалко их, очень жалко. — Бэнкрофт грустно покачал головой. — А остальные планеты?

— Четыре непригодны. Две — как по заказу.

— Это уже что-то!

Бэнкрофт бросил взгляд на небольшие часы, стоявшие на его столе, и торопливо заговорил:

— Теперь о корабле. Твои докладные наверняка полны критических замечаний. Ничто не совершенно, даже лучшее из того, что нам удалось создать. Какой у него, по-твоему, самый главный недостаток?

— Шум. Он сводит с ума. Его необходимо устранить.

— Не совсем, — возразил Бэнкрофт. — Мертвая тишина вселяет ужас.

— Если не совсем, то хотя бы частично, до переносимого уровня. Поживи с ним неделю, тогда поймешь.

— Прямо скажу — не хотелось бы. Эта проблема решается, хотя и медленно. На испытательном стенде уже новый, не такой шумный тип двигателя. Сам понимаешь, прогресс — как-никак четыре года прошло.

— Это самое необходимое, — сказал Кинрад.

— А что ты скажешь об экипаже? — спросил Бэнкрофт.

— Лучшего еще не было.

— Так и мы думаем. В этот раз мы сняли с человека сливки — на меньшее согласиться было нельзя. Ни один из них в своей области не знает себе равных.

— Бертелли тоже?

— Я знал, что ты о нем спросишь. — Бэнкрофт улыбнулся чему-то. — Хочешь, чтобы я рассказал?

— Я не могу настаивать, но, конечно, хотелось бы знать, зачем вы включили в экипаж балласт.

Бэнкрофт больше не улыбался.

— Мы потеряли два корабля. Один мог погибнуть случайно. Два не могли. Трудно поверить, чтобы

столкновение с метеоритом или какое-нибудь другое событие вроде этого с вероятностью порядка один против миллиона могло произойти два раза подряд.

— Я тоже не верю.

— Мы потратили годы на изучение этой проблемы,— продолжал Бэнкрофт,— и каждый раз получали один и тот же ответ: дело не в корабле, а только в людях. Проводить четырехлетний эксперимент на живых людях мы не хотели, и нам оставалось только размышлять и строить догадки. И вот однажды, чисто случайно, мы набрали на путь, ведущий к решению проблемы.

— Каким образом?

— Мы сидели здесь и, наверно, в сотый или двухсотый раз ломали голову над проклятой проблемой. Вдруг эти часы остановились,— и он показал на часы, стоявшие перед ним.— Парень по имени Уиттейкер с научно-исследовательской станции космической медицины завел их, встряхнул, и они пошли. И тут Уиттейкера осенило.— Взяв часы со стола, Бэнкрофт поднял заднюю крышку и показал собеседнику механизм.— Что ты видишь?

— Шестеренки и колесики.

— И больше ничего?

— Пару пружин.

— Ты уверен, что это все?

— Во всяком случае, все, что важно,— твердо ответил Кинрад.

— Так только кажется,— сказал Бэнкрофт.— Ты впал в ту же ошибку, в которую впали мы, когда снаряжали первые два корабля. Мы создавали огромные металлические часы, где шестеренками и колесиками были люди. Шестеренками и колесиками из плоти и крови, подобранными с такой же тщательностью, с какой подбирают детали к высокоточному хронометру. Но часы останавливались. Мы проглядели то, о чем внезапно догадался Уиттейкер.

— Что же это было?

— Немного смазки,— улыбнувшись, сказал Бэнкрофт.

— Смазки? — выпрямившись в кресле, удивленно спросил Кинрад.

— Упущение наше было вполне понятно. Мы, люди техники, живущие в эру техники, склонны думать, будто мы — все человечество. Но это совсем не так. Возможно, мы составляем значительную его часть, но

не более. Непременной принадлежностью цивилизации являются и другие — домохозяйка, водитель такси, продавщица, почтальон, медсестра. Цивилизация была бы настоящим адом, если бы не было мясника, булочника, полицейского, а были бы только люди, нажимающие на кнопки компьютеров. Мы получили урок, в котором кое-кто из нас нуждался.

— Что-то в этом есть, — признался Кинрад, — хотя я не понимаю, что именно.

— Перед нами стояла и другая проблема, — продолжал Бэнкрофт. — Что может служить смазкой для людей — колесиков и шестеренок? Ответ: только люди. Какие люди выполняют роль смазки?

— И тогда вы раскопали Бертелли?

— Да. Его семья была смазкой для двадцати поколений. Он — носитель великой традиции и мировая знаменитость.

— Никогда о нем не слышал. Он летел под чужим именем?

— Под своим собственным.

— Я его не узнал, и никто из остальных тоже — какая же он знаменитость? Может, ему сделали пластическую операцию?

— Никакой операции не потребовалось. — Поднявшись, Бэнкрофт вразвалку подошел к шкафу, открыл его, порылся немного, нашел большую блестящую фотографию и протянул ее Кинраду: — Он просто умылся.

Взяв фото в руки, Кинрад уставился на белое как мел лицо. Он не отрываясь рассматривал колпак, нахлобученный на высокий фальшивый череп, огромные намалеванные брови, выгнутые в вечном изумлении, красные круги, нарисованные вокруг печальных глаз, гротескный нос в форме луковицы, малиновые губы от уха до уха, пышные кружевные брыжи вокруг шеи.

— Коко!

— Двадцатый Коко, осчастлививший своим появлением этот мир, — подтвердил Бэнкрофт.

Взгляд Кинрада снова вернулся к фотографии.

— Можно ее взять?

— Конечно! Я всегда могу достать хоть тысячу таких же.

Кинрад вышел из управления как раз вовремя, чтобы увидеть, как предмет его раздумий гонится за такси.

Вокруг руки Бертелли мячиком плясала сумка с нас-
пех запиханными в нее вещами, а сам он двигался
шаржированно развинченными скачками, высоко подни-
мая ноги в больших тяжелых ботинках. Длинная шея
вытянулась вперед, а лицо было уморительно печальное.

Много раз Кинраду чудилось в позах Бертелли что-то
смутно знакомое. Теперь, зная то, что он знал, Кинрад
понял: он видит классический бег циркового клоуна,
что-то ищущего на арене. Если бы Бертелли вдобавок
испуганно оглядывался через плечо на скелет, волоча-
щийся за ним на длинной бечевке, картина была бы
совсем полной.

Бертелли догнал такси, бессмысленно улыбнулся, и,
забросив в машину сумку, влез сам. Такси рванулось
с места и умчалось, извергая две струи газа из реактив-
ных двигателей под корпусом.

Кинрад стоял и смотрел невидящим взглядом в небо
и на обелиски космических кораблей. А внутренним
взором он видел сейчас весь мир, видел его как гигант-
скую сцену, на которой каждый мужчина, женщина и
ребенок играет прекрасную и необходимую для всех роль.

И, доводя до абсурда ненависть, себялюбие и рознь,
над актерами царит, связывая их узами смеха, клоун.

Если бы Кинраду пришлось набирать экипаж, он не
мог бы выбрать лучшего психолога, чем Бертелли.

Дьявология

Облетев планету, он внимательно осмотрел ее. Без
сомнения, эту планету населяли существа с высокораз-
витым интеллектом. Доказательством тому были легко
узнаваемые с высоты судоверфи, переплетения железно-
дорожных рельсов в сортировочных пунктах, энерго-
станции, каменоломни, заводы, шахты, комплексы жилых
строений, мосты и еще немало других свидетельств
обитания на планете быстро размножающихся существ,
наделенных разумом. Крайне важно было наличие
космопортов. Он их насчитал три.

Глядя вниз через небольшой иллюминатор рубки, он
понял, что контакт чреват опасностью. За множество
столетий освоения человеком космического простран-
ства было открыто более семисот планет, пригодных для

жизни. Их обследовали. На всех обитали живые существа. Разумные — на немногих. Но до этого самого мгновения еще никто не сталкивался со столь высокоразвитой формой жизни.

Он послал бы радиограмму с подробным описанием увиденного, если бы находился в пределах досягаемости пограничного сторожевого поста. Даже теперь еще не поздно полететь обратно и через семнадцать недель оказаться в зоне, откуда его сигнал будет принят этим постом. Но в таком случае ему придется искать планету, где он сможет дозаправиться, а ведь сейчас до нее рукой подать. На этой планете, несомненно, было горючее. Быть может, они поделятся с ним.

Сейчас же запаса горючего ему хватит только на то, чтобы совершить посадку и потом вернуться на базу. Э! Синица в руках лучше журавля в небе. Он изменил направление полета, и корабль нырнул в атмосферу чужой планеты, взяв курс на самый большой космопорт из трех.

Казалось, будто они выскочили из-под земли, как это случается у людей, когда на пустынной дороге происходит автокатастрофа.

Аборигены были низкорослы — самые высокие не превышали пяти футов. Не будь этого, они походили на него, розовощекого и голубоглазого, не менее, чем монголоиды, обросшие мягкой серой шерстью.

Окружив плотным кольцом космолет, они тараторили, жестикулировали, подталкивали друг друга локтями, о чем-то спорили, пожимали плечами — словом, вели себя, как толпа зевак, собравшаяся на краю глубокой темной ямы, из которой доносятся странные звуки. Их поведение было примечательно тем, что ни один из аборигенов не выказал и тени страха, никто даже украдкой не пытался отойти подальше от космолета. Единственное, чего они опасались — это внезапного выхлопа газов из молчавших сейчас сопел реактивных двигателей.

Он вышел не сразу. Согласно Правилу № 1 перед выходом необходимо проверить состав атмосферы чужой планеты. Воздух, которым дышат аборигены, вполне может оказаться для него непригодным.

Анализатору Шрибера требовалось четыре минуты, чтобы сообщить своему повелителю, может ли тот милостиво снизойти до того, чтобы дышать этой смесью.

Выключив анализатор, он открыл входной люк, уселся, свесив ноги, которые теперь свободно болтались в восьмидесяти ярдах от поверхности планеты. С этого удобного наблюдательного пункта он спокойно разглядывал толпу, как человек, который может плюнуть кому-нибудь в физиономию, зная, что на ответный плевков никто не осмелится. Шестое правило дьявологии гласит: чем выше, тем недоступнее. Доказательство: тактическое преимущество чаек перед людьми.

Поскольку те, внизу, были существа разумные, они быстро оценили невыгодность своего положения. Не имея возможности вскарабкаться наверх по полированной поверхности корабля, они практически были не в состоянии добраться до пришельца. Впрочем, они жаждали приблизиться к нему, не имея при этом каких-либо враждебных намерений. Ведь желание тем сильнее, чем меньше возможности его удовлетворить.

Чтобы еще больше раздражить их, он повернулся к ним боком, обхватив руками согнутую в колене ногу, и продолжал разглядывать их с видом полного превосходства. А они должны были стоять и пялить на него глаза, рискуя вывихнуть себе шеи.

Чем дольше это продолжалось, тем большее нетерпение проявляли аборигены. Некоторые уже что-то кричали ему скрипучими голосами. Этим он снисходительно улыбался. Другие пытались объяснить с ним жестами. Он отвечал им тоже жестами, что отнюдь не радовало тех, кто поумнее. По какой-то непонятной причине ни одного ученого не заинтересовал вопрос, почему в любом уголке вселенной одни и те же жесты вызывают у тех, к кому они обращены, только отрицательные эмоции. Те, кто изучал основы дьявологии, проходили курс, известный под названием „Уязвление с помощью жестов“. Усвоив его, человек в любой ситуации был способен выразить свое презрительное отношение к любому инопланетянину наиболее обидным для того жестом.

Какое-то время толпа беспокойно шевелилась; аборигены покусывали серую шерсть на пальцах рук, тихо переговаривались и иногда бросали в его сторону злобные взгляды. Они по-прежнему держались вне опасной зоны, видимо, думая, что у существа, разлегшегося у входного люка, вероятно, есть напарник, который дежурит у пульта управления.

Так продолжалось до тех пор, пока не подъехало несколько неуклюжих громоздких автомашин, из кото-

рых высыпали солдаты. Вновь прибывшие, одетые в униформу цвета вывалившейся в грязи свиньи, были вооружены дубинками и ручными пулеметами. Они построились в три ряда, повинаясь лающим звукам команды, резко повернулись направо и зашагали вперед. Толпа расступилась, пропуская их.

Они окружили корабль, отрезав его от скопища зевак. Трое офицеров торжественно прошли по кругу и внимательно все осмотрели, соблюдая, однако, безопасную дистанцию. Потом они вернулись на исходные позиции, и, задрав головы, устремили взгляд на инопланетянина.

Старший из трех офицеров похлопал себя по тому месту, где у него, должно быть, находилось сердце, наклонился и постучал рукой по земле, а когда снова поднял глаза на сидевшего высоко над ним гостя, придал своему лицу безмятежно-миролюбивое выражение. С его запрокинутой головы слетела фуражка, и, повернувшись, чтобы ее поднять, он на нее наступил.

Как видно, это маленькое приключение доставило удовольствие тому, кто находился на восемьдесят ярдов выше — он хихикнул и свесился наружу, чтобы лучше рассмотреть неуклюжего офицера. Офицер, с покрасневшим под серой шерстью лицом повторил свой призывный жест. На этот раз тот, другой, соизволил его понять. Небрежным кивком он выразил свое согласие и скрылся в корабле. Спустя несколько секунд по поверхности корабля змеей скользнула нейлоновая лестница, и нарушитель спокойствия спустился по ней с ловкостью обезьяны.

Когда он предстал перед ними, солдат и толпу любопытных поразили безволосое лицо, огромное могучее тело и то, что, насколько они могли судить, у него не было никакого оружия. Следовало ожидать, что его внешность окажется необычной. В конце концов они сами сделали несколько вылазок в космос и видели еще более диковинные формы жизни. Но какое, спрашивается, живое существо обладает таким высокоразвитым интеллектом, чтобы выстроить космолет, и вместе с тем настолько неразумно, что пренебрегает какими бы то ни было средствами защиты?

Их мышление всегда подчинялось законам логики. Убогие недоумки.

Офицеры и не пытались завести разговор с этим экспонатом из необозримых просторов космоса. Они не обладали телепатическими способностями, а опыт, приобретенный в космических путешествиях, открыл им одну простую истину: от издаваемых ртом звуков нет никакой пользы, пока та или иная сторона не научится понимать их значение. Поэтому они жестами объяснили ему, что хотят отвезти его в город, где с ним встретятся другие аборигены, более сведущие в вопросах установления контактов. Они прекрасно объяснялись с помощью рук, что естественно для чуть ли не единственных, по их мнению, разумных существ, которым удалось открыть новые миры.

Он согласился на это с высокомерием владыки, который снисходит до общения со своими подданными, он повел себя так с первой же минуты встречи с аборигенами. Быть может, под влиянием анализатора Шрибера он немного перегибал палку. Когда охранники повели его к грузовикам, толпа расступилась снова. Он прошествовал через образовавшийся проход, одарив всех язвительным жестом № 17 — кивком, которым дал понять, что признает их право на существование и уж как-нибудь вытерпит их примитивный интерес к своей персоне.

Грузовики покатали прочь, оставив позади космолет с открытой дверью и болтающейся в воздухе лестницей. Не осталось незамеченным, что пришелец не принял никаких мер, чтобы помешать им проникнуть внутрь корабля. Пусть, мол, специалисты обыскивают его и беспрепятственно воруют идеи у других мыслящих существ, которые, подобно им самим, проторили дорогу в космос.

Ни один из представителей таких высокоразвитых существ не мог быть столь преступно небрежен. Следовательно, тут и речи не было ни о какой небрежности. Отсюда логический вывод: принцип устройства корабля не стоит того, чтобы его засекречивать, ибо это устройство безнадежно устарело. Или же, напротив — позаимствовать какие-либо идеи невозможно, потому что существа, не достигшие определенного уровня развития, все равно в них не разберутся. За кого он их принимает? Уж они его проучат, тому свидетель сам Кас, владыка преисподней.

Один из младших офицеров влез по лестнице наверх, осмотрел корабль, спустился на землю и доло-

жил, что не обнаружил больше ни одного пришельца; там не было даже ручного лансима и ни крошки съестного. Выходит, незнакомец прибыл сюда один. Эта новость облетела толпу. На аборигенов она не произвела особого впечатления. Вот если б их посетила целая флотилия боевых кораблей с десятью тысячами солдат на борту, такое они бы поняли. Ведь это была бы демонстрация военной мощи, превосходящей их собственную.

Тем временем грузовики покинули территорию космопорта, промчались миль двадцать по сельской местности и въехали в город. Здесь машина, которая шла во главе колонны, отделилась от остальных, свернула к западному предместью и наконец остановилась перед похожим на крепость зданием, окруженным высоченной стеной. Пришелец вылез из машины, и его тут же препроводили в тюремную камеру.

Здесь он тоже повел себя странно. Ему следовало бы возмутиться: никто ведь еще не объяснил ему, почему с ним так обошлись. А он вот не возмутился. Полубо-вавшись на аккуратно застеленную койку, словно она являла собой предмет роскоши, предоставленный ему в знак признания его полномочий, он, как был, в одежде, в ботинках, улегся на нее, глубоко, с удовлетворением вздохнул и погрузился в сон. Рядом с его ухом висели часы, и их тиканье заменило ему неумолчное тиканье автопилота, без которого в космосе по-настоящему не заснешь.

В камеру не раз заглядывали охранники, чтобы проверить, не пытается ли он потихоньку отпереть замки или распылить на атомы каким-нибудь своим, неизвестным им способом прутья решетки. Но он все храпел, отрешенный от мира, не подозревая, что тревожный озноб мало-помалу охватывает всю космическую империю.

Он еще спал, когда пришел Пэрмис, нагруженный книгами с картинками. Пэрмис уселся на стул около кровати и стал терпеливо ждать, пока от соседства со спящим не отяжелели его собственные веки, и он поймал себя на том, что мысленно прикидывает, удобно ли лежать на застеленном ковром полу. Тут он решил, что ему следует либо взяться за работу, либо улечься на пол. И он разбудил спящего, потыкав его в бок пальцем.

Они взялись за книги. „Ах“ — это „ахмад“ — резвящийся в траве. „Ай“ — это „айсид“ — запаянный в стек-

ле. „Оом“ — это „оом-тук“ — найден на Луне. „Ухм“ — это „ухмлак“ — смешит толпу везде. И так далее.

Прерывая урок только для того, чтобы поест, они заучивали слова весь день напролет и достигли немалых успехов. Пэрмис был первоклассным педагогом, пришел — наиспособнейшим учеником, который мгновенно схватывал все и ничего не забывал. В конце этого первого урока они уже могли немного побеседовать, обменяться несколькими простыми фразами.

- Меня зовут Пэрмис. А как зовут вас?
- Уэйн Гилдер.
- Два имени?
- Да.
- А как зовут вас во множественном числе?
- Землянами.
- А мы называем себя вардами.

Из-за недостатка слов разговор на этом закончился, и Пэрмис ушел. Через девять часов он вернулся в сопровождении некоего Герки, который был помоложе и специализировался на декламации — он бубнил одни и те же слова и фразы до тех пор, пока его слушателю не удавалось повторить их с безукоризненным произношением. Они занимались этим еще четыре дня с утра и до позднего вечера.

- Вы не пленник.
- Знаю, — сказал Гилдер мягко, но достаточно самоуверенно.

Пэрмис несколько растерялся.

- Откуда вам это известно?
- Вы б не осмелились посадить меня в тюрьму.
- Но почему?
- У вас недостаточно информации обо мне. Поэтому вы обучаете меня своему языку — вам ведь нужно побольше выведать у меня и как можно скорее.

Это было настолько очевидно, что крыть было нечем. Пэрмис пропустил слова Гилдера мимо ушей и промолвил:

— Вначале мне казалось, что нам потребуется девять дней, чтобы научить вас говорить бегло. А сейчас похоже, что хватит и двадцати.

— Если б мои соплеменники не отличались необычайной живостью ума, обучение продвигалось бы не так быстро, — заметил Гилдер.

На лице Герки отразилось беспокойство, Пэрмис смущенно заерзал.

— Нам еще не приходилось обучать вардов, — ехидно добавил Гилдер. — Пока что ни один не пожаловал к нам в гости.

Пэрмис торопливо произнес:

— Мы должны продолжить наш урок. Одна высокая комиссия хочет задать вам несколько вопросов и ждет, когда вы научитесь говорить бегло и внятно. Займемся-ка повторением звукосочетания „фс“, произношение которого вы еще до конца не усвоили. Поупражняйтесь на одной весьма трудной фразе. Вслушайтесь, как ее произносит Герка.

— Фсон дис фслимен фсангафс, — нараспев продемонстрировал Герка, терзая свою нижнюю губу.

— Фусонг дис...

— Фсон, — поправил Герка. — Фсон дис фслимен фсангафс.

— На языке цивилизованных людей это звучит лучше: „Вечерняя сырость гонит прочь комаров“. Фусонг...

— Фсон! — настойчиво повторил Герка, стреляя звуками как из рогатки.

Комиссия расположилась в пышно убранном зале с полукруглыми рядами сидений, которые были уставлены на десяти ступенях амфитеатра. Присутствовало четыреста аборигенов. По тому, как вокруг них увивались слуги и всякая чиновничья мелюзга, можно было заключить, что здесь собрались самые важные чины.

Так оно и было на самом деле. Четыреста аборигенов представляли политическую и военную власть планеты, возглавлявшей космическую империю из двух десятков Солнечных систем и вдвое большего количества обитаемых миров. Совсем недавно они были твердо убеждены, что являются чуть ли не творцами вселенной. А теперь у них на этот счет возникли кое-какие сомнения.

Когда два охранника ввели Гилдера и усадили его лицом к поднимающимся вверх ступеням амфитеатра, разговоры смолкли. Варды впились глазами в пришельца. Одни смотрели на него с любопытством, другие — с недоверием, некоторые вызывающе, большинство — с откровенной неприязнью.

Усевшись поудобнее, Гилдер оглядел присутствующих с выражением человека, который, придя в зоопарк,

задержался у одной из наиболее вонючих клеток. Иными словами — с легким отвращением. Он потер указательным пальцем нос и принюхался. Язвительный жест № 22 — им пользовались в присутствии многочисленного собрания инопланетян, облеченных властью, и сейчас он вызвал именно ту реакцию, на которую был рассчитан. С полдюжины наиболее воинственно настроенных аборигенов, расвирепев, готовы были растерзать его.

Пожилой вард с покрытым шерстью нахмуренным лицом поднялся с места и, обращаясь к Гилдеру, словно продекламировал вызубренную заранее речь:

— Только особи с высокоразвитым интеллектом и мыслящие сугубо логически способны покорить космос. Поскольку не вызывает сомнений, что вы относитесь именно к такой категории живых существ, для вас не составит труда понять нашу позицию. Само ваше присутствие здесь вынуждает нас со всей серьезностью обсудить вопрос о том, какая из взаимоисключающих категорий лучше: сотрудничество или борьба за первенство, мирное соседство или война.

— Ни одному явлению не свойственны две взаимоисключающие крайности, — заявил Гилдер. — Есть черный цвет и есть белый, да вдобавок еще множество оттенков перехода одного в другой. Есть слово „да“ и есть слово „нет“, а кроме них, всякие „если“, „однако“ и „быть может“. Вот вам пример: „Отодвинувшись, вы могли бы стать недостижимыми“.

Они, существа с упорядоченным мышлением, без особого удовольствия восприняли то, как он запутал нить их логических рассуждений. Не понравился им и узелок на конце этой нити — последняя фраза, в которой явно крылся какой-то намек. Пожилой абориген еще больше нахмурился, голос его стал резче.

— Вам следовало бы оценить и свое собственное положение. Вы здесь один, а нас миллионы. И какой бы силой ни обладал каждый представитель вашего племени, лично вы абсолютно беспомощны. Поэтому спрашивать будем мы, а вы — отвечать. Если б мы с вами поменялись местами, было бы наоборот. Такова логика вещей. Вы готовы ответить на наши вопросы?

— Да.

Одних такой ответ явно удивил. Другие же приуныли, не сомневаясь, что, само собой, он скажет только то, что найдет нужным, а остальную информацию утаит.

Опустившись на свой стул, пожилой абориген сделал

знак варду, сидевшему слева от него. Тот встал и спросил:

— Где находится ваша базовая планета?

— Сейчас я этого не знаю.

— Не знаете? — Судя по его тону, вард предвидел, что трудности возникнут уже в самом начале допроса. — А как вы сможете вернуться на нее, если вам неизвестно, где она находится?

— Когда я окажусь в радиусе распространения радиоволн ее маяка, я поймаю сигнал и полечу в нужном направлении.

— Но разве, чтобы найти ее, вам недостаточно ваших космических карт?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она перемещается в пространстве вне зависимости от какого-нибудь крупного космического тела.

— Вы имеете в виду, что это планета, которая вырвалась за пределы своей Солнечной системы?

— Вовсе нет. Это база космолетов-разведчиков. Вы же наверняка знаете, что это такое, не правда ли?

— Нет, не знаю! — рявкнул вард, который вел допрос. — Объясните.

— Это небольшая искусственная планетка сферической формы. Что-то вроде пограничного сторожевого поста.

Присутствовавшие, пытаясь оценить значение полученной информации, вполголоса заговорили между собой и шумно заерзали.

Абориген с невозмутимым видом продолжал:

— Вы назвали это пограничным сторожевым постом, но ведь такое определение ничего не говорит о координатах вашей родной планеты.

— А вы об этом не спрашивали. Вы спросили о моей базе. Я это слышал собственными ушами.

— Допустим. Так где же находится ваша родная планета?

— Без карты я не могу указать вам ее местоположение. У вас есть карты необследованных районов космоса?

— О да. — Его противник улыбнулся, с нарочитой торжественностью он достал и развернул карты. — Мы раздобыли их на вашем корабле.

— И правильно сделали, — обрадованно сказал Гилдер, отчего у всех вытянулись лица. Встав со стула,

он приблизился к картам, ткнул пальцем в ту, что лежала сверху, и воскликнул: — Вот она, добрая старушка Земля! — после чего вернулся на место.

Вард посмотрел на указанную точку на карте, потом окинул взглядом присутствующих, собрался было что-то сказать, но передумал и промолчал. Достав авторучку, он сделал на карте пометку.

— Планета, которую вы называете Землей,— это она основала вашу империю и является ее центром?

— Да.

— И на ней возник ваш род?

— Да.

— А сколько таких, как вы? — твердым голосом продолжал вард.

— Этого никто не знает.

— Разве вы не ведете счет себе подобным?

— Когда-то давным-давно мы этим занимались. А в настоящее время мы слишком рассредоточены, нас разбросало по всей вселенной.— Гилдер призадумался и добавил: — Впрочем, могу вам сообщить, что четыре миллиарда моих соплеменников обосновались на трех планетах нашей Солнечной системы. А сколько их за ее пределами — это загадка. Нас можно разделить на две группы. Одна — это пустившие корни в родной почве, другая — оторвавшиеся от нее, и сколько этих последних — сосчитать невозможно. Да они сами бы воспрепятствовали такому подсчету: а вдруг кому-нибудь придет в голову заставить их платить налог. В итоге получается четыре миллиарда плюс неизвестное число.

— Это нам ничего не говорит,— возразил вард.— Мы же не знаем число, которое следует приплюсовать.

— Мы тоже,— сказал Гилдер.— Порой нас эта неизвестность просто пугает.— Он обвел взглядом присутствующих.— Если по сей день это дополнительное число лишь иногда вызывало страх, сейчас самое время прийти от него в ужас.

Еще больше нахмурившись, вард сформулировал вопрос иначе:

— Вы сказали, что какая-то часть ваших соплеменников обитает в других Солнечных системах. Сколько планет они освоили?

— По последним статистическим данным, семьсот четырнадцать. Но эти сведения уже устарели. Пока готовят очередной доклад, таких планет становится на восемьдесят больше.

— И вы полностью освоили такое огромное количество планет?

— А разве какую-нибудь планету можно освоить полностью? Да мы еще не добрались до ядра своей собственной, и сомневаюсь, что нам это когда-нибудь удастся.— Гилдер пожал плечами и закончил свою мысль: — Нет, мы просто разгуливаем по поверхности этих планет и слегка их при этом общипываем.

— Вы хотите сказать, что ведете на них разработки полезных ископаемых?

— Да, если такая формулировка вас больше устраивает.

— А случалось, что аборигены оказывали вам сопротивление?

— Очень незначительное, друг мой, очень незначительное.

— И что вы в таких случаях предпринимали?

— Это зависело от обстоятельств. На одних аборигенов мы просто не обращали внимания, других наказывали, третьих просвещали.

— Просвещали? — недоуменно переспросил вард.

— То есть прививали им наше мировоззрение.

Какой-то пузатый субъект, сидевший в третьем ряду, не выдержал и вскочил на ноги.

— Вы надеетесь, что и мы будем смотреть на вещи вашими глазами? — раздраженно спросил он.

— Ну, не сразу, конечно,— ответил Гилдер.

— Может, вы считаете, что мы неспо...

Пожилой абориген, который выступал первым, поднялся с места и заявил:

— Либо мы будем вести допрос по всем правилам логики, либо откажемся от него вообще. Он должен идти без отступлений: пока кто-нибудь один задает вопросы, другие не вмешиваются.— Он властно кивнул варду, который держал при себе карты: — Продолжайте, Тормин.

И Тормин продолжил допрос, затянувшийся на целых два часа. Видимо, он был экспертом-астрономом, так как все его вопросы в той или иной степени имели отношение к этой области науки. Гилдер охотно ответил на часть вопросов, а что касается остальных — сослался на свою некомпетентность.

Наконец Тормин сел и с глубокомысленным видом погрузился в изучение сделанных им пометок в блокно-

те. Теперь вопросы стал задавать вард по имени Грасуд, который за последние полчаса прямо-таки извертелся от нетерпения.

— Является ли ваш корабль новейшей моделью космолетов такого класса?

— Нет.

— Есть более усовершенствованные?

— Да.

— Намного ли они лучше?

— Откуда я знаю? Мне ведь еще не поручали пилотировать такой космолет.

— Не странно ли,— многозначительно проговорил Грасуд,— что нашу планету обнаружил космолет устаревшей конструкции, а не более современный?

— Нисколько. Это чистая случайность. Так сложилось, что я полетел сюда, а другие разведчики — кто на старых, кто на новых кораблях — отправились по другим маршрутам. Сколько направлений в глубинах космоса? Сколько радиусов может быть у сферического тела?

— Поскольку я не математик, мне...

— Будь вы математиком,— перебил его Гилдер,— вам было бы известно, что их число выражается цифрой 2^n .— Он обвел взглядом аудиторию и поучающим тоном добавил: — Коэффициент 2 вытекает из того легко доказуемого факта, что радиус — это половина диаметра, а 2^n — это наименьшее число, которое любого сойдет с толку.

Сбитый с толку Грасуд попытался было вникнуть в смысл сказанного, но сразу же сдался и спросил:

— Значит, этим числом определяется количество ваших кораблей-разведчиков?

— Нет. Нам ни к чему проводить разведку во всех направлениях. Эти корабли отправляются только к тем звездам, которые нам видны.

— А разве звезды не везде?

— Разумеется, везде, если рассматривать этот вопрос без учета расстояния до них. Разведчиков посылают в самые близкие, еще не исследованные Солнечные системы, тем самым сокращая до минимума число холостых полетов.

— Вы уклоняетесь от темы,— сказал Грасуд.— Сколько таких кораблей, как ваш, совершают сейчас разведывательные полеты?

— Двадцать.

— Двадцать? — Он притворился, будто утратил интерес к этому вопросу. — И только-то?

— А что, этого недостаточно? До каких же пор, по-вашему, можно использовать устаревшие модели?

— Я спрашиваю не о космолетах устаревшей конструкции. Сколько у вас действующих разведывательных кораблей вообще?

— Честно говоря, не знаю. И сомневаюсь, знает ли это кто-нибудь другой из моих соплеменников. Помимо самой Земли, у которой свои флотилии, разведывательные экспедиции в космос снаряжают и некоторые из наиболее технически развитых колоний. Более того, два-три других вида разумных существ кое-чему у нас научились и, вдохновившись нашим примером, начали осваивать космическое пространство. Поэтому подсчитать количество космолетов для нас теперь так же невозможно, как произвести перепись себе подобных.

Ни словом не возразив Гилдеру, Грасуд продолжал:

— По нашим меркам, ваш корабль не так уж велик. У вас, несомненно, есть и побольше. — Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Гилдера. — Какова величина вашего самого большого космолета, если его сравнить с тем, на котором вы прилетели сюда?

— Самый большой из тех, что я видел, — это линейный космолет „Ланс“. Его масса в сорок раз превышает массу моего корабля.

— Какова численность живой силы на борту?

— Членов экипажа — свыше шестисот, но в случае необходимости этот корабль может вместить втрое большее число моих соплеменников.

— Итак, вам точно известно, что существует как минимум один космолет, который при критических обстоятельствах может взять на борт около двух тысяч ваших соплеменников, верно?

— Да.

Присутствующие снова заерзали, раздался гул приглушенных голосов. Не обращая внимания на этот шум, Грасуд, внешне полный решимости во что бы то ни стало выудить самые подробные сведения, продолжал допрос.

— А есть у вас еще корабли такого же размера?

— Да.

— Сколько?

— К сожалению, не знаю. Если б знал, я бы сказал.

— Может, у вас даже есть космолеты размером и побольше?

— Вполне вероятно, — не стал отрицать Гилдер. — Но если такие есть, я еще ни одного не видел. Впрочем, это ничего не значит. Сколько бы ты ни прожил, а всего не увидишь. Если вы пересчитаете предметы, которые у вас перед глазами, прибавите количество тех, что вы уже видели, то останется какое-то число предметов, которые вам еще предстоит увидеть. И если на осмотр каждого из них вы потратите по секунде, потребуется...

— Меня это не интересует! — рявкнул Грасуд, боясь запутаться в непривычных для его мышления доводах пришельца.

— И напрасно, — сказал Гилдер. — Ведь если от бесконечного числа отнять сколько-то миллионов, останется все то же бесконечное число. Следовательно, вы можете отнять от целого какую-то часть, а целое не станет меньше. Получается, что один пирог можно съесть дважды. Разве нет?

Грасуд шлепнулся на свое сиденье и с выражением крайнего недовольства обратился к престарелому варду:

— Я хочу получить конкретные сведения, а не выслушивать громогласное опровержение основных правил логики. Его болтовня нарушает стройный ход моих мыслей. Пусть им займется Шахдинг.

Осторожно поднявшись со стула, Шахдинг начал расспрашивать о разных видах оружия, которым располагают земляне, и способах обращения с ним. В своем допросе он твердо держался одной линии, чтобы у землянина не возникло соблазна увести его в сторону от основной темы. Задавая вопросы, он проявил хитрость и проницательность. Гилдер отвечал свободно, без запинки, и выложил все, что мог.

— Выходит, — сказал Шахдинг, подводя итог допросу, — вы отдаете предпочтение силовым полям, неким лучам, парализующим центральную нервную систему, бактериологической войне, демонстрации военной мощи и бесконечным переговорам с целью убедить противника принять ваши условия. Поскольку вы в столь значительной степени пренебрегаете баллистикой, эта наука у вас наверняка отстает в развитии.

— Да она и не могла бы развиваться, — сказал Гилдер. — Поэтому мы перестали ею заниматься. По той же причине мы в свое время прекратили возню с луками и стрелами. Ни один разовый удар не может превзойти непрерывное и длительное воздействие. — И, словно с некоторым запозданием, ему в голову пришла еще одна

мысль, добавил: — Во всяком случае, можно доказать, что никакая пуля не попадает в бегущего.

— Чушь! — воскликнул Шахдинг, который сам некогда дважды сумел увернуться от пуль.

— Когда пуля достигнет точки, в которой находился бегущий в момент выстрела, тот уже будет далеко впереди, — сказал Гилдер. — В этом случае пуле нужно преодолеть это дополнительное расстояние, но окажется, что там его нет — он уже убежал дальше. Она покрывает и это расстояние — и вновь его не находит. Так оно и продолжается.

— Но ведь пуля постепенно теряет пробивную силу и перестает отвечать своему назначению, — ехидно заметил Шахдинг.

— На любое расстояние, которое преодолевает пуля, уходит определенный, пусть очень малый, отрезок времени, — разъяснял Гилдер. — И даже если делить частицу времени на все уменьшающиеся доли, все равно в результате получится не ноль, а бесконечный ряд небольших отрезков времени, составляющий в сумме бесконечный временной период. Подсчитайте-ка сами, и вы поймете, что пуля не попадет в бегущего, потому что не сможет его настигнуть.

Судя по реакции присутствующих, им до сих пор никогда не приходилось выслушивать такие доводы или самим додуматься до чего-либо подобного. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы принять это утверждение за непреложный факт. Все были достаточно сообразительны и распознали в нем логическое или псевдологическое отрицание само собой разумеющегося и легко доказуемого явления.

Они сразу же стали искать слабое место в этом чуждом для них рассуждении пришельца и, обсуждая между собой этот вопрос, так расшумелись, что Шахдинг был вынужден молча ждать, пока они утихнут. Сидевшие в первом ряду амфитеатра вскочили со своих мест, опустили на колени и принялись чертить на полу диаграммы, все больше распаляясь и надрывая голоса до хрипа. Нескольких вардов в последнем, верхнем, ряду амфитеатра, казалось, вот-вот хватит удар.

Наконец пожилой вард, Шахдинг и еще двое одновременно проревели:

— Молчать!!!

Члены следственной комиссии неохотно расселись по своим местам, продолжая что-то бормотать себе под

нос, жестикулировать и показывать друг другу листки бумаги с набросками схем. Шахдинг гневно взглянул на Гилдера и открыл было рот, чтобы продолжить допрос.

Опередив его, Гилдер небрежно произнес:

— Это кажется глупостью, не так ли? Но ведь может произойти все, что угодно, абсолютно все. К примеру, особь мужского пола может жениться на сестре своей вдовы.

— Нет, не может,— заявил Шахдинг, чувствуя, что в состоянии опровергнуть это, особо не мудрствуя.— Чтобы жена стала вдовой, муж должен умереть.

— Представьте себе, что особь мужского пола женится на особи женского пола, и та вскоре умирает. Тогда он женится на ее сестре и умирает сам. Разве его первая жена не является в этом случае сестрой его вдовы?

— Я здесь не для того, чтобы своими хитросплетениями меня дурачил пришелец с чуждым для нас образом мышления! — выкрикнул Шахдинг. Он решительно опустил на свой стул и чуть погодя, немного успокоившись, сказал сидевшему рядом с ним варду: — Ладно, Кадина, теперь будьте любезны, займитесь им вы.

С выражением полной уверенности в себе Кадина встал и окинул властным взглядом окружающих. Ростом он был выше других вардов, одет в мундир с темно-красного цвета отделкой на рукавах. Впервые за последние полчаса все умолкли.

Удовлетворенный впечатлением, которое он произвел, Кадина повернулся к Гилдеру и заговорил; голос у него был ниже тоном и не такой скрипучий, как у тех, кто беседовал с Гилдером до него.

— Кроме кое-каких маловажных проблем, которых вы, забавы ради, коснулись и тем самым поставили в тупик моих соотечественников,— вкрадчиво начал он,— вы, не увиливая и не колеблясь, ответили на наши вопросы. Вы снабдили нас обильной информацией, весьма полезной с точки зрения военных специалистов.

— Я рад, что вы оценили это,— сказал Гилдер.

— О да, мы это ценим. И даже очень.— В улыбке Кадины было что-то зловещее.— Однако есть один вопрос, в который не мешало бы внести ясность.

— Какой же?

— Если б все было наоборот, если б какой-нибудь разведчик-вард подвергся перекрестному допросу перед собранием ваших соплеменников и так же охотно, как

вы, сообщил разного рода сведения...— Кадина не закончил фразу, взгляд его стал жестким, и он прорычал: — В этом случае мы б сочли, что он предал свой народ, и приговорили бы его к смертной казни.

— Как же мне повезло, что я не вард,— сказал Гилдер.

— Рано радуетесь,— отрезал Кадина.— Смертный приговор ничего не значит только для тех, кому он уже вынесен.

— Куда вы клоните?

— Я вот думаю, а не совершили ли вы там, у себя, тягчайшее преступление и потому ищете у нас убежища? Впрочем, возможно, что вы сбежали по какой-нибудь другой причине, но, как бы там ни было, вы без малейшего колебания предали своих соплеменников.— На его лице появилась все та же зловещая улыбка.— И все-таки приятно было бы узнать, почему вы ответили на наши вопросы.

— Все очень просто,— сказал Гилдер, в свою очередь, улыбнувшись, но так, что Кадине эта улыбка не очень-то понравилась.— Дело в том, что я неисправимый лжец.

И, сказав это, он встал и смело пошел к выходу. Охранники проводили его в камеру.

Он провел в ней три дня, съедая регулярно приносимую ему пищу с раздражающим аборигенов удовольствием, развлекал себя, записывая какие-то цифры в маленький блокнот, и, казалось, так же наслаждался жизнью, как легендарный разведчик космоса по имени Ларри. На исходе третьего дня ему нанес визит какой-то незнакомый вард.

— Меня зовут Булак. Быть может, вы помните меня. В том зале, где вы отвечали на вопросы комиссии, я сидел в конце второго ряда.

— Там присутствовало четыреста ваших соплеменников,— сказал Гилдер.— Я не могу помнить каждого.— Он подвинул варду стул.— Впрочем, это не имеет значения. Присаживайтесь и поднимите для удобства ноги, если внутри этих ваших странных ботинок вообще есть ноги. Чем могу быть вам полезен?

— Сам не знаю.

— Но ведь что-то побудило вас прийти ко мне, не так ли?

Булак был сама печаль.

— Я бегу от тумана.

— Какого тумана?

— Того, который вы здесь напустили.— Он поскреб волосатое ухо, внимательно осмотрел пальцы и уставился на стену.— Главной целью комиссии было определить уровень вашего интеллекта. От этого и только от этого зависит наше отношение к контакту с другими завоевателями космоса.

— Я сделал все, чтобы помочь вам, разве нет?

— Помочь? — эхом отозвался Булак, как бы повторяя какое-то новое и непонятное для него слово.— Помочь? И вы называете это помощью? На самом-то деле допрос должен был выявить, шагнула ли ваша логика вперед по сравнению с нашей и можно ли вывести из ваших посылок более совершенные умозаключения.

— Ну и как?

— Кончилось тем, что вы попрали все законы логики. Оказывается, пуля не может никого убить! Прошло уже три дня, а пятьдесят членов комиссии все еще не пришли по этому поводу к единому мнению, а сегодня утром один из спорящих доказал, что никто не может подняться по приставной лестнице. Друзья перессорились, родственники начинают ненавидеть друг друга. Состояние остальных трехсот пятидесяти членов комиссии немногим лучше.

— А их-то что тревожит? — поинтересовался Гилдер.

— Они спорят о том, что есть истина, и едва удерживаются, чтобы не пустить в ход кулаки,— сказал Булак таким тоном, будто был вынужден упомянуть о чем-то непристойном.— По вашим словам, вы — неисправимый лжец. Отсюда следует, что само это заявление — ложь. Тогда выходит, что вы не являетесь неисправимым лжецом. Вывод: вы можете быть неисправимым лжецом, только не будучи им. И еще — вы можете быть неисправимым лжецом только в том случае, если вы неисправимы.

— Плохо дело,— посочувствовал Гилдер.

— Чем дальше, тем хуже,— продолжал Булак,— потому что если вы и вправду неисправимый лжец — с позиции логики это заявление само себя опровергает,— то все сведения, которые вы нам сообщили, не стоят и мешка с гнилым зерном. Если же вы на допросе говорили

правду, то ваше последнее утверждение, что вы лжец, тоже должно соответствовать истине. Но если вы неисправимый лжец, то все, что вы нам сказали — ложь.

— Вздохните-ка поглубже,— посоветовал Гилдер.

— Однако,— продолжал Булак, сделав глубокий вздох,— поскольку ваше последнее заявление лживо, все остальное, сказанное вами, может оказаться правдой.— В глазах его появилось безумное выражение, и он принялся размахивать руками.— Но из-за того, что вы признаете себя неисправимым, ни одну вашу фразу нельзя счесть ни ложной, ни правдивой, потому что тщательный анализ выявляет неразрешимое противоречие, которое...

— Успокойтесь,— сказал Гилдер, похлопав его по плечу,— ведь это же естественно, когда стоящий на более высокой ступени развития приводит в замешательство того, кто еще не достиг этого уровня. Беда в том, что вы пока недостаточно развиты и мыслите несколько примитивно.— Он поколебался и таким тоном, будто решился высказать смелое предположение, добавил: — Честно говоря, меня не удивит, если я узнаю, что до сих пор вы мыслите л о г и ч е с к и.

— Во имя Великого Солнца! — воскликнул Булак.— А как еще мы можем мыслить?

— Как мы,— ответил Гилдер.— Когда ваш интеллект для этого созреет.

Он дважды обошел вдоль стен свою камеру и задумчиво произнес, словно эта мысль только что пришла ему в голову:

— Кстати, в настоящее время вам не удалось бы разобраться в проблеме: „Почему это мышь, когда вертится волчком“.

— Почему это мышь, когда вертится волчком? — как попугай повторил Булак, и у него отвисла челюсть.

— Или возьмем задачу полегче, которую на Земле может решить любой ребенок.

— Какую же?

— Общеизвестно, что островом называется часть суши, со всех сторон окруженная водой.

— Совершенно верно.

— А теперь представим себе, что все Северное полушарие планеты занято сушей, а все Южное — водой. Является ли Северное полушарие островом, а Южное — океаном?

Булак минут пять размышлял над этим. Потом на листке бумаги нарисовал круг, разделил его пополам,

заштриховал одну из половин и несколько минут рассматривал свой рисунок, после чего сунул эту бумагу в карман и встал.

— Некоторые из нас с удовольствием перерезали бы вам глотку, если б не опасались, что ваши соплеменники, возможно, точно знают, где вы находитесь, и способны за это покарать. Остальные охотно дали бы вам улететь и проводили бы вас с почестями, если б не боязнь уронить себя в глазах существ с более низким уровнем интеллекта.

— Рано или поздно им все-таки придется принять какое-либо определенное решение,— заметил Гилдер, внешне не выказав никакого интереса к тому, какая из сторон возьмет верх в этом споре.

— А за это время,— с подавленным видом продолжал Булак,— мы осмотрели ваш космолет, который может быть космолетом устаревшей конструкции или новейшей — в зависимости от того, солгали вы или сказали правду. Мы имеем доступ ко всему, кроме двигателей и дистанционного управления, ко всему, кроме самого главного. Чтобы определить, превосходят ли они по своим параметрам наши двигатели и нашу систему дистанционного управления, нам пришлось бы разобрать ваш корабль на части, а значит, разрушить его и сделать вас пленником.

— Что же вас останавливает?

— То, что ваш прилет может быть провокацией. Если ваши соплеменники обладают значительной военной мощью и хотят развязать с нами войну, им нужен предлог. А наше дурное к вам отношение как раз и явится таким предлогом. Той искрой, которая взорвет бочку с порохом.— Он безнадежно махнул рукой.— Что можно предпринять, если приходится работать в потемках?

— Можно попробовать решить вопрос, сохранит ли зеленый лист свой цвет в беспросветном мраке.

— С меня достаточно,— заявил Булак и пошел к двери.— Более, чем достаточно. Остров или океан, а? Да не все ли равно? Пойду-ка я к Мордэфе.

С этими словами он удалился, беспокойно шевеля пальцами, а на его покрытом шерстью лице содрогался каждый волосок. После его ухода двое охранников боязливо заглянули в камеру сквозь решетку. У них был такой вид, будто им поручили присматривать за опасным маньяком.

Мордэфе пришел к нему на следующий день после полудня. Это был пожилой, тощий и какой-то очень уж морщинистый вард с не соответствующими его внешности живыми молодыми глазами. Усевшись, он внимательно оглядел Гилдера и спокойно заговорил, взвешивая каждое слово.

— Исходя из того, что доходило до моих ушей, я вывел основной закон, касающийся живых существ, которые, по нашим представлениям, наделены разумом.

— Вы его вывели умозрительно?

— А как же иначе? У меня нет другой возможности. Все живые существа, которых нам пока что удалось обнаружить на других планетах, не являются по-настоящему разумными. Некоторые из них кажутся таковыми, но это только видимость. Что касается вас, то вы, безусловно, обладаете таким запасом знаний, который, быть может, рано или поздно накопим и мы, но это время пока не пришло. И если вдуматься, нам еще повезло, раз мы сознаем, что контакт с вами — дело крайне рискованное. Не предскажешь, чем он может обернуться.

— В чем же суть этого закона?

— В том, что правящая верхушка в любых подобных нашему обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области.

— Неужели?

— К сожалению, это так. Места в правительстве захватывают алчущие власти; они не достаются тем, кого интересуют иные проблемы. — Он немного помолчал. — Однако из этого не следует, что нами правят дураки. Как организаторы масс, они достаточно умны, но при всем при том слишком невежественны за пределами этого узкого поля деятельности. Слабое место власти в том, что неуважение к ней ее обессиливает. Стоит раструбить о невежестве правителей, и их голос будет едва слышен.

— Хм! — Гилдер смотрел на него с возрастающим уважением. — Из всех, с кем я здесь общался, вы первый, кто видит дальше собственного носа.

— Благодарю, — сказал Мордэфе. — Так вот, сам факт, что вы рискнули посадить здесь свой корабль, на котором, кроме вас, никого не было, а позже вконец заморочили головы нашим высокопоставленным деятелям, — сам этот факт указывает на то, что ваши соплеменники разработали методику поведения в подобной ситуации с учетом комплекса возможных случайно-

стей или даже целую серию таких методик, каждая из которых применяется в зависимости от обстоятельств.

— Давайте дальше! — нетерпеливо воскликнул Гилдер.

— Такие методики разрабатываются скорее всего на основе практики, а не теоретических выкладок, — продолжал Мордэфе. — Иными словами, они — результат огромного опыта, многочисленных исправленных и учтенных ошибок, испытаний на пригодность для тех или иных условий, настойчивых попыток добиться максимального успеха при минимальных затратах сил. — Он взглянул на своего собеседника. — Ну как, прав я или нет?

— Пока придраться не к чему.

— К настоящему времени нам удалось прочно утвердить свою власть на сорока двух планетах, причем без особых трудностей, если не считать стычек с примитивными формами жизни. Однако мы можем обнаружить равного нам по силе врага на сорок третьей планете, когда она будет открыта. Кто знает? Так вот, ради того, чтобы обосновать одну идею, давайте допустим, что разумные существа заселяют одну из сорока трех обитаемых планет.

— А что нам даст эта посылка? — живо спросил Гилдер.

— Лично я полагаю, — задумчиво проговорил Мордэфе, — что для разработки правильных методик общения с разумными существами, обитающими в любой точке вселенной, необходим опыт, который можно приобрести лишь в результате контакта по крайней мере с шестью их разновидностями. Отсюда следует, что ваши соплеменники открыли и обследовали не менее двухсот пятидесяти планет. И это по скромному подсчету. Истинное же их число вполне может соответствовать тому, которое вы назвали.

— Так, значит, я не являюсь неисправимым лжецом? — улыбнувшись, спросил Гилдер.

— Это несущественно, и наши правители, если будут еще какое-то время в здравом рассудке, придут к такому же выводу. Быть может, вы в своих интересах несколько исказили кое-какие факты и кое-что преувеличили. Если так, не в нашей власти это изменить. Вдобавок, это все равно не повлияет на истинное положение вещей, а именно: совершенно очевидно, что вы намного опередили нас в области освоения космоса. Отсюда

следует, что ваш род старше нашего, обладает более развитым интеллектом и превосходит нас численно.

— Звучит достаточно логично,— признал Гилдер.

— Пощадите! — взмолился Мордэфе.— Если вы загоните меня в тупик какими-нибудь ложными выводами, я не успокоюсь, пока из него не выберусь. А это не пойдет на пользу ни вам, ни мне.

— Вот как! Значит, вы намерены сделать что-то полезное для меня?

— Кто-то же должен наконец принять то или иное решение, если ясно, что правительство на это неспособно. Я собираюсь посоветовать им освободить вас и отпустить на все четыре стороны, пожелав вам всех благ.

— Вы считаете, что они прислушаются к вашему совету?

— Разумеется. И вам это известно — вы же рассчитываете именно на такой исход.— Мордэфе бросил на Гилдера пронизательный взгляд.— Они ухватятся за мое предложение, чтобы вернуть чувство собственного достоинства. Если все обойдется благополучно, они присвоят себе честь такого мудрого решения. Если же нет — вся вина падет на мою голову.— Он задумался, затем с искренним любопытством спросил: — А вам случалось наблюдать подобный расклад где-нибудь еще, у других разумных существ?

— Везде одно и то же,— заверил его Гилдер.— И у всех всегда находится свой Мордэфе, который улаживает дело таким же образом, как вы. Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары.

— Хотел бы я когда-нибудь встретиться со своим двойником-инопланетянином.— Встав со стула, Мордэфе пошел к двери.— Если б я сегодня не посетил вас, как долго могли бы вы с вашей сложной психологической структурой пребывать в ожидании, не впадая в депрессию?

— До тех пор, пока в это дело не вмешался бы кто-нибудь другой вроде вас. Если никто не берет на себя эту роль добровольно, великие мира сего теряют терпение и кому-нибудь ее навязывают из среды себе подобных. Власть существует за счет пожирания собственных внутренних органов.

— Это уже похоже на парадокс,— с легким укором заметил Мордэфе и ушел.

Гилдер стоял, глядя сквозь решетку, которая закрывала верхнюю половину двери. Два охранника, прислонившись к стене напротив его камеры, не спускали с него глаз.

Обращаясь к ним, он произнес шутливо-добродушным тоном:

— Ни у какой кошки нет восьми хвостов. У любой кошки на один хвост больше, чем у кошки несуществующей. Поэтому у каждой из них по девять хвостов.

Охранники сердито насупились.

К космолету он прибыл в сопровождении внушительного эскорта. Зрелище было впечатляюще: присутствовали все четыреста членов правительственной комиссии, около ста из них были в роскошных парадных мундирах, остальные — в своих лучших праздничных одеяниях. Вооруженный конвой под лай команды прожонглировал винтовками. Кадина елейным голосом произнес речь, заверив Гилдера в братской любви и яркими красками расписав, какое их всех ждет лучезарное будущее. Кто-то преподнес ему букет дурно пахнущих растений, и Гилдер про себя отметил, что люди и варды воспринимают один и тот же запах по-разному.

Поднявшись по нейлоновой лестнице на корабль, он посмотрел вниз с высоты в восемьдесят ярдов. Кадина все еще махал ему на прощанье рукой. Гилдер высморкался в носовой платок — язвительный жест № 9, задраил люк и уселся в кресло перед пультом управления.

Из сопел с глухим рокотом вырвалось пламя. Струя пара, ударив в землю, осыпала толпу сопровождающих комьями грязи. Это получилось случайно, не по инструкции. „А жаль,— подумал он.— В инструкции должно быть предусмотрено все. Такого рода вещи мы обязаны систематизировать. Грязевой ливень необходимо упомянуть в разделе, посвященном прощанию космонавта с аборигенами“.

Корабль с ревом взмыл в небо, оставив позади планету вардов. Когда космолет вырвался из гравитационного поля этой Солнечной системы, Гилдер взял курс на тот сектор, где можно было поймать волну радиомаяка, и включил автопилот.

Какое-то время он неподвижно сидел, вперив взгляд в усыпанную блестками звезд непроглядную тьму. Потом сделал запись в бортовом журнале.

„Куб К-49, сектор 10, Солнце класса Д7, третья планета. Название — Вард. Аборигены именуют себя вардами; уровень интеллекта по космической шкале — ВВ; осваивают космос, имеют колонии на сорока двух планетах. Примечание: до некоторой степени укрощены“.

Он взглянул на свою маленькую полку с книгами, прикрепленную к стальной переборке. Не хватало двух томов. Варды украли книги, в которых было много всевозможных иллюстраций и диаграмм. Остальные они не тронули — у них ведь не было Розеттского Камня, который помог бы им расшифровать текст. Они и не прикоснулись к стоявшей на самом виду книге, озаглавленной: „Дьявология — наука об одурачивании существ, наделенных разумом“.

Вздохнув, Гилдер вынул из ящика лист бумаги и в сотый, двухсотый, а может, и в трехсотый раз попытался вывести некую формулу с числом „Алеф“, в которой оно было бы больше А, но меньше С. Он так взъерошил себе пальцами волосы, что вскоре они уже торчали вихрами во все стороны, а сам он, того не ведая, не очень-то походил на человека с уравновешенной психикой.

Тайна мистера Визеля

Нас было шестеро в душном купе старого железнодорожного вагона. Напротив меня сидел толстяк Джо. Я узнал его имя из обращений к нему менее толстого человека, его соседа, которого звали Эл. Место у окна было занято коммивояжером с усталыми, но цепкими глазами. Напротив него сидела молодая пара, притворявшаяся, будто может обходиться без воркования.

Последние семьдесят миль Джо и Эл провели за анализом политического положения — вели его раскатистым полусшепотом и с мрачным усердием. Комми делил свое внимание между их беседой, „Теплотехническим справочником“ и с ушастыми страницами и любительской игрой молодой четы в ветеранов брака. Грохоча и сотрясаясь, длинный поезд прокладывал себе путь по стрелкам, быть может, полусотни пересекавшихся линий. Вдруг раздались визг и шипение тормозов. Джо и Эл замолчали. Мы слышали удары и хлопанье дверей.

— Манхэниген,— сказал комми, протирая запотевшее окно.— ...И идет дьявольский дождь.

Неожиданно дверь нашего купе распахнулась, и в него, дробно семеня ножками, вошел маленький человечек. Заботливо закрыв за собою дверь, он широко улыбнулся нам и выбрал место на противоположной скамье, между Элом и коммивояжером.

— Какой ливень! — заметил он, вытирая дождевые капли на лице большим малиновым платком.— Прекрасно! — Он снова просиял и восторженно вздохнул.— Это живительная влага!

Как обычно бывает в подобных случаях, все взоры обратились к вошедшему. Он был новым спутником наших бездельных часов, предметом внимания, разнообразящим скуку. Выпрямившись, любезно улыбаясь, сдвинув ножки на полу, он баюкал свой баул на коленях и терпеливо сносил наше любопытство.

У него было круглое, пухлое, гладковыбритое лицо и ротик проказливого эльфа. Волосы железно-серые, довольно длинные, очень кудрявые. Тельце было снабжено небольшим брюшком, а ножки только-только доставали до пола.

Странными были только его глаза — слишком подвижные, слишком проворные.

— Поезд немножко опаздывает, ребята,— весело сказал он.

— Мы пришли с опозданием на двенадцать минут,— сообщил комми.— Там, впереди нас, на линии что-то случилось.— Он наклонился вбок, пытаясь рассмотреть баул маленького человечка.

— Это плохо,— сказал человечек.— Быстрота — одна из основ действия.

— А остальные какие? — спросил, ухмыльнувшись, комми.

— Энергия, предусмотрительность и воображение,— самодовольно отозвался человечек. Он отечески улыбнулся молодой чете, немедля возобновившей любованье друг другом.

Комми опустил на место и углубился в свою книгу. Сказав согласное „угу“, Джо прекратил споры с Элом и уставился через живот своего товарища на новоявленного оракула. Человечек обратил свое общительное сияние ко мне.

Тогда-то мое внимание и привлек его баул, на который украдкой поглядывал комми. Необыкновенный баул.

Цилиндрический, с ручкой посередине, сделанный из кожи, напоминающей змеиную, какого-то загадочного экзотического существа — окраски, не поддающейся описанию. Ни крышки, ничего, похожего на замок. Я лишь мельком заметил яркую наклейку на конце, обращенном к коммивояжеру. Вскоре я потерял к баулу всякий интерес, протер окно и стал следить за дождливым пейзажем, проносящимся мимо со скоростью шестьдесят миль в час.

Мы покрыли миль тридцать, прежде чем мое внимание вновь обратилось к баулу. Эл и Джо молчали, погружившись в сонные размышления. Но комми украдкой напряженно изучал невозмутимого человечка, да и молодая пара не спускала с него глаз.

Проследив за направлением взглядов юной четы, я увидел, что они тоже смотрят на баул. Его владелец повернул его так, что конец баула был теперь обращен к нам. Мы ясно видели наклейку. Она выглядела совершенно необычайно.

На клочке глянцеvitой бумаги, размерами примерно шесть на четыре дюйма, в ярких красках было изображено громадное здание, похожее на огромную розовую пирамиду и усеянное тысячами окон. Внизу шла отчетливая строка волнистого шрифта, сходного с арабским.

— Скоро ли мы прибудем в Фарбург? — спросил человечек.

— Минут через десять, — ответил я, и мой взгляд опять вернулся к баулу.

— Благодарю вас, — отозвался человечек крайне вежливо. Его улыбка была всеобъемлющей.

Занятная штука — эти украшения на бауле. У меня их было много, в свое время я коллекционировал этикетки, ярлыки и наклейки всех отелей и путей — от Леопольдвилля до Тонга-Табу, но никогда не видел ничего подобного. Не встречал я и шрифта, похожего на изображенный на рисунке. Чей он был: персидский, санскрит, арабский?..

Комми выказывал больше интереса и настойчивости, чем кто-либо из нас. Подняв любопытные глаза, он спросил:

— Иностранец?

— О, вполне, — заверил очень решительно человечек. Отвечал он довольно охотно, но лаконично.

Эта наклейка вызывала у меня танталовы муки. Где

и кто пользуется письменами такого рода и что это за страна с небоскребами, похожими на розовые пирамиды?

Спрос — не беда во всяком случае. Я не люблю, когда меня считают слишком любопытным, но человечек казался достаточно добродушным, чтобы не рассердиться на один-два вопроса. Юная чета все еще смотрела зачарованным взглядом на наклейку, а комми ерзал на месте, пытаясь взглянуть еще раз. Даже Эл и Джо начали ощущать присутствие чего-то таинственного и загадочного.

Когда поезд застучал на стыках, то баул запрыгал на пухлых коленках его владельца. Поверхность баула начала играть и переливаться разными красками.

— Я очень извиняюсь, мистер... э...?

— Визель, — сказал человечек чрезвычайно удовлетворенно. — Меня зовут Визель.

— Очень приятно. А меня — Рассел. Я не хочу показаться нахальным, но эта наклейка на вашем бауле...

— А, да, наклейка, — сказал он. — Обыкновенная отдельная наклейка. Вы знаете, как они наклепывают их. Весьма украшает, и если вы коллекционируете...

— Меня интересует здание, изображенное на ней.

— Ах это! — Теперь все насторожились. — Это „Отель Красных Гор“.

— А надпись? — настаивал я. — Признаюсь, я ее не понимаю.

Он просиял и сказал:

— Надпись — чистейший комрийский язык, скорописный шрифт, который можно назвать стенографическим.

— Вот как? — Я запнулся, окончательно обескураженный. — Благодарю вас. — Я уже сожалел о своих расспросах.

Он положил свой баул поудобнее, но держал все так же крепко.

В купе воцарилось недоуменное молчание...

Поезд подходил к Фарбургу. Я поднялся, влез в свой плащ, готовясь выходить. Маленький человечек сделал то же.

Комми не смог дольше устоять. В глазах его было написано отчаяние, ибо загадочный мистер Визель стоял уже у двери с баулом в руке, ожидая остановки поезда.

— Скажите, мистер, где, во имя ада, находится „Отель Красных Гор“, и какие дьяволы пишут на чистейшем комрийском языке?

Поезд останавливался.

— Марс и марсиане,— спокойно произнес мистер Визель. Затем открыл дверь и вышел. Я последовал за ним и оглянулся. Эл и Джо уныло смотрели нам вслед, вид у них был ошеломленный. Комми огорченно наклонился к молодой чете.

— Вот видите? — говорил он.— А я поначалу попался на удочку, клюнул, черт возьми!.. Наговорил нам, шельма, всякой чепухи и смылся...

Я нагнал человека, когда тот рысцей трусил к выходу. Он улыбнулся, увидев меня.

— Вы не поверили,— с удовлетворением заметил он.— И никто не верит. Своего рода парадокс. И это позволяет беспрепятственно ходить повсюду, не подвергая себя опасности.

Не зная, как реагировать, я спросил:

— Куда вы идете?

— Поглазеть, поглазеть по сторонам,— ответил он весело.— И в самом деле, я хочу увидеть и узнать возможно больше за оставшееся время.— Он улыбнулся мне, размахивая баулом.— Знаете, меня предостерегали, что путешествие будет опасным и что здесь за мной будут охотиться, как за югаром в пустыне. Но нет! Ни одна душа не верит ни слову, а это все упрощает.

— Братец,— сказал я,— такой рассказ, конечно, трудно проглотить...

Толпа сбилась около дверей, и у выхода мы задержались. Я достал свой билет.

Визель семенил впереди меня. Я шагал за ним следом. Совершенно невозмутимо он предъявил контролеру пустую руку. Тот, небрежно взяв ничто из его руки, пробил это ничто компостером и бросил в свой ящик. Затем он взял билет и у меня.

Я не успел опомниться, как Визель сказал:

— Так приятно было познакомиться с вами... Прощайте! — Он побежал и вскарабкался в подъехавшее такси.

Мысли у меня кружились. Уж не померещилось ли мне?! Но ведь я и впрямь видел такси, видел прохожих. Нет, он, должно быть, загипнотизировал контролера.

Мотор такси заработал как раз, когда я подбежал к машине. Я сунул голову в окошко, хотел было сказать

что-то и вдруг увидел, что на меня таращатся разгневанные глаза седовласой, полногрудой матроны. Она пронзила меня взглядом сквозь лорнет.

— Молодой человек! — резко бросила она.

— Простите, леди, — извинился я. Автомобиль тронулся.

Я следил, как он прошумел по скату на улицу. Черт возьми, я видел, как Визель садился в это такси. Почти перед моим носом. Он не мог быть марсианином, все это чепуха! И даже если бы он и был им, то не мог бы мгновенно превратиться в пожилую, представительную даму.

Конечно, он не мог.

Нет, не мог...

Издав дикий вой, я бросился вслед за машиной. Слишком поздно, конечно.

Визель это или нет, но она держала его баул!

СОДЕРЖАНИЕ

Единственное решение	5
И послышался голос (Пер. С. Васильевой)	7
И не осталось никого (Пер. Ю. Захаровича).	59
Пробный камень	127
Ниточка к сердцу	
Ниточка к сердцу (Пер. Ю. Жуковой)	149
Небо, небо... (Пер. Э. Кабалевской)	156
Кресло забвения (Пер. Р. Рыбаковой)	166
Эл Стоу (Пер. А. Иорданского)	189
Свидетельствую (Пер. Б. Клюевой)	205
Будничная работа (Пер. И. Гуровой)	228
Конец долгой ночи (Пер. М. Литвиновой)	279
Мыслитель (Пер. М. Литвиновой)	319
Вы вели себя очень грубо (Пер. Р. Рыбкина)	328
Мы с моей тенью (Пер. И. Гуровой)	336
Аламагуса (Пер. И. Почиталина)	352
Немного смазки (Пер. Р. Рыбкина)	369
Дьявология (Пер. С. Васильева)	392
Тайна мистера Визеля (Пер. З. Бобырь)	417

Литературно-художественное издание

Эрик Фрэнк Рассел

ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Отв. редактор *Ольга Солохина*
Художник *Павел Борозенец*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Адель Этина*
Корректор *Нина Смирнова*

Сдано в набор 01.12.92. Подписано к печати 16.02.93.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Тип Таймс.
Печать высокая. Усл. печ. л. 22,7. Тираж 200 000 экз.
Изд. № 109. Заказ № 74.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18.

ГПП «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., 15.

**АННОТИРОВАННЫЙ
КАТАЛОГ КНИГ
СЕРИИ
«НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА»
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«СЕВЕРО-ЗАПАД»**

Путешествия в далекий космос, удивительные встречи в иных мирах, загадочные планеты, таящие подчас неизвестные опасности, ужасные чудовища, невероятные, немыслимые ситуации, требующие от героев силы духа и мужества,— все это на страницах блестящей книжной серии издательства «Северо-Запад».

Серия «Научная фантастика» — созвездие имен. Хайнлайн и Шекли, Азимов и Брэдбери, Каттнер и Рассел — писатели-фантасты, не нуждающиеся в рекомендациях. Но их книги, вошедшие в серию, представят русским читателям иные, доселе неизвестные грани творчества этих замечательных авторов.

Каттнер Генри. Ярость: Романы. Рассказы/Пер. с англ. М. Гилинского, А. Чекоданова.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 736 с.
ISBN 5-8352-0011-0.

Генри Каттнер (1916—1958) — признанный классик американской фантастической литературы.

Советский читатель до сих пор знал Каттнера лишь как автора рассказов и небольших повестей. Романы «Мир Тьмы» и «Ярость», вошедшие в это издание, лучшие произведения писателя. В них Каттнер предстает как мастер мистической, психологической и традиционной фантастики.

Вечная тема двойников находит оригинальное преломление в романе «Мир Тьмы». Для того чтобы победить, герою нужно убить самого себя.

Хотя роман «Ярость» относится к жанру фантастики, ему присущи чисто детективные острота, тонкий психологизм и головокружительные повороты сюжета. Главному герою — выходцу из преступного мира — приходится вступать в единоборство с могущественными правящими кланами. И неожиданно для самого себя он оказывается спасителем гибнущего человечества.

В профессиональном переводе эти произведения публикуются впервые.

Хайнлайн Роберт Энсон. Гражданин Галактики: Романы/Пер. с англ. А. Говорунова, В. Черныша, Г. Усовой; Послесл. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0028-5.

Роберт Хайнлайн (1907—1988) — старейший американский писатель, наряду с А. Азимовым, К. Саймаком и Р. Брэдли признанный патриарх научно-фантастической литературы. Его произведения уже публиковались на русском языке и пользуются неизменным и заслуженным успехом у читателя.

Творческое наследие Хайнлайна огромно. Настоящая книга, в которую вошли романы «Магия, Инс.», «Двойная звезда» и «Гражданин Галактики», его отнюдь не исчерпывает, но представляет этого многоликого мастера с самых неожиданных сторон.

Милани Мино. Пульсирующий камень: Романы. Повести/Пер. с итал. И. Константиновой, Л. Тарасова.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 480 с.
ISBN 5-8352-0046-3.

В книгу включены два фантастических романа известного итальянского писателя Мино Милани «В Стране Огромных Следов» и «Тайна древнего колодца», в которых рассказывается о приключениях наших современников на маленьком исландском острове Оук, на берегах Амазонки, в джунглях Южной Америки, а также несколько небольших повестей, тоже необычайно привлекательных.

Фантастические, невероятные ситуации, острый динамичный сюжет, яркость характера главного героя — Мартина Купера — заставляют с волнением следить за событиями любого читателя — и детей, и взрослых.

Рассел Эрик Фрэнк. Зловещий барьер: Романы. Рассказ/Пер. с англ. Т. Науменко, М. Науменко, В. Межевич, М. Коркина; Послесл. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0061-7.

Эрик Фрэнк Рассел (1905—1978) — известный английский писатель-фантаст, на протяжении почти четырех десятилетий занимавший одно из ведущих мест не только в британской, но и вообще в англо-американской научной фантастике. Больше того, англичанин Рассел превзошел большинство своих американских коллег по динамичности сюжетов, активности действия.

«Зловещий барьер» начинается серией загадочных смертей — как детектив; развивается как триллер, а попутно объясняет некоторые из тех загадок, которые веками мучили человеческие умы, как это и положено хорошей научной фантастике.

Действие двух других вошедших в книгу романов разворачивается на фоне галактической войны, в битвах которой земляне несут поначалу тяжелые потери, но в конце концов, разумеется, побеждают.

Завершает сборник рассказ «Абракадабра», в 1956 году удостоенный самой престижной в мире англо-американской НФ премии «Хьюго». Этот рассказ по праву считается одним из самых ядовито-иронических образцов научно-фантастической новеллистики.

Снегов Сергей. Люди как боги: Трилогия.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 576 с.
ISBN 5-8352-0053-6.

Представляет собой одно из наиболее масштабных изданий отечественной фантастики последних десятилетий. Авторская фантазия щедро населяет космос сказочными существами, а вечное противостояние сил света и тьмы соединяет их в разнообразных сюжетных коллизиях. Включает в себя три книги: «Галактическая разведка», «Вторжение в Персей», «Кольцо обратного времени».

Брэдбери Рэй Дуглас. Тени грядущего зла: Роман. Рассказы/Пер. с англ. Н. Димчевского, Е. Бабаевой и др.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0076-5.

Популярный американский писатель-фантаст Рэй Дуглас Брэдбери (род. в 1920 г.) знаком отечественному читателю по романам «Марсианские хроники», «451° по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», а также по рассказам «И грянул гром», «Ржавчина», «Дракон» и многим другим. По мотивам его произведений созданы теле- и радиопостановки, снят художественный фильм.

В настоящий сборник входит ранее не публиковавшийся в нашей стране роман «...И духов зла явилась рать», повествующий о борьбе двух подростков с Людьми Осени, таинственными и жуткими хозяевами и рабами «темного карнавала», и рассказы, широкому читателю в основном неизвестные.

Азимов Айзек. Зеркальное отражение: Романы. Повести. Рассказы/Пер. с англ. Ф. Розенталя, Т. Левич, И. Гуровой и др.; Сост. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 512 с.
ISBN 5-8352-0088-9.

Айзек Азимов (1920—1992) — один из отцов-основателей Золотого Века американской научной фантастики, ее неоспоримый лидер, удостоенный своими коллегами титула Великий Мастер. Он — неоднократный лауреат самых престижных в мире НФ премий: «Хьюго» и «Небьюла»; его новелла «Приход ночи» была признана «лучшим рассказом всех времен» Ассоциацией американских писателей-фантастов, а трилогия «Основание» в 1966 г. была объявлена «лучшей серией всех времен» Всеамериканской ассоциацией любителей фантастики. Автор почти 500 книг, многие из которых переведены на русский язык, он не нуждается в рекомендациях. Однако в этом сборнике творчество А. Азимова предстает в несколько необычном ракурсе: он выступает как автор детективов. Причем в самом широком спектре — читатель встретит здесь и фантастический, и реалистический, и научный детектив.

Азимов Айзек. Дуновение смерти: Роман. Рассказы/Пер. с англ. И. Разумовской, С. Николаева, З. Бобырь и др.; Сост. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 480 с.
ISBN 5-8352-0089-7.

Роман «Дуновение смерти», повесть и рассказы, вошедшие во второй том избранных произведений Айзека Азимова, продолжают знакомство читателей с детективной стороной его творчества.

Ле Гуин Урсула. Ожерелье планет Эйкумены: В 2 т. Т. I: Романы. Рассказы/Пер. с англ. Л. Рыбкина, И. Тогоевой, И. Гуровой: Сост. К. Проценко.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0097-8 (т. 1)
ISBN 5-8352-0118-4.

Урсула Крёбер Ле Гуин (род. в 1929 г.) — одна из ярких звезд на небосклоне современной американской литературы. Продолжая традиции Д. Р. Р. Толкина и Р. Брэдбери, она одинаково владеет двумя столь любимыми в наше время жанрами — фэнтези и научной фантастики. Одно из лучших созданий ее воображения — Эйкумена, Лига Миров, добровольный союз всех разумных существ Вселенной.

Бесконечно разнообразны формы разумной жизни, но и в самых глухих закоулках Космоса обитатели неведомых планет ждут Контакта, взаимопонимания, любви — вот главная мысль романов, повестей и рассказов об Эйкумене. Крылатые кошки и межзвездные корабли, сверхсветовое оружие и древние мечи, безумные слепые ангелы и «пожиратели слов», подземные кузницы и солнечные эльфы, юный король и немолодой этнограф, хрупкая девушка-вестница и мудрая

старуха Хозяйка — вот кто населяет первый том хроник Эйкумены. А во втором речь пойдет о нашей собственной планете, ее будущем, о великих открытиях, катастрофах и надеждах Земли, одного из звеньев «Ожерелья Планет Эйкумены».

Шекли Роберт. Координаты чудес: Романы. Повести/ Пер. с англ. Г. Гуревич; Сост. Г. Белов.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 640 с.
ISBN 5-8352-0092-7.

Американский писатель-фантаст Роберт Шекли (р. 1928) популярен во всем мире. Он закончил технический колледж, но с 1952 года решил полностью посвятить себя литературе. Прослушал курс литературы у Ирвина Шоу. Широко известны его романы «Корпорация „Бессмертие“», «Путешествие в послезавтра», «Десятая жертва».

«Координаты чудес» — роман, в котором переплетается серьезное и смешное. Высокие философские идеи подчас доводятся здесь до абсурда, за экзотическим антуражем открываются обычные человеческие проблемы.

Льюис Клайв. Космическая трилогия: Романы. Эссе/ Пер. с англ. Н. Трауберг, С. Кошелева, М. Мушинской и др.; Послел. О. Неве.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 640 с.
ISBN 5-8352-0105-2.

Клайв Стейплз Льюис (1898—1963), английский писатель, относится к числу тех авторов, посмертная мировая известность которых явно возрастает со временем. Этот писатель уже успел стать и легендой, и образцом, и учителем.

Льюис — автор 49 крупных работ, одной из которых является его знаменитая «Космическая трилогия» («За пределами Безмолвной планеты», «Переландра», «Мерзейшая мощь»), написанная в жанре НФ.

Льюис уже известен русскому читателю по вышедшим недавно в свет «Хроникам Нарнии».

В этой книге вас ждет знакомство с Льюисом-фантастом.

Кларк Артур Чарлз. Пески Марса: Романы/Пер. с англ. Е. Кубичева, Н. Трауберг, Л. Жданова; Послел. и сост. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0111-7.

Мировая критика называет Артура Чарлза Кларка (род. в 1907 г.) «Фантастом Номер Один». Он собрал попросту невиданный урожай

литературных премий — «Хьюго», «Небьюла», «Юпитер». Мемориальный приз Дж. У. Кемпбелла, Международная фантастическая премия, премия Калинги, премия Вестингауза, премия Маркони, Международная Аэрокосмическая литературная премия... Эти оценки столь красноречиво говорят сами за себя, что добавить к ним можно лишь одно: три вошедших в этот сборник романа относятся к числу ранних и общепризнанно наиболее удачных произведений писателя, причем демонстрируют три жанра, три направления его творчества. «Большую глубину» Айзек Азимов назвал в свое время «морским вестерном»; «Город и звезды» — космическая опера, а «Пески Марса» — прекрасный образчик классической «твердой НФ».

Саймак Клиффорд. Выбор богов: Романы/Пер. с англ. Е. Воронько, Гр. Темкина, А. Шарова.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 512 с. ISBN 5-8352-0108-7.

Клиффорд Доналд Саймак (1904—1988) — один из немногих американских писателей-фантастов, удостоенный своими коллегами титула «Великий Мастер». Айзек Азимов признавался, что всегда мечтал научиться писать, как Саймак. «Всякий, кто прочел хоть одну его книгу, не может не полюбить Саймака», — утверждал Пол Андерсон. «Кто не любит Саймака, тот не может любить фантастику вообще», — категорически заявлял Роберт Хайнлайн. Одни критики упрекали Саймака в консерватизме, другие — в бесконечной вере в прогресс; третьи считали, что он подменяет стилистику чересчур активным действием, тогда как четвертые его называли «последним пасторальным фантастом», восхищаясь как раз изяществом стиля и совершенством неторопливых описаний... Но никто не опровергал ни великого его мастерства, ни великой души.

В первую книгу вошли романы «Выбор богов» (1972), до сих пор не переводившийся на русский язык, а также «Что может быть проще времени» (1961) и «Принцип оборотня» (1967).

Саймак Клиффорд. Вы сотворили нас!: Романы/Пер. с англ. А. Дмитриева, Арк. Григорьева, А. Корженевского; Ил. Е. Царева, Ю. Царевой; Послесл. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 480 с. ISBN 5-8352-0107-9.

В эту книгу Клиффорда Саймака вошли романы «Вы сотворили нас!» (1969), написанный в жанре «сайнс фэнтези» и впервые публикуемый на русском языке; «Пересадочная станция» (1963) — едва ли не самая лирическая из книг Саймака и удостоенная премии «Хьюго» за 1964 год; и «Кольцо вокруг Солнца» (1953), относящийся к числу наиболее динамичных произведений писателя.

Хайнлайн Роберт. Время звезд: Романы. Повесть/
Пер. с англ. Н. Пчелинцева, Ю. Захаровича.— СПб.:
Северо-Запад, 1993.— 608 с.
ISBN 5-8352-0123-0.

Роберт Хайнлайн — знаменитый американский писатель-фантаст — вошел в литературу в начале 40-х годов и оказал огромное влияние на развитие жанра НФ.

По мнению большинства авторитетных исследователей американской фантастики именно Р. Хайнлайн заложил основы наиболее интересного направления НФ — социальной фантастики.

Межгалактические путешествия, телепатия, встречи со страшными чудовищами, невероятные опасности, подстерегающие героев на каждом шагу, война с мутантами — все это лежит в основе романов, составивших эту книгу.

Михайлов Владимир. Капитан Ульдемир: Дилогия/
Предисл. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1993.—
544 с.
ISBN 5-8352-0127-3.

Шестеро землян, вырванных волей автора каждый из своего мира — от первобытной орды до современного нам общества; — шестеро абсолютно чуждых друг другу, но связанных общим делом людей, — вот одна из сюжетных коллизий, за развитием которых в романах Михайлова встают сложнейшие человеческие проблемы.

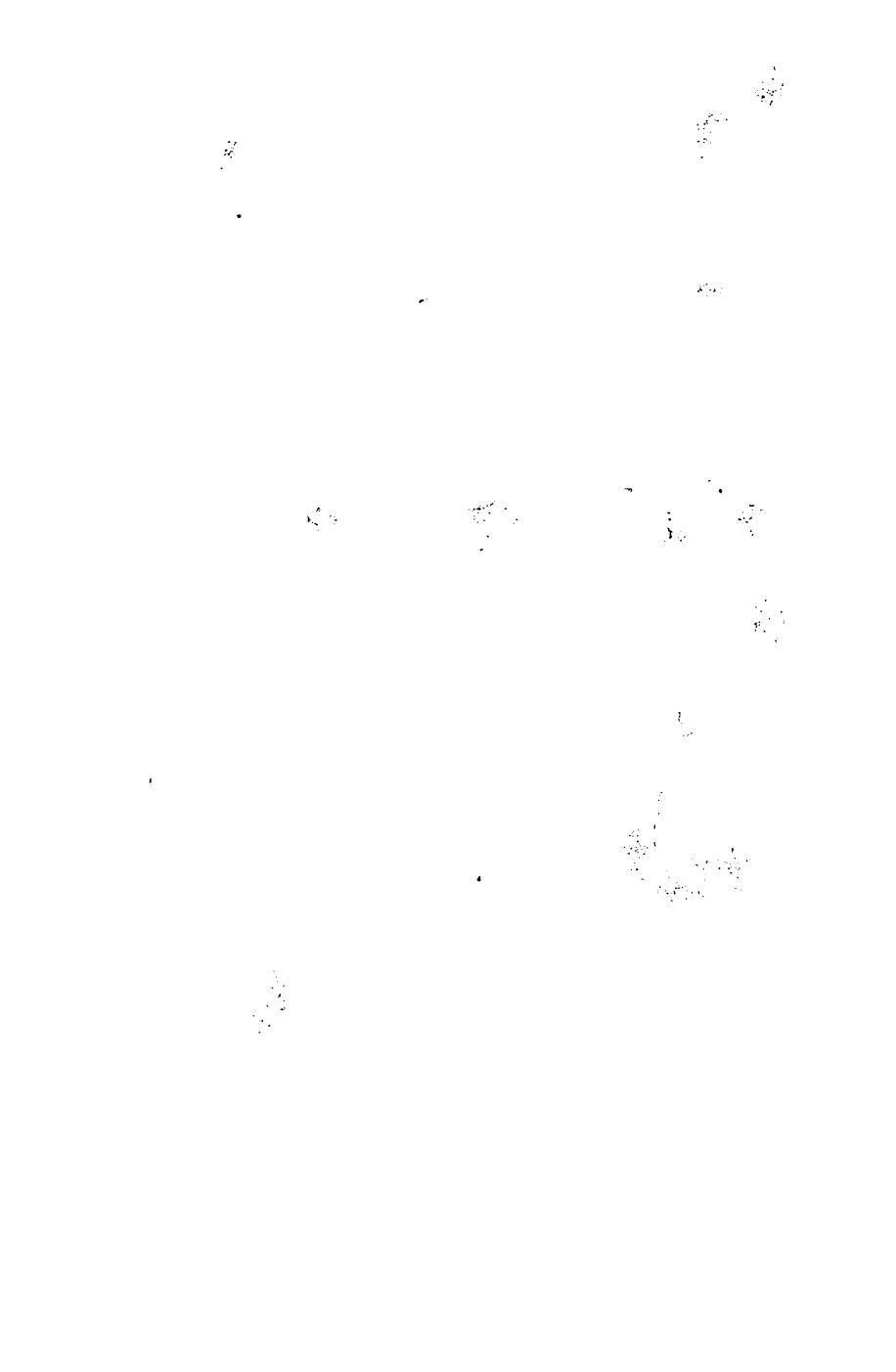
Зилазни Роджер. Остров Мертвых: Романы/Пер. с
англ. И. Куберского, В. Симонова, Ю. Шор.— СПб.:
Северо-Запад, 1993.— 560 с.
ISBN 5-8352-0124-9.

Роджер Джозеф Зилазни (род. в 1937 г.) — всемирно известный американский писатель-фантаст, один из тех, с кого начался отсчет «новой волны» в англо-американской НФ литературе.

Все произведения Р. Зилазни отличает глубокий психологизм, высокое литературное мастерство и необычность трактовки традиционных научно-фантастических сюжетов.

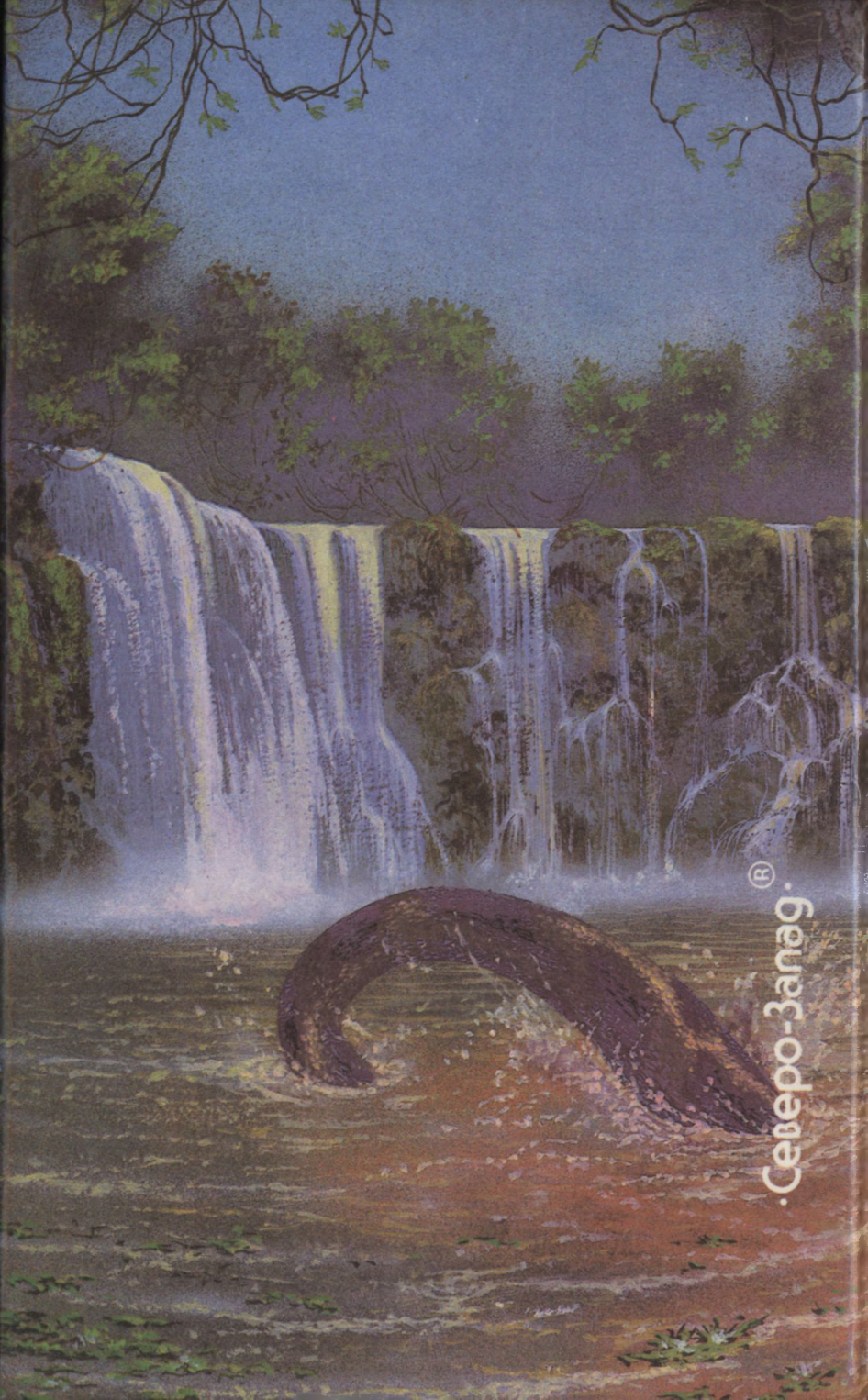
Предлагаемая книга знакомит читателя с ранним периодом творчества Р. Зилазни — романами «Творец снов» (1966), «Этот Бессмертный» (1966) и «Остров Мертвых» (1969), оказавшими заметное влияние на дальнейшее развитие этого жанра.

В профессиональных переводах эти произведения публикуются впервые.

Серепо-Занэг®.